

ВПЕРВЫЕ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

**МИШЕЛЬ
БЮССИ**

ЧЁРНЫЕ КУВШИНКИ

ОТ АВТОРА
БЕСТСЕЛЛЕРА
«САМОЛЁТ БЕЗ НЕЁ»

Annotation

Новый день приходит в Живерни. Старуха наблюдает за буднями деревни, туристами... Перед ее взором проходят силуэты и судьбы. Двое особенно привлекают ее внимание: женщина с глазами цвета кувшинок, которая мечтает о любви и бегстве, и девочка одиннадцати лет, которая живет только живописью. Судьба уготовила им суровое испытание. Здесь, где каждая душа имеет свой секрет, разыграется драма, которая разрушит иллюзии и разбередит былые раны...

Роман популярного французского автора Мишеля Бюсси «Чёрные кувшинки» получил высокую оценку критиков и удостоился пяти литературных премий.

- [Мишель Бюсси](#)
 -
 - [Картина первая](#)
 - [ДЕНЬ ПЕРВЫЙ](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [ДЕНЬ ВТОРОЙ](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [ДЕНЬ ТРЕТИЙ](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [ДЕНЬ ПЯТЫЙ](#)
 - [17](#)

- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [ДЕНЬ ШЕСТОЙ](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)
 - [28](#)
 - [29](#)
- [ДЕНЬ ВОСЬМОЙ](#)
 - [30](#)
 - [31](#)
 - [32](#)
 - [33](#)
 - [34](#)
 - [35](#)
- [ДЕНЬ ДЕВЯТЫЙ](#)
 - [36](#)
 - [37](#)
 - [38](#)
 - [39](#)
 - [40](#)
 - [41](#)
 - [42](#)
 - [43](#)
 - [44](#)
 - [45](#)
- [ДЕНЬ ДЕСЯТЫЙ](#)
 - [46](#)
 - [47](#)
 - [48](#)
 - [49](#)
 - [50](#)
 - [51](#)
 - [52](#)

- ДЕНЬ ОДИННАДЦАТЫЙ
 - 53
 - 54
 - 55
 - 56
 - 57
 - 58
 - 59
 - 60
 - 61
- ДЕНЬ ДВЕНАДЦАТЫЙ
 - 62
 - 63
 - 64
 - 65
 - 66
 - 67
- ДЕНЬ ТРИНАДЦАТЫЙ
 - 68
 - 69
 - 70
 - 71
 - 72
 - 73
 - 74
 - 75
 - 76
 - 77
 - 78
 - 79
 - 80
- Картина вторая
 - ДЕНЬ ТРИНАДЦАТЫЙ
 - 81
 - ДЕНЬ ПЕРВЫЙ
 - 82
 - ДЕНЬ ТРИНАДЦАТЫЙ
 - 83
 - ДЕНЬ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ

- [84](#)
- [85](#)

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)

Мишель Бюсси

Черные кувшинки

Памяти Джеки Люка

Моне показывает нам не реальный мир, а его видимость.

Ф. Робер-Кемпф, «Орор», 1908

Нет, нет! Только не черное! Не для Моне! Черное — это не цвет!

Жорж Клемансо. Из надгробной речи на похоронах Клода Моне

(Мишель де Декер. «Клод Моне», 2009)

Описание деревни Живерни на страницах этой книги максимально соответствует действительности. Все упомянутые в ней места существуют на самом деле: отель «Боди», ручей Эпт, мельница «Шеневьер», школа, церковь Святой Радегунды, кладбище, улица Клода Моне, Шоссе Руа, Крапивный остров, не говоря уже о розовом доме Моне и пруде с кувшинками. То же относится к расположенным по соседству достопримечательностям и селениям: музеем в Верноне и Руанскому музею изобразительных искусств, а также деревушке Кошерель.

Сведения о жизни и творчестве Клода Моне и судьбе его наследия абсолютно достоверны, так же, как сведения о других упоминаемых в книге художниках-импрессионистах, в том числе Теодоре Робинсоне и Эжене Мюрере.

Информация о похищениях произведений искусства почерпнута из газет.

Все остальное — выдумка автора.

В деревне жили три женщины.

Первая была злодейкой, вторая — вруньей, третья — эгоисткой.

Деревня называлась Живерни.

Первая жила на большой мельнице, стоявшей на берегу ручья, что бежит вдоль шоссе Руа; вторая — в квартире мансардного типа на верхнем этаже школы, на улице Бланш-Ошеде-Моне; третья, вместе с матерью, — на Водонапорной улице, в домишке с облупленными стенами.

Они не были ровесницами, о нет. Первой перевалило за восемьдесят, и она успела овдоветь. Ну, или почти овдоветь. Второй было тридцать шесть лет, и она ни разу не изменила мужу. Пока не изменила. Третьей исполнилось одиннадцать, и в нее были влюблены все одноклассники. Первая всегда одевалась в черное, вторая красилась, чтобы понравиться любовнику, а третья заплетала непослушные волосы в косички.

Вы уже поняли. Это были очень разные женщины. Но кое-что их объединяло. Все трое втайне мечтали уехать из дома. Да-да, они спали и видели, как бы покинуть Живерни — эту знаменитую на весь мир деревню, куда люди со всего света стремятся попасть хоть на денек.

Почему стремятся, вы тоже знаете. Из-за импрессионистов.

У первой из женщин — самой старой — хранилась очень красивая картина; вторая живо интересовалась художниками, а третья, самая молодая, хорошо рисовала. Даже очень хорошо.

Странное желание — покинуть Живерни, вы не находите? Но все они считали свою деревню тюрьмой. Вернее, большим и красивым садом, окруженным прочной решеткой с крепко запертыми воротами. Чем-то вроде территории сумасшедшего дома. Или картиной-обманкой. То есть такой картиной, на которой изображение сливается с окружающей реальностью. Искусствоведы называют этот прием «tromp l'œil». На самом деле третья, самая юная, искала отца. За пределами деревни. Вторая искала любовь. А первая, самая старая, кое-что знала и про вторую, и про третью.

Но вот однажды — лишь однажды! — ворота сада открылись на целых тринадцать дней. Это случилось с 13 по 25 мая 2010 года. Ворота Живерни ненадолго открылись только для них — или они думали, что для них. Но открылись с одним условием — скажем прямо, жестоким. Вырваться на свободу могла лишь одна из трех. Оставшимся двоим пришлось бы умереть. Так уж вышло.

В их жизни эти тринадцать дней стали исключением из правила, продлившимся недолго и причинившим немало страданий. Они начались с убийства, произошедшего в первый день, и закончились еще одним

убийством, произошедшим в последний. Как ни странно, интерес полиции возбудила только вторая, самая красивая женщина. Третья, самая невинная, провела собственное расследование, а первая, самая незаметная, спокойно наблюдала за происходящим. Хотя сама оказалась способной на убийство!

Ровно тринадцать дней. Время, достаточное для побега.

В деревне жили три женщины.

Первая была самой талантливой; вторая — самой хитрой; третья — самой решительной.

Угадайте, которой из трех удалось сбежать?

Третью, самую маленькую, звали Фанетта Морель. Вторую — Стефани Дюпен. Первая, самая старая, — это я.

Картина первая
ВПЕЧАТЛЕНИЕ

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

13 мая 2010 года

(Живерни)

СБОРИЩЕ

1

Прозрачная речная вода окрашивается розовым. Медленно расплываются тонкие струйки, как в стакане, если окунуть в него кисточку в акварельной краске.

— Нептун, назад!

В потоке розовый цвет бледнеет и теряется на зеленом фоне склоняющихся с берега буйных трав, охры тополиных корней и ивовых зарослей. Его уже почти не видно.

Это могло бы быть красивым.

Если не знать, что вода в ручье покраснела не потому, что художник помыл в нем палитру. Она покраснела от крови из разбитой головы Жерома Морваля. Не просто разбитой, а раскроенной надвое. Кровь течет из глубокой, с ровными краями раны на макушке, и ее уносит течение Эпта — Жером лежит головой в ручье.

Моя немецкая овчарка подбежала поближе и стала нюхать.

— Назад, Нептун! Нельзя! — На этот раз я закричала уже громче.

Труп, наверное, обнаружат очень скоро. Хотя на часах всего шесть утра, но тут обязательно кто-нибудь появится. Праздный гуляка или художник, или любитель бега трусцой, или собиратель улиток... Любой, кто пройдет мимо, наткнется на тело.

Я остановилась чуть поодаль и стою, опираясь на палку. Земля раскисла — в последние дни без конца шли дожди и вода в ручье поднялась до берегов. В свои восемьдесят четыре года я не собираюсь изображать наяду, даже если весь ручей — не больше метра в ширину, да еще половину воды из него отвели, чтобы наполнить пруд в саду Моне. Правда, говорят, сейчас пруд с кувшинками снабжается из подземной скважины.

— Нептун, ко мне! Пошли.

Я погрозила ему палкой, чтобы не смел совать нос в зияющую дыру на

серой куртке Жерома Морваля. Там вторая рана. Прямо в сердце.

— Давай пошевеливайся. Не век же нам тут торчать.

Я в последний раз окинула взглядом мостки напротив и ступила на тропу. Ничего не скажешь, за дорогой хорошо ухаживают. Самые большие деревья вдоль обочин спилили, кустарник расчистили. Еще бы, по ней каждый день шествуют тысячи туристов. Сегодня здесь легко пройдет и детская коляска, и инвалидное кресло. И старуха с палкой. Например я.

— Нептун! Все, пошли!

Я свернула с тропы чуть дальше, там, где русло Эпта разделяется на два рукава, запертые запрудой и каскадом. На той стороне расположен сад Моне с его кувшинками, японским мостиком и оранжереей... Странно. Я родилась здесь в 1926 году, в год смерти Клода Моне. На протяжении следующих почти пятидесяти лет сад пребывал в полном запустении. Но потом колесо провернулось, и ныне десятки тысяч японцев, американцев, русских или австралийцев ежегодно пересекают чуть ли не весь земной шар, чтобы пройти по Живерни. Сад Моне превращен в священный храм, в мекку, в кафедральный собор... Кстати, скоро паломники будут здесь.

Я посмотрела на часы. 6:02. Еще пара часов покоя.

Я пошла дальше.

Между тополями и гигантскими лопухами белокопытника стоит памятник Клоду Моне. Скульптура косится на меня злобным взглядом потревоженного соседа. Подбородок спрятан под бородой, на голове — нечто, смутно напоминающее соломенную шляпу. Надпись на цоколе цвета слоновой кости указывает, что бюст установлен в 2007 году. Рядом — деревянная табличка, на которой написано, что хозяин присматривает за «лугом». За своим лугом! За полями, за ручьем по имени Эпт, бегущим к Сене, за рядами тополей, за поросшими лесом берегами... За всем тем, что его волшебная кисть переносила на полотно. За тем, что она увековечила. Покрытые лаком, эти ландшафты не поддаются разрушению.

Конечно, в шесть утра деревня еще способна кого-то ввести в заблуждение. Передо мной — чистый горизонт, пшеничные и кукурузные поля, поляны маков. Но я не собираюсь никого обманывать. На самом деле луг Моне почти весь день служит парковкой. Если точнее, четырема парковками, раскинувшимися вокруг гудронового стебля, как лепестки асфальтовой кувшинки. В моем возрасте я уже имею право так говорить. Я ведь год за годом наблюдала, как меняется окружающий пейзаж. Сегодня деревня Моне — это витрина супермаркета.

Нептун трусил в паре метров за мной, но вдруг ринулся вперед. Пробежал через парковку, помочился на деревянную ограду и рванул в

поле, к слиянию Эпта и Сены. Там, между двумя речками, расположена небольшая полоска суши, почему-то именуемая Крапивным островом.

Я вздохнула и пошла по тропе дальше. Не бежать же мне за ним — в мои-то годы! Пес исчез из виду, но вскоре вернулся назад. Дразнит он меня, что ли? Я не стала его окликать. Он снова нырнул в пшеничные заросли. Теперь Нептун так развлекается. Отрывается от меня метров на сто. Всем жителям Живерни известна эта псина, но мало кто знает, что она моя.

Миновав парковку, я направилась к мельнице «Шеневьер». Там теперь мой дом. Лучше вернуться, пока не нахлынула толпа. Мельница «Шеневьер» — самая красивая постройка вблизи сада Моне и единственная, возведенная на берегу ручья, но с тех пор как они превратили луг в заповедник толя и шин, я чувствую себя кем-то вроде исчезающего вида. Сажу в клетке на потеху зевакам с фотоаппаратами. Для перехода с парковки в самую деревню через ручей перекинута четыре мостика, один из них — прямо перед моим домом. До шести вечера я живу словно в окружении. Потом деревня затихает, луг возвращается под надзор ивняка, и Клод Моне может открыть свои бронзовые глаза, не боясь, что от бензиновой вони на него нападет приступ кашля.

Ветер колыхал лес зеленых колосьев, кое-где расцвеченный красными пятнами маков. Уверена: если смотреть на эту картину с дальнего ракурса, со стороны Эпта, она напомнит полотно импрессиониста. Какая гармония теплых рассветных красок! И единственная черная точка в самой глубине.

Старуха в черных одеждах. То есть я.

Чистая нота меланхолии.

— Нептун! — крикнула я еще раз.

Не знаю, как долго я простояла, наслаждаясь хрупким покоем. Не меньше нескольких минут, пока не появился бегун трусцой. Он протопал мимо меня. В ушах — наушники от MP3-плеера. Майка. Кроссовки. На лугу он смотрелся чужеродным телом. Первый, но не последний — вскоре за ним явятся другие нарушители спокойствия. Я слегка кивнула ему, он кивнул мне и удалился, оставив за собой доносящийся из наушников электронный стрекот. Он свернул к бюсту Моне, водопадику и запруде. Наверное, назад побежит вдоль ручья, стараясь, как и я, не вляпаться в грязную жижу у обочины тропы.

Я села на скамейку и стала ждать. Я знала, что продолжение последует.

На парковке еще не было ни одной машины, когда на шоссе Руа, между мостками и моим домом, резко затормозил полицейский фургон. В

двадцати шагах от утопленника. От Жерома Морваля.

Я поднялась.

Позвать еще раз Нептуна? Я вздохнула. Ладно, дорогу он знает. Мельница «Шеневьер» в двух шагах. Бросив последний взгляд на выбирающихся из фургона полицейских, я пошла к своему дому. С мельничной башни, с пятого этажа, окрестности видны не в пример лучше. И никто не догадается, что ты за ним наблюдаешь.

2

Первым делом инспектор Лоренс Серенак огородил место преступления широкой оранжевой лентой, закрепив ее на ветках ближайших деревьев.

Ему сразу стало ясно, что дело будет трудным. Хорошо, что, получив звонок из Вернона, он сообразил прихватить с собой еще трех сотрудников. Первому, агенту Лувелю, он поручил не пускать к трупам зевак, которых на берег ручья набежало уже немало. Поразительная вещь! Только что полицейская машина ехала через безлюдную, словно вымершую, деревню, и вот, не прошло и нескольких минут, уже собралась целая толпа. Можно подумать, жителям больше делать нечего, как только глядеть на место убийства. В том, что это именно убийство, он не сомневался — не зря проучился три года в Тулузской школе полиции. Серенак еще раз осмотрел рану в сердце, расколотый череп и опущенную в воду голову мертвеца. Агент Мори — самый подкованный в комиссариате Вернона по научно-технической части — внимательно исследовал оставленные на земле рядом с трупом следы ног и готовился делать слепки из быстро застывающего гипса. Задание зафиксировать следы прежде, чем кто-либо из них приблизится к трупу, ему дал Серенак. Бедолага был мертвее мертвого, так что немножко подождет. Главное — не затоптать место преступления, пока тело не будет сфотографировано, а улики не собраны в пластиковые контейнеры.

На мосту появился запыхавшийся инспектор Сильвио Бенавидиш. Жители деревни чуть расступились, пропуская его вперед. Серенак велел ему бегом бежать в Живерни с фотографией покойника и постараться разузнать о нем все, что можно, а еще лучше — установить личность убитого. Инспектор Серенак не так давно служил в полиции Вернона, но успел понять, что Сильвио Бенавидиш — идеальный подчиненный, точно и

четко выполняющий приказы и прекрасно справляющийся с писаниной. Заместитель, о каком можно только мечтать! Правда, ему малость не хватает инициативности, но... Серенак чуял, что дело тут не в отсутствии знаний и опыта, а в простой робости. В общем, преданный парень! Ну, в смысле — преданный работе, разумеется. Потому что инспектор Лоренс Серенак подозревал, что на самом деле Бенавидиш относится к нему, недавнему выпускнику Тулузской школы и своему непосредственному начальнику, как к неопознанному полицейскому объекту. Серенака назначили руководить комиссариатом Вернона четыре месяца назад, даже не присвоив звания комиссара. Как еще должны здесь, в Верхней Нормандии, воспринимать парня, которому не исполнилось еще и тридцати лет, который говорит с южным акцентом, к преступникам обращается как к школьным приятелям, а на место преступления смотрит с пресыщенным цинизмом?

«Впрочем, как знать...» — подумал Серенак. Просто людям здесь живется нелегко. Не только полицейским, конечно. Всем. Особенно в Верноне, который только на карте является частью Нормандии, а по сути — просто пригород Парижа. Граница с департаментом Иль-де-Франс проходит как раз по Живерни, буквально в паре сотен метров отсюда, по тому берегу основного рукава реки. Но местные жители не считают себя парижанами. Они нормандцы, и точка! Те еще снобы. Один тип тут как-то втирал ему, что на Эпте — этом ручейке, в прошлом отделявшем Францию от Англо-нормандского королевства, — людей полегло больше, чем на Мёзе или Рейне...

Вот дурачье.

— Инспектор!

— Блин, да зови меня просто Лоренс. Сколько раз говорить...

На лице Сильвио Бенавидиша нарисовалось замешательство. Инспектор Серенак выпалил это перед агентами Лувелем и Мори, не считая полутора десятков зевак и плавающего в крови трупа. Нашел время выяснять, на «ты» они или на «вы».

— Э-э... Да. Э-э, патрон... Мне кажется, нам надо действовать с предельной осторожностью. С установлением личности жертвы проблем нет. Его здесь все знают. Вроде как крупная шишка. Зовут Жером Морваль. Известный хирург-офтальмолог. У него свой кабинет в Париже, на улице Прудона, в Шестнадцатом округе. Здесь живет чуть ли не в самом лучшем доме, номер семьдесят один по улице Клода Моне.

— Жил, — поправил его Серенак.

Сильвио молча проглотил упрек. Видок у него при этом был как у

рекрута, только что вытащившего жребий, означающий, что его отправляют на Русский фронт. Или как у жителя юга, командированного на Северный полюс. Или как у полицейского, получившего назначение в Нормандию. Серенак улыбнулся. Если кому и надо кривить рожу, так это ему.

— Ладно, Сильвио, — сказал Серенак. — Отличная работа. Не бери в голову. А биографию трупа расскажешь чуть позже.

Серенак подлез под оранжевую ленту.

— Людо, как там у тебя? Подойти-то уже можно?

Людовик Мори кивнул. Собрав гипсовые слепки, он отошел в сторону, пропуская Серенака, который ступил в прибрежную грязь. Одной рукой он уцепился за ветку ближайшего ясеня, а вторую вытянул в направлении трупа.

— Сильвио, подойди-ка. Взгляни. Довольно странный способ убийства, не находишь?

Бенавидиш приблизился. Лувель с Мори повернулись и с интересом уставились на товарища, словно понимая, что сейчас шеф будет показывать тому мастер-класс.

— Посмотрите все на рану — на теле, а не на голове. Очевидно, Морваль был убит холодным оружием — ножом или чем-то вроде того. Удар нанесен прямо в сердце. Думаю, нам не обязательно дожидаться протокола вскрытия, чтобы предположить, что этот удар был смертельным. А теперь взгляните на следы, оставленные на земле. Что мы видим? Тело волокли несколько метров, до самой воды. Спрашивается, зачем? Зачем преступник перетаскил труп? Зачем он взял булыжник — или другой тяжелый предмет — и разбил жертве голову? Практически проломил череп — от макушки до виска. И опять встает вопрос: за каким фигом?

Лувель робко — ни дать ни взять ученик за партой — поднял руку.

— Может быть, Морваль умер не сразу?

— Да ну? — насмешливо произнес Серенак. — С такой раной в сердце? Слабо верится. Но даже если допустить, что он еще был жив, почему не добить его тем же ножом? Я спрашиваю, зачем он тащил его к воде и зачем расколотил ему черепушку?

Сильвио Бенавидиш молчал. Людовик Мори озирали окрестности. На берегу ручья лежал большой — с футбольный мяч — камень, испачканный кровью. Агент уже взял с него образцы крови и тканей.

— Может, потому, что заметил этот камень? — рискнул высказаться он. — Воспользовался тем, что попало под руку...

У Серенака блеснули глаза.

— Нет, Людо, я с тобой не согласен. Давайте, парни, смотрите внимательно. Здесь есть еще кое-что странное. Что вы можете сказать о береговой полосе длиной примерно двадцать метров?

Инспектор Бенавидиш и оба агента послушно повели глазами вдоль берега ручья, но понять, что имеет в виду Серенак, так и не смогли.

— Больше никаких камней здесь нет! — торжествующе провозгласил Серенак. — Хоть весь ручей осмотрите, ни одного не найдете! Значит, камень принесли сюда специально. А если его приподнять? Смотрите, под ним травка — примятая, но свежая. И на самом камне — никаких следов сухой земли. Так что же забыл тут этот камешек? Преступник принес его с собой, вот что я вам скажу!

Агент Лувель согнал с моста зевак на правый берег ручья, со стороны деревни. Но Серенака присутствие зрителей беспокоило меньше всего.

— Мальчики! — продолжил инспектор. — Если коротко, дело было так. Жерома Морваля закололи ножом на тропе. От удара в сердце он скончался на месте. Затем убийца отволоч его тело на берег ручья, а это примерно шесть метров. После чего пошарил в окрестностях в поисках камня покрупнее — думаю, этот потянет килограммов на двадцать, — вернулся и разбил Морваля голову. Но и это еще не все. Обратите внимание, в какой позе лежит убитый. Головой в воде! Не слишком естественное положение, не так ли?

— Так вы же сами только что сказали, патрон, — почти сердито пробурчал Мори. — Убийца стукнул Морваля камнем по башке. Тот упал и плюхнулся головой в воду...

— Чисто случайно, ага! — иронически заметил Серенак. — Его бьют по голове, и он оказывается головой в ручье. Нет, ребята, готов держать пари на что угодно, все было не так. Попробуйте взять камень и долбануть Морваля по башке. Прямо тут! Хоть тысячу раз ударьте, труп ни разу не упадет так, как лежит сейчас — чтобы голова ушла под воду на десять сантиметров. Решение, друзья мои, гораздо проще. Мы имеем дело с тройным убийством, хотя жертвой стал один человек. Я пыряю его ножом — раз! Я проламываю ему череп — два! И я топлю его в ручье — три!

Его губы тронула кривоватая улыбка.

— У нашего преступника был очень серьезный мотив. Он очень сильно ненавидел Жерома Морваля.

Лоренс Серенак повернулся к Сильвио Бенавидишу.

— Нашему окулисту не повезло. Кто-то решил убить его, да не один раз, а целых три. Но это все же лучше, чем если бы преступник убил трех человек по одному разу.

Серенак подмигнул инспектору Бенавидишу, который казался все более смущенным.

— Я не собираюсь сеять в деревне панику, — продолжил он, — но сцена преступления ясно свидетельствует о его преднамеренном характере. Вы только посмотрите на... ну не знаю, на композицию, что ли. Он как будто картину писал! Продумал каждую деталь. И место выбрано со смыслом — деревня Живерни. И орудия убийства — нож, камень, вода...

— Неужели месть? — предположил Бенавидиш. — Или что-то типа ритуального убийства?

— Не знаю, — ответил Серенак. — Посмотрим. Пока ничего не понятно. Мы не видим во всем этом никакого смысла. Мы — но не преступник.

Лувель вяло оттеснял с моста зрителей. Сильвио Бенавидиш стоял молча, но его лицо выдавало напряженную работу мысли. Он явно пытался обдумать сказанное Серенаком и отделить в его словах здоровые зерна от плевел провокации.

Внезапно из-за тополей к ним метнулась темная тень, проскочила под лентой ограждения и подбежала к берегу. Агент Мори попытался ее удержать, но тень оказалась проворнее.

Немецкая овчарка!

Пес остановился рядом с Серенаком и принялся тереться о его ноги, весело помахивая хвостом.

— Эге-ге! — сказал инспектор. — А вот и наш первый свидетель.

Он повернулся к толпящимся на мосту жителям деревни Живерни.

— Кто-нибудь знает, чья это собака?

— Конечно! — тут же отозвался пожилой мужчина в вельветовых брюках и твидовом пиджаке — наверное, художник. — Это же Нептун. Наш, деревенский. Он ничей, в смысле — общий. С мальчишками бегают. Туристов встречает. Его тут каждый знает.

— Ну, здравствуй, мой хороший, — сказал Серенак, присаживаясь перед псом на корточки. — Значит, ты наш первый свидетель? Тогда скажи мне: ты видел убийцу? Запомнил его? Ладно, я тебя вызову попозже, сниму показания. А пока у меня тут еще работенка...

Инспектор отломил у ясеня сук и швырнул его на несколько метров. Нептун с готовностью включился в игру — побежал за палкой, схватил ее зубами и вернулся. Сильвио Бенавидиш с изумленным видом наблюдал за дурачествами шефа.

Серенак, успев подняться на ноги, внимательно озирал окрестности:

сложенные из кирпича и глины мостки, мост над ручьем, а сразу за ним — странное двурогое сооружение с фахверковыми стенами, над которым возвышалась пятиэтажная башня. На одной из стен было выбито: «Мельница „Шеневьер“». «Надо будет обойти близлежащие дома, — подумал он, — опросить возможных очевидцев». Хотя он понимал, что шансов найти свидетеля мало: преступление было совершено около шести часов утра.

— Мишель, попроси публику сдать назад. Людо, дай мне перчатки. Поглядим, что у нашего окулиста в карманах. Тело пока двигать не будем, так что придется замочить ножки.

Серенак скинул кроссовки, снял носки и закатал джинсы. Натянул протянутые ему агентом Мори прозрачные перчатки и ступил голыми ногами в ручей.левой рукой опираясь для равновесия о тело Морваля, он запустил правую в карман куртки и извлек на свет кожаный бумажник, который передал Бенавидишу. Помощник открыл бумажник — в нем лежало удостоверение личности.

Исчезли последние сомнения. Убитого звали Жером Морваль.

Серенак продолжал шарить в карманах трупа. Носовые платки. Ключи от машины. Каждая новая находка переходила из одной затянутой в перчатку руки в другую затянутую в перчатку руку, чтобы завершить свой путь в пластиковом контейнере.

— Блин, а это еще что за...

Пальцы Серенака вытянули из внутреннего кармана куртки покойника смятый картонный прямоугольник. Инспектор опустил глаза. Почтовая открытка. На лицевой стороне — репродукция картины Моне «Водяные лилии», они же «Нимфеи», они же «Кувшинки». Этуд в голубых тонах. Таких открыток в мире продаются миллионы. Серенак перевернул открытку.

Текст, выписанный печатными буквами, отличался лаконичностью: «ОДИННАДЦАТЬ ЛЕТ. С ДНЕМ РОЖДЕНИЯ».

Сразу под этими пятью словами была приклеена узкая полоска бумаги, явно вырезанная из какой-то книги. «Преступно мечтать, ждет виновного кара».

Что за чертовщина?

От ледяной воды у Серенака свело щиколотки, словно на них защелкнулись стальные наручники. Подняв голову к зевакам, толпившимся вокруг портомойни, словно на остановке в ожидании автобуса, он крикнул:

— У Морваля были дети? Лет десяти-одиннадцати?

Сообразительнее всех снова оказался художник в вельвете и твиде:

— Нет, господин комиссар. Точно нет.

Вот зараза.

Поздравительная открытка перекочевала в руки инспектора Бенавидиша. Серенак еще раз оглядел окрестности. Портомойня. Мост. Мельница. Деревня Живерни — она как раз только-только начала просыпаться. Вдали едва виднеется сад Моне. Луг. Шеренги тополей.

Низкие облака, плывущие над кронами деревьев.

И странные слова, мгновенно впечатавшиеся в память.

«Преступно мечтать, ждет виновного кара».

Его внезапно охватило чувство, что в этом импрессионистском пейзаже явно что-то не так.

3

Я стояла у окна на верхотуре мельницы «Шеневьер» и наблюдала за полицейскими. Тот, что был в джинсах, — по всей видимости, старший, — все еще стоял голыми ногами в воде. Трое других остались на берегу. Вокруг толкались деревенские жители — человек тридцать дураков, которых хлебом не корми, дай поглазеть хоть на что-нибудь. Театр им тут, что ли?

Я невольно улыбнулась. Чем я от них отличаюсь? Тоже глазею, только запаслась билетом на лучшие места. Я их вижу, они меня — нет.

У меня вырвался короткий нервный смешок.

Что делать дальше?

Полицейские вытащили из белого фургона большой пластиковый мешок — судя по всему, собираются упаковать труп. В голове по-прежнему упрямо вертелся вопрос: что я должна делать? Пойти сдать полицию? Рассказать комиссару из Вернона все, что мне известно?

Но разве полицейские поверят бредням полоумной старухи? Может, лучше затаиться и выждать? Хотя бы несколько дней. Всего несколько дней. Понаблюдать за происходящим. Незаметной серой мышкой пошмыгать тут и там, посмотреть, как будут развиваться события. Ну и, конечно, надо поговорить с вдовой Жерома Морваля, с Патрисией. Это я просто обязана сделать.

А вот беседовать с полицией...

Внизу, на берегу ручья, трое полицейских потащили из воды труп Жерома Морваля. Ни дать ни взять — здоровенный кус замороженного мяса, сочащийся кровью. Нелегко им, бедняжкам. Они напомнили мне

рыбаков, поймавших слишком крупную рыбину. Четвертый, тот, что все так же стоял в воде, смотрел, как они волокут тело. Мне показалось, или он действительно улыбался? Насколько я могла судить, глядя издалека, вся эта история доставляла ему искреннее удовольствие.

Или я напрасно терзаю себя сомнениями? Если я поговорю с Патрисией Морваль, велик риск, что остальные догадаются. В первую очередь полиция. Вдова — известная болтушка. В отличие от меня. В том смысле, что я еще не вдова. Вернее говоря, не совсем вдова.

Я ненадолго прикрыла глаза. Всего на минуточку.

Решено.

Я не стану разговаривать с полицейскими. Превращусь в серую мышку. Хотя бы на несколько дней. В конце концов, если они захотят меня найти, то найдут. Я уже не могу быстро бегать — в мои-то годы. Догадаются они пойти за Нептуном? Я открыла глаза и посмотрела на свою собаку. Пес залег в зарослях папоротника, в паре десятков метров от берега. Я знаю, что он не менее внимательно, чем я, изучает место преступления.

Да, я все решила правильно. Выжду несколько дней — хотя бы до тех пор, пока не овдовею. Надо же соблюсти минимум приличий. Потом буду действовать по обстоятельствам. Когда-то давно я читала один чрезвычайно оригинальный детектив. Действие в нем происходило в каком-то английском поместье, но было показано глазами кота. Да-да, именно кота! Он присутствовал при всех событиях, и на него, что естественно, никто не обращал внимания. Можно сказать, что он по-своему вел расследование — слушал, смотрел, вынюхивал... Автор так здорово закрутил сюжет, что я не удивилась бы, если бы убийцей оказался тот самый кот. Но не буду выдавать вам тайну, может, когда-нибудь сами прочтете эту книжку. Я просто хочу сказать, что намерена стать кем-то вроде этого кота — существом, которое все видит и слышит, оставаясь вне подозрений.

Я снова выглянула в окно.

Труп Морваля уже почти засунули в пластиковый мешок. С моей точки обзора он напоминал сытую анаконду. Из-за не до конца застегнутой «молнии» выглядывала только макушка головы. Трое полицейских стояли, тяжело дыша. Мне показалось, что они ждут разрешения начальника, чтобы достать сигареты и закурить.

ДЕНЬ ВТОРОЙ
14 мая 2010 года
(Мельница «Шеневьер»)

ТЫКАНЬЕ

4

Как же они меня достали со своей писаниной! Я раскладываю на тумбочке больничной палаты разноцветные листки. Рецепты, справки о медицинской страховке, свидетельство о браке, сертификат на владение домом, результаты анализов... Рассовываю документы по конвертам из крафт-бумаги. Часть из них потребуется больнице, но не все. Остальное взвешу и отправлю с почты в Верноне. Ненужные бумажки складываю в белую папку. Заполнила я не все — не во всем разобралась, так что нужно будет спросить у медсестер. Они меня уже хорошо знают. Вчера я провела здесь несколько часов — с середины дня до позднего вечера.

Я сидела в палате 126, изображая из себя без пяти минут вдову, скорбящую об умирающем муже, и слушала их оптимистичные прогнозы. Разумеется, лживые.

Моему мужу крышка, это очевидно. Если бы они знали, до какой степени мне на это плевать.

Скорее бы все кончилось. Это единственное, о чем я прошу.

Прежде чем уйти, я приблизилась к висящему в холле зеркалу в облупленной золоченой раме. Вгляделась в свое морщинистое застывшее лицо. Мертвое лицо. Закутала голову широким черным шарфом, похожим на чадру. Старухам следует закрывать лицо — никому не хочется на них смотреть. Даже здесь, в Живерни. Особенно здесь, в этой деревне, ставшей символом света и ярких красок. Старухи обречены жить в тени, во тьме и мраке. Они никому не нужны. Их никто не замечает. Никто не помнит об их существовании.

Это меня устраивает.

Я в последний раз осмотрелась и спустилась из своего донжона вниз. Так в Живерни называют башню мельницы «Шеневьер». Донжоном. Перед

уходом еще раз машинально проверила, все ли вещи на своих местах, и тут же обругала себя за глупость. Сюда больше некому приходить. Я прекрасно об этом знаю, тем не менее с маниакальной дотошностью навожу в башне порядок. По телевизору говорили, что такое поведение именуется навязчивым состоянием. Нечто вроде нервного тика. Правда, он никому не мешает. Кроме меня самой.

В самом темном углу глаз наткнулся на некую неправильность. По моему, картина слегка перекосилась. Я медленно пересекла комнату. Так и есть. Чуть потянула раму за правый нижний угол и выровняла ее.

Мои «Кувшинки».

Черные.

Я специально повесила картину в таком месте, чтобы ее не было видно из окон. Как будто кто-то способен заглянуть в окно пятого этажа башни над нормандской мельницей.

Это мое убежище.

Картина висит в наименее освещенном, так называемом слепом углу. В сумраке темные пятна, колышущиеся на серой поверхности пруда, кажутся еще чернее.

Цветы скорби.

Самые мрачные из всех, что когда-либо изображала кисть художника.

Я с трудом спустилась по лестнице и вышла на улицу. Нептун ждал меня во дворе мельницы. Я выставила вперед палку, чтобы он ко мне не бросился: эта псина не понимает, что мне и так нелегко сохранять равновесие. Старательно закрыла дверь на три замка, опустила ключи в сумку и еще раз проверила запоры.

Только после этого я обернулась. С большого вишневого дерева во дворе опадали последние лепестки. Говорят, этой вишне сто лет. Говорят, она застала Моне. В Живерни обожают вишни. Вдоль парковки перед музеем американского искусства, который год назад переименовали в музей импрессионизма, высадили целую шеренгу вишневых деревьев. Вроде бы японских. Маленьких, карликовых. Мне это кажется странным. Зачем здесь эта экзотика? Как будто своих вишен мало. Но разве их поймешь? Говорят, что американские туристы страсть как любят смотреть на вишни в весеннем розовом цвету. Если бы меня спросили, я бы сказала, что от розовых лепестков, засыпавших парковку и крыши автомобилей, слишком явственно отдает куклой Барби, но кто меня спросит?

Я покрепче прижала конверты к груди, чтобы Нептун не хватанул зубами. Медленно переставляя ноги, двинулась вверх по улице Коломбье. Я

шла не спеша и в тени увитого плющом портика перед входом в гостиницу остановилась передохнуть. Автобус на Вернон отходит через два часа. У меня полно времени. Вполне можно поиграть в маленькую серую мышку.

Я свернула на улицу Клода Моне. Вдоль каменных фасадов тянулись штокрозы и оранжевые ирисы, не хуже чертополоха пробившие гудроновое покрытие. Еще один символ Живерни. Я продвигалась со скоростью восьмидесятилетней старухи, которой и являюсь. Нептун, как всегда, удрал далеко вперед. Наконец я добрела до гостиницы «Боди». В окнах самого знаменитого в Живерни заведения были вывешены афиши, сообщавшие о проведении выставок и фестивалей. Размер афиш точно соответствовал размеру оконных проемов. Если задуматься, выглядело это довольно странно. Меня всегда занимал вопрос: что это — простое совпадение или результат сознательных усилий по подгонке одного к другому, или ясновидение архитектора, построившего здание в XIX веке, точно предугадавшего, какого размера будут в будущем стандартные рекламные афиши?

Впрочем, подозреваю, что вас эта загадка не слишком интересует. Напротив отеля за столиками кафе под оранжевыми зонтиками сидели на зеленых чугунных стульях два-три десятка посетителей, очевидно, желающие испытать те же чувства, что когда-то переполняли колонию американских художников, поселившихся здесь век назад. Еще одна странность, если задуматься. В позапрошлом веке американские художники приезжали сюда, в крошечную нормандскую деревушку, в поисках покоя и вдохновения. В наши дни Живерни способен подарить вам что угодно, только не покой. Лично я сегодняшнего Живерни вообще не понимаю.

Я села за свободный столик и заказала чашку черного кофе. Его принесла мне незнакомая официантка — видать, приехала подработать в сезон. Она щеголяла в короткой юбке и жилетке а-ля импрессионизм — с вышитыми на спине лиловыми кувшинками.

Носить на спине лиловые кувшинки — ну разве это не странно?

У меня, имевшей возможность наблюдать за всеми преобразованиями в Живерни, иногда возникает ощущение, что наша деревня превратилась в большой парк аттракционов. Парк впечатлений, если хотите. Они постарались выжать из импрессионизма все, что только могли. Я сидела и тихо вздыхала — настоящая старая ведьма, привыкшая ворчать себе под нос. Вокруг меня собралась самая разношерстная публика. Молодая парочка читала путеводитель. Трое мальчишек лет пяти возились на гравийной дорожке — должно быть, родители в это время думали, что вместо пруда с лягушками им следовало отвезти своих отпрысков в

бассейн. Увидшая американка пыталась на голливудском диалекте французского языка заказать себе чашку кофе по-льежски.

Они тоже были здесь.

Двое из них. Сидели в трех столиках от меня. То есть метрах в пятнадцати. Разумеется, я их сразу узнала — успела хорошенько разглядеть из окна мельничной башни. Инспектор, не побоявшийся замочить ноги во время осмотра трупа Жерома Морваля, и его робкий помощник.

Ясное дело, они глазели на молоденькую официантку. Похожая на серую мышку старуха не привлекла их внимания.

5

Инспектор Серенак смотрел на отель «Боди» сквозь солнечные очки. Оттого его фасад казался нарисованным сепией, а ножки хорошенькой официантки, сновавшей между столиками, приобрели золотистый оттенок румяного круассана.

— О'кей, Сильвио. Значит, ты еще раз проверишь, не осталось ли улики возле ручья. Знаю, основное уже отправили в лабораторию — слепки следов, тело Морваля и прочее. Но мы могли что-то упустить. Не спрашивай меня что — я сам не знаю. Просто сходи туда еще раз и все осмотри — портомойню, деревья, мостик. Заодно поищи свидетелей. А мне придется нанести визит вдове, Патрисии Морваль. Ничего не поделаешь. Тебе что-нибудь известно об этом самом Жерома Морвале?

— Да, Лора... э-э, патрон.

Сильвио Бенавидиш извлек из-под стола папку. Серенак проводил глазами официантку.

— Выпьешь что-нибудь? Рюмку пастиса?^[1] Бокал белого вина?

— Нет, я ничего не буду.

— Что, даже кофе не выпьешь?

— Ничего. Не беспокойтесь.

Но в голосе Бенавидиша звучало колебание.

— Ладно, чаю выпью.

Лоренс Серенак властно поднял руку, подзывая официантку.

— Мадемуазель? Один чай и один бокал белого. У вас есть гайак?^[2]

Он повернулся к помощнику.

— Неужели так трудно называть меня на «ты»? Сильвио, я что, намного тебя старше? Мы с тобой в одном звании. Если я четыре месяца возглавляю комиссариат Вернона, это еще не значит, что мне обязательно

надо «выкать». У нас на юге даже патрульные обращаются к комиссару на «ты».

— А у нас на севере — нет. У нас дела так быстро не делаются. Но вы не волнуйтесь, патрон. Просто надо немного подождать...

— Наверное, ты прав. Сейчас скажешь, что у меня должен пройти период акклиматизации. Но я ничего не могу с собой поделатъ. Меня прямо выворачивает, когда собственный зам называет меня «патрон».

Сильвио нервно крутил пальцы, словно не решался перечить начальнику.

— Если хотите знать мое мнение, дело не в том, кто с севера, а кто с юга. Вот мой отец, например. Он сейчас на пенсии, а до этого всю жизнь строил дома. По всей стране. И не только во Франции, но и в Португалии. И хозяева всегда обращались к нему на «ты», а он всегда им «выкал», даже если они были моложе его. Мне кажется, тут вся штука в том, что ты носишь — костюм с галстуком или рабочий комбинезон... Руки у тебя какие — в маникюре или в смазке... Не знаю, понятно я говорю или нет...

Лоренс Серенак распахнул кожаный пиджак, надетый на майку.

— Сильвио, где ты видишь галстук? Блин, мы оба с тобой инспекторы полиции...

Он громко рассмеялся.

— Ну ладно. Сам говоришь, надо подождать. Если честно, мне по душе твоя португальская скромность. Но вернемся к Морвалю. Что у нас есть?

Сильвио уставился в свои записи.

— Жером Морваль — уроженец этой деревни, сумевший выбиться в люди. Его семья переехала в Париж, когда он был ребенком. Морваль-старший тоже работал врачом, терапевтом, но не особенно разбогател. Довольно молодым Жером Морваль женился на некоей Патрисии Шерон. Им обоим тогда не было еще и двадцати пяти лет. Дальше начинается история его головокружительного успеха. Малыш Жером окончил медицинский факультет со специализацией по офтальмологии и вместе с пятью коллегами открыл кабинет в Аньере. Тут умирает папаша Морваль. Сынок вложил полученные в наследство денежки в собственный кабинет офтальмологической хирургии в Шестнадцатом округе Парижа. Внешне дела у него шли недурно. Насколько я понял, он считался виртуозом по удалению катаракты, то есть работал в основном с пожилым контингентом. Десять лет назад он решил вернуться в родные пенаты и купил в Живерни один из самых красивых домов — как раз между отелем «Боди» и церковью...

— Дети есть?

Официантка принесла им заказ и удалилась. Не успел Бенавидиш открыть рот, чтобы продолжить рассказ, как Серенак сказал:

— Хорошенькая, а? И ножки что надо.

Инспектор Бенавидиш пришел в явное замешательство — то ли издать удивленный вздох, то ли смущенно улыбнуться.

— Э-э... Ну да... То есть нет... То есть я хочу сказать: нет, у Морвалей не было детей.

— А врагов?

— Морваль вел довольно замкнутый образ жизни. В политику не ввязывался. Ни в каких общественных комитетах не состоял. У него и друзей-то практически не было. Зато был...

— Подожди! — перебил его Серенак и резко повернулся на стуле. — А вот и ты... Ну, привет!

Мимо ног Бенавидиша под стол прокралось мохнатое существо. Он вздохнул — на сей раз совершенно искренне. Серенак принялся трепать Нептуна по холке.

— Мой единственный свидетель! — приговаривал он. — Ну, здравствуй, Нептун!

Пес явно отзывался на кличку. Помахивая хвостом, он задрал морду, красноречиво глядя на кусок сахара, лежавший на блюде перед Сильвио. Серенак направил на пса указательный палец.

— Веди себя хорошо, договорились? Мы должны дослушать, что говорит инспектор Бенавидиш. И для этого нам понадобится все наше терпение. Сильвио, так на чем ты остановился?

Сильвио заглянул в свои записи и монотонным голосом продолжил:

— У Жерома Морваля было в жизни два увлечения. Он предавался им со всей страстью и посвящал им все свое свободное время.

Серенак гладил Нептуна.

— Теплее...

— Так вот, две страсти. Короче говоря, живопись и женщины. В том, что касается живописи, мы, судя по всему, имеем дело с настоящим коллекционером, таким одаренным самоучкой. Он предпочитал импрессионистов, что вполне объяснимо. Кроме того, у него была своего рода идея-фикс. Я просто пересказываю, что услышал. Жером Морваль мечтал приобрести картину Клода Моне. Но не абы какую. Он хотел «Кувшинки». Вот такой вот окулист.

Серенак шепнул на ухо собаке:

— Ни фига себе! Картину Моне! Даже если бы помог прозреть всем

зажиточным дамочкам Шестнадцатого округа, вряд ли заработанных денег ему хватило бы на «Кувшинки» Моне. Но, — он перевел взгляд на помощника, — ты говорил про две страсти? Значит, на стороне орла у славного доктора Морваля были картины импрессионистов. А что было на стороне решки? Бабы?

— Все это не более чем слухи... Хотя Морваль не слишком и прятался. Соседи и сотрудники в основном высказывали сочувствие его жене Патрисии. Вышла замуж молодой, целиком материально зависела от мужа, следовательно, на развод надеяться не могла. Ей приходилось на все закрывать глаза. Ну, вы же понимаете, патрон...

Серенак одним глотком опустошил свой бокал.

— Если я патрон, то это и правда гайак, — скривившись, ответил он. — Но я тебя отлично понял, Сильвио. И знаешь что? Этот доктор начинает мне нравиться. Тебе удалось добыть пару-тройку имен? Его любовниц или мужей-рогоносцев? Желательно с преступными наклонностями?

Сильвио поставил на блюдце чашку чая. Нептун смотрел на него влажными глазами.

— Пока нет. Но в том, что касалось любовниц, у Жерома Морваля тоже был пунктик.

— Да ну? Какая-нибудь неприступная красавица?

— Что-то в этом роде. Держитесь за стул, патрон. Это местная учительница. Говорят, первая красавица на деревне. И он вбил себе в голову, что должен добавить ее к списку своих трофеев.

— И?

— Больше я ничего не знаю. Это все, что мне удалось вытянуть из его секретарши и трех галеристов, с которыми он часто вел дела. Это, так сказать, версия самого Морваля.

— А учительница замужем?

— Да. И ее муж чрезвычайно ревнив.

Серенак повернулся к Нептуну.

— Видал? Нашему Сильвио палец в рот не клади! Это он только на вид тормоз тормозом, а на самом деле — гигант мысли. Человек-компьютер!

Он поднялся. Нептун, словно ждал лишь сигнала, вылез из-под стола и умчался вдаль по улице.

— Сильвио! Отправляйся-ка к ручью. Надеюсь, ты прихватил бродни и сеть? А я пойду выражать соболезнования вдове Морваля. Улица Клода Моне, дом семьдесят один? Я правильно запомнил?

— Правильно. Но вы не ошибетесь. Живерни — небольшая деревня. Здесь всего две длинные улицы, и они расположены параллельно одна другой. Первая — Клода Моне — тянется через всю деревню. Вторая — это шоссе Руа — дорога департаментского значения, она идет вдоль ручья. Между ними есть улочки, но маленькие и прямые, так что запутаться трудно.

Мимо них процокала каблучками хорошенькая официантка, направляясь с улицы Клода Моне к бару. На фоне стен гостиницы «Боди» — кирпич и терракота — освещенные солнцем штокрозы казались мазками пастели. Серенак решил, что эта картина ему нравится.

6

Сильвио не ошибся. Дом номер семьдесят один по улице Клода Моне был здесь, вне всякого сомнения, самым красивым. Желтые ставни, увитый диким виноградом фасад, красивое сочетание обтесанного камня и фахверка, на подоконниках — герани в огромных горшках. Одним словом, чистый импрессионизм! Или Патрисия Морваль хорошо разбиралась в садоводстве, или имела в своем распоряжении небольшую армию опытных специалистов, недостатка в которых, скорее всего, в Живерни не ощущалось.

На деревянном крыльце висел на цепочке медный колокольчик. Серенак позвонил, и дубовая дверь почти мгновенно распахнулась. Похоже, Патрисия его ждала. Чуть посторонившись, она пропустила инспектора в дом.

Серенак всегда придавал большое значение моменту знакомства с персонажами, так или иначе вовлеченными в расследование. Так сказать, *первому впечатлению*. Оно давало бесценный шанс прощупать собеседника, составить его психологический портрет. Вот и сейчас он намеревался взять мадам Морваль, что называется, тепленькой. Кто она такая? Несчастливая женщина, обманутая мужем, или равнодушная мещанка? Раздавленная судьбой одинокая душа или веселая вдова? Она ведь изрядно разбогатела. И обрела свободу. Теперь ей ничего не стоит отомстить покойному мужу за все перенесенные унижения. Искренне она скорбит или притворяется? Но с ходу «расколоть» Патрисию Морваль ему не удалось: он не смог взглядеться в ее глаза, спрятанные за толстыми линзами очков, отметив лишь, что они у нее красные.

Серенак ступил в коридор, вернее, в огромный, хоть и узкий, холл,

который уходил в глубь дома, и тут же остановился, пораженный. Обе стены закрывали гигантские — не меньше пяти метров в длину — репродукции «Кувшинок» в довольно редком исполнении: красно-золотая гамма, ни неба, ни ивовых ветвей. Насколько помнил Серенак, картины относились к финальному этапу творчества Моне, то есть к 1920-м годам. Логика художника угадывалась достаточно просто: он стремился максимально сфокусировать взгляд на небольшом, всего в пару квадратных метров, участке пруда, убрав с полотна все лишнее. Не вызывало сомнений, что оформление коридора копировало «Оранжери», хотя до стометровых стен парижского музея, сплошь увешанных «Кувшинками», дому окулиста было все же далеко.

Серенак вошел в гостиную. Это была обставленная в классическом стиле комната, в глаза бросалось разве что обилие разнородных безделушек. Но в первую очередь внимание посетителя привлекали картины на стенах. Их было с десяток, все — оригиналы. Познаний инспектора хватило, чтобы узнать в них работы авторов, начавших в последние годы приобретать известность как в художественном, так и в финансовом мире. Гребонваль, Ван Мейлдер, Габар... Судя по всему, Морваль обладал тонким вкусом и хорошим чутьем, вкладывая деньги в перспективных художников. Если вдова сумеет отогнать от себя стервятников, которые наверняка слетятся на запах свежей крови, то о своем будущем ей волноваться не придется.

Инспектор сел. Патрисия явно нервничала — она сновала туда-сюда по гостиной, переставляя с места на место разные вещицы. На ней был пурпурного цвета костюм, делавший ее молочно-белую кожу какой-то безжизненной. Серенак дал бы ей лет сорок, может, чуть меньше. Далеко не красавица, она тем не менее обладала определенным обаянием, возможно, благодаря своей безупречной ухоженности. «Вряд ли она способна обворожить, — думал полицейский, — но впечатление производит».

— Инспектор, — заговорила она. — Вы абсолютно уверены, что речь идет об убийстве?

У нее был высокий, не слишком приятный на слух голос.

— Мне уже рассказали о том, что произошло, — продолжила она. — Ведь это вполне мог быть несчастный случай. Жером споткнулся, упал, ударился головой о камень и рухнул лицом в воду...

— Мы ничего не исключаем, мадам. Во всяком случае, до тех пор пока не получим протокола вскрытия. Однако не стану от вас скрывать: на данном этапе следствия мы рассматриваем убийство как основную версию.

Патрисия Морваль вертела в руках бронзовую статуэтку Дианы-

охотницы, которую взяла с буфета. Серенак решил перехватить инициативу и принялся задавать вопросы, на которые Патрисия отвечала своим почти пронзительным голосом односложно, по три раза повторяя одно и то же слово.

— У него были враги?

— Нет. Нет-нет.

— Не замечали ли вы в последние дни каких-либо странностей?

— Нет. Нет.

— У вас большой дом. Ваш муж постоянно жил здесь?

— Да... Да. И да, и нет.

Серенак удивился.

— Расскажите об этом подробнее, мадам, прошу вас.

У него возникло ощущение, что каждое слово придется вытягивать из Патрисии Морваль клещами.

— Жером редко появлялся здесь на неделе. У него была квартира рядом с медицинским кабинетом в Шестнадцатом округе. На бульваре Сюше.

Инспектор записал адрес квартиры, отметив про себя, что это в двух шагах от музея Мармоттан. Наверняка не случайное совпадение.

— Значит, ваш муж часто не ночевал дома?

После долгого молчания она выдавила из себя:

— Да.

И принялась перебирать своими тонкими пальцами букет свежих цветов в расписанной японскими мотивами вазе. А Лоренсу Серенаку в голову пришла неожиданная мысль: эти цветы обречены на увядание. Скоро стены этой гостиной увидят их смерть. И гармония красок сгинет, припорошенная пылью времени.

— Детей у вас нет?

— Нет.

Теперь немного помолчал он.

— А у вашего мужа? Я имею в виду, от других женщин?

— Нет. — Патрисию Морваль выдал голос, резко понизившийся на целую октаву.

Серенак не спешил. Он достал из кармана открытку с «Кувшинками», найденную в кармане Жерома Морваля, и протянул ее вдове. Патрисия прочитала пять отпечатанных на машинке слов: «ОДИННАДЦАТЬ ЛЕТ. С ДНЕМ РОЖДЕНИЯ».

— Мы нашли эту карточку в кармане вашего мужа, — уточнил инспектор. — У вас есть родственники? Друзья, имеющие детей? Для кого

из них ваш муж мог приобрести эту открытку?

— Нет. Никто не приходит на ум. Правда, никто.

Инспектор дал ей еще немного подумать и лишь затем спросил:

— А откуда эта цитата?

Она перевела взгляд на открытку и прочитала странные слова: «Преступно мечтать, ждет виновного кара».

— Понятия не имею. Мне очень жаль, инспектор, но...

Она казалась искренне огорченной, что не в силах ему помочь. Лоренс положил открытку на стол.

— Это фотокопия, так что я оставлю ее вам. Оригинал пока побудет у нас. А вы все-таки подумайте. Если вдруг что-то вспомните...

Патрисия Морваль почти прекратила свои судорожные метания по комнате. Как муха, до которой наконец дошло, что ей ни за что не выбраться из перевернутого вверх дном стакана.

— У вашего мужа случались неприятности? — задал Серенак очередной вопрос. — Я имею в виду в профессиональной сфере? Ну, я не знаю, какая-нибудь неудачно проведенная операция? Недовольный пациент? На него не подавали жалоб?

Муха вдруг оживилась.

— Конечно нет! — с неожиданной злостью отозвалась она. — Никогда! На что вы намекаете?

— Нет-нет, я ни на что не намекаю, уверяю вас, — замахал руками инспектор.

Он перевел взгляд на картины на стенах.

— У вашего мужа определенно был художественный вкус. Как вы полагаете, он мог быть вовлечен в какие-либо... э-э... махинации, возможно, помимо собственной воли?

— Что вы хотите сказать?

Голос вдовы снова поднялся в верхний регистр, резанув инспектора по ушам. «Классика жанра, — подумал он. — Патрисия Морваль не желает признавать, что ее мужа убили. Допустить, что он пал жертвой убийцы, для нее означает согласиться, что кто-то ненавидел его так сильно, что пошел на преступление. Следовательно, его было за что ненавидеть?» Серенак не собирался расстраивать вдову, но считал необходимым осветить темные стороны жизни убитого.

— Я ничего не хочу сказать, — ответил он. — Я просто пытаюсь найти след, мадам Морваль. Мне говорили, что у него была... э-э... своего рода навязчивая идея. Приобрести полотно Моне. Это так?

— Да, вы правы, инспектор. Он мечтал купить Моне. Жером

пользовался репутацией одного из лучших экспертов по творчеству Моне. И мечтал приобрести его картину. Не забывайте, он работал как одержимый. Его высоко ценили. И коллеги, и пациенты. Разве он не заслуживал того, чтобы его мечта осуществилась? Кроме того, он не просто жаждал заполнить Моне. Он мечтал о «Кувшинках». Не знаю, способны ли вы это понять, но Жером хотел стать обладателем картины, написанной здесь, в Живерни. В его родной деревне.

Слушая тираду вдовы, Серенак напряженно размышлял. *Первое впечатление!* Он разговаривал с Патрисией Морваль всего несколько минут, но уже начал понимать, что она искренне скорбит по мужу. И причиной этой скорби был не страх остаться одной, а горячая, даже страстная любовь.

— Простите, мадам Морваль, что надоедаю вам вопросами. Но ведь у нас с вами одна цель — найти убийцу вашего мужа. Поэтому я вынужден задавать вам все эти вопросы, в том числе и самого личного свойства.

Патрисия Морваль замерла, нечаянно повторив позу ню на картине Габара, висевшей на противоположной стене.

— Ваш муж не всегда был вам... э-э... верен. Как вы думаете...

Серенак почувствовал, как напряглась Патрисия. Она не заплакала, но лишь потому, что в ее душе поднялась буря возмущения.

— Мы с мужем, инспектор, — перебила она его, — познакомились детьми. Он долго за мной ухаживал. Прошло много лет, прежде чем я ответила ему согласием. Надо вам сказать, в молодости он был не из тех, по кому девчонки сходят с ума. Не знаю, как вам это объяснить. Он всегда был очень серьезным, а его считали занудой. В отношениях с женщинами он страшно робел, а такие вещи сразу чувствуются. С годами он обрел уверенность в себе и стал гораздо более привлекательным. Полагаю, инспектор, я сыграла в этом не последнюю роль. Кроме того, у него появились средства. Если хотите, Жером отчасти брал у женщин реванш за юношеские неудачи. У других женщин, но не у меня. Не знаю, способны ли вы это понять.

«Куда уж мне», — подумал Серенак, одновременно соображая, как бы вывести ее на нужный ему путь. Заставить назвать имена, даты, факты...

Ладно, подождем.

— Мне хотелось бы, инспектор, чтобы вы проявили чуть больше такта, — продолжила Патрисия. — Живерни — маленькая деревня, нас здесь всего несколько сот жителей. Не убивайте Жерома второй раз. Не пачкайте его память. Он этого не заслужил.

Лоренс Серенак согласно качнул головой.

Первое впечатление... Что ж, он его составил. Патрисия Морваль любила своего мужа. И не пошла бы на убийство ради денег.

А ради любви?

Как ни странно, именно цветы в японской вазе помогли ему сформулировать смутную мысль. Время в этом доме остановилось. Как будто в нем разбились часы. В каждом квадратном сантиметре гостиной все еще витал дух Жерома Морваля — его одного. И так теперь будет всегда. Никто никогда не перевесит картины на стенах. Никто не откроет ни одной книги из книжного шкафа. Все останется без изменений, как в заброшенном музее, посвященном человеку, о котором все забыли. Коллекционер-любитель без наследников. Дамский волокита, которого не оплачет ни одна из его пассий. Кроме жены, разумеется. Жены, которую он обманывал.

Человек потратил жизнь на сбор репродукций. Кому они теперь нужны?

На улице Клода Моне инспектор сощурился от яркого света. Не прошло и трех минут, как в конце улицы показалась стройная фигура Сильвио. Сапог на нем не было, обшлага брюк намокли и запачкались. Серенак усмехнулся. Классный парень этот Сильвио Бенавидиш. Прикидывается послушным исполнителем, а сам хитрец, каких поискать. Лоренс Серенак нацепил солнечные очки и наблюдал, как помощник, сопровождаемый длинной тенью на стенах домов, приближается к нему. Строго говоря, Сильвио был не тощим, а скорее узким, что подтверждалось намеком на брюшко, едва заметно выпирающее из-под заправленной в светлые полотняные брюки клетчатой рубашки, застегнутой на все пуговицы. «В профиль Сильвио шире, чем анфас», — насмешливо подумал Лоренс. Человек-цилиндр! Кстати, это его совсем не портило, даже наоборот. Издалека он напоминал ствол молодого гибкого деревца, которое гнется, но не ломается.

Сильвио подошел с улыбкой на губах. Вот что Лоренсу не нравилось в помощнике, так это его прическа — Сильвио или зачесывал свои короткие жесткие волосы назад, или укладывал их на прямой пробор, становясь похожим на семинариста. Неужели трудно сделать нормальную стрижку? Сильвио Бенавидиш остановился перед инспектором, уперев руки в бока.

— Ну что, патрон? Как вам вдова?

— Вдова-то? О, вдова что надо! Вдовее не бывает! А как твои успехи?

— Ничего нового. Поговорил с соседями. Все спали — никто ничего не слышал. Вещдоки уже в лаборатории. А мы что? Возвращаемся?

Серенак посмотрел на часы. Половина пятого.

— Ну да... Хотя... Вот что, ты возвращайся. А у меня еще одна встреча.

При виде удивления на лице собеседника он уточнил:

— Не хочу пропустить окончания уроков в школе.

Кажется, Сильвио Бенавидиш все понял.

— Надеетесь отыскать ребенка, которому скоро исполняется одиннадцать лет?

Серенак подмигнул помощнику.

— Можно и так сказать. Но главное — хочу посмотреть на жемчужину импрессионизма. Ту самую учительницу, о которой Жером Морваль мечтал с такой же страстью, как о картине Моне.

7

Я ждала автобуса под тополями на небольшой площади перед мэрией и школой. Это у нас в деревне самое тенистое местечко, а от улицы Клода Моне его отделяет всего несколько метров. На остановке я была практически одна. Странная у нас деревня: достаточно сделать пару шагов — и из несусветной толкучки — очереди перед музеями и художественными галереями, которые публика берет штурмом, — попадаешь в царство сельской тишины и покоя.

Автобусная остановка расположена рядом со школой. Во дворе, огороженном решетчатым забором, играют детишки. Нептун сидит под топодем чуть поодаль — ждет, когда малышню выпустят из клетки. Пес любит играть с ребятней.

Напротив школы они устроили художественную мастерскую под названием Art Gallery Academy. Академия, подумать только! На стене висит выписанный огромными буквами девиз: «НАБЛЮДЕНИЕ И ВООБРАЖЕНИЕ». Целая программа! Весь день напролет из галереи выходят хромые старикашки в соломенных шляпах или панамах и тут же растворяются в деревне. Видать, отправляются на поиски божественного вдохновения! На них натыкаешься повсюду и не заметишь их нельзя: они носят на груди красные бейджики, а впереди себя толкают старинную коляску с мольбертом.

Вам это не кажется нелепым? Кто бы мне объяснил, почему наше сено, наши птицы на деревьях и вода в нашей реке не такого цвета, как в остальном мире?

Мне это представляется непостижимым. Наверное, я слишком глупа или слишком долго прожила в этих местах. Да, скорее всего, дело именно в этом. Так бывает, если, например, слишком долго живешь с очень красивым человеком. Как бы то ни было, оккупанты с бейджиками не уезжают, как остальные, на шестичасовом вечернем автобусе. Они шатаются по улицам до поздней ночи, спать устраиваются на площади, пробуждаются на заре. По большей части все они американцы. Конечно, я всего лишь вздорная старуха, вынужденная наблюдать за всем этим цирком через свою катаракту, но разве постоянное дефиле этих чудиков перед школой может не привлечь внимания детворы? И что они должны о них думать? Ну разве я не права?

Инспектор углядел под тополем Нептуна. Надо же, как успели подружиться! Полицейский принялся шутливо дразнить и тут же ласково гладить пса. Я сидела на лавке неподвижно, как изваяние. Наверное, вам покажется странным, что такая старуха, как я, целыми днями разгуливает по Живерни, но никто ее не замечает. Тем более — полицейские. Не верите? Попробуйте проделать такой опыт. Выйдите на людную улицу — все равно где, например на одном из парижских бульваров или на площади возле деревенской церкви, пристройтесь где-нибудь в уголке и понаблюдайте за толпой народа в течение минут десяти. Попробуйте посчитать, сколько стариков пройдет мимо вас. Вы поразитесь тому, как их будет много — значительно больше, чем молодых. Почему? Во-первых, потому — и нам об этом уже прожужжали все уши, — что мир действительно стареет. Во-вторых, потому, что старикам нечего делать, вот они и шляются по улицам. А в-третьих, потому, что их много всегда, только обычно вы их не замечаете. Кто из прохожих способен привлечь ваше внимание? Девушка в короткой майке, открывающей пупок; хорошо одетый мужчина, торопливо шагающий с портфелем в руке; группа горластых подростков, занявшая весь тротуар; мамаша с коляской... Но старик или старуха? Да никогда. Они сродни невидимкам. Они так медленно шаркают, что сливаются с пейзажем, словно дерево или фонарь. Не верите? Проверьте сами. Потратьте десять минут своего драгоценного времени — и сами во всем убедитесь.

Но, возвращаясь к нашему делу... Поскольку я обладаю привилегией смотреть, оставаясь невидимой, то могу признаться, что молодой сыщик выглядит обворожительно. Короткая кожаная куртка, джинсы в обтяжку, трехдневная щетина на подбородке, взлохмаченные светлые волосы, похожие на пшеничное поле после грозы... Я понимаю, почему

молоденькие учительницы интересуют его куда больше, чем полоумные деревенские старухи.

8

В последний раз погладив собаку, Лоренс Серенак оставил Нептуна в покое и направился к школе. Ему оставалось пройти метров десять, когда из школьных дверей вырвалась и пронеслась мимо него стайка детворы всех возрастов — человек двадцать.

Дикие звери, вырвавшиеся на свободу.

Впереди бежала девочка лет десяти с двумя косичками. Нептун понесся за ней. Компания устремилась к улице Бланш-Ошеде-Моне, перелетела на другую сторону и исчезла на улице Клода Моне. Площадь перед мэрией снова сделалась тихой и пустынной. Инспектор преодолел оставшиеся несколько метров до школы.

Лоренс Серенак еще долго будет вспоминать об этом чуде. Практически всю жизнь. Будет снова и снова слышать каждый звук — детские крики и шум ветра в тополиных ветвях; ощущать каждый запах, видеть белизну камня, увитого побегами вьюнка, и семь ступенек крыльца...

Он не ждал ничего подобного. Он вообще ничего не ждал.

Гораздо позже он поймет, что его поразили контраст. Стефани Дюпен стояла перед дверями школы. Она его не видела. Лоренс сумел перехватить ее взгляд, направленный в спину детям, с веселым смехом убегающим вдаль по улице. Ему вдруг почудилось, что они уносят в ранцах мечты своей учительницы.

Его охватила легкая, как бабочкино крыло, грусть.

Секундой позже Стефани заметила его присутствие. Ее губы тронула улыбка. В фиалковых глазах вспыхнули искорки.

— Месье?

Стефани Дюпен с ног до головы окатила его своей свежестью. Щедро, не скупясь. Волна свежести, исходившая от нее, коснулась окружающего пейзажа, толп туристов и хохочущих детей, бежавших по берегу Эпта. Себе она не оставила ничего...

Да, Лоренса Серенака поразили контраст. Потому что вместе со свежестью от нее веяло чистой печалью. Он как будто на миг заглянул в наполненную сокровищами пещеру, уже понимая, что всю оставшуюся

жизнь будет грезить об этом мимолетном мгновении.

Он улыбнулся и, запинаясь, произнес:

— Инспектор Лоренс Серенак. Комиссариат Вернона...

Она протянула ему тонкую руку:

— Стефани Дюпен. Единственная учительница единственного класса деревенской школы.

Глаза у нее смеялись.

Она была очень красивая. Не просто красивая. Пастельного тона глаза переливались оттенками синего и фиолетового — в зависимости от освещения. Бледно-розовые, словно запачканные мелом, губы. Легкий сарафан открывал почти алебастровой белизны плечи. Не кожа, а фарфор. Длинные светло-каштановые волосы забраны в растрепанный пучок.

Ожившая мечта.

Да, у Жерома Морваля точно был изысканный вкус, и не только художественный.

— Заходите! Прошу вас.

В школе было тепло, но не жарко — не то что на улице. Оказавшись в небольшой классной комнате и осмотрев два десятка парт и стульев, Лоренс почувствовал себя уютно, но в то же время немного неловко, как захватчик, вторгшийся на чужую территорию. На стенах висели огромные карты. Франция, Европа, мир. Красивые карты, судя по всему, старинные. Инспектор наткнулся глазами на объявление, прикрепленное над учительским столом.

КОНКУРС ЮНЫХ ХУДОЖНИКОВ

INTERNATIONAL YOUNG PAINTERS CHALLENGE ^[3]

Фонд Робинсона

Бруклинская школа искусств и Академия изящных искусств
Пенсильвании (Филадельфия)

Отличный повод начать беседу.

— Ваши ученики участвуют?

Глаза Стефани блеснули.

— Конечно! Каждый год. У нас это почти традиция. Теодор Робинсон был одним из первых американских художников, приехавших в Живерни одновременно с Клодом Моне. Самый верный постоялец гостиницы «Боди»! Потом он стал профессором искусствоведения в США. По-моему, детям из Живерни сам Бог велел участвовать в конкурсе, который

устраивает его фонд, разве нет?

Серенак кивнул.

— А какие награды получают победители?

— Несколько тысяч долларов... Но главное — многонедельную стажировку в одной из известных художественных школ. В Нью-Йорке, Токио или Санкт-Петербурге. Города каждый год меняются.

— Недурно... А кому-нибудь из местной детворы уже удавалось победить в конкурсе?

Стефани Дюпен весело рассмеялась и дружески хлопнула Лоренса Серенака по плечу.

Он вздрогнул.

— Да что вы! Участвуют тысячи школ со всего мира! Но попробовать все равно надо, верно? А вы знаете, в этой школе когда-то учились сыновья Клода Моне. Мишель и Жан.

— Зато Теодор Робинсон, насколько мне известно, больше никогда не возвращался в Нормандию...

Стефани Дюпен удивленно посмотрела на инспектора. В ее широко распахнутых глазах ему почудилось нечто вроде восхищения.

— Неужели в школе полиции преподают историю искусств?

— Нет, не преподают. Но разве полицейским запрещено любить живопись?

Она покраснела.

— Один-ноль, инспектор.

Ее фарфоровые скулы окрасились нежно-розовым — цвет лепестков полевого цветка. Заметнее стали веснушки. Полыхнул лиловым взгляд.

— Вы совершенно правы, инспектор. Теодор Робинсон скончался от астмы в возрасте сорока трех лет в Нью-Йорке, всего два месяца спустя после того, как написал своему другу Клоду Моне письмо, в котором сообщал о намерении вернуться в Живерни. Во Францию он больше так и не попал. Через несколько лет после его смерти, в тысяча восемьсот девяносто шестом году, его наследники основали фонд и объявили о проведении ежегодного международного конкурса художников. Но вам, инспектор, наверное, это не очень интересно? Не думаю, что вы пришли сюда слушать лекцию об искусстве...

— Нет. Но я бы ее с удовольствием послушал.

Серенак сказал это с единственной целью — заставить ее покраснеть еще раз. Она не обманула его надежд.

— А вы, Стефани? — продолжил он. — Вы сами рисуете?

Она снова взмахнула руками, едва не коснувшись пальцами его груди.

Инспектор сказал себе, что это, должно быть, чисто профессиональный жест — она ведь привыкла втолковывать что-то ученикам, для убедительности трогая их руками.

Неужели она не понимает, что с ним творится?

Серенаку оставалось лишь надеяться, что он вслед за ней не залетится краской.

— Нет, что вы! Я не рисую. Я не... У меня нет таланта.

Ее глаза на краткий миг затуманились.

— А вы? Вы говорите не как вернонец! И имя у вас нездешнее — Лоренс.

— Угадали. Лоренс — это Лоран по-окситански. Я бы даже сказал, по-альбигойски. Что-то вроде моего личного диалекта. Меня сюда недавно перевели.

— Тогда добро пожаловать! Альбигойский диалект, говорите? Так, может, ваша любовь к живописи идет от Тулуз-Лотрека? Что ж, у каждого свои художники.

Они оба улыбнулись.

— Отчасти вы правы. Лотрек для альбигойцев — то же, что Моне для нормандцев.

— А вы знаете, что Лотрек говорил про Моне?

— Рискую вас разочаровать, но вынужден признаться: я не знал даже, что они были знакомы.

— Были, были! И Лотрек называл импрессионистов мужланами! А Клода Моне как-то обругал «придурком». Это правда, он так и сказал. Дескать, надо быть полным придурком, чтобы расходовать свой огромный талант на какие-то пейзажики вместо того, чтобы писать людей!

— Хорошо еще, что Лотрек умер раньше, чем Моне зажил жизнью затворника и на протяжении тридцати лет писал одни кувшинки...

Стефани рассмеялась:

— Это как посмотреть. На самом деле Лотрек и Моне в каком-то смысле антиподы. Тулуз-Лотрек прожил жизнь короткую и яркую, и его больше всего интересовали людские пороки. А Клод Моне жил долго, был созерцателем и боготворил природу.

— Возможно, они не совсем антиподы? Скорее, один дополняет другого? Очень уж не хочется выбирать кого-то одного. Нельзя ли заполучить обоих сразу?

Решительно, улыбка Стефани сводила его с ума.

— Вам не удастся сбить меня с толку, инспектор. Я ведь понимаю, что вы пришли сюда не для того, чтобы болтать о живописи. Вы расследуете

убийство Жерома Морваля, да?

Она грациозно уселась на учительский стол и непринужденно закинула ногу на ногу. Сарафан с одной стороны слегка задрался, обнажив часть бедра. Лоренс Серенак почувствовал, что задыхается.

— Мне только одно непонятно, — голосом невинной добродетели сказала учительница. — Какое я имею к этому отношение?

9

Автобус остановился прямо напротив мэрии. За рулем сидела женщина-водитель. Обыкновенная женщина — не мужиковатая и даже не спортивная. Такая вполне могла бы быть медсестрой или секретаршей. Не знаю, замечали вы или нет, но я все чаще вижу женщин за рулем этих махин. Особенно в сельской местности. Раньше женщинам не доверяли водить автобусы. Наверное, это происходит потому, что сегодня в деревне общественным транспортом пользуются только старики да дети. И профессия — шофер автобуса — перестала считаться мужской.

Я не без труда вскарабкалась на подножку автобуса. Заплатила за билет — женщина-водитель уверенным жестом кассирши отсчитала мне сдачу. Я заняла переднее сиденье. Половина мест оставалась свободной, но я по опыту знаю, что на выезде из Живерни автобус заполнится туристами, большинство из которых едут на вокзал Вернона. Перед больницей остановки нет, но обычно водители проявляют снисхождение к моим больным ногам и высаживают меня, где я прошу. Особенно женщины. Так что это хорошо, что они теперь водят автобусы.

Я подумала о Нептуне. Вчера возвращаться из Вернона мне пришлось на такси. Выложила тридцать четыре евро! Сумасшедшие деньги, вы не находите, — меньше чем за десять километров? Ночной тариф, объяснил водитель. Ясное дело, они пользуются тем, что после десяти вечера на Живерни нет ни одного автобуса. Кстати, в такси шоферы в основном мужчины, женщин почти не бывает. По-моему, они специально кружат по вечерам вокруг больницы, высматривают старух, не умеющих водить. Стервятники! Знают, что никто не станет с ними торговаться. Хотя... Найду ли я такси, когда сегодня поеду обратно? Вроде бы врачи говорили, что вечером машину поймать трудно. Что, если я там полночи простою?

Мне-то что, но я не люблю оставлять на улице Нептуна.

10

Инспектор Лоренс Серенак прилагал невероятные усилия, чтобы не пялиться на голые ноги учительницы. Он принялся рыться в карманах. Стефани Дюпен смотрела на него простодушным взглядом, как будто в ее позе — сидя на столе нога на ногу — не было ничего особенного. «Наверное, привыкла так садиться на уроках, — твердил про себя Лоренс Серенак. — Просто привыкла».

— Так что же? Какое отношение все это имеет ко мне?

Инспектор наконец выудил из кармана фотокопию открытки с «Кувшинками».

ОДИННАДЦАТЬ ЛЕТ. С ДНЕМ РОЖДЕНИЯ.

Он протянул открытку Стефани.

— Мы нашли это в кармане Жерома Морваля.

Стефани Дюпен взяла у него открытку. Читая, она немного повернулась в профиль, и падающий из окна луч света, отразившись от белого листка, озарил ее лицо. В этот миг она напоминала читающую девушку в ореоле света с картины Фрагонара. Или Дега. Или Вермеера. Серенака пронзила странная догадка. В ней ведь нет никакой непосредственности! Каждое ее движение, каждый жест строго выверены. Она не просто сидит — *она позирует*. Стефани Дюпен выпрямилась. С ее бледных губ сорвался чуть слышный вздох — совсем легкий, но его дуновения хватило, чтобы развеять в пыль глупые подозрения инспектора.

— У Морвалей не было детей... Поэтому вы решили зайти в школу?

— Вы правы. Так что никакой мистики. У вас в классе есть одиннадцатилетние дети?

— Конечно, даже несколько человек. Мы принимаем детей от шести лет до одиннадцати. Но, если мне не изменяет память, никто из моих учеников не отмечает день рождения в ближайшие дни и даже недели.

— Вы не могли бы составить мне список? С адресом, датой рождения... Ну, вы понимаете.

— Вы полагаете, это может быть связано с убийством?

— Или да, или нет. Мы пока продвигаемся на ощупь. Расследуем несколько версий. Кстати, вам эта фраза о чем-нибудь говорит?

Серенак проследил за взглядом Стефани, которая снова уткнулась в листок. От напряжения она даже слегка наморщила лоб. Он смотрел на нее и наслаждался.

Она продолжала изучать глазами открытку. Потом несколько раз моргнула, шевельнула губами и наклонила голову. Облик читающей

женщины всегда очаровывал инспектора. Неужели она над ним смеется? Но откуда она узнала?..

«Преступно мечтать, ждет виновного кара».

— Так как же? Не представляете, откуда эта фраза?

Стефани Дюпен прыгнула со стола. Прошла к книжному шкафу, наклонилась к нижней полке и с широкой улыбкой повернулась к инспектору, протягивая ему книгу в белой обложке. Лоренсу почудилось, что он слышит, как под тонкой тканью платья колотится ее сердце — словно воробушек, что дрожит от страха, но не решается вылететь из клетки с распахнутой дверцей. «Что за глупости лезут в голову», — спохватился он и взял книгу.

— Луи Арагон, — своим чистым голосом сказала Стефани. — Простите, инспектор, но придется преподать вам еще один урок.

Лоренс послушно уселся за ближайшую парту.

— Я в восторге. Я вам уже говорил.

Она снова засмеялась.

— С поэзией у вас дела похуже, чем с живописью. Строчка на открытке взята из стихотворения Луи Арагона.

— Я потрясен.

— И напрасно. Моей заслуги здесь нет. Во-первых, Луи Арагон был частым гостем в Живерни. Он единственный из людей искусства, кто продолжал приезжать сюда и после смерти Клода Моне. Во-вторых, это строка из стихотворения Арагона, знаменитого, в том числе, тем, что оно стало первой жертвой цензуры при правительстве Виши в сорок втором году. Еще раз простите за менторский тон, но, когда я скажу вам, как называется стихотворение, вы сами поймете, почему у нас в деревне его учат наизусть все школьники.

— Неужели «Впечатления»?

— Мимо. Но вы почти угадали. Стихотворение называется «Кувшинки».

Лоренс Серенак попытался мысленно рассортировать полученную информацию.

— Значит, если я вас правильно понял, Жером Морваль тоже знал, откуда эта цитата. Логически рассуждая?..

Он ненадолго задумался.

— Я вам очень благодарен. Без вашей помощи я искал бы источник несколько дней. Хотя пока не очень понятно, как это использовать.

Инспектор повернулся к учительнице. Она стояла перед ним лицом к лицу, сантиметрах в тридцати.

— Стефани... Вы не возражаете, если я буду называть вас Стефани? Вы знали Жерома Морваля?

Она смотрела на него своими фиалковыми глазами. Он почувствовал, что у него слабеют ноги.

— Живерни — крохотная деревушка. Всего пара сотен жителей...

Это инспектор уже слышал.

— Стефани, это не ответ.

Она молчала. Теперь их разделяло не больше двадцати сантиметров.

— Да. Да, я его знала.

В ее зрачках играли солнечные блики. Инспектору казалось, что он тонет. Но он не имеет права... Он должен выплыть... Весь его грошовый цинизм куда-то испарился.

— Понимаете, ходят всякие слухи...

— Смелее, инспектор. Разумеется, я в курсе. Слухи, слухи... Жером Морваль был бабником — кажется, это так называется? Не стану отрицать, что он ко мне подкатывался. Но...

В ее глазах мелькнула тень. словно над поверхностью пруда повеяло ветерком.

— Инспектор Серенак, я замужем. И в этой деревне я работаю учительницей. Про Морваля вы уже знаете, он был врач. Врач и учительница — идеальное сочетание, не правда ли? Для досужих сплетников. Так вот. Между Жеромом Морвалем и мной никогда ничего не было. В таких селениях, как наше, не бывает недостатка в злых языках. А если им не за что уцепиться, они выдумывают небылицы.

— Приношу вам свои извинения. Вообще-то, я не такой уж нахал...

Она улыбнулась ему — ее лицо было совсем рядом, — и снова отошла к книжному шкафу.

— Держите, инспектор. Это вам. Как артистической натуре.

Лоренс с изумлением увидел, что Стефани протягивает ему еще одну книгу.

— Это вам для общего развития. «Орельен». Лучший роман Луи Арагона. Действие самых важных сцен происходит в Живерни. Это главы с шестидесятой по шестьдесят четвертую. Уверена, что вам понравится.

— Спа... Спасибо.

Он не мог сообразить, что бы еще сказать, и проклинал себя за тупость. Стефани застала его врасплох. Каким боком во всю эту историю затесался Арагон? Серенак чувствовал, что упускает что-то существенное. Он взял книгу, сунул ее под мышку и протянул руку Стефани. Учительница ее пожалала.

Пожалуй, слишком крепко.

И держала ее слишком долго.

Секунду или даже две. Достаточно долго, чтобы он дал волю своему воображению. Чтобы ему почудилось, что она без слов кричит ему: «Не уходи! Не бросай меня! Ты — моя единственная надежда, Лоренс! Без тебя я погибну».

Стефани улыбнулась. Ее глаза сияли.

Конечно, он все придумал. Ненормальный. Еще не хватало завалить первое серьезное расследование в Нормандии.

Стефани — обыкновенная женщина. Без всякого двойного дна.

Просто очень красивая. Но она принадлежит другому.

Так что все в порядке.

Он неловко попятился к выходу.

— Стефани, составьте для меня, пожалуйста, список учеников. Завтра я пришлю за ним помощника.

Они оба знали, что никого он не пришлет. Он придет сам. Она надеялась, что он придет.

11

Вернонский автобус свернул на улицу Клода Моне и покотился к церкви. В этой части деревни толпы туристов обычно редуют. Мне нравится ехать через деревню на автобусе. Сидеть на переднем сиденье и с высоты озирать окрестности. Мы проехали две художественные галереи — «Демаре» и «Канди», агентство недвижимости «Престиж», гостиницу «Кло-Флери», отель «Боди». Автобус нагнал стайку ребятишек, шагавших по проезжей части с ранцами на спине. Водитель надавила на клаксон, и ребятня бросилась к обочине, нещадно топча и ломая ирисы и штокрозы. Двое убежали вперед и скрылись из виду. Я их узнала. Поль и Фанетта. За ними несли Нептун. Эта псина обожает детвору. Особенно любит Фанетту — девочку с косичками.

По-моему, у меня начинается старческий маразм. Переживаю из-за своей собаки, а она знай себе развлекается с деревенскими детишками.

В конце улицы показалась остановка. Я вздохнула. Ну и народищу! Человек двадцать, не меньше. С чемоданами на колесиках, рюкзаками, спальными мешками и — как же иначе? — с упакованными в крафт-бумагу большими картинами.

Фанетта держала Поля за руку. Они прятались за стогом сена на большом поле, разделяющем шоссе Руа и улицу Клода Моне, прямо напротив гостиницы «Боди».

— Тише, Нептун! Из-за тебя нас увидят!

Пес непонимающе смотрел на двух одиннадцатилетних ребяташек. В шерсти у него запуталась солома.

— Иди отсюда! Вот дурак.

Поль расхохотался. Он расстегнул верхние пуговицы рубашки, а ранец бросил на землю.

«Классно он смеется», — подумала Фанетта.

— Вон они! — вдруг воскликнула она. — Вон, в самом конце улицы! Сматываемся!

Они вскочили. Поль торопливо подхватил свой ранец, и дети направились к улице Клода Моне.

— Скорее, Поль! — Фанетта тянула приятеля за руку.

За спиной у нее болтались две косички.

— Туда!

Возле церкви Святой Радегунды Фанетта свернула за угол, пробежала по посыпанной гравием дорожке, поднимавшейся вверх, и укрылась за плотной живой изгородью. Нептун за ними не увязался, остался на той стороне, обняв обочину и время от времени задирая заднюю ногу. Отсюда, со склона холма, дома казались приплюснутыми к земле. Поль снова засмеялся.

— Тише ты! Они сейчас пройдут.

Поль отступил на шаг и сел на белое надгробие. Вернее, сразу на два лежащих рядом надгробия — одно Клода Моне, другое — его второй жены, Алисы.

— Поль, ты что? Не видишь, куда садишься? Это могила Моне!

— Ой.

— Ладно, ничего.

«Обожаю, когда Поль сделает глупость, а потом извиняется».

Фанетта тоже фыркнула. Поль поднялся и сделал шаг, стараясь не прикасаться к другим надгробиям, под которыми покоились остальные члены семейства Моне.

Фанетта не спускала глаз с дороги. Послышался шум шагов.

Они!

Камиль, Винсент и Мэри.

Первым приблизился Винсент. Остановился и принялся пристально, как индейский охотник, озирать окрестности. Заметил Нептуна и крикнул:

— Фанетта! Ты где?

Поль снова фыркнул. Девочка зажала ему рот ладошкой.

Камиль тоже добрался до церкви. Ростом он был меньше Винсента. Из коротких рукавов рубашки выглядывали пухлые руки, над ремнем нависал круглый животик. Он запыхался. Бедный толстячок.

— Видел их?

— Не-а. Наверное, дальше ушли.

Мальчики пошли вперед. Винсент снова крикнул, на этот раз громче:

— Фане-е-т-та-а-а! Ты где?

Сзади донесся писклявый голос Мэри:

— Могли бы и меня подождать!

Камиль с Винсентом ушли уже с минуту назад, когда перед церковью появилась Мэри. Для своих десяти лет это была довольно высокая девочка. Из-под очков у нее катились слезы.

— Мальчики, ну подождите! Пошла эта Фанетта... Меня подождите!

Мэри повернула голову к могилам, и Фанетта инстинктивно присела за спину Поля. Но Мэри никого не увидела и поплелась по улице Клоде Моне, поднимая сандалиями пыль.

Уф!

Фанетта поднялась. На лице ее играла улыбка. Она потуже заплела растрепавшиеся косички. Поль вытряхивал из штанов забившиеся в обшлага мелкие камешки.

— Почему ты от них убежала?

— Они меня раздражают. А тебя разве нет?

— Ну, в общем, да. Слегка...

— Сам посуди. Камиль только и талдычит, какой он весь из себя отличник. А Винсент еще хуже! Видеть его не могу! Он на меня давит, понимаешь? Про Мэри я вообще молчу. Только и знает что хныкать. И учительнице на меня ябедничает...

— Она тебе завидует, — тихо сказал Поль. — А я? Я на тебя не давлю?

Фанетта сорвала с ветки листок и пощекотала Полю щеку.

«Ты, Поль, совсем другое дело. Не знаю, почему, но совсем-совсем другое».

— Дурак! Ты же знаешь, что я выбрала тебя. Навсегда.

Поль зажмурился от удовольствия.

— В основном. Но только не на сегодня.

Она выпрямилась и поглядела на дорогу. Путь свободен.

Поль вытаращил глаза:

— Что? Ты что, меня тоже бросаешь?

— Угу. У меня важная встреча. Секретная.

— С кем?

— Говорю же: секрет. Ты за мной не ходи. Я только Нептуна с собой возьму.

Поль принялся крутить пальцы, словно они у него внезапно заболели.

«Все из-за этого убийства. В деревне только о нем и разговоров. По улицам полицейские ходят. Даже страшно. Как будто нам тоже грозит опасность...»

— Слово? — настойчиво спросила Фанетта.

— Слово, — неохотно ответил Поль.

ДЕНЬ ТРЕТИЙ
15 мая 2010 года
(Вернонская больница)

АРГУМЕНТАЦИЯ

13

Световой будильник над кроватью показывал 01:32. Заснуть не удавалось. Последний раз медсестра заглядывала сюда больше часа назад. Наверное, решила, что я сплю. Сплю! Ха-ха. Как будто в этом ужасном кресле можно заснуть.

Я смотрела на капельницу. Из полуопавшего пакета капало лекарство. Как долго они собираются держать его на капельнице?

Несколько дней? Месяцев? Лет?

Он тоже не спал. Речь у него отнялась еще вчера — во всяком случае, так сказали врачи. Двигаться он тоже не может, но может смотреть. Вот и лежит с открытыми глазами. Если верить медсестрам, он все понимает. Они мне раз сто повторили: «Разговаривайте с ним. Почитайте ему что-нибудь. Для вашего мужа это очень важно».

На тумбочке высится стопка журналов. Когда в палату заходит медсестра, я делаю вид, что читаю ему вслух. Но, стоит ей закрыть за собой дверь, я умолкаю.

Если он, как они утверждают, все понимает, значит, поймет и это.

Я снова посмотрела на капельницу. Медсестры объясняли, что капельница поддерживает в нем жизнь. Но подробности я забыла.

Текли минуты. Я все-таки беспокоилась за Нептуна. Бедная собака, совсем одна в Живерни. Но не всю же ночь мне здесь торчать!

Медсестры намекали, что дела у него совсем плохи. По-моему, за последние десять минут он ни разу не мигнул. Уставился на меня и смотрит. Черт бы его подрал.

2:12.

Опять заходила медсестра. Посоветовала мне вздремнуть. Я согласно кивнула.

Я уже приняла решение.

Подождала еще немного. Убедилась, что в коридоре тихо. Встала. Еще чуть выждала и трясущейся рукой вырвала иглы капельниц. Всех трех. Одну за другой.

Он смотрел на меня безумным взглядом. Понял. Уж это-то он точно понял.

А чего он хотел?

Я ждала.

Как много времени прошло? Пятнадцать минут? Полчаса? Я взяла со стула журнал. «Нормандия». Открыла статью про художественный фестиваль «Нормандия импрессионистов», который должен пройти этим летом. Начиная с июня все вокруг будут жить ожиданием этого фестиваля. Я упрямо читала статью. Как будто мне было плевать, что он поддыхает. Прямо тут, рядом со мной. Хотя мне на самом деле было плевать.

Время от времени я поднимала от журнала глаза. Он пялился на меня. Я на пару секунд ловила его взгляд, а потом снова погружалась в чтение. С каждым разом черты его лица все заметнее искажались. Смотреть на это было довольно-таки противно, уж можете мне поверить.

В три часа ночи мне показалось, что он уже умер. Глаза у него были по-прежнему открыты, но застыли неподвижно.

Я поднялась, снова воткнула иглы капельницы. Комар носу не подточит. Но потом, чуть подумав, снова их вырвала. И нажала кнопку вызова.

Примчалась медсестра.

Я напустила на себя испуганный вид. Не слишком, чтобы не переигрывать. Объяснила, что заснула, а когда проснулась, обнаружила, что... В общем, сами видите.

Медсестра осмотрела вырванные трубки. Вид у нее был расстроенный, как будто это она во всем виновата.

Надеюсь, у нее не будет неприятностей. Во всяком случае, я никаких претензий предъявлять уж точно не буду.

Она побежала за врачом.

Меня охватило странное чувство. Остатки злобы, перекрываемые ощущением свободы.

Нахлынули сомнения.

Что теперь делать?

Пойти все рассказать полиции? Или продолжить изображать в Живерни серую мышку?

На столе инспектора Лоренса Серенака лежало пять фотографий. В руках он держал конверт из коричневой крафт-бумаги.

— Господи, — вздохнул Сильвио Бенавидиш. — Кто же это прислал?

— Неизвестно. Конверт пришел утром по почте. Отправлено вчера вечером из почтового отделения Вернона.

— Только фотографии? Ни письма, ни записки? Ничего?

— Ничего. Но фотографии говорят сами за себя. Галерея любовниц Жерома Морваля. Не всех — только самых лучших. Сильвио, будь другом, взгляни. Я уже наслаждался.

Сильвио Бенавидиш пожал плечами и склонился над разложенными снимками. На каждом был запечатлен Морваль, каждый раз — с другой женщиной. Ни одна из которых не была его женой. Жером Морваль стоит возле письменного стола, руками упираясь в коленки девушки, которую целует врасплох. Секретарша? Жером Морваль на дискотеке, сидит на диване, его рука покоится на груди девицы, одетой в платье с блестками. Жером Морваль с голым торсом растянулся на пляже рядом с белокожей девушкой — судя по пейзажу, дело происходит в Ирландии. Жером Морваль в гостиной, завешанной картинами и похожей на его собственную; перед ним стоит на коленках девушка — спиной к фотографу, но не к окулисту. Жером Морваль идет по грунтовой дороге, где-то в окрестностях Живерни — на фото видна колокольня церкви Святой Радегунды — рядом со Стефани Дюпен.

Сильвио Бенавидиш аж присвистнул:

— Ничего себе! Работа профессионала!

Серенак улыбнулся.

— Я тоже так думаю. У нашего окулиста губа была не дура. Хотя сам-то... Посмотреть не на что.

Бенавидиш растерянно взглянул на патрона.

— Да я не про Морваля. Я про того, кто делал снимки.

Серенак подмигнул помощнику.

— Сильвио, я тобой восхищаюсь! Все-то ты замечаешь. Ладно, давай дальше.

Бенавидиш покраснел.

— Я... Я хотел сказать, патрон, — чуть заикаясь, продолжил он, — что снимал частный детектив. Профессионал. Фото в кабинете и в гостиной, скорее всего, сделаны из-за окна. Такой оптики ни у одного папарацци нет.

Серенак еще раз взгляделся в снимки и скривился.

— А мне что-то не кажется, что это так уж трудно. Фото в помещениях довольно размытые, а? Хотя я не собираюсь критиковать мастера. Хорошая работенка! Этот Морваль умел подбирать девиц. Черт, и чего меня в полицию понесло? Стал бы частным детективом...

Сильвио пропустил это замечание мимо ушей.

— Как вы думаете, — спросил он, — кто кроме его жены мог заказать эту съемку?

— Откуда же мне знать? Спросим у Патрисии Морваль. Правда, при первой встрече она не показалась мне особенно болтливой, особенно в том, что касалось измен мужа. Честно говоря, у меня такое ощущение, что в этом деле следует с осторожностью относиться к слишком очевидным уликам.

— Что вы имеете в виду?

— Ну, например, вот что. Ты, Сильвио, наверняка заметил, что не все фотографии об одном и том же. Вот, смотрим, фото на дискотеке, фото в гостиной, фото в кабинете. Нет ни малейших сомнений, что Морваль спал с женщинами, которые на них запечатлены...

Бенавидиш нахмурил брови.

— Возможно, я забегаю вперед, — добавил Серенак, — но мне представляется несомненным, что на этих трех снимках Морваль снят в обществе любовниц. Поцелуй, рука на груди, ну и... так далее. Но если мы возьмем фото на пляже, а особенно — фото в Живерни, то у нас не будет никаких оснований полагать, что этих женщин с Морвалем связывали любовные отношения.

— Эта последняя... — высказался Бенавидиш. — Она единственная, кто нам известен. Ее зовут Стефани Дюпен, она деревенская учительница. Я ничего не путаю?

Серенак молча кивнул.

— Если честно, патрон, я не понимаю, к чему вы клоните. Измена есть измена, разве не так?

— Сейчас я тебе объясню, к чему я клоню. Видишь ли, я очень, ну очень не люблю получать подарки неизвестно от кого. Еще меньше я люблю, когда некий аноним диктует мне, в каком направлении вести следствие. Я уже большой мальчик, и мне не нравится, что некто, желающий оставаться в тени, дает мне подсказки.

— Например?

— Например, тот факт, что в «подарочном наборе» фигурирует фотография Стефани Дюпен, еще не означает, что она была любовницей

Морваля. Но неизвестный даритель очень хочет, чтобы я думал именно так.

Сильвио Бенавидиш поскреб в затылке. На его лице ясно отражалась напряженная работа мысли.

— Понятно, — произнес он наконец. — Но мы же не можем вообще проигнорировать эти фотографии?

— Разумеется, не можем. Тем более что до разгадки нам еще далеко. Сильвио, посмотри, пожалуйста, что там на обороте снимков.

Сильвио послушно перевернул все пять фотографий. На обороте каждой из них стояла цифра.

Фото в кабинете: «23–02»; фото на дискотеке: «15–03»; фото на пляже: «21–02»; фото в гостиной: «17–03»; фото на дороге: «03–01».

— Елки-палки... — присвистнул Бенавидиш. — Это что еще за фигня?

— Понятия не имею.

— Похоже на даты. Может, это число и месяц?

— Вряд ли. Потому что тогда выходит, что все фотографии сделаны с января по март. Пять женщин меньше чем за три месяца? Каким бы бабником ни был Морваль, но что-то я сомневаюсь... Кроме того, я готов дать руку на отсечение, что снимок в Ирландии сделан не зимой.

— И какой вывод?

— Вывод такой, что мы будем искать, Сильвио. Что нам еще остается? Будем рыть носом землю. А пока давай-ка сыграем. Хочешь?

Бенавидиш презрительно ухмыльнулся.

— Не так чтобы очень...

— Ну, тогда считай, что это приказ.

Серенак собрал фотографии в стопку, перетасовал их и веером, на манер игральных карт, разложил на столе.

— Ты первый, Сильвио. Тяни одну. Распределим девушек между собой. Потом каждый займется своими. Мы должны узнать, как их зовут, чем они занимаются и есть ли у них алиби на день убийства Морваля. Встречаемся через два дня. Посмотрим, кто наберет больше очков.

— Должен вам сказать, патрон, вы иногда делаете странные вещи.

— Да ничего подобного, Сильвио. Я просто работаю. А что, у тебя есть другие предложения? Может, ты считаешь, что установление личности пяти красоток следует поручить Мори и Лувелю?

Серенак рассмеялся.

— Ладно, если ты не хочешь, я тяну первым.

Лоренсу Серенаку досталась фотография Жерома Морваля с девушкой в кабинете.

— Секретарша, которая слишком широко понимает свои

обязанности, — хохотнул Серенак. — Ладно, выясним. Давай, твоя очередь.

Сильвио вздохнул и потянулся за карточкой.

— Эй, не шельмовать! Не смотри на цифры!

Сильвио перевернул снимок. Дискотека.

— Счастливчик! — фыркнул Серенак. — Девушка в блестках!

Сильвио покраснел. Лоренс вытянул очередную фотографию. Гостиная, девушка на коленях.

— Ну конечно. Начальству все самое трудное. Девушка, вид со спины... Давай, тяни еще!

На столе оставались две последние фотографии. Случаю было угодно, чтобы Бенавидишу достался снимок с пляжа.

— Прекрасная незнакомка на берегу Ирландского моря, — прокомментировал Серенак. — Нет, ну ты и в самом деле везунчик!

Сильвио Бенавидиш бросил выбранные фотографии на стол и с ироничной улыбкой посмотрел на начальника.

— Патрон, по-моему, вы надо мной смеетесь. Не знаю, как вы это провернули, но я с самого начала не сомневался, что фотографию Стефани Дюпен вы оставите себе.

Серенак вернул ему улыбку.

— Да, братец, тебя не проведешь! Не надейся, секрет фокуса я тебе не раскрою, но в главном ты прав. Красавицей учительницей я займусь сам. Привилегия начальства! Кстати, не зацкливайся на цифрах на обороте, Сильвио. Я уверен, что, после того как мы установим имена четырех женщин, эти цифры сами заговорят.

Он убрал снимки в ящик стола.

— Ну что, за работу?

— За работу. Хотя нет, подождите, патрон. Чуть не забыл. Я тоже приготовил вам подарочек. Вы меня, конечно, гоняете по делу и без дела, но я не злопамятный.

Не дав Серенаку возможности ответить, Бенавидиш выскочил из кабинета. Через пару минут он вернулся с белым бумажным пакетом в руках.

— Вот. Можно сказать, с пылу с жару...

Сильвио Бенавидиш опрокинул на стол содержимое пакета. Из него высыпалось два десятка небольших шоколадных кексов.

— Я их жене пеку, — объяснил Сильвио. — Она их обожает. Но в последние полмесяца она ничего в рот взять не может. Даже с домашним заварным кремом моего изготовления.

Серенак рухнул в кресло.

— Сильвио, ты мне как мамочка! Я должен тебе признаться. Я выпросил назначение в ваш глухой северный край с единственной целью: заполучить тебя в замы!

— Да ладно вам. Не преувеличивайте.

— Ты хочешь сказать, я недостаточно горячо выражаю свою благодарность?

Он посмотрел Бенавидишу в глаза и спросил уже другим, серьезным тоном:

— Когда ждете малыша?

— Да на днях уже. По идее роды должны быть через пять дней. А там кто его знает...

Серенак положил в рот первый кекс.

— Мама дорогая! Божественно! Твоя жена совершает большую ошибку.

Сильвио Бенавидиш наклонился к папке, прислоненной к спинке стула. Когда он выпрямился, его начальник был уже на ногах.

— А если еще с кофе!.. Пойду быстренько спущусь, — сказал Серенак. — Тебе принести?

Скрученная в рулон распечатка, которую Сильвио держал в руках, развернулась, едва не коснувшись нижним краем пола.

— Э-э... Нет, спасибо.

— Уверен?

— Э-э... Ну ладно. Только мне чай. Без сахара.

Спустя несколько минут инспектор Серенак вернулся с двумя пластиковыми стаканчиками в руках. Шоколадные крошки со стола исчезли. Серенак вздохнул, словно давая помощнику понять, что он тоже имеет право на короткий отдых. Но не успел он сесть, как Бенавидиш приступил к докладу.

— Так вот, патрон, на данный момент установлено следующее. Отчет судмедэкспертизы подтверждает, что Морваль скончался от ранения холодным оружием. Смерть наступила в течение минуты. Уже затем Морвалю раздробили камнем череп и опустили его голову под воду. Именно в таком порядке.

Серенак окунул кекс в кофе и с улыбкой произнес:

— Учитывая репутацию окулиста — если она тоже подтвердится, — в дело могут быть замешаны сразу три ревнивца. Ассоциация рогоносцев. Отсюда — ритуальный характер преступления. Помнишь «Убийство в „Восточном экспрессе“»? Вот и у нас тут нечто похожее.

Бенавидиш уставился на него изумленным взглядом.
— Да шучу я, Сильвио, шучу!
Серенак окунул в кофе очередной кекс.
— Ладно, давай серьезно. Лично я вижу в этом деле некоторые странности. Одно с другим не стыкуется...
Взгляд Сильвио оживился.
— Совершенно с вами согласен, патрон.
Чуть поколебавшись, он добавил:
— Вообще-то, я хотел показать вам кое-что еще. Мне кажется, вы будете сильно удивлены.

15

Фанетта не шла, а бежала — она всегда возвращалась из школы бегом. По улочкам Живерни она пробиралась с оглядкой, чтобы не наткнуться на Винсента, Камиля или Мэри. Для нее это не представляло особой трудности — все деревенские тропки она знала наизусть. Поль настаивал, что должен ее проводить. «Нечего, — повторял он, — ходить одной, когда в окрестностях бродит преступник», но она не поддавалась на уговоры. И ни о чем не проболталась.

«Это мой секрет!»

Ну вот, она почти у цели. Перебежала через мостик, миновала портомойню. Показалась двурогая мельница с высокой башней, всегда наводившей на нее страх.

«Честное слово, Поль, завтра я все тебе расскажу. Расскажу, с кем я встречаюсь каждый день уже целую неделю. Завтра. Или послезавтра».

Фанетта вышла на дорогу, ведущую к полям.

Джеймс уже ждал ее.

Он стоял чуть поодаль, посреди пшеничного поля. Колосья доходили ему до колен. Рядом стояли четыре мольберта. Фанетта перешла с бега на шаг.

— Вот и я!

Джеймс широко улыбнулся в седую бороду и обнял Фанетту.

— Ну наконец-то, негодница! А ну, быстро за работу! Солнце ждать не будет. И чего они вас столько времени в этой школе держат?

Фанетта устроилась за одним из мольбертов — самым низким, ей по росту. В лакированном ящичке лежали тюбики краски и кисти.

О старом художнике, с которым Фанетта познакомилась неделю назад,

она знала немного: что он американец, что зовут его Джеймс, что он почти каждый день приходит сюда писать. Джеймс сказал ей, что она — самая способная девочка, какую он когда-либо встречал, а повидал он их немало, потому что у себя в Америке преподавал живопись. Еще он говорил ей, что она слишком много болтает: хоть у нее и талант, ей надо учиться сосредоточенности. По примеру Моне. Главное — это наблюдательность и воображение. У Джеймса на этот счет прямо пунктик. Наблюдательность и воображение. Еще надо писать быстро — для того он и носил с собой четыре мольберта. Чтобы успеть уловить движение солнечного луча, шевеление тени, изменение цвета. Моне, по его словам, ходил на натуру с шестью мольбертами. Таскать их он нанимал местных ребяташек.

«Вот уж фигушки, — думала про себя Фанетта. — Если Джеймс рассчитывает, что я буду носить за ним мольберт, то он ошибается». Она сразу догадалась, что он ей заливает, но сделала вид, что всему верит. Джеймс — симпатичный старикан, если бы еще не изображал из себя Клода Моне.

«А меня не принимал за идиотку!»

— Фанетта! А ну не спать! За работу!

Девочка писала нормандскую портомойню, мост над ручьем, мельницу на отшибе. Она работала уже довольно долго.

— А ты знаешь такого Теодора Робинсона? Нам учительница в школе рассказывала...

— Что именно?

— Она записала весь класс на конкурс. Международный конкурс, мистер Джеймс! Честное слово, МЕЖДУНАРОДНЫЙ! Премия Робинсона. Если я выиграю, то поеду в Японию или в Россию, или в Австралию. Но я еще не решила, буду участвовать или нет.

— А больше она ничего не рассказывала?

— Ну, там еще полагается куча долларов.

Джеймс аккуратно опустил палитру на ящик с красками. Вот, сейчас бороду запачкает! Она у него вечно в краске.

Сегодня, например, в зеленой.

«Какая я все-таки нахалка! Никогда не говорю ему, что у него борода в краске. Но это до того потешно...»

Джеймс подошел к ней ближе.

— Фанетта! Если ты постарайся... Если ты поверишь в себя... Пойми, у тебя есть все шансы выиграть этот конкурс.

«Ой, что-то мне стало страшно».

Наверное, Джеймс заметил, что Фанетта косится на его бороду, и

провел по ней пятерней, размазав зеленую краску.

— Что ты мне сказки рассказываешь?

— Фанетта, я не рассказываю тебе сказки. Я ведь тебе уже говорил. У тебя талант. Ты тут ни при чем, это врожденное. Да ты и сама все понимаешь. У тебя талант живописца. Не просто талант. Может быть, даже ты маленький гений. Но все это ни к чему не приведет, если...

— Если я не буду стараться?

— Да. Надо очень много работать. Это необходимо. Иначе от твоего таланта останется пшик. Хотя, подожди, я хотел сказать совсем не это.

Джеймс медленно переступал по полю, тщательно выбирая, куда поставить ногу, чтобы не помять колосья. Приподняв один из мольбертов, он быстро переставил его на новое место, словно получив приказ сверху, от солнца.

— Я хотел сказать тебе, Фанетта, что гениальность — пустой звук, если человек не... Как бы тебе это объяснить? Если человек не способен стать совершенным эгоистом.

— Что-что?

«Ну и ну. Такого я даже от Джеймса не ожидала».

— Да, эгоистом! Фанетта, дорогая, гению плевать на окружающих, он признает только тех, кто равен ему, а таких единицы. Гениальность заставляет человека отворачиваться от тех, кого он любит, и вызывает бешеную зависть во всех остальных. Понимаешь?

«Ну вот, опять скребет свою бороду. Всю краску размазал. А сам ничего не замечает. Какой же он старый. Старикашка Джеймс».

— Ничего не понимаю!

— Ладно, попробую объяснить по-другому. Вот возьмем, например, меня. Я всю жизнь мечтал приехать в Живерни, увидеть своими глазами пейзажи, которые писал Моне. Ты даже не представляешь себе, сколько часов я провел у себя в деревне, в Коннектикуте, разглядывая альбомы с репродукциями. Тополя, Эпт, кувшинки, Крапивный остров... Как ты думаешь, оно того стоило? Бросить жену, бросить детей и внуков — это в шестьдесят пять лет-то? Что важнее? Осуществить свою мечту или праздновать Хэллоуин и День благодарения в кругу семьи?

— Ну, не знаю...

— Ты не знаешь. А я знал. Я ни секунды не колебался. И, поверь мне, Фанетта, я ни о чем не жалею. А ведь я живу здесь, как нищий, ну, почти нищий. И у меня нет даже четверти твоего таланта. Теперь понимаешь, что я имею в виду, когда говорю тебе об эгоизме? Неужели ты думаешь, что первые американские художники, которые во времена Моне жили здесь в

гостинице «Боди», ничем не рисковали? Неужели ты думаешь, что им не пришлось порвать со всей предыдущей жизнью?

«Не нравится мне, когда Джеймс начинает так говорить. Такое впечатление, что он говорит одно, а думает совсем другое. Как будто на самом деле он жутко жалеет о том, что натворил. Ему тут тоскливо. Он скучает по своей семье в Америке».

Фанетта взяла кисть.

— Вы как хотите, месье Джеймс, но я буду работать. Простите за эгоизм, но у меня конкурс на премию Робинсона на носу.

Джеймс расхохотался.

— Молодец, Фанетта! А я просто старый ворчун!

— И к тому же маразматик. Ты мне так и не рассказал, кто такой этот Робинсон.

Джеймс подошел поближе и, прищурившись, посмотрел на картину Фанетты.

— Теодор Робинсон — американский художник. Самый известный в США импрессионист. Единственный американец, которому удалось подружиться с Клодом Моне. От остальных Моне бежал как от чумы. Робинсон прожил в Живерни восемь лет. Даже написал картину на сюжет свадьбы любимой падчерицы Клода Моне, Сюзанны, с американским художником Теодором Батлером. И... Даже странно... Одна из наиболее известных его работ изображает то самое место, которое ты пишешь сейчас.

Фанетта чуть не выронила кисть.

— Как?

— Абсолютно то же место. Это старая картина, написанная в тысяча восемьсот девяносто первом году. На ней виден ручей Эпт, мостик над ним и мельница «Шеневьер». Слева — фигура женщины в длинной юбке и косынке, а посреди ручья — мужчина верхом на лошади. Лошадь пьет. Картина называется «Папаша Троньон и его дочь на мосту». Всадника на самом деле звали папаша Троньон, он был из местных.

Фанетта едва сдержалась, чтобы не расхохотаться.

«Он меня правда принимает за дурочку. Папаша Троньон! Ведь слово „троньон“ означает „огрызок“! Надо же такое сказануть!»

Джеймс по-прежнему не отрывал взгляда от картины, над которой работала девочка. Густая борода закрывала его лицо чуть ли не целиком. Он протянул свой толстый палец к еще влажному холсту.

— Тени вокруг мельницы получились очень хорошо. Молодец, Фанетта! Это знак судьбы. Ты пишешь тот же пейзаж, что Теодор

Робинсон, только... Только у тебя получается намного лучше. Ты выиграешь этот конкурс, точно тебе говорю! Знаешь, в жизни не так часто выпадает счастливый шанс — раза два, может, три. Главное — его не упустить. Остальное не важно.

Джеймс снова переставил мольберты. Похоже, он не столько пишет, сколько таскает мольберты. Наверное, не успевает за солнцем.

Ну и ладно.

Прошел примерно час, когда появился Нептун. Псина недоверчиво обнюхала ящик с красками и улеглась у ног Фанетты.

— Это твоя собака? — спросил Джеймс.

— Да как сказать... Вообще-то, он тут вроде как общий, но я считаю, что он мой. Он меня больше всех любит!

Джеймс улыбнулся. Он сидел на табурете перед мольбертом, но Фанетта, стоило ей скосить на него глаза, замечала, что он клюет носом. Если так дальше пойдет, то к концу сеанса борода у него окрасится всеми цветами радуги. Она тихонько засмеялась.

«Хватит! Я должна сосредоточиться».

Фанетта писала мельницу «Шеневьер». Фахверковую башню, контрастные тени под ней, черепицу, камень стены. Джеймс называл мельницу «ведьминой». Из-за старухи, которая там жила.

Ведьма?

«Нет, Джеймс и правда считает меня глупой малявкой».

Честно говоря, Фанетта немножко боялась мельницы. Джеймс объяснил, почему он так ее не любит. «Кувшинок» Моне могло вообще не быть — а все из-за этой мельницы. Дело в том, что и мельница, и сад Моне стоят на одном и том же ручье. Моне хотел сделать запруду, поставить затворы и повернуть русло ручья, чтобы у него в саду образовался пруд. Но деревенские жители этому воспротивились. «Нечего устраивать тут болото, — говорили они, — мало нам болезней?!» Особенно возмущались соседи, а больше всех — мельник с семьей. Они долго ругались. Моне перессорился со всей деревней и выложил кучу денег, а потом написал префекту и еще одному типу, кажется, своему приятелю, которого звали Клемансо. Кто такой был этот Клемансо, Фанетта не знала, но он как-то помог Моне, и пруд с кувшинками появился на свет.

«Жалко, если бы его не было! Но все-таки со стороны Джеймса глупо не любить мельницу из-за этой старой истории. Когда все это было-то! Джеймс временами ведет себя как дурак».

Фанетта вздрогнула.

«А вдруг на мельнице и правда живет ведьма?»

Фанетта писала. День клонился к закату. Мельница в лучах заходящего солнца выглядела особенно зловеще. Девочка смотрела на нее с восхищением. Джеймс давно спал.

Нептун вдруг вскочил на ноги и злобно зарычал. Фанетта повернулась к небольшой тополиной роще. За деревьями прятался мальчишка.

Винсент!

— Какого черта ты сюда приперся?

От ее крика проснулся Джеймс.

— Винсент! — снова крикнула Фанетта. — Что ты за мной шпионишь? Сколько ты уже там торчишь?

Винсент молчал. Он стоял, как заколдованный, переводя взгляд с картины Фанетты на мельницу, а с мельницы на мост.

— Винсент, у меня уже есть собака. Ее зовут Нептун. Вторая мне не нужна. И прекрати на меня глазеть!

Джеймс закашлялся.

— Э-э... Вот что, детки, хорошо, что вас двое. Солнце садится, думаю, пора собираться. Поможете мне? Знаете, что говорил Моне? Мудрец встает и ложится с солнцем!

Фанетта не спускала с Винсента глаз.

«Я его боюсь. Что за манера — появляться из-за спины! И что он за мной таскается? Иногда мне кажется, у него не все дома».

16

Лоренс Серенак замер со стаканчиком в руке. Помощник вел себя, как прилежный ученик, приготовивший урок, которого не задавали, и теперь разрывавшийся между желанием блеснуть перед учителем и страхом, что наделал ошибок. Правая рука Бенавидиша нырнула в толстую папку и вынырнула назад с листом бумаги формата А4.

— Вот, патрон. Я решил немного упорядочить все данные. Начал составлять таблицу...

Серенак взял еще один кекс, поставил кофе и удивленно уставился на Бенавидиша.

— Просто у меня привычка такая, — продолжил тот. — Кое-кто говорит, мания... В общем, смотрите. Я разделил лист на три колонки. Это три возможные версии. Первая — убийство на почве страсти, скорее всего,

связанное с одной из любовниц Морваля. Под подозрение попадают жена или чужой ревнивый муж, или брошенная пассия. Работы здесь хоть отбавляй.

Серенак подмигнул помощнику.

— Спасибо анонимному благодетелю. Так, а что дальше?

— Вторая версия связана с живописью. С картинами, которыми он владел и которыми мечтал завладеть. Ну, вы помните: Моне, «Кувшинки»... Почему не предположить, что он вышел на торговцев крадеными произведениями искусства? На черный рынок? Там крутятся большие деньги...

Серенак проглотил очередной кекс и допил кофе. Бенавидиш машинальным жестом сгреб крошки со стола в одну аккуратную кучку. Затем поднял глаза — на стенах кабинета висело с десятков картин, повешенных его владельцем сразу по прибытии. Тулуз-Лотрек. Писсаро. Гоген. Ренуар.

— Тут нам, можно сказать, повезло, — добавил Сильвио. — Вы, инспектор, хорошо разбираетесь в живописи.

— Чистое совпадение, — отмахнулся Серенак. — Если бы мне сказали, что после перевода в Вернон свой первый труп я найду в ручье Живерни... Но ты прав. Я интересовался живописью еще до поступления в школу полиции и по этой причине стажировался в Париже, в полицейском отделе искусств.

Судя по всему, Бенавидиш впервые узнал о том, что подобный отдел существует.

— А ты, Сильвио, как я понимаю, в искусстве не очень?

— Разве что в кулинарном.

Лоренс засмеялся.

— Это я уже понял! Короче, я уже предупредил своих бывших коллег по отделу. Они обещали посмотреть, что у них сейчас есть. Кражи, скупка краденого, сомнительные коллекции, подпольный рынок... Ты прав, это мощный бизнес. В свое время я в нем успел покрутиться. Эти ребята ворочают миллионами, без преувеличения. Так что я жду новостей. А третья колонка?

Сильвио Бенавидиш опустил глаза к бумажному листу.

— Третья версия... Только вы, патрон, надо мной не смейтесь. Она связана с детьми. По преимуществу одиннадцатилетними. Улик хватает: поздравительная открытка, цитата из Арагона. А что, если у Морваля лет двенадцать назад была любовница, которая родила ребенка? Кстати, вот еще интересная деталь. Эксперты утверждают, что возраст бумаги, на

которой напечатана открытка, составляет приблизительно пятнадцать лет. Текст, то есть слова: «ОДИННАДЦАТЬ ЛЕТ. С ДНЕМ РОЖДЕНИЯ!» — написаны тогда же. А вот цитата из Арагона приклеена значительно позже. Разве не странно?

Инспектор Серенак восхищенно присвистнул.

— Продолжаю настаивать на том, что говорил раньше. Сильвио, ты — идеальный помощник.

Он быстро встал из-за стола.

— Есть всего одна деталь, которая не укладывается в схему. Микроскопическая, но... Мы с моим занудством превратим ее в весьма ощутимую.

Он направился к двери.

— Идем, Сильвио. Навестим экспертов.

Бенавидиш ни слова не говоря двинулся за ним. Они прошли коридорами и спустились по скудно освещенной лестнице. Серенак на ходу обернулся к помощнику.

— Вот что надо сделать в первую очередь. Найти свидетелей. Можешь даже начать составлять новую таблицу. Я никогда не поверю, что в деревне, где каждый второй с утра до ночи пишет с натуры пейзажи, в день убийства Морваля никто ничего не видел. А то получается, что наш единственный свидетель — анонимный папарацци, приславший нам похабные фотки. Это если не считать дружелюбную псину. Ты в соседний дом заходил? Ну, на эту мельницу?

Серенак достал из кармана ключ от выкрашенной красной краской двери, на которой висела табличка с тремя надписями. «ЛАБОРАТОРИЯ. АРХИВ. ОТДЕЛ ДОКУМЕНТАЦИИ».

— Нет еще, — признался Бенавидиш. — Схожу в ближайшее время.

Инспектор отпер красную дверь.

— А я пока еще кое-что придумал. Будет чем занять весь комиссариат. Возможно, придется бросить на это дело целую команду. Сюрприз от начальства!

Они вошли в темную комнату. На столе стояла картонная коробка. Серенак открыл ее и достал гипсовый слепок подошвы.

— Сорок третий размер! — гордо провозгласил он. — Подошва сапога. Если верить Мори, каждая такая подошва индивидуальна — улика надежнее отпечатка пальца! Это след, оставленный в грязи на берегу Эпта через несколько минут после убийства Морваля. Не думаю, что должен тебе объяснять: владелец этого сапога — как минимум, прямой свидетель преступления. Не исключено, что он же и убийца.

Сильвио вытаращил глаза.

— И что мне с этим делать?

Серенак рассмеялся.

— Объявляю начало операции «Золушка».

— Послушайте, патрон... Я честно стараюсь следить за ходом вашей мысли, но ваш юмор...

— Ничего, Сильвио, не переживай. Скоро привыкнешь. Ты на меня не обижайся.

— Да я не обижаюсь. Мне, по правде говоря, чихать. Но я не понял: при чем тут Золушка?

— Это современная версия — деревенская. Декорацией служит болотная грязь. Короче говоря, мы должны проверить все сапоги, которые хранятся в домах трехсот жителей деревни Живерни.

— Ничего себе!

Сильвио провел пятерней по волосам.

— Как полагаешь, сколько их может оказаться? — продолжил Серенак. — Пар сто пятьдесят? Максимум, двести?

— Елки, инспектор, что за бредовая идея?

— Именно! По этой самой причине я от нее в восторге!

— И все-таки, патрон! Если это сапоги убийцы, то он их давно выбросил. Но даже если и нет, он что, побежит показывать их полиции?

— Именно, мой дорогой, именно что так! Мы будем действовать методом исключения. Иными словами, определим, кто из жителей Живерни заявит, что у него нет сапог или что он их потерял, или предъявит новые сапоги, купленные буквально вчера. Все эти люди автоматически попадут в список подозреваемых.

Бенавидиш как зачарованный смотрел на гипсовый слепок. На его лице расцветала широкая улыбка.

— Должен вам сказать, патрон, идейки у вас даже больше чем бредовые... Но ведь это может сработать! К тому же послезавтра похороны Морваля. А вдруг весь день будет идти дождь? Вся деревня станет вас проклинять.

— Вы что, тут у себя, в Нормандии, на похороны в сапогах ходите?

— Конечно! Если дождь идет... — И Бенавидиш рассмеялся.

— Сильвио, я тоже должен тебе сказать. До меня ваш местный юмор не всегда доходит.

Помощник не отреагировал на последнее замечание. Он теребил в руках лист бумаги.

— Сто пятьдесят пар сапог, — бормотал он себе под нос. — И в какую

колонку я должен это внести?

Они немного помолчали. Серенак смотрел по сторонам. Три стены из четырех были заняты массивными стеллажами, на полках которых хранились коробки с архивными материалами. В углу располагалась небольшая, скромно оборудованная лаборатория. Четвертую стену отвели под стеллаж с текущими делами. Бенавидиш снял с полки пустую архивную коробку красного цвета и написал на боку «Морваль», решив про себя, что найденные вещдоки сложит в нее позже.

Затем он обернулся к начальнику.

— Кстати, патрон, вы получили в школе список одиннадцатилетних детей? Я хотел бы внести его в третью колонку. Она пока самая пустая, но...

Серенак не дал ему договорить.

— Нет еще. Стефани Дюпен обещала мне его составить. С учетом присланного неизвестным дарителем хит-парада любовниц Морваля, полагаю, она временно исключена из числа главных подозреваемых?

— Она-то да, а вот ее муж... Я навел справки, — сказал Бенавидиш. — Его зовут Жак Дюпен. И он очень даже подходит на эту роль.

Серенак нахмурил брови.

— Ну-ка, давай поподробней.

Бенавидиш сверился с записями.

— Да уж... Иногда и занудный помощник приносит пользу, — пробурчал он.

Серенак смотрел на него улыбаясь.

— Итак, Жак Дюпен. Возраст — около сорока. Владелец агентства по продаже недвижимости в Верноне, отнюдь не процветающего. В свободное время увлекается охотой — как, впрочем, многие жители Живерни. Болезненно ревнив. Что скажете?

— Что за ним необходимо установить наблюдение. Неусыпное.

— Вы это серьезно?

— Более чем. Считаю, что это интуиция. Нет, скорее даже — предчувствие.

— И что же вы предчувствуете?

Серенак водил пальцем по составленным на полке коробкам. «Д», «Е», «Ж», «З»...

— Сильвио, тебе очень не понравится то, что я сейчас скажу...

— Ничего, переживу. Так что это за предчувствие?

Палец продолжал скользить по коробкам. «И», «К», «Л», «М»...

— Я нутром чую, что это не последняя трагедия...

— Ну не тяните, патрон. Если честно, я не верю в полицейскую интуицию. Я верю в вещественные доказательства. Но вы меня заинтриговали.

«Н», «О», «П», «Р»...

— Стефани Дюпен, — вдруг сказал Серенак. — Ей грозит опасность.

Сильвио Бенавидиш нахмурил брови. В темной комнате стало как будто еще темнее.

— Что вас заставляет так думать?

— Говорю же тебе: интуиция.

«С», «Т», «У», «Ф»... Лоренс Серенак сделал по комнате несколько шагов, затем вытащил из кармана три фотографии, выбрал из них ту, на которой была запечатлена Стефани Дюпен, и бросил на стол, рядом с гипсовым слепком. Бенавидиш смотрел на него инквизиторским взглядом.

— Точно я ничего не знаю, — продолжил инспектор. — Просто взгляд — слишком пристальный. Просто рукопожатие — слишком крепкое. Такое ощущение, будто человек взывает о помощи. Ну вот, теперь тебе все известно.

Бенавидиш подошел к нему поближе. Ростом он был ниже Серенака.

— Крепкое рукопожатие... Призыв о помощи... Вы уж меня простите, патрон, но вы сами говорили, что вы за полную откровенность. Так вот, у меня ощущение, что у вас в голове каша и что вы несете чепуху.

Сильвио схватил со стола фотографию и долго рассматривал изящную фигурку Стефани Дюпен, шагавшей рядом с Морвалем.

— В конце концов я могу вас понять, патрон. Но не требуйте, чтобы я с вами согласился.

ДЕНЬ ПЯТЫЙ
17 мая 2010 года
(Кладбище Живерни)
ПОХОРОНЫ

17

Лил дождь. В Живерни во время похорон всегда льет дождь.

На сей раз дождь был мелкий и холодный.

Перед могилой я стояла одна. Из-за кучи перекопанной земли картина напоминала заброшенную стройку. По мраморной доске тонкими струйками текла вода. По надписи: «Моему мужу. 1926–2010».

Отойдя к серой бетонной стене, я укрылась от дождя. Кладбище Живерни расположено на склоне холма, сразу за церковью, и террасами поднимается вверх. Чем выше — тем свежее могилы. Покойники потихоньку «догрызают» холм. Самых знаменитых и богатых еще хоронят внизу, поближе к церкви. Поближе к Моне.

На лучших местах!

У них своя тесная компания, в которую не пускают чужаков. Меценаты, коллекционеры, более или менее известные художники выкладывают гигантские суммы, чтобы навеки упокоиться здесь.

Уроды.

Можно подумать, что в полнолуние они устраивают тут свои призрачные вернисажи. Я обернулась. В самом низу, на другом конце кладбища, хоронили Жерома Морваля. Аккуратная могила, красивое надгробие. И местечко самое что ни на есть козырное — по соседству со всякими Ван дер Кемпами, Ошеде-Моне и прочими Боди. Там собралась вся деревня — ну, или почти вся. Человек сто, не меньше. Все в черном, с непокрытыми головами. Или под зонтиками.

Сто плюс один. Один — это я. На другом конце. Кому какое дело до смерти старика или старухи? Если хочешь, чтобы тебя оплакивали, пожалуй, имеет смысл сдохнуть молодым, в расцвете сил. Даже если ты — последняя сволочь, о тебе будут скорбеть. Кто первый, того и сапоги. На моего мужа кюре потратил хорошо если полчаса. Кюре у нас молоденький, родом из Гасни. Я его раньше не видела. Зато Морваля отпевал епископ из

Эврё! Говорят, дальний родственник его жены. Церемония затянулась почти на два часа.

Догадываюсь, что вам это кажется удивительным. Двое похорон на одном и том же кладбище, на расстоянии нескольких десятков метров и под одним и тем же упорным дождем. Вам не нравятся такие совпадения? Они представляются вам слегка натянутыми? Тогда послушайте, что я вам скажу. Нет никаких совпадений. В череде случившихся событий нет ничего случайного. Напротив. Каждый элемент на своем месте, и все рассчитано с точностью до минуты. Каждый фрагмент этой преступной мозаики является частью цельной картины. И, клянусь вам могилой мужа, остановить лавину никто уже не в силах.

Я подняла голову. Отсюда, сверху, вид на происходящее открывается такой, что аж дух захватывает.

Патрисия Морваль стоит перед могилой мужа на коленях. Безутешная вдова. За ее спиной — Стефани Дюпен. Лицо серьезное, глаза заплаканные. Ее держит под руку муж. Суровый взгляд, кустистые брови, мокрые от дождя усы. Вокруг них толпятся люди — родственники, друзья, знакомцы. Инспектор Серенак тоже пришел. Стоит чуть поодаль, ближе к церкви, неподалеку от могилы Моне. Епископ заканчивает произносить надгробную молитву.

В траве — три плетеные корзины. Каждый берет из них по цветку и бросает в разверстную могилу: штокрозы, ирисы, гвоздики, сирень, тюльпаны, васильки... Кошмар. Только Патрисии Морваль могла прийти в голову эта идея. Как будто солнце хоронят.

Даже Моне до такого не додумался бы...

Им хватило деликатности извять на гигантской гранитной доске серую кувшинку.

Бездна вкуса.

А вот со светом у них промашка вышла. Знаменитое солнце Живерни не пожелало проводить покойного в последний путь. Что ж, не все купишь за деньги. Как знать, может, Бог и правда есть.

Мокрая земля у меня под ногами охрыными ручейками оползала по узким тропкам между могилами. Ни на одном из жителей Живерни, собравшихся внизу, разумеется, не было сапог. Надо думать, инспектор Серенак довольно посмеивается. Что ж, каждый развлекается как может.

Я стряхнула воду с повязанного на голове черного шарфа. Промок насквозь. Чуть поодаль я заметила сбившихся тесной кучкой детей. Кое-кого из них я узнала. Фанетта плакала. Сразу за ней стоял Винсент. Возможно, ему и хотелось ее утешить, но он не осмеливался. У детей

серьезные выражения лиц — в одиннадцать лет смерть представляется особенно несообразной.

Дождь немного утих.

Пока я наблюдала за сценой похорон, мне вспомнилась одна игра, в которую мы играли детьми. Дана загадочная история, и надо найти ее разгадку, для чего можно задавать вопросы, предполагающие ответ «да» или «нет». Один человек похоронил родственника. Через несколько дней он вдруг без всякой причины убил другого родственника. Почему? «Он хорошо знал этого родственника? — Нет». «Он хотел ему за что-то отомстить? — Нет». «Он надеялся унаследовать его деньги? — Нет». «Он боялся, что родственник откроет страшную семейную тайну? — Нет». В эту игру мы играли часами...

Дождь прекратился.

Все три корзины с цветами опустели.

По мраморной доске с именем моего мужа стекали капли. Толпа внизу наконец-то рассеялась. Жак Дюпен все так же прижимал к себе жену. Ее длинные волосы прилипли к мокрому черному платью, подчеркивая рельеф груди. Они медленно прошли мимо Лоренса Серенака. Инспектор пожирал взглядом Стефани Дюпен.

Наверное, на воспоминание о той давней детской игре меня навел его жадный взгляд. Я промучилась всю ночь, но к утру нашла разгадку. На похоронах мужчина влюбился в незнакомку, но она исчезла прежде, чем он успел с ней заговорить. И он придумал: надо, чтобы умер еще кто-нибудь из членов этой семьи, и тогда незнакомка снова придет на похороны. Большинство моих друзей, вместе со мной ломавших голову над таинственной историей, возмутились: дескать, так нечестно. Только не я. Меня пленила неопровержимая логика этого преступления. Странные шутки играет с нами память. Я годами не вспоминала про эту игру. До самых похорон мужа...

Внизу разошлись последние участники церемонии.

Теперь, когда мне все стало ясно, я могу приоткрыть завесу тайны.

Антураж самый подходящий.

ЭТО НЕ ПОСЛЕДНЕЕ УБИЙСТВО В ЖИВЕРНИ.

Слово ведьмы.

Я постояла еще немного, глядя на оползающий холмик земли над

могилой мужа. Больше я сюда, скорее всего, не приду. Во всяком случае, при жизни. Что мне здесь делать? Вторых похорон, в которых я заинтересована, не будет. Шли минуты, может быть, часы...

Наконец я спустилась.

Нептун послушно ждал меня у кладбищенских ворот. Я пошла по улице Клода Моне. Смеркалось. Зажглись фонари. С цветов, высаженных вдоль ограды, капала вода. Талантливый художник мог бы кое-что извлечь для себя из этой живописной картины.

В окнах домов тоже загорался свет. Я прошла мимо школы. В соседнем доме горело круглое окно под самой крышей. Это комната Стефани и Жака Дюпен. Что они сейчас делают? О чем говорят, снимая промокшую одежду?

Подозреваю, что вам очень хотелось бы проникнуть в мансарду и подсмотреть за ее обитателями. К сожалению, даже мне, опытной серой мышке, не дано карабкаться по водосточной трубе.

Я лишь слегка замедлила шаг, но продолжила свой путь.

18

Лоренс Серенак медленно продвигался в темноте, ориентируясь лишь на скрип собственных башмаков по гравию. Найти дом помощника ему не составило труда — Сильвио Бенавидиш дал достаточно точные указания. Пройти вдоль течения Эпта до Кошереля, по мосту перейти на другую сторону, повернуть налево, к церкви — ее не пропустишь, после десяти вечера это единственное в поселке освещенное здание. Серенак осветил фарами мотоцикла имя владельца на почтовом ящике и поставил свой «Тайгер-триумф Т100» между двумя монументальными цветочными вазонами. Дальше возникли сложности: звонка на калитке не оказалось. Впереди угадывалась гравийная дорожка, а метрах в пятидесяти темнело пятно дома. Серенак открыл калитку и шагнул на дорожку.

— Черт!

Инспектор врезался коленом в кирпичную ограду. Высотой около метра, она преграждала ему путь. Он ощупал холодный камень и железную решетку, припорошенную густой пылью. Когда до него дошло, что это дворовый гриль, вдали мигнул огонек. Секундой позже на большой веранде вспыхнул яркий свет. Должно быть, его вопль переполошил всех соседей. Из-за стеклянной двери показалась фигура Сильвио Бенавидиша.

— Идите прямо, патрон, — раздался его голос. — По дорожке. Только

осторожней, не наткнитесь на гриль...

— Понял, понял, — пробормотал Серенак, думая про себя, что совет немного запоздал.

Он двинулся вперед, осторожно переставляя ноги, но метра через три снова налетел на препятствие, упал, задев локтями что-то вроде железного ящика, и, не сдержавшись, взвыл от боли.

— Эй, патрон, как вы там? — обеспокоенно и смущенно крикнул Сильвио. — Я же предупреждал: там гриль!

— Блин, — поднимаясь, ругнулся Серенак. — Хоть бы сказал, что их тут у тебя целая куча! Коллекционируешь ты их, что ли? Сколько там еще?

— Всего? Семнадцать! — с гордостью доложил Сильвио. — Вы абсолютно правы, я их коллекционирую. Вернее, мы вместе с отцом коллекционируем.

Темнота скрыла от Сильвио изумление на лице начальника.

— Сильвио, ты что, издеваешься? — наконец добравшись до веранды, сварливым голосом спросил Серенак.

— Нет, с чего вы взяли?

— Ты что, серьезно коллекционируешь грили?

— А что такого? Вы днем на них посмотрите! Кстати, в мире существует несколько тысяч фугикарнофилов.

Серенак яростно растирал ушибленное колено.

— Фуги... хренофил, или как его там, это, как я понимаю, тот, кто коллекционирует грили?

— Ну да. Не уверен, что это слово включено в словари. Я, конечно, просто любитель, но вот в Аргентине есть мужик, так у него три сотни грилей из ста сорока трех стран мира! А самый древний экспонат датирован тысяча двухсотым годом до нашей эры!

Инспектор оставил колено и принялся массировать локти.

— Что-то мне подсказывает, что ты надо мной все-таки издеваешься.

— Патрон! Вы ведь со мной уже достаточно хорошо знакомы... Разве я способен такое выдумать? Понимаете, с тех пор как люди укротили огонь, они едят жареное мясо. Вы себе даже не представляете, до чего это интересная тема. Во всей истории человечества нет более древней и более универсальной технологии приготовления пищи...

— И поэтому ты поставил у себя в саду аж семнадцать штук этой фигни. Круто. Хотя ты прав: лучше грили, чем садовые гномы.

— Ну конечно! И красиво, и оригинально! И полезно — когда приглашаешь гостей.

Серенак пятерней взлохматил себе волосы.

— Точно. Меня перевели в край, населенный психами.

Сильвио улыбнулся.

— Это еще что. В следующий раз я расскажу вам про окситанские традиции. Вы узнаете, чем катарские грили отличаются от севенольских.

Он поднялся на три ступеньки крыльца.

— Прошу, патрон! Вы меня легко нашли?

— Если не считать последних двадцати метров, то да. Вообще-то, если забыть про грили, у вас тут красота. Мельницы, деревенские домики...

— Мне тоже нравится. Особенно вид с веранды.

Инспектор Серенак тоже поднялся по трем ступенькам.

— Сейчас-то темно, ничего не видно, — объяснил Сильвио. — Но днем тут классно. Хотя, если честно, патрон, Кошерель — странное местечко.

— Что, еще более странное, чем клуб фугикопрофилов? Ты должен мне об этом рассказать.

— Фугикарнофилов. Но это к делу не относится. Здесь народу перемерло — не счесть. Во время Столетней войны вон на тех холмах, прямо напротив, разыгралась жутко кровавая битва. Тысячи погибших. Во Вторую мировую — то же самое. Но самое интересное даже не это. Знаете, кто похоронен на нашем церковном кладбище?

— Неужели Жанна д'Арк?

Бенавидиш улыбнулся.

— Аристид Бриан!

— Да ну?

— Спорим, вы даже не знаете, кто это такой?

— Прекрасно знаю. Певец.

— Нет-нет, певец — это Аристил Брюан. Вечно все их путают. Аристид Бриан был политическим деятелем. Пацифистом. Он единственный француз, удостоенный Нобелевской премии мира.

— Сильвио, ты неподражаем! Я готов поступить к тебе в ученики по части истории Нормандии.

Серенак осматривал фахверковую стену дома.

— Должен сказать, что для простого инспектора полиции с его нищенской зарплатой у тебя шикарное жилье.

Сильвио выпятил грудь, явно польщенный комплиментом. Подняв глаза, он молча указал на потолок веранды, опирающийся на конструкцию из натурального бруса. Между балками была натянута металлическая проволока, по которой со временем будет карабкаться высаженный в метре от веранды дикий виноград.

— Знаете, патрон, когда я пять лет назад купил этот дом, он был настоящей развалюхой. Вот с тех пор и вожусь с ним.

— И что же ты сделал собственными руками?

— Да все.

— Как — все? Не может быть!

— Может-может. Португальские гены, даже если работаешь в полиции, дают себя знать.

Серенак расхохотался и снял кожаную куртку.

— Патрон, да вы насквозь промокли!

— Нормандские похороны, чтоб их!

— Так заходите, обсушитесь.

Мужчины вошли на веранду. Лоренс повесил куртку на спинку пластикового стула, который тут же опасно зашатался. Инспектор сел на соседний стул.

— Конечно, пластиковый гарнитур — это не фонтан, но... Мне он от одного родственника достался, ну, я и взял. Антикварной мебелью обзаведусь попозже, когда стану комиссаром. — Сильвио улыбнулся и тоже сел. — Так что там было на похоронах?

— Ничего особенного. Дождь хлестал. Народу тьма собралось. Вся деревня явилась, стар и млад. Я попросил Мори пофотографировать — посмотрим, что нам это даст. Зря ты не пошел, Сильвио. Много интересного пропустил. Гранитную кувшинку не видел, три корзины цветов и даже епископа из Эврё. При этом, заметь, ни один человек не пришел в сапогах. Не тот уровень!

— Кстати, о сапогах. Я виделся в комиссариате с Лувелем. Он все организовал. Завтра получим первые результаты.

— Хорошо. Надеюсь, это поможет нам укоротить список подозреваемых, — сказал Серенак, потирая руки, словно хотел согреться. — У этих бесконечных похорон есть и еще одно бесспорное преимущество. Благодаря им я могу работать сверхурочно дома у своего лучшего зама.

— Тем более что он у вас всего один! Простите, патрон, что заставил тащиться ко мне, но я побаиваюсь по вечерам оставлять Беатрис одну.

— Понимаю, понимаю. Ладно, чтобы покончить с этими чертовыми похоронами... Патрисия, то есть вдовушка, безутешно рыдала с первой до последней минуты. Если она притворяется, то ей надо сниматься в кино — премия за лучшую женскую роль на любом фестивале обеспечена. Зато ни одна из любовниц Морваля не пришла его оплакать...

— Кроме школьной учительницы. Стефани Дюпен.

— Это что, юмор такой?

— Простите, вырвалось.

Бенавидиш опустил глаза и чуть заметно улыбнулся:

— Я уже понял, что на эту тему с вами лучше не заговаривать.

— Н-да, я смотрю, дома мой лучший зам себе позволяет!.. Ладно, Сильвио, ничего от тебя не скрою. Стефани Дюпен присутствовала на похоронах. И была прекрасна как никогда, несмотря на проливной дождь. Но! Она ни на шаг не отходила от своего ревнивца-мужа.

— Вы с ней все-таки поосторожней, патрон.

— Спасибо за совет, но я уже большой мальчик.

— Я от чистого сердца.

— Я тоже.

Слова помощника все же немного смутили Лоренса Серенака, который отвел взгляд и принялся рассматривать веранду. Безукоризненно ровные кирпичные стены, идеально отполированные балки, добела выскобленная каменная плитка на полу.

— Неужели ты и правда все это сделал своими руками?

— Так я все выходные и каждый отпуск что-нибудь мастерю. Мы с отцом. Он меня всему учит.

— Блин, Сильвио, ты меня поражаешь. Лично я кое-как терплю ваш поганый климат только потому, что отсюда до моей родни не меньше восьми сотен километров.

Они оба громко рассмеялись, и Сильвио тут же предостерегающе вытаращил глаза.

— Ну ладно, за работу.

Лоренс разложил на пластиковом столе три фотографии любовниц Морваля. Сильвио добавил к ним две своих.

— Честно говоря, я не понимаю, зачем нужно изменять жене, — сказал он. — До меня просто не доходит.

— Как давно вы с Беатрис вместе?

— Семь лет.

— И ты ни разу ей не изменил?

— Ни разу.

— Она сейчас наверху? Спит?

— Да. Но что это меняет?

— А почему ты ей не изменял? Может, она прекрасней всех женщин на свете? И у тебя нет причин отвлекаться на других?

Сильвио перебирал в руках фотографии. Судя по всему, он уже жалел, что завел этот разговор.

— Бросьте, патрон. Мы собрались не для того, чтобы обсуждать мою семейную...

— Подожди, — перебил его Серенак. — Ты что, намекаешь, что твоя жена — далеко не красавица?

Сильвио решительным жестом опустил на стол руки ладонями вниз.

— Красавица или не красавица — это не имеет никакого значения. Для семейной жизни это вообще не важно. Только полный кретин станет сравнивать свою жену с другими женщинами по красоте. Это же вам не конкурс! Какой бы прекрасной она ни была, всегда найдется другая, еще более прекрасная. Даже если вы женитесь на Мисс Вселенной, через несколько лет она постареет. Что ж теперь, каждый год разводиться и жениться на новой Мисс Вселенной?

Слушая тираду помощника, Лоренс как-то странно улыбался. Смотрел он при этом не в лицо собеседнику, а куда-то за его плечо, где располагалась ведущая в дом дверь.

— Вот, значит, как? Значит, я не первая красавица королевства?

Сильвио резко обернулся. Его щеки приобрели пунцовый оттенок.

В дверях стояла Беатрис. Лоренсу она показалась восхитительной. Потрясающей. Высокая, темноволосая, с длинными черными ресницами. На плечи Беатрис набросила кремовую шаль, красивыми складками ниспадавшую на круглый живот и делающую ее похожей на античную статую и оттенявшую персикового цвета кожу. В глазах у нее плясали смешливые искорки. «Интересно, — задумался Серенак, — Беатрис всегда была так прекрасна или неземной красотой ее наделило ожидание будущего материнства?» Во всяком случае, у него сложилось впечатление, что она переполнена счастьем, отсвет которого ложится на весь ее облик. Лоренс что-то такое читал на эту тему в журналах, но своими глазами наблюдал впервые. Одновременно его кольнула грустная мысль, что он, наверное, стареет: еще несколько лет назад ему бы и в голову не пришло, что беременная женщина может быть такой сексапильной.

— Сильвио, — сказала Беатрис, усаживаясь на стул. — Ты не принесешь мне стакан сока? Все равно какого.

Сильвио вскочил и бросился на кухню. Беатрис поправила шаль у себя на плечах.

— Значит, это вы — знаменитый Серенак?

— Почему «знаменитый»?

— Сильвио мне про вас все уши прожужжал. Вы не перестаете его удивлять. Точнее говоря, изумлять. Ваш предшественник действовал более... классическими методами.

С кухни раздался голос Бенавидиша:

— Ананасовый подойдет?

— Да!

После секундной паузы она в свою очередь крикнула:

— А бутылка открытая?

— Да, вчерашняя.

— Тогда не надо!

Они немного помолчали.

— Надо будет в подвале посмотреть, там еще должно быть...

«Может, беременные женщины и сексапильны, — думал Серенак, — но до чего капризны. Любопытно, а в нормальном состоянии жена Сильвио такая же пышнотелая? И ведь не спросишь...»

— Правда, он прелесть? — спросила Беатрис. — Лучший из мужчин. Знаете, Лоренс, я ведь его давно заприметила. И сразу себе сказала: «Чур, мое».

— Подозреваю, что он не слишком долго сопротивлялся. Перед вами трудно устоять.

— Спасибо.

Шаль сползла с плеч, и Беатрис снова подтянула ее.

— Приятно услышать комплимент, особенно от вас.

— Почему особенно от меня?

— Потому что вы умеете видеть женщин.

Она произнесла эти слова с легкой иронией. Шаль, разумеется, снова соскользнула с ее плеч, после чего Лоренсу не оставалось ничего другого, как перевести глаза на плоды мастерства Сильвио и его папаша.

— Мне он тоже нравится, — изучая взглядом балки, кирпичную кладку и стеклянные двери, сказал Серенак. — И не только из-за шоколадных кексов и коллекции грилей.

Она улыбнулась.

— Вы ему тоже нравитесь. Хотя я не уверена, что это мне по душе.

— Почему же? Вы опасаетесь моего дурного влияния?

Беатрис плотнее завернулась в шаль и наклонилась к разложенным на столе фотографиям.

— Гм... Кажется, вы кого-то подозреваете?

— Это он вам сказал?

— Кто же еще? Это его единственный недостаток. Как все скромники, в спальне он становится болтлив.

— Манговый? — Голос Сильвио раздался откуда-то снизу, видимо, из подвала.

— Если другого нет! Только похолодней!

Она улыбнулась Серенаку:

— Не осуждайте меня, Лоренс. Могу я поэксплуатировать его еще несколько дней?

Инспектор молча склонил голову. Беременные женщины не просто сверхсексапильны, они еще и суперкапризны.

— Думаю, он такой во всем мире один. И вы его вычислили.

— Я тоже так думаю, инспектор.

— Пожалуй, ему чуть-чуть недостает воображения?

— Вот уж нет!

Вернулся Сильвио с большим стаканом, из которого торчала соломинка. На боку стакана красовался кружок апельсина. Беатрис поцеловала мужа в губы.

— Ну, поскольку я вымок до костей, то испытывать жажды не могу по определению... — начал Серенак.

— Простите, патрон! Что вы выпьете?

— А что у тебя есть?

— Пиво?

— Прекрасно! Только похолоднее. На апельсин я не претендую, но от соломинки не откажусь.

Беатрис одной рукой придерживала шаль, а во второй сжимала стакан.

— Сильвио, скажи ему, пусть катится к черту.

Бенавидиш расплылся в улыбке до ушей.

— Темное, светлое или безалкогольное?

— Темное.

Сильвио снова исчез в глубине дома. Беатрис опять склонилась к фотографиям.

— Это кто? Учительница?

— Да.

— Понимаю вас, инспектор. Она действительно... как бы это сказать... хорошенькая. Неотразимая. Как будто сошла с романтической картины. Или как будто специально позирует.

Лоренс даже вздрогнул от неожиданности. Как странно. Во время встречи с учительницей ему пришла в голову та же мысль. Беатрис внимательно рассматривала остальные снимки. Она отбросила назад спадающие на лоб волосы и слегка нахмурила брови.

— Инспектор! Хотите, я вам помогу?

— С расследованием?

— Да. На этих фотографиях есть деталь, которая прямо-таки бросается

в глаза. Во всяком случае, в глаза женщине.

Стефани Дюпен стояла возле круглого окна и глядела на улицу, по которой передвигались мокрые жители Живерни. На ней все еще было облегающее черное платье. Через несколько минут она отошла от окна примерно на метр и сняла платье. Полураздетый Жак лежал в постели на боку. Он поднял глаза от бюллетеня по продаже недвижимости в округе Анделис. Комната располагалась в мансарде. Через середину потолка тянулась дубовая балка, с которой свисала лампочка под абажуром, заливавшая комнату рассеянным светом.

Кожа Стефани приобрела под ней оттенок красного дерева. Женщина снова приблизилась к окну и стала смотреть на вечернюю улицу — площадь возле мэрии, тополя, школьный двор.

«Что ты встала у самого окна, — подумал Жак, — тебя же с улицы видно!» Но вслух он ничего не сказал. Стефани буквально прилипла к окну. На ней был только лифчик, черные трусы и серые чулки.

— Почему на похоронах все время идет дождь? — чуть слышно прошептала она.

Жак отложил журнал в сторону.

— Не знаю. В Живерни часто идут дожди, Стефани. В том числе во время похорон. Просто про дождь на похоронах люди дольше помнят.

Он уставился на нее пристальным взглядом.

— Ты ложишься?

Она ничего не ответила, но медленно отошла от окна. Развернулась в три четверти оборота и поймала свое отражение в круглом окне.

— Я потолстела, тебе не кажется?

Жак улыбнулся:

— Смеешься, что ли? Ты...

Он замялся, подыскивая слово, способное передать то, что он чувствовал, глядя на ее длинные волосы, гибкую спину цвета меда и изгибы ее тела.

— Ты... Настоящая мадонна.

Стефани улыбнулась. Завела руки за спину и расстегнула лифчик.

— Нет, Жак. Мадонна красива потому, что у нее есть ребенок.

Она повесила деталь туалета на плечики, висевшие на вбитом в балку гвозде. Повернулась и, не глядя на Жака, села на край кровати и принялась

медленно снимать чулки. Жак вытянул из-под одеяла руку и положил ее на плоский живот жены. Чем ниже она наклонялась, снимая чулок, тем ближе к его руке была ее обнаженная грудь.

— Кому ты хочешь понравиться, Стефани?

— Никому. Почему я должна кому-то нравиться?

— Мне, Стефани. Ты должна нравиться мне.

Стефани ничего не ответила. Молча легла и накрылась одеялом.

— А мне не понравилось, — после некоторого колебания сказал Жак, — как на тебя пялился этот полицейский. На похоронах Морваля. Очень не понравилось.

— Не начинай. Хватит уже.

Она повернулась к нему спиной. Жак слышал ее ровное дыхание.

— Завтра Филипп и Титу зовут меня на охоту. На плато Мадри. Ближе к вечеру. Ты не возражаешь?

— Нет. С чего бы я стала возражать?

— Точно? Если скажешь, я останусь.

Ровное дыхание. Вот и все, что у него есть — спина жены и ее дыхание.

Это невыносимо.

Он положил журнал в изножье постели. Чуть помолчав, спросил:

— Ты не будешь читать?

Стефани покосилась на ночной столик. На нем лежала одна-единственная книга. «Орельен» Луи Арагона.

— Нет, не буду. Можешь выключать.

В комнате стало темно. Черные трусы упали на пол.

Стефани повернулась к мужу.

— Сделай мне ребенка, Жак. Умоляю тебя.

20

Инспектор Серенак во все глаза смотрел на Беатрис, силясь разгадать, что прячется за ее насмешливой улыбкой. Веранда словно превратилась в допросную. Жена Сильвио Бенавидиша зябко куталась в шаль.

— Беатрис! Так что за деталь бросилась вам в глаза?

— Она касается вашей учительницы. Кстати, как ее зовут?

— Стефани. Стефани Дюпен.

— Ах да, Стефани. Красивая девушка. По словам Сильвио, она

разбила вам сердце.

Серенак нахмурил брови.

— Так вот. Руку даю на отсечение, что она никогда не крутила любовь с этим типом. С Жеромом Морвалем.

Беатрис еще раз внимательно пересмотрела все пять фотографий.

— Поверьте мне, она — единственная из пяти женщин, кто никогда не вступал с ним в физический контакт.

— Что заставляет вас так думать? — спросил Серенак, пытаясь в свою очередь изобразить загадочную улыбку.

Ее ответ прозвучал хлестко и категорично:

— Он не в ее вкусе.

— Вот как? А кто же в ее вкусе?

— Вы.

Беременные женщины отличаются редкой прямоотой.

Вернулся Сильвио — с бутылкой «Гиннеса» и большим фирменным бокалом — и поставил то и другое перед начальником.

— А можно я здесь посижу, пока вы будете работать? — спросила Беатрис.

В глазах Сильвио мелькнул испуг. Лоренс сдул с пива шапку пены и проворчал:

— Какая разница, если он все равно все вам потом выболтает?

Бенавидиш воздержался от комментариев. Серенак ткнул пальцем в одну из фотографий.

— Ладно, я начинаю, — объявил он.

Беатрис и Сильвио наклонили головы, разглядывая снимок. Тот, на котором Жером Морваль врасплох целовал сидящую за заваленным бумагами письменным столом девушку.

— С точки зрения следствия, фото не представляет большого интереса. Снято в кабинете Жерома Морваля. Девушку зовут Фабиенна Гонкальв. Одна из его секретарш. Молодая и распутная. Их тех, что под деловым костюмом носят кружевные трусы...

Сильвио осторожно положил руку на плечо Беатрис, которой происходящее явно доставляло бездну удовольствия.

— Если верить подруге секретарши, сцена могла иметь место пять лет назад. Фабиенна тогда была не замужем. Не то что сейчас...

— На убийство из ревности точно не тянет, — сказал Сильвио и перевернул фотографию. — А что насчет кода? Двадцать три — ноль два?

— Понятия не имею. Никаких соответствий обнаружить не удалось. Ни с датой рождения, ни с датой знакомства. Единственное, что лично у

меня не вызывает сомнений — то, что вторая цифра обозначает не месяц.

— Извините, что перебиваю, патрон, но я уперся в тот же тупик. Девушек я установил, но по поводу цифр — полный туман. Ноль три — ноль один; двадцать один — ноль два; пятнадцать — ноль три. Может, это шифр частного детектива, который делал снимки?

— Возможно. Но даже если так, что это нам дает? До тех пор пока мы не выйдем на частного детектива, а Патрисия Морваль будет отрицать, что послала нам эти фото, мы не сдвинемся с мертвой точки. Ладно, оставим это пока. Давай, твоя очередь.

Сильвио так и не снял руку с плеча жены. Мало того, он ухватил конец шали и придерживал ее рукой, чтобы не спадала. Чтобы достать снимок, ему пришлось изогнуться. Второе фото явно было сделано в ночном клубе. Жером Морваль сидел, приложив руку к декольте переливающегося платья молодой загорелой и сильно накрашенной блондинки. Серенак присвистнул. Сильвио кашлянул. У Беатрис блеснули глаза.

— Алина... Алина Малетра, — пробормотал Сильвио. — Тридцать два года. Специалистка по связям с общественностью в артистической среде. Разведена. Складывается впечатление, что с ней у Морваля был самый продолжительный роман. Независимая особа. В парижских галереях чувствует себя как рыба в воде.

— Связи с общественностью... — хмыкнул Лоренс. — Значит, теперь это так называется... Судя по фотке, та еще штучка. Ты с ней разговаривал?

Беатрис выпрямила спину — ни дать ни взять волчица, почувывая опасность. Пальцы бдительного Сильвио крепче сомкнулись на шали.

— Нет, — ответил инспектор. — По моим данным, она девять месяцев назад перебралась в США. В местечко под названием Олд-Лайм — не знаю, слышали вы про него или нет, но говорят, это что-то вроде американского Живерни. Там собираются импрессионисты с Восточного побережья. Находится в штате Коннектикут, неподалеку от Бостона. Я пытался ей дозвониться, но безуспешно. Но не сомневайтесь, патрон, я ее достану!

— Хорошо. Надеюсь, ты не сочинишь сказку про американский вояж прекрасной Алины, чтобы не расстраивать Беатрис?

Беатрис провела рукой по колену Сильвио.

Беременные женщины не только сексапильны и капризны. Они еще умеют быть ласковыми.

— А теперь держитесь за землю, — продолжил Сильвио. — Знаете, на кого Алина Малетра работает в Бостоне?

— Дай подсказочку! — взмолился Серенак. — Она работает одетой

или наоборот?

Сильвио не снизошел до комментариев.

— Алина Малетра трудится в фонде Робинсона!

— Ишь ты. Опять этот чертов фонд! Сильвио, разыщи мне эту девицу, — строго сказал Лоренс, покосившись на Беатрис. — Ладно, теперь моя очередь.

По рукам пошла следующая фотография. Девушка в коротком синем халатике, из-под которого выглядывает юбка, стоит перед окулистом на коленях. У окулиста спущены штаны. Сильвио повернулся к Беатрис с таким видом, словно хотел сказать: «Дорогая, мне кажется, тебе пора спать». Но он промолчал.

— Мне очень жаль, — начал Серенак, — но я почти не продвинулся. Не видя лица девушки, трудно установить ее личность. Единственное, что мне удалось выяснить: дело происходит в гостиной дома Морвалей на улице Клода Моне — я узнал картины на стенах. Одежда девушки — я имею в виду клетчатый синий халат — позволяет предположить, что это домработница. Патрисия Морваль ничего конкретного по этому поводу сообщить не пожелала, подтвердила лишь, что домработницы у них в доме менялись с головокружительной частотой. Зато Мори, которого я попросил изучить текстуру бумаги, убежден, что фото сделано по меньшей мере десять лет назад.

— А отчего умер Морваль? — вдруг спросила Беатрис.

— Его зарезали, потом раздробили ему череп, после чего утопили, — машинально ответил Серенак.

— Моя воля, я бы ему яйца отрезала.

Сексапильная, капризная и ласковая... Как змея, обвившаяся у тебя вокруг шеи.

Сильвио глуповато улыбнулся:

— Детка, тебе не пора идти спать?

«Детка» ничего не ответила. Лоренс в душе хохотал.

— Если эта связь имела место десять лет назад... — задумчиво произнес Сильвио. — ...И если у нее родился ребенок, то ему сейчас...

— Как раз десять лет! Я тоже умею считать. Понимаю, к чему ты клонишь, но сначала нам надо найти девицу и выяснить, есть ли у нее ребенок. Так, теперь твоя ирландка.

— Это надолго, патрон. Может, сначала вы?..

Серенак поднял на него удивленный взгляд.

— Как хочешь. Я, напротив, буду краток.

Очередная фотография. Стефани Дюпен и Жером Морваль идут по

грунтовой дороге, по всей видимости, в окрестностях Живерни. Идут рядом, держась за руки.

— Полагаю, мы можем констатировать, что парочка ведет себя довольно целомудренно. Во всяком случае, для супружеской измены. Как вы считаете, Беатрис?

Сильвио вздрогнул от удивления. Беатрис вяло кивнула.

— Да, но... — возразил Бенавидиш. — ...Фотография была прислана вместе с четырьмя остальными. Вряд ли она оказалась там случайно.

— Золотые слова! Сильвио, разве тебя не учили, что нельзя покупаться на слишком очевидные улики? А ведь это азы детективного ремесла! Тем более, если улики подбрасывает аноним! Впрочем, о девушке с фотографии мы знаем все. Зовут Стефани Дюпен, работает в деревне учительницей. Завтра я с ней встречаюсь. Она обещала составить список детишек, живущих в Живерни, — Сильвио, делаю это ради тебя! Заодно поинтересуюсь, чем занимался ее муж в то утро, когда убили Морваля.

Лоренс ждал от Беатрис одобрения, но она прислонилась головой к Сильвио и закрыла глаза. Сильвио поплотнее укутал ее шалью.

— Ладно, — сказал Серенак. — Давай про ирландку.

— Элиссон Мюрер, — шепотом сказал Сильвио. — И она не ирландка, а англичанка. Из Дарема, это на севере Англии, неподалеку от Ньюкасла. А на снимке никакая не Ирландия. Это остров Сарк.

— А разве остров Сарк не в Ирландии?

— Нет, он немного севернее. Небольшой англо-нормандский островок близ Джерси. Говорят, самый красивый из британских островов.

— Так что там твоя Элиссон?

Беатрис спала.

— Это долгая история, — прошептал Бенавидиш. — И, боюсь, епископу из Эврё она совсем не понравилась бы.

ДЕНЬ ШЕСТОЙ
18 мая 2010 года
(Мельница «Шеневьер»)
СМЯТЕНИЕ

21

Как вы уже поняли, мои спальня и ванная расположены на самой верхотуре, в донжоне мельницы «Шеневьер», в той самой квадратной фахверковой башне. Это две крошечные комнатки, способные устроить только такую старуху, как я.

Я медленно закалывала волосы. Я приняла решение. Мне необходимо увидеться с Патрисией Морваль. Сегодня. Я с неудовольствием посмотрела на темное пятно на полу. Вчера, вернувшись с похорон, я сняла промокшую насквозь одежду и повесила на крючки в гостиной. Отжимать не было сил, и с моих вещей всю ночь капала вода. Утром на полу натекла целая лужа. Я вытерла ее тряпкой, но мокрое пятно осталось. Я понимаю, что это всего лишь вода и что деревянный пол вскоре высохнет, но... Это проклятое пятно не дает мне покоя. К тому же оно расплылось прямо под моими «Черными кувшинками».

Вы, конечно, скажете, что я тронулась рассудком. Что вам ответить? Вы правы — во всяком случае, в отношении этого моего «пунктика». Я подошла к окну. Одно из преимуществ жизни в башне заключается в том, что это лучший на весь Живерни наблюдательный пункт. Из своего орлиного гнезда я вижу русло Эпта, луга, протянувшиеся до самого Крапивного острова, сад Моне, шоссе Руа, заканчивающееся круглой площадью...

Это моя сторожевая вышка. Порой я провожу здесь долгие часы.

Как же я самой себе противна!

Кто бы мог подумать, что я превращусь в старую мегеру, которая целыми днями торчит у окна и подглядывает за соседями, незнакомцами, туристами?

Деревенская консьержка.

Ежик, только без элегантности. [\[4\]](#)

Но это так и есть.

Иногда глядеть на бесконечный поток машин, автобусов, велосипедов и пешеходов на шоссе Руа, на всех этих паломников импрессионизма, преодолевающих последние метры на своем крестном пути, бывает откровенно скучно.

Иногда — наоборот. Когда случаются сюрпризы. Как вот только что.

Не заметить этот мотоцикл было невозможно. Он сбросил скорость сразу за мельницей, поворачивая к деревне, на улицу Коломбье.

Инспектор Лоренс Серенак собственной персоной!

Я наблюдала за ним. Меня никто не видит, никто ни в чем не подозревает. Но даже если кто-нибудь догадается, чем я тут занимаюсь, что изменится? Одинокая старуха каждое утро прилипает к окну с выпученными, как у золотой рыбки, глазами, чтобы — как та же золотая рыбка — мгновенно, едва вильнув хвостом, забыть увиденное.

Кто побоится подобного соглядатая?

Тем временем мотоцикл полицейского развернулся на улице Коломбье. Инспектор Серенак едет назад — навстречу катастрофе.

22

Лоренс Серенак припарковал мотоцикл на площади возле мэрии, под большим липовым деревом. На сей раз он решил не полагаться на волю случая и подъехал к школе буквально через пару минут после окончания уроков. И действительно, на улице Клода Моне ему встретилась стайка детворы, восхищенно взиравшей на его «Тайгер-триумф».

Стефани стояла к нему спиной и укладывала в большую картонную папку детские рисунки. Он заговорил первым — чтобы не дать ей времени обернуться и затопить его своим взглядом, лишая возможности внятно произносить слова.

— Здравствуйте, Стефани. Вот и я. Явился, как мы и договаривались, за списком учеников.

Учительница протянула ему руку и ласково улыбнулась. Так улыбается обвиняемый в суде. Серенак сам не понимал, почему ему пришло на ум это сравнение.

— Здравствуйте, инспектор. Я все приготовила. Вот, конверт на столе...

— Спасибо. Должен вам сказать, мой помощник свято уверовал в эту

версию. В смысле, в то, что убийство связано с поздравительной открыткой, которую мы нашли в кармане Жерома Морваля.

— А вы?

— А я пока не знаю. Вам должно быть виднее. Но мой помощник вбил себе в голову, что у Жерома Морваля лет десять назад мог родиться внебрачный ребенок. В общем, сами понимаете...

— А больше он ничего не придумал?

— Вам эта версия кажется притянутой за уши? Скажите, среди ваших учеников нет никого, кто подошел бы под это описание?

Стефани взяла со стола белый конверт и приложила его к груди инспектора.

— Раскапывать семейные секреты моих волчат — ваша работа, а не моя.

Серенак не стал настаивать. Он молча оглядывал класс, делая вид, что подбирает нужные слова. В действительности инспектор знал, что сейчас скажет. Он подготовил свою речь заранее. Всю дорогу от Вернона до Живерни он, как выдохшуюся жвачку, катал и перекатывал во рту первую фразу. Скользя глазами по пастельных тонов афише «Конкурс юных художников», он заметил рядом еще одну, на которой также упоминался фонд Робинсона. Фоном ей служила репродукция одного из пейзажей Сислея, а английский текст расхваливал Национальный музей и арт-галерею Кардиффа. Выждав сколько требовалось, Серенак спросил:

— Стефани, вы хорошо знаете свою деревню?

— Я здесь родилась.

— Мне нужен провожатый. Как бы вам это объяснить? Я чувствую, что должен ближе познакомиться с Живерни, проникнуться ее духом. Иначе мне не справиться с расследованием.

— Наблюдательность и воображение? Как учат художники?

— Именно.

Они улыбнулись друг другу.

— Хорошо. Я в вашем распоряжении. Сейчас накину что-нибудь, и можем идти.

Стефани Дюпен надела на желтое платье шерстяной жакет. Они прошли по улице Клода Моне, спустились по Большой Садовой, свернули на улицу Мильё, пересекли ручей и выбрались на шоссе Руа прямо напротив мельницы «Шеневьер». Стефани сотни раз водила своих учеников по Живерни. Она знала все местные истории и легенды и охотно делилась ими с инспектором. В том числе объяснила, что практически

каждый уголок и чуть ли не каждый здешний дом и каждое дерево удостоены высокой чести быть покрытыми лаком и вставленными в раму и храниться, вызывая восхищение, за тридевять земель от Живерни.

Контроль подлинности происхождения!

From Givemy. Near Giverny. Normandy.^[5]

— У нас, — Стефани улыбалась немного странно, — путешествуют камни и цветы. Но не люди!

Они перешли на другую сторону шоссе Руа. Под мостом, убегая под каменную арку в направлении мельницы «Шеневьер», журчала вода, создавая иллюзию свежести. Стефани остановилась в нескольких метрах от мельницы.

— Меня всегда тянуло к этому необычному дому, — призналась она. — Сама не знаю почему.

— Вы позволите мне высказать предположение?

— Попробуйте.

— Помните книгу, которую вы мне дали? «Орельен» Луи Арагона. Я провел в его обществе чуть ли не полночи. Орельен и Беренис. Их умопомрачительная любовь. В тех главах, где действие происходит в Живерни, Беренис живет на мельнице. Арагон не уточняет, на какой именно, но, если внимательно прочитать описание местности, не остается никаких сомнений, что речь идет об этой самой.

— Вы так думаете? Вы серьезно полагаете, что Арагон загнал свою Беренис, раздираемую между двумя чувствами, между разумом и стремлением к абсолюту, умирать от скуки...

— Ни слова больше! — перебил ее Лоренс. — Не рассказывайте мне, чем там все кончится!

Они приблизились к большим деревянным воротам. Ворота стояли распахнутые. По долине пронесся легкий ветерок. Стефани поежилась. Лоренсу стоило немалого труда удержаться и не прижать ее к себе.

— При всем уважении к Арагону... Видите ли, Стефани, для полицейской ищейки, каковой я являюсь, эта мельница — в первую очередь ближайшее к месту убийства Жерома Морваля жильё.

— Ну, меня это не касается. Я при вас только гид. Если вам интересно, у этой мельницы длинная история. Не будь ее, не было бы ни сада Моне, ни знаменитых «Кувшинок». На самом деле ручей рукотворный. Его русло прорыли монахи еще в Средние века, чтобы подвести к мельнице воду. Он протекал чуть выше участка Моне, через поле, и Моне это поле выкупил, чтобы устроить у себя в саду пруд.

— А что было потом?

— Мельница долго принадлежала Джону Стентону — американскому художнику, который, как говорят, теннисной ракеткой владел гораздо лучше, чем кистью. Но по неизвестной причине для деревенской детворы мельница «Шеневьер» всегда оставалась заколдованным местом и домом ведьмы.

— Брр...

— Смотрите, Лоренс. Следите за моим пальцем.

Стефани взяла его за руку. Лоренса окатило блаженство.

— Видите вишню посреди двора? Ей не меньше ста лет! У детишек Живерни любимое развлечение — прокрасться во двор и нарвать вишен.

— Куда только смотрит полиция?

— Подождите, дальше смотрите. Видите, в ветках что-то блестит? Это фольга. Просто полосы фольги. Их вешают, чтобы отпугивать птиц. От птиц вреда урожаю гораздо больше, чем от детворы. А у детворы есть еще одна забава...

В глазах Стефани вспыхнули озорные огоньки, на миг превратив ее в девчонку. Печальное выражение бесследно исчезло с ее лица. Не давая инспектору вставить ни слова, она продолжила:

— Мальчик, который желает удостоиться звания рыцаря, должен сорвать с дерева металлическую ленту и преподнести в дар своей принцессе, чтобы принцесса могла вплести ее в волосы.

Она засмеялась и поднесла руку Лоренса к своей голове.

— Это вещественные доказательства, инспектор!

Серенак погрузил пальцы в густые каштановые волосы. Его охватило смятение. Не может быть, чтобы Стефани не замечала, в каком он состоянии.

«Что она задумала? Сколько в ее действиях непосредственности и сколько расчета?»

Под его пальцами шуршали ленты фольги. Он отдернул руку, словно боясь обжечься. И улыбнулся глупо, понимая, что выглядит круглым дураком.

— Вы поразительная женщина, Стефани. Правда, правда. Носить в причёске ленты из фольги! Полагаю, с моей стороны будет нескромным поинтересоваться: кто тот рыцарь, что вам их преподнес?

Она спокойно поправила волосы.

— Во всяком случае, не Жером Морваль. В этом вы можете быть уверены. Чего-чего, а ребяческого романтизма в нем не было ни на грош. И не пытайтесь, инспектор, искать тайну там, где ее нет. У меня в классе полно мальчиков, которые обожают дарить учительнице подарки. Ну что,

пошли дальше?

Они немного продвинулись вдоль русла ручья и остановились напротив портомойни, в том самом месте, где несколько дней назад было обнаружено тело Жерома Морваля.

Каждый из них думал об этом убийстве.

Первой затянувшееся молчание прервала Стефани:

— Портомойню подарил деревне Клод Моне. Не только эту, еще несколько в других местах коммуны. Он пытался подольститься к крестьянам, хотел, чтобы они стали считать его своим...

Серенак ничего не отвечал. Отступив на пару шагов, он вглядывался в воду, в глубине которой колыхались на дне ручья водоросли.

— Должен признаться вам, Стефани. — Его голос прозвучал резко, как свист кнута. — В настоящий момент главным подозреваемым по этому делу является ваш муж.

— Простите?

— Я просто хотел, чтобы вы знали. Ходили слухи, что между вами и Морвалем... А ваш муж известен своей ревностью.

— Чушь какая! Что за игру вы затеяли, инспектор? Я ведь вам уже сказала, что между мной и Морвалем...

— Знаю. Но...

Он тронул мыском ботинка рыхлую прибрежную землю. Вчерашний дождь успел смыть все следы.

— У вашего мужа есть сапоги?

— И много у вас таких дурацких вопросов?

— Это далеко не дурацкий вопрос. Это вопрос следователя. Простите, но вы мне не ответили.

— Ну разумеется, у Жака есть сапоги. Как у всех. Думаю, сейчас он как раз в них. Ушел с приятелями на охоту.

— Так охотничий сезон вроде еще не открыт?

Голос учительницы звучал сухо и равнодушно:

— Владелец холма над Астрагальской тропой Патрик Делоне добился разрешения на круглогодичный отстрел диких кроликов вне территории заповедника. На известковых почвах, да будет вам известно, кролики плодятся с немыслимой интенсивностью. Дайте своим людям задание проверить, и они вам подтвердят: в сельскохозяйственном управлении департамента лежит документ с перечислением участков, регулярно подвергающихся набегам вредоносных грызунов, и списком лиц, которым с согласия Делоне позволено охотиться в его владениях. В этом списке, чтоб вы знали, все его приятели из Живерни, в том числе мой муж. Все

покупается... А они палат себе круглый год без перерыва и притом — на совершенно законных основаниях.

Серенак нахмурил брови. Весь его вид говорил о том, что, если он ничего не записывает, то все запоминает.

— Спасибо, мы обязательно проверим. К вам зайдет мой помощник. Могу вас сразу успокоить: он далеко не такой нахальный, как я. Стефани, а что делал ваш муж в то утро, когда случилась трагедия?

Стефани шагнула в сторону и сорвала листок с ближайшей ивы.

— Значит, вы специально привели меня сюда, инспектор? Чтобы допросить на месте убийства? Так сказать, с целью оказания психологического давления?

— Вы не... Я не... — забормотал инспектор.

— В то утро Жак ушел на охоту, — еще суше ответила Стефани. — Очень рано. Что абсолютно нормально для этого времени года — если погода позволяет. Как видите, у моего мужа нет алиби. Но и мотива у него тоже нет. То обстоятельство, что Жером Морваль делал робкие попытки за мной ухаживать, не может служить мотивом. Мы с ним несколько раз прогулялись вместе по окрестностям — как сейчас прогуливаемся с вами. Разговаривали о живописи. Он был интересный собеседник и очень образованный человек. Дальше этого мои отношения с Жеромом Морвалем никогда не заходили.

Стефани Дюпен проследила взглядом за течением воды, а затем подняла глаза на Лоренса Серенака.

Непроницаемые глаза.

— Судите сами, инспектор. Допустим, я сейчас поскользнусь, а вы меня подхватите. Кто-нибудь может это увидеть. Кто-нибудь, наделенный наблюдательностью и воображением. Он может даже нас сфотографировать. Здесь такое случается сплошь и рядом. При этом и вы, и я будем точно знать, что между нами ничего не было.

Серенак не удержался и посмотрел по сторонам. Он заметил несколько человеческих фигур, но далеко, за полями. Ни одного дома поблизости не было. Кроме мельницы Шеневьер.

— Простите меня, Стефани, — пробормотал он. — Я... Мне... Это всего лишь одна из версий. Наверное, я не совсем точно выразился, когда сказал про «главного подозреваемого»... — Он чуть помолчал и продолжил: — На самом деле, по мнению моего заместителя, инспектора Бенавидиша, — мнению, которое я разделяю, — существует три возможных мотива убийства Жерома Морваля. Ревность — поскольку он менял любовниц как перчатки. Спекуляция произведениями искусства —

поскольку он увлекался коллекционированием живописи. И, наконец, некая тайна, связанная с ребенком...

Стефани ненадолго задумалась. Когда она заговорила, в ее голосе звучала ирония:

— Тогда главной подозреваемой должна быть я. Все три следа ведут ко мне, не так ли? Я иногда разговаривала с Морвалем; я организую конкурс рисунков; я лучше всех знаю окрестную детвору. Я права?

Она криво усмехнулась своими бледными губами и протянула ему обе руки со сжатыми кулаками, словно предлагала тут же надеть на них наручники.

Серенак натужно рассмеялся:

— Напротив, вы чисты как никто. Судя по вашим словам, вы не были любовницей Морваля, не пишете картин и у вас нет детей.

Инспектор едва успел договорить, как почувствовал, что сказал что-то не то. Глаза Стефани внезапно потемнели, словно слова Серенака причинили ей боль.

Словно у скрипки лопнула струна.

Нет, она не может так искусно притворяться. Он повторил про себя все, что только что произнес вслух.

«Вы не были любовницей Морваля».

«Вы не пишете картин».

«У вас нет детей».

Поведение Стефани доказывало, что он в чем-то ошибся. Что по меньшей мере одно из этих утверждений ложно.

По меньшей мере одно.

Какое именно? И связано ли оно с расследованием убийства? У Лоренса снова возникло ощущение, что он увязает в болоте, цепляясь за детали, не имеющие никакого значения.

По улице Коломбье они медленно дошли до школы. Оба молчали. Прощаясь, оба чувствовали непонятное смущение.

— Стефани! Как положено говорить в таких случаях: я прошу вас никуда не уезжать и оставаться в досягаемости полиции.

Он постарался смягчить свои слова улыбкой. Она ответила с подчеркнутой теплотой:

— С удовольствием, инспектор. Найти меня не трудно. Я либо в школе, либо дома.

Она указала взглядом на круглое окно в мансарде.

— Как видите, мое королевство не слишком велико. Ах да, чуть не

забыла. Через три дня я веду детей на экскурсию в сад Моне.

И она скрылась за школьной дверью, напоследок окатив Лоренса сиреневым дождем своих глаз. Он чувствовал, как этот поток проникает ему в мысли, заставляя видеть окружающее в новом свете — реальность дробилась и распадалась, словно беспорядочные мазки кисти на холсте.

«Стефани Дюпен.

Какую роль она играет в этой истории?

Виновницы? Или жертвы?»

Эта женщина лишила его покоя. Единственным разумным выходом было бы отказаться от расследования, вызвать судебного следователя, свалить все на Сильвио или кого угодно еще.

Его останавливало только одно.

Интуиция. Она подсказывала ему, что Стефани Дюпен безмолвно вызывает о помощи.

23

Из своей башни я все отлично разглядела. Я видела, как парочка стояла под моей вишней. Видела ленты из фольги в волосах учительницы. Видела грязь на ботинках инспектора, топтавшегося на месте убийства.

Великолепный обзор!

С моей стороны было бы глупо упускать такую возможность, вы не находите? При всей банальности происходящего. Красавец инспектор, явившийся невесть откуда, и учительница в ожидании спасителя! Оба они молоды и хороши собой. У них впереди вся жизнь. Они держат свою судьбу в собственных руках.

Что еще требуется?

Пара-тройка встреч. А дальше плоть возьмет свое.

Я спустилась вниз, проклиная каждую ступеньку. Еще несколько минут придется повозиться, запирая дверь на три замка. Мне уже трудно даже просто закрыть тяжелую дубовую дверь, такую же старую, как я. Помоему, петли у нее с каждой ночью ржавеют все сильнее. Наверное, двери тоже болят ревматизмом.

Вспомнились полицейский и учительница. Эти двое мечтают прорвать картину. Выйти за пределы рамы. Сбежать на сияющем хромом мотоцикле. Какая женщина не мечтает о таком побеге?

Главное, чтобы в мотор не попала песчинка.

Или кто-нибудь другой не переписал историю по-другому.
— Нептун! Ко мне.

Мы пошли. Как всегда, я срезала путь через парковку возле музея американского искусства. Как всегда, шагая мимо здания, сморщилась от отвращения перед его безобразной архитектурой в духе 1970-х. Разумеется, я в курсе: изначально планировалось, что здание будет скрыто большим садом. Много лет назад они даже высадили перед музеем туи и бирючину. И назвали все это импрессионистским парком. Ха-ха. Но я знаю немало таких, кто ни за что не согласится заменить привычный забор на живую изгородь. Полагаю, сейчас, когда французы выкупили участок у американцев, а в здании собираются устроить музей импрессионистов, они вырубят весь этот так называемый парк. И, если бы меня спросили, что я об этом думаю, я бы сказала, что я — за.

В любом случае я умру раньше, чем все это будет реализовано. Пока что они ограничились тем, что поставили позади музея четыре стога сена. Еще бы вилы воткнули! На мой взгляд, сено плохо сочетается с туями, зато туристам нравится. Они обожают фотографироваться на фоне стогов.

В молодости я часто гуляла за музеем и расположенной чуть дальше галереей Камбура. Дорога там идет в гору, и сверху открывается неплохой вид на утопающую в зелени крышу музея. Туристы туда не ходят. Хотя, если говорить о видах, самый красивый — с высоты холма, на котором стоит водонапорная башня. Мне туда уже не дойти. Остается только вспоминать.

Я шла вперед, постукивая палкой по тротуару. Меня обогнала группа из пяти стариков — не таких старых, как я, но и не молоденьких; они болтали по-английски. У нас всегда так. В будни в Живерни безлюдно, как в любой другой деревне, если не считать автобусов с экскурсантами. Три четверти туристов говорят по-английски. Их высаживают в начале улицы Клода Моне, они проходят ее в оба конца — до церкви и обратно. По пути туда разглядывают галереи, по пути назад — кое-что покупают. В выходные — дело другое. В выходные у нас нашествие парижан. Ну, и из других городов Нормандии народ приезжает, но немного.

Старики удалялись от меня все дальше, а я продолжала ползти как черепаха. Будь моя воля, перед галереей Канди я бы точно ускорила шаг. Амаду Канди принадлежит самая старая в Живерни художественная галерея.

Я хожу мимо нее уже тридцать лет. И все тридцать лет она меня раздражает.

Лавка похожа на пещеру Али-Бабы. Завидев меня, на пороге появился хозяин.

— Привет, красавица! Все мотаешься туда-сюда?

— Здравствуй, Амаду. Извини, я спешу.

Он захохотал во всю свою великанскую глотку. На моей памяти он в деревне единственный африканец. Родом из Сенегала. Иногда я останавливаюсь с ним поболтать. Он делится со мной своими планами. Мечтает в один прекрасный день купить и продать Моне. Сорвать джекпот. Любое полотно с «Кувшинками». Хотя бы с черными... Порой он тоже шатается в окрестностях мельницы Шеневьер. Амаду Канди заключил немало сделок с Жеромом Морвалем. Я ему не доверяю. К тому же мне стало известно, что не так давно к нему заглядывала полиция.

Я шла вперед. У меня впечатление, что улица Клода Моне с каждым разом становится все длиннее. Туристы вежливо расступаются, пропуская старую даму. Находятся придурки, которые меня фотографируют. Как будто я являюсь частью пейзажа.

Дом семьдесят один.

Наконец-то!

На почтовом ящике надпись: «Жером и Патрисия Морваль». Можно подумать, здесь по-прежнему живут муж и жена. Но я понимаю Патрисию. Ей не хочется отскрести с почтового ящика имя покойного мужа.

Я несколько раз позвонила в колокольчик. Она вышла.

Вид удивленный.

Что, в общем-то, нормально. Мы уже несколько месяцев толком не общались: так, кивнем друг другу, встретившись на улице, и все. Я подошла к ней и чуть ли не в ухо прошептала:

— Патрисия, мне надо с тобой поговорить. Я должна кое-что тебе сообщить. Я кое-что узнала, а еще кое-что поняла.

Она пропустила меня вперед, и я заметила, какая она бледная. В длинном коридоре висели две картины с «Кувшинками». У меня закружилась голова. И показалось, что Патрисия старательно отводит от них глаза.

Слюнтяйка. Всегда такой была.

— Это... Это насчет смерти Жерома? — пробормотала она.

— Да. Но не только.

Я заколебалась. Терять мне больше нечего, это верно, но все-таки швырнуть правду ей в лицо — это как-то... Посмотрела бы я на вас, окажись вы на моем месте. Поэтому я подождала, пока она усядется в

кресло в гостиной, и только тогда сказала:

— Да, Патрисия, это касается смерти Жерома. Я знаю имя его убийцы.

24

Сильвио Бенавидиш терялся в догадках: что в пруду с кувшинками забыли крокодилы? Разумеется, каждый художник имеет право на свободу самовыражения, но, может, на сей раз автор — некто Кобамо — имел в виду некий скрытый смысл? От нечего делать Сильвио принялся считать крокодилов, спрятанных на картине Кобамо между кувшинок, и повсюду натыкался взглядом то на глаза, то на ноздри, то на хвост.

У него за спиной открылась дверь, и в галерею вошел Лоренс Серенак. Инспектор Бенавидиш повернулся к Амаду Канди.

— Я же вам говорил, он вот-вот будет, — с нескрываемым облегчением произнес он.

Амаду Канди медленно поднял руки. Галерист-сенегалец был настоящим великаном: если поставить друг на друга двух типичных японских туристов, как раз получится один Канди. Одет он был в просторный балахон — бубу — пастельных тонов, покрытый яркими африканскими узорами.

— А я, инспектор, и не волновался. Я же понимаю: по сравнению с вашим мое время ничего не стоит.

Галерея Канди внутри напоминала свалку. В каждом углу стояли и лежали картины разного формата, как в музее, который то ли только что переехал в новое помещение, то ли собирается переезжать. Должно быть, это помогало создать у посетителя иллюзию, что ему крупно повезло — в таком бардаке наверняка найдется подлинная жемчужина живописи, продающаяся за сущие гроши.

Амаду Канди был тот еще хитрец.

Оба инспектора осмотрелись, куда бы присесть. Сильвио Бенавидиш устроился на ступеньке лестницы, между двумя картонными коробками, а Лоренс Серенак оседлал узкую деревянную лавку, полузаваленную литографиями.

— Месье Канди! Вы знали Жерома Морваля? — спросил Серенак.

Амаду Канди остался стоять.

— Да. Жером был просвещенным любителем искусства. Мы с ним беседовали, я давал ему советы. У него был отменный вкус. В его лице я потерял друга.

— И хорошего клиента, не так ли?

Вопрос Серенака прозвучал грубовато. Не иначе, узкая скамья натирала инспектору мягкие части. Канди не обратил на агрессивный тон никакого внимания и продолжал улыбаться смиренной улыбкой.

— Если вам угодно. Ваша работа — подозревать всех и каждого, инспектор.

— Тогда, я надеюсь, вы простите меня за прямоту. Давал ли вам Жером Морваль поручение найти для него «Кувшинки»?

— И свою работу вы делаете превосходно, — хмыкнул Канди. — Да, помимо прочего, Жером Морваль просил меня навести справки о рыночной цене на произведения Клода Моне.

— В том числе на «Кувшинки»?

— В том числе. Между нами говоря, это была безнадежная затея, и Жером прекрасно это сознавал. Но ему нравилось братья за неосуществимые проекты.

— Почему он обратился именно к вам? — вступил Бенавидиш.

Амаду Канди повернул к нему голову. Кажется, до него только сейчас дошло, что оба инспектора сидят, а он торчит между ними стоя.

— В каком смысле — почему ко мне?

— Почему Морваль обратился с этой просьбой к вам, а не к другому галеристу?

— А почему бы и нет? Вы сомневаетесь в моей профессиональной компетенции? — Канди широко улыбнулся, обнажив белоснежные зубы. — Ну конечно, если бы речь шла о приобретении образца примитивного искусства, тогда понятно, но просить сенегальца разузнать что-нибудь насчет импрессиониста... Но вы зря волнуетесь, инспектор. Жером также заказывал мне рог волшебной антилопы.

Серенак весело расхохотался и потянулся, расправляя затекшие мышцы.

— Вам, мистер Канди, палец в рот не клади. Впрочем, нас предупреждали. Ладно, честно говоря, у нас очень мало времени...

— Да? А только что вы вроде никуда не торопились.

— Только что?

— Только что. Час или два назад. Вы проходили мимо моей галереи. Я не посмел вас отрывать — вы были погружены в разговор с экскурсоводом.

Бенавидиш немного растерялся. Серенак и бровью не повел.

— Наши данные подтверждаются. Вы очень хитрый человек, месье Канди.

— Живерни — маленькая деревня, — сказал галерист, поворачиваясь к

двери. — Всего-то две улицы.

— Мне об этом уже говорили.

— На самом деле, инспектор, мое внимание привлекли не вы, а ваш экскурсовод. Она же — наша учительница. Знаете, что я тогда подумал? «Вот везунчик». Я бы и сам с удовольствием завел детей только ради того, чтобы каждое утро водить их в школу и встречаться со Стефани Дюпен.

— Как ваш друг Морваль.

Канди отступил на шаг, чтобы окинуть взглядом обоих полицейских одновременно.

— У Жерома не было детей, — ответил он. — Вы, инспектор, тоже хитрец каких поискать.

Он повернулся к Сильвио.

— А вам, как я понимаю, досталась роль ищейки. Вдвоем вы составляете идеальный дуэт. С кем бы вас сравнить? Обезьяна и большой муравьед? Как вам такой образ?

Серенак поерзал на лавке.

— И часто вам случается изобретать африканские поговорки?

— Да постоянно. Экзотика, сами понимаете. Клиенты в восторге. Когда ко мне заходят пары, я всегда говорю им, на каких зверей они похожи. Это мое торговое ноу-хау. Вы даже не представляете себе, как эффективно это работает.

— И вы решили, что с парой полицейских ваш трюк тоже прокатит?

— Почему бы не попробовать?

Серенак явно получал от беседы удовольствие — в отличие от Бенавидиша, который с трудом скрывал раздражение и нетерпеливо постукивал ногами о ступеньку.

— Вы знали Элиссон Мюрер? — вдруг спросил он.

— Нет.

— А ваш друг Морваль знал ее очень хорошо.

— Правда?

— Вы любите сказки, месье Канди?

— Обожаю. Мой дедушка по вечерам рассказывал сказки всему нашему племени. Это у нас было вместо телевизора. А перед этим мы жарили на углях саранчу.

— Мистер Канди, не переигрывайте.

Бенавидиш схватился за перила лестницы, поднялся на ноги и протянул галеристу фотографию. Элиссон Мюрер и Жером Морваль лежат рядышком на пляже Сарка.

— Как вы можете убедиться, — сказал Сильвио, — речь идет об одной

из близких друзей вашего друга — Жерома Морваля.

Амаду Канди с видом знатока изучал снимок.

Серенак подхватил эстафету помощника:

— Глядя на фотографию, можно подумать, что мисс Мюрер — красивая девушка, но на самом деле это не так. В личике нашей Элиссон нет ничего выдающегося. Не то чтобы она уродина — нет, конечно, но внешность у нее самая заурядная. А поскольку мы с коллегой, — Лоренс подмигнул Бенавидишу, — хитрые полицейские ищейки, мы решили, что что-то здесь не так. Слишком уж наша Элиссон отличается от других пассий Жерома Морваля. Ну разве это не странно, месье Канди? С какой стати Жерому Морвалю заводить интрижку с ничем не примечательной бухгалтершей страховой конторы Ньюкасла?

Амаду Канди вернул фотографию полицейским.

— Возможно, вам имеет смысл пересмотреть свои эстетические критерии? Все-таки девушка — англичанка...

Серенак снова не смог удержаться от смеха. Скамейка под ним зашаталась.

В бой ринулся Бенавидиш.

— С вашего позволения, месье Канди, я продолжу свою историю. Из всей родни у Элиссон Мюрер есть только бабушка. Ее зовут Кейт Мюрер, и она всю жизнь прожила в рыбацком домишке на острове Сарк. Это скромная хижина, довольно-таки обветшавшая. В доме Кейт Мюрер нет дорогих вещей. Так, кое-какие безделушки, дешевая бижутерия, чашки с выщербленными краями и несколько старинных картин неизвестных художников, не представляющих никакого интереса. Еще у нее есть репродукция «Кувшинок» Моне — небольшое полотно размером шестьдесят на шестьдесят. Кейт невероятно дорожит своим убогим имуществом — но не потому, что оно стоит больших денег, а потому, что это память о ее ушедших из жизни близких. Почему я рассказываю вам о Кейт? Потому, что Жером Морваль несколько раз приезжал на остров Сарк в обществе Элиссон Мюрер и успел подружиться с ее бабушкой. Но, видите ли, месье Канди, полицейская ищейка, особенно наделенная чертами характера, свойственными муравьеде, не может не задаться вопросом: какого дьявола Жером Морваль таскался к старухе англичанке на богом забытый остров?

Патрисия Морваль провожала глазами фигуру в черном, медленно удаляющуюся в сторону мельницы Шеневьер. До нее еще доносился стук палки об асфальт улицы Клода Моне. Когда фигура дошла до агентства недвижимости «Престиж», к ней присоединился Нептун. Патрисия Морваль задумалась: интересно, как долго они со старухой проговорили.

«Полчаса?

Вряд ли дольше.

Господи!»

Каких-то полчаса — и все ее представления о жизни разлетелись в прах. Смысл только что услышанного постепенно проникал в сознание Патрисии Морваль. Но разве она обязана верить полоумной старухе? А главное, что ей теперь делать?

Она вышла в коридор, старательно отводя глаза от панно с кувшинками. Наверное, надо позвонить в полицию. Да, это было бы самое разумное...

Она заколебалась.

С другой стороны, что это ей даст? И кому она может довериться?

Она уставилась на увядшие цветы в японской вазе. Патрисия прекрасно запомнила свою встречу с инспектором Серенаком. Она не забыла ни его инквизиторского взгляда, ни его интереса к каждой висящей на стене картине, ни его недоумения перед «Кувшинками» в коридоре. Господи... В голове снова вспыхнул тот же самый вопрос: кому довериться?

Сидя в гостиной, Патрисия долго размышляла о только что состоявшейся беседе. На самом деле проблема заключалась в другом. Возможно ли еще хоть что-то исправить? Повернуть вспять ход вещей?

Патрисия перешла в небольшую комнату, почти все пространство которой занимал письменный стол с компьютером. Компьютер был включен. На экране сменяли друг друга фотографии пейзажей Живерни. Патрисия заинтересовалась Интернетом всего пару месяцев назад. Она сама не подозревала, что так увлечется этим новшеством. Но случилось то, что случилось. Она под села на Интернет и теперь проводила в Сети долгие часы. Благодаря Интернету она заново открыла для себя родную деревню. Раньше она даже не подозревала о существовании тысяч фотографий Живерни, одна краше другой, и достаточно пару раз кликнуть мышкой, чтобы наслаждаться их созерцанием. Она и не догадывалась, какими восторгами делятся между собой на форумах люди, посетившие Живерни. Не так давно Патрисия наткнулась на сайт под названием Givernews. С тех

пор не проходило и недели, чтобы она не заглянула на сайт и не прочитала публикации в блогах, исполненные скромной, но искренней поэтичности.

Но сегодня ей было не до любимого сайта.

Сегодня ее интересовали другие вещи. Патрисия кликнула мышкой на желтую звездочку, обозначающую «Избранные адреса», развернула меню и нашла строчку «corainsdavantlintemaute.com».^[6]

Секундой позже она ввела в строку поиска слово «Живерни». Поисковик выдал ссылку на единственную фотографию. Патрисия загрузила ее. Это была довоенная школьная фотография.

1936/37 учебного года.

«Интересно, — мелькнуло у Патрисии, — что должны думать люди, случайно наткнувшиеся на этот сайт?

Зачем тут эта доисторическая фотография?

Кому взбретет на ум разыскивать одноклассников, с которыми учился шестьдесят пять лет назад?»

Патрисия долго вглядывалась в невинные детские лица. Господи, она все еще не в состоянии поверить в то, о чем поведала ей эта полоумная старуха. Такого просто не может быть! Она все придумала! Неужели она и правда знает, кто убийца Жерома? Человек, которого она сама, Патрисия, заподозрила бы в последнюю очередь!

Ее охватила дрожь. Из глаз потекли слезы. Наконец она собралась с силами и встала.

Она знает, что должна сделать. Перешла в гостиную, по пути машинально передвинув на пару сантиметров бронзовую фигурку Дианы-охотницы на буфете вишневого дерева.

Да чем она рискует?

Патрисия выдвинула ящик буфета и достала старую записную книжку в черной обложке. Снова села в кожаное кресло, взяла трубку беспроводного телефона и набрала номер.

— Алло! Комиссар Лорантен? Это Патрисия Морваль.

На том конце провода молчали.

— Жена Жерома Морваля. Дело Морваля. Хирурга-офтальмолога, убитого в Живерни... Вы понимаете, о чем я?

На сей раз ей ответил раздраженный голос:

— Разумеется, понимаю. Я на пенсии, но болезнью Альцгеймера пока не страдаю.

— Ну да, ну да. Я потому вам и звоню. Я часто встречала вашу фамилию в местной прессе. С самыми хвалебными отзывами. Мне нужна ваша помощь, комиссар. Я хочу, чтобы вы провели... как бы это сказать...

ну, что-то вроде параллельного расследования. Я имею в виду, помимо официального.

Она замолчала. Молчал и ее собеседник.

Хвалебные отзывы...

Комиссару Лорантену невольно вспомнились самые громкие в его карьере дела. Годы, проведенные в Канаде, и участие в раскрытии кражи из Монреальского музея изящных искусств в сентябре 1972 года. Это было одно из крупнейших в истории ограблений — злоумышленники похитили 18 полотен: Делакруа, Рубенс, Рембрандт, Коро... В 1974-м он вернулся в Вернон, а одиннадцать лет спустя, в ноябре 1985-го — за три года до выхода на пенсию — расследовал кражу из музея Мармоттана девяти картин Моне, в том числе самой знаменитой — «Впечатление. Восход солнца». Именно он, Лорантен, прикомандированный к центральному управлению по борьбе с незаконной торговлей произведениями искусства, в 1991 году разыскал картины. Пройдя через руки члена японской якудза по имени Сюнити Фудзикама, они приземлились в Порто-Веккьо, у одного корсиканского бандита. Дело приобрело широкий международный резонанс, все газеты того времени писали о нем на первых полосах... Кажется, это было вечность назад.

Лорантен прервал молчание первым.

— Мадам Морваль, я ведь уже на пенсии. С финансовой точки зрения, пенсия комиссара полиции выглядит не слишком завидно, но мне хватает. Почему бы вам не обратиться к частному детективу?

— Я думала об этом, комиссар. Разумеется, думала. Но ни у одного частного детектива нет вашего опыта в области незаконной торговли предметами искусства. А в этом деле он необходим...

— Так чего же вы от меня хотите? — В голосе комиссара слышалось искреннее удивление.

— Вам уже стало любопытно, комиссар? Признаюсь честно, я на это рассчитывала. Сейчас я опишу вам картину. А вы вынесете свою оценку. Не кажется ли вам, что действия молодого неопытного следователя, самым нелепым образом влюбившегося в главную подозреваемую — или в жену главного подозреваемого, — носили во многом ошибочный характер? Разве он мог успешно довести расследование до конца? Я имею в виду, объективно? И можно ли полагаться на его суждение, если мы хотим узнать правду?

— Но он ведь работал не один. У него был заместитель. И целая команда...

— Полностью ему подчиненная.

Комиссар Лорантен закашлялся.

— Извините. Я бывший полицейский. Мне скоро восемьдесят. В последние десять лет я ни разу не заглядывал в комиссариат. И я по-прежнему не понимаю, чего вы от меня ждете.

— Тогда я постараюсь еще немного распалить ваше любопытство, комиссар. Вы ведь читаете газеты? Советую вам обратить внимание на страницу некрологов. В рубрике местных новостей. Уверена, вы заинтересуетесь.

Комиссар почти не скрывал иронии:

— Непременно посмотрю, мадам Морваль. Вы все рассчитали правильно — себя не переделаешь. Ваши странные намеки помешают мне и дальше спокойно разгадывать sudoku. Не каждый день получаешь подобные просьбы. Вам удалось внести разнообразие в повседневную рутину холостяка-полицейского на пенсии. Но я так и не понял, чего вы от меня хотите.

— Неужели я выражаюсь недостаточно ясно? Ну хорошо. Скажем, так: молодой инспектор уделял слишком много внимания искусству вообще и живописи, в частности, в том числе «Кувшинкам», и слишком мало — старикам.

Снова настало долгое молчание.

— Полагаю, — наконец заговорил комиссар, — я должен чувствовать себя польщенным вашими намеками, но, поймите, для меня все это — далекое прошлое. Я отстал от жизни. Если вы надеетесь на альтернативное расследование, то, боюсь, обратились не по адресу. Позвоните в департамент полиции, занимающийся преступлениями в сфере искусства. Там много более молодых сотрудников...

— Комиссар! — перебила его Патрисия. — Проведите это расследование! Как любитель. Беспристрастно. Что может быть проще? Это все, о чем я вас прошу. А дальше вы сами все поймете. Кстати, могу дать вам одну наводку. Зайдите в Интернет, на сайт «друзей доинтернетной эпохи». Если у вас есть дети или внуки, они вам помогут. Вбейте слово «Живерни». Дата: тысяча девятьсот тридцать шестой — тридцать седьмой год. Я полагаю, это послужит толчком к началу расследования и позволит взглянуть на дело под новым углом зрения. Впрочем, сами увидите.

— Какую цель вы преследуете, мадам Морваль? Вас сжигает жажда мести?

— Нет, комиссар. Вовсе нет. Пожалуй, впервые в жизни меня переполняет совсем другое чувство...

Патрисия Морваль нажала отбой. Почти с облегчением.

За окном горел закат. Солнце медленно опускалось за холмы вдоль берегов далекой Сены, делая зыбкий пейзаж похожим на полотно импрессиониста.

26

Инспектор Бенавидиш не переставал удивляться спокойствию Амаду Канди. Чем внимательнее он изучал галерею великана сенегальца, тем яснее понимал, насколько она необычна. Вместо безупречной белизны, призванной подчеркнуть красоту выставляемых работ, — стены в лохмотьях облупившейся краски, свисающие с потолка голые лампочки и кирпичная кладка, на вид скрепленная не столько цементом, сколько грязью. Судя по всему, Амаду Канди прикладывал невероятные усилия, чтобы превратить свой магазин в пещеру.

— Позвольте подытожить, месье Канди, — сказал Сильвио. — Что мы имеем? Некрасивую любовницу. Бабушку без гроша в кармане. Дождливый англо-нормандский остров. Неужели поведение вашего друга Морваля не кажется вам удивительным?

— Я всегда ценил в нем оригинальность.

— А Сарк?

— Что — Сарк?

— Остров Сарк вы тоже ценили?

Бенавидиш немного выждал и продолжил:

— В последние годы вы ездили на остров Сарк по меньшей мере шесть раз. По странному совпадению, незадолго до того, как Жером Морваль познакомился с Элиссон Мюрер.

Серенак не сводил глаз с помощника. Если у Сильвио получится изобразить муравьеда или хотя бы имитировать его крик, пропустить эту картину никак нельзя. Амаду Канди в первый раз с начала разговора чуть смутился. На лбу у него обозначились морщины, и он как будто на глазах постарел.

— Месье Канди, — гнул свое Сильвио. — Не будет ли с моей стороны слишком большой нескромностью поинтересоваться, зачем вы ездили на Сарк?

Амаду Канди смотрел в окно, на шагающих по улице Клода Моне прохожих. Когда он снова повернулся к полицейскому, на его губах опять играла улыбка.

— Инспектор! Вы не хуже меня знаете, что Сарк — последнее в Европе место, именуемое налоговым раем. Умоляю вас: никому не говорите, но я езжу туда отмывать деньги. Вы и представить себе не в состоянии, сколько мне приносит торговля бриллиантами, слоновой костью и пряностями. Я уж не говорю про рога волшебных антилоп. Сарк — это заморское владение Англии. Если угодно, остров, населенный аборигенами.

Сильвио пожал плечами.

— Месье Канди, на самом деле у Элиссон и Кейт Мюрер французские корни. Мы даже предполагаем, что одним из их предков был Эжен Мюрер. Вы ведь знаете, кто такой Эжен Мюрер?

— Полагаю, вы задали мне этот вопрос не просто так. Вы ведь тоже наверняка знаете, что по указанию регионального управления по вопросам культуры я включен в состав экспертной комиссии, занимающейся наследием Мюрера?

Галерист склонился над стопкой прислоненных к стене картин и аккуратно вытянул из нее одну, изображавшую африканскую деревню. Пейзаж был написан в немного наивном стиле, очень яркими красками.

— Среди всех художников-импрессионистов, — с воодушевлением продолжил он, — у Эжена Мюрера едва ли не самая трогательная судьба. В молодости он страстно увлекался литературой и живописью, но, увы, был очень беден. Он писал картины, собирал картины, а чтобы на что-то жить, держал кондитерскую, даже две — в Париже и в Руане. При жизни Эжен Мюрер сумел разбогатеть — во всяком случае, по сравнению со своими друзьями — Ван Гогом, Ренуаром и Моне, — и всячески их поддерживал, а порой просто кормил. Светлый человек! И хотя сам он довольно много писал, кто сегодня помнит, что был такой художник Эжен Мюрер?

Амаду Канди поставил пейзаж перед полицейскими.

— Еще одна деталь. Эжен Мюрер на два года — с тысяча восемьсот девяносто третьего по тысяча восемьсот девяносто пятый — уезжал в Африку, подальше от цивилизации, и вернулся с чемоданами, полными холстов. Если у вас есть хоть немного вкуса, вы согласитесь, что Мюрер — превосходный колорист. В его творчестве мы видим поразительное сочетание импрессионизма с наивным стилем, близким к примитивизму.

Лоренс Серенак оторвал задницу от скамьи и подошел к картине поближе. Сильвио Бенавидиш даже не пошевелился.

— Спасибо, месье Канди. Итак, мы выяснили практически все о предке Мюреров, Эжене, — художнике, коллекционере и кондитере. Теперь давайте, с вашего позволения, вернемся к его потомкам — Элиссон и Кейт.

Два года назад Кейт Мюрер получила от хозяина острова строгое предупреждение. Да-да, не удивляйтесь, на Сарке до сих пор всем распоряжается местный властелин. Жизнь в налоговом раю — далеко не сахар. Так вот, Кейт было приказано отремонтировать свою халупу — дескать, она отпугивает туристов, да и соседи жалуются. Иначе ее просто вышвырнут с острова. Вот тут на сцене и появляется Жером Морваль. Он в это время регулярно видится с внучкой и проводит выходные — не исключено, что романтические — на Сарке, где проживает бабуля. Морваль — сама доброта — предлагает Кейт Мюрер помощь. Пятьдесят тысяч фунтов стерлингов. Беспроцентный заем, просто так, от чистого сердца. Поразительно, верно?

— Жером был классный парень, — кивнул Амаду Канди.

— В самом деле? Кейт Мюрер позвонила внучке, Элиссон, и сказала, что ее приятель Жером Морваль — прекрасный молодой человек. Просто душа. Он не просто предложил ей пятьдесят тысяч фунтов. Чтобы у нее не возникло чувства неловкости, он сказал, что взамен готов освободить ее от старогохлама в виде картин, в том числе от копии «Кувшинок» Клода Моне.

— А я вам что говорил? — хитро улыбнулся Амаду Канди. — Щедрость и деликатность — в этом был весь Жером.

Серенак наконец оторвал взгляд от теплых красок африканского пейзажа Мюрера.

— Святой человек, — подал он голос. — Кто ж спорит? Правда, Элиссон... Пусть она не была сногшибательной красоткой, но и безмозглой дурой тоже не была. Она кое-что заподозрила и пригласила к бабуле другого эксперта. Я имею в виду — не вас, месье Канди.

Галерист расплылся в улыбке.

— Вы не догадываетесь, что произошло дальше? — продолжал Серенак.

— Сгораю от нетерпения узнать, — отозвался галерист. — Вы вдвоем отлично рассказываете сказки. Я бы сказал, почти так же здорово, как мой дед.

— «Кувшинки» Моне оказались не копией, а подлинным полотном Моне, — изрек Серенак. — И стоили в сто, если не в тысячу раз больше, чем предложил старушке Морваль...

От хохота Канди стены галереи заходили ходуном.

— Ай да Жером! Ай да пройдоха!

— Вам известно, чем кончилась эта история? — вступил в разговор Бенавидиш. — Элиссон Мюрер порвала всякие отношения с любезным

французским джентльменом. Бабушка Кейт в одночасье лишилась и зятя, и друга, но наотрез отказалась продавать картину даже под угрозой выселения с острова. А двумя днями позже ее тело нашли у подножья высокой скалы, возле моста у перешейка Ла-Купе, связывающего между собой две части острова. Представляете, что от нее осталось?

Канди старательно запихивал полотно Мюрера назад в стопку других картин и ничего не отвечал.

— Скамья! — почти крикнул Сильвио. — Скамья с ее именем и датами рождения и смерти у подножья той самой скалы, с которой она бросилась вниз. На Сарке такая традиция. У них нет кладбища, они не хоронят своих покойников в могилах, а ставят прямо на улице, лицом к морю, скамью, на которой выбивают имя умершего. Перед смертью Кейт успела составить завещание, в котором передала картину Национальной галерее Кардиффа.

Канди выпрямился. На его губах по-прежнему играла улыбка.

— У вашей сказки есть мораль. Смотрите: Сарк получил новую скамью, музей Кардиффа — «Кувшинки» Моне, а Жером Морваль избавился от самой некрасивой из своих любовниц.

И он рассмеялся, хотя уже не так громко, как раньше.

— Месье Канди, — с непроницаемым выражением лица произнес Бенавидиш. — Вы сами сказали, что вас официально включили в комиссию по изучению наследия Мюрера...

— И что из того?

— Одновременно мы знаем, что Морваль дал вам поручение найти для него «Кувшинки» Моне. Занимаясь творчеством Мюрера, вы несколько раз ездили на Сарк...

— И сообщил моему большому другу, что «Кувшинки» Кейт Мюрер могут оказаться не копией? Вы к этому клоните?

— Ну, например.

— Даже если и так, что в том незаконного?

— Вы правы, ничего.

— Тогда к чему все эти расспросы?

Сильвио Бенавидиш поднялся на третью ступеньку лестницы, что позволило ему стать вровень с Амаду Канди.

— Убийство Морваля. Одним из мотивов могла быть месть.

— Со стороны Элиссон Мюрер?

— Нет. У нее железобетонное алиби. В то утро, когда произошло убийство, она сидела за окошком кассы у себя в Ньюкасле.

— Тогда что же?

— Что? — повторил его вопрос Бенавидиш. — У нас нет никаких оснований полагать, что Морваль отказался от своей идеи найти еще одно полотно с «Кувшинками». Еще одного простака. С вашей помощью, месье Канди.

Амаду Канди не отрываясь смотрел в глаза Сильвио. Кто первым не выдержит в этой игре в гляделки?

— Если бы я нашел такую картину, инспектор, то не сидел бы сейчас в этой занюханной лавчонке, а уже купил бы себе островок в архипелаге Кабо-Верде, на широте Дакара, объявил о независимости и создал бы свой собственный маленький налоговый рай...

Амаду Канди блеснул белозубой улыбкой и добавил:

— Надеюсь, вы не потребуете, чтобы я раскрывал вам свои профессиональные секреты?

— Нет, если вы не ставите себе целью ввести следствие в заблуждение.

— Послушайте, давайте говорить серьезно. Где, по-вашему, я мог бы откопать еще одни «Кувшинки»?

Оба полицейских молчали. Потом, ни слова не говоря, Бенавидиш и Серенак поднялись и в три шага достигли двери.

— Одно маленькое уточнение, — с порога обернулся Серенак. — На самом деле Кейт Мюрер не завещала картину музею Кардиффа. Она передала полотно фонду Робинсона, а уж тот уступил ее Национальной галльской галерее.

— Ну и что?

В витрине галереи Серенак заметил афишу «Международного конкурса юных художников» — такая же точно висела в классе Стефани Дюпен.

— А то, что-то в этом деле мне без конца попадаете фонд Теодора Робинсона, — ответил Лоренс.

— Что ж тут удивительного? — пожал плечами галерист. — Это просто очередное учреждение. Тем более здесь, в Живерни...

Канди задумчиво смотрел на афишу.

— Теодор Робинсон, американцы... Помешательство на импрессионизме и куча долларов... На что стал бы похож Живерни, если бы не они? — Сенегалец взмахнул руками. — Знаете что, инспектор?

— Нет, не знаю.

— В сущности, я такой же, как Эжен Мюрер. Сажу у себя в лавке, как какой-нибудь бакалейщик. Если бы можно было повернуть время вспять, знаете, кем бы я стал?

— Неужели кондитером? — пошутил Лоренс.

Амаду Канди залился звонким смехом.

— Нравитесь вы мне, — с трудом выговорил он. — Причем оба. К вам, большой муравьед, это тоже относится. Нет, друзья мои, не кондитером. Честно говоря, мне хотелось бы, чтобы мне опять было десять лет. Ходил бы я в школу, и красивая учительница убеждала бы меня, что я гений, и я вместе с сотнями других детей со всего мира готовился бы к конкурсу юных художников, объявленному фондом Робинсона.

27

Солнце почти скрылось за вершинами холмов. Фанетта спешила закончить картину. Никогда еще ее кисть не летала по холсту так быстро, оставляя белые и охряные мазки. На полотне вставали очертания мельницы с двурогой башней и опущенной в воду плицей колеса. Сегодня Фанетта была предельно сосредоточенна, а вот Джеймс без конца отвлекал ее разговором.

— Фанетта, у тебя есть друзья?

«Джеймс, ну почему я никогда не задаю тебе таких вопросов?»

— Конечно. А ты как думал?

— Ты почти все время одна...

— Ты же сам говорил, что я должна быть эгоисткой. Когда не пишу, я провожу время с друзьями.

Джеймс медленно шел по полю, один за другим складывая мольберты — исполнял свой ежевечерний ритуал.

— Но раз уж ты спросил, ладно, так и быть, отвечу. Они меня раздражают. Особенно Винсент. Тот самый, что прокрался сюда в прошлый раз. Он за мной по пятам ходит. Я его зову банкой с клеем.

— С лаком!

— Что-что?

— Банкой с лаком. Для художницы лак полезнее клея.

«Иногда Джеймсу кажется, что у него есть чувство юмора».

— Есть еще Камиль, но он слишком задается. Считает себя вундеркиндом, представляешь? А из девочек — Мэри. Плакса. И подлиза. Терпеть ее не могу.

— Никогда этого не говори, Фанетта.

«А что я такого сказала-то?»

— Не говорить чего?

— Я ведь тебе уже объяснял, Фанетта. Природа наградила тебя редким талантом. Да-да, не делай вид, что не понимаешь. Ты хорошенькая, умная и сообразительная. Живописный дар дан тебе свыше — как будто фея осыпала тебя золотой пылью. Но ты должна быть очень осторожной! Другие будут тебе завидовать. Потому что у них будет далеко не такая счастливая жизнь, как у тебя.

— Чепуха! Ты говоришь чепуху! И вообще у меня всего один настоящий друг. Его зовут Поль. Ты его еще не знаешь. Я его как-нибудь сюда приведу. Он согласен. Мы с ним вместе совершим кругосветное путешествие. Он сказал, что повезет меня по всему миру, чтобы я могла писать. В Японию, в Австралию, в Африку...

— Не уверен, что в мире найдется человек, способный на такой подвиг.

«Джеймс, иногда ты меня просто бесишь».

— Уже нашелся! Это Поль.

Он отвернулся и начал собирать в ящик тюбики с красками. Фанетта скорчила ему рожицу.

«Джеймс ничего не понимает. Если честно, я сама не понимаю, что он сейчас делает. Смотрит на свои краски, как баран на новые ворота».

— Джеймс, ты что, заснул?

— Нет-нет. Все нормально.

«Какой он временами странный».

— Знаешь, Джеймс, я хочу написать на конкурс что-нибудь другое, не ведьмину мельницу. Эта твоя идея насчет повторения картины с папашей Троньоном... Что-то она мне разонравилась.

— Ты так думаешь? А Теодор Робинсон...

— Я знаю, что напишу! — перебила его Фанетта. — Я напишу «Кувшинки»! Но не старческие, как у Моне! Я напишу молодые «Кувшинки»!

Джеймс смотрел на нее испуганно, словно она произнесла страшное святотатство.

«Как он покраснел! Того и гляди, сейчас лопнет. Вылитый папаша Троньон!»

Фанетта рассмеялась.

— Моне... — забормотал Джеймс. — «Старческие „Кувшинки“»!

Он закашлялся в бороду, а затем заговорил медленно и размеренно:

— Попробую объяснить тебе, Фанетта. Видишь ли, Моне очень много путешествовал. Он объездил всю Европу. Видел картины всех великих мастеров. Они ведь все разные. Разные люди видят мир по-разному. Моне

хорошо это понимал. Особенно внимательно он изучал японскую живопись. Позже у него отпала необходимость путешествовать. Ему хватало пруда с кувшинками — и хватило на тридцать лет. Всего одного пруда! Хотя пруд оказался достаточно большим, чтобы произвести революцию в мировой живописи. Да и не только в живописи! Моне изменил взгляд людей на природу. Людей во всем мире! Понимаешь ты это? Отсюда, из Живерни! В ста метрах от того места, где мы сейчас стоим! А ты говоришь, что у Моне был старческий взгляд...

«Бла-бла-бла...»

— А я все равно сделаю наоборот! — твердо сказала Фанетта. — Я же не виновата, что здесь родилась. Поэтому я начну с «Кувшинок», а закончу всем миром. Вот увидишь, у меня будут такие «Кувшинки», каких не видел никто и никогда. Даже Моне не осмелился бы такие написать! Мои будут цвета радуги!

Джеймс вдруг наклонился и обнял Фанетту.

«Ну вот, опять чудит! И вид у него какой-то испуганный. Чего он боится?»

— Наверное, ты права, Фанетта. В конце концов это ты художник. Тебе виднее.

«Зачем он меня так сильно сжал? Я сейчас задохнусь!»

— Никого не слушай! — продолжал Джеймс. — Даже меня! Ты выиграешь этот конкурс, Фанетта. Ты просто обязана его выиграть. Ладно, давай собирайся. Уже поздно, тебя мать ждет. Картину не забудь!

Фанетта пошла через пшеничное поле. Джеймс крикнул ей в спину:

— Если ты убьешь в себе этот дар, то совершишь страшное преступление!

«Какие он иногда глупости говорит, этот Джеймс».

Джеймс смотрел на удаляющийся силуэт девочки. Затем склонился над ящиком с красками. Дождался, когда Фанетта перейдет через мост, и открыл ящик. Руки у него дрожали. Пока Фанетта была рядом, он сдерживался, но теперь притворяться стало не перед кем. По лбу у него катились крупные капли пота. Трясущимися пальцами он откинул крышку — жалобно скрипнули слегка заржавевшие петли.

На внутренней крышке ящика было написано:

«ОНА МОЯ
ЗДЕСЬ, СЕЙЧАС И НАВСЕГДА».

Под этими словами был нарисован крест — просто две

пересекающиеся черточки. Джеймс понял, что это угроза. Смертельная угроза. Его колотило. Из-за недавнего убийства по всей деревне рыщут сыщики, но спокойнее от этого не становится. Опасность как будто пропитала всю атмосферу.

Он еще раз перечитал надпись. Кто мог ее оставить?

Буквы выглядели кривоватыми — писали явно наспех. Должно быть, злоумышленник воспользовался тем, что он задремал, и накарябал свое предупреждение. Сделать это ему было проще простого. Он часто засыпал прямо на земле, возле мольберта, и спал, пока не прибежала Фанетта и не будила его. Но что означают эти слова? А главное, кто их написал? И должен ли он всерьез воспринимать угрозу?

Джеймс смотрел на шеренгу тополей, окаймляющих поле. Буквы словно впечатались ему в мозг. «Она моя. Здесь, сейчас и навсегда». Джеймс опасался, что отныне не сможет взять в руку кисть — пальцы будут трястись, стоит ему открыть ящик.

«Она моя. Здесь, сейчас и навсегда». Эти слова безостановочно крутились у него в голове.

Кому адресована угроза?

Он огляделся, словно ждал, что посреди пшеничных колосьев откуда ни возьмись появится чудовище.

Кому грозит опасность?

Фанетте или ему?

28

Наконец-то я толкнула ворота мельницы. Коленки сейчас взорвутся. И правая рука — из-за того, что пришлось всю дорогу опираться на эту чертову палку. Навстречу мне бросился Нептун. В кои-то веки ждал меня дома.

Хорошая собака.

Я достала ключи.

В голове мелькнула короткая мысль о Патрисии Морваль. Как она восприняла мои откровения по поводу убийцы ее мужа? Сумеет ли устоять и не обратиться в полицию? Хотя что толку... Поздно. Слишком поздно. Никого уже не спасешь. Ловушка захлопнулась. И ни один сыщик не в силах ничего изменить.

А я, что я сделала бы на ее месте?

Я подняла глаза. Вдали бежала через железный мост Фанетта. Ее

американец остался один посреди пшеничного поля. Наверное, опять плел ей небылицы про ведьмину мельницу, на которой нынче поселилась парочка людоедов: Моне они терпеть не могут и мечтают спилить тополя, убрать стога сена, осушить пруд с кувшинками, а на месте луга построить завод по производству крахмала. Обычная ерунда. Вот ведь кретин. В его возрасте запугивать детей всякими сказками...

Он торчит здесь каждый день, этот американец. Зовут его Джеймс, а как его фамилия, не знает никто. Каждый божий день приходит на одно и то же место, прямо напротив мельницы, и остается до вечера. Как будто тоже стал частью пейзажа. Как будто некое божество, наделенное даром художника, нарисовало его на фоне поля. Как нарисовало всех нас. А потом его охватило желание замазать нарисованное. Один взмах кисти — опля! — больше ничего и никого!

Этот самый Джеймс проводит Фанетту взглядом, а потом, как каждый вечер, заснет в ближайшем стогу.

Спокойной ночи, Джеймс.

29

Фанетта бежала домой. Больше всего она любила, когда у нее на пути загорались фонари, как будто это она их включала. «Здорово. Волшебно!»

Но сегодня для фонарей было слишком рано. Солнце только-только добралось до горизонта. Фанетта жила в ветхом домишке на Водонапорной улице. Она никогда не жаловалась на бедность — просто не придавала этому значения. Она знала, что мать делает все, что в ее силах. Мать работала с утра до вечера — ходила убираться в дома богатых.

А богатых в деревне навалом!

Зато их хибара стояла в самом центре деревни, в какой-нибудь сотне метров от дома Моне. Разве им не повезло?

Мать стояла за кухонным столом — на самом деле это была обыкновенная доска, положенная на столбик из кирпичей — и встретила дочку усталой улыбкой.

— Фанетта, опять ты так поздно. Ты же знаешь, я не люблю, когда ты по вечерам ходишь одна по улицам. Особенно сейчас! Всего несколько дней назад убили человека, а преступника до сих пор не нашли...

«У мамы всегда усталый и печальный вид. Она никогда не снимает застиранный синий халат — и сейчас она в нем, чистит овощи, чтобы сварить суп на неделю. Еще она все время повторяет, что я ей совсем не

помогаю, хотя я уже большая девочка. Может, показать ей свою картину?..»

— Мам, а я ее закончила.

Фанетта поставила картину с мельницей «Шеневьер» напротив кухонного стола.

— Подожди, у меня сейчас руки грязные. Я попозже посмотрю. Убери ее пока.

«Вот всегда так».

— Да я все равно другую буду писать. С кувшинками. Джеймс говорит...

— Кто это — Джеймс?

— Мам, ну я же тебе говорила! Художник, американец.

— Разве?

— Ну конечно!

В глиняную миску падали морковные очистки.

«Да, да, да, да! Клянусь, что говорила! Мама, ты, наверное, нарочно! Не может быть, чтобы ты ничего не помнила!»

— Фанетта, мне не нравится, что ты крутишься возле чужих людей! Слышишь? Если я воспитываю тебя одна, это еще не значит, что ты должна шляться где ни попадя. И вообще не стой без дела. Возьми второй нож. Одна я еще целый час провожусь.

— Мам, а учительница говорила, что мы будем участвовать в конкурсе. Конкурсе художников!

«Учительница говорила! Против учительницы она ничего не скажет! А она ничего и не говорит. Чистит себе репу как ни в чем не бывало...»

Фанетта выпрямилась и добавила:

— Джеймс ска... Все говорят, что я могу его выиграть. Что у меня хорошие шансы. Если я буду много работать.

— И какой же там выигрыш?

«Спорим, сейчас у нее репа из рук упадет?»

— Учеба в школе живописи в Нью-Йорке...

— Что-о?

«Нож вонзился репе в самое сердце. Смертельный удар».

— Фанетта, что за глупости?

— ...или в Токио, или в Санкт-Петербурге, или в Канберре.

Я больше чем уверена, что она даже не знает, где это все находится. Но на всякий случай пугается.

— И еще там дают кучу долларов!

«Тяжкий вздох. И мама „казнит“ еще одну репу».

— Если ваша учительница морочит вам голову такими глупостями, я

схожу и с ней поговорю.

«Ну, сходи. Мне-то что? Я все равно буду участвовать в конкурсе».

— И с этим твоим Джеймсом тоже поговорю.

Мать Фанетты решительным жестом перебрала очищенные овощи в раковину. Морковь и репа плюхнулись в воду, забрызгав ее синий халат. Мать наклонилась и поставила на стол сумку с картошкой.

«Ну вот, даже не требует, чтобы я ей помогала. Плохой знак. Потом она произносит слова, которых я не понимаю, и мне приходится просить, чтобы она их повторила погромче».

— Фанетта, ты что, хочешь меня бросить?

«Ну началось!»

В голове у меня что-то взрывается. С виду это незаметно, но я чувствую, как там что-то взрывается. Честное слово! Мама, я буду мыть посуду! Буду накрывать на стол! Протирать его мокрой тряпкой. Я вытру пыль по всему дому. И пол подмету. Я буду делать все, что должна делать хорошая дочка, и не стану ныть и жаловаться. Все-все! Если только мне дадут рисовать. Разве я много прошу? Просто не мешайте мне рисовать.

Это что, чересчур?

Мама все так же смотрит на меня недоверчивым взглядом. Ей не угодишь. Если я ничего не делаю, она ворчит. Если делаю слишком много, пугается. Наверное, не надо было упоминать Нью-Йорк. Да и другие города тоже. Тем более вот так сразу. Когда я ей объяснила, где это — в Японии, в России, в Австралии, — она прямо окаменела».

— Мам, да это всего на три недели. Ну что такое три недели? Пролетят, и не заметишь.

«Она посмотрела на меня, как на сумасшедшую».

«Пока мы ели, она молчала. Молчала и потом. Я поняла, что она думает. Еще один плохой знак. Ни разу не было, чтобы она долго думала, а потом сказала мне что-нибудь хорошее».

Мать Фанетты встала. Девочка развешивала на веревке кухонные полотенца — хорошенько расправив, закрепляла прищепками, а не бросила, как обычно, влажным комом.

— Я все решила, — строгим голосом сказала мать Фанетты. — Я не желаю больше слышать ни про какой конкурс. Про американского художника тоже. Все, с меня хватит. Я поговорю с твоей учительницей.

«Я промолчала. Даже не заплакала. Но почувствовала, как внутри меня поднимается злость. Я знаю, почему мама так говорит. Она мне тысячу раз объясняла.

Я выучила эту старую песню наизусть.

Эту арию неудачницы.

„Доченька, я не хочу, чтобы ты сломала себе жизнь, как я. Когда мне было столько лет, сколько тебе сейчас, я тоже верила во всякие сказки. Я мечтала, что буду счастливой. Я тоже была хорошенькой, и мужчины сулили мне золотые горы.

А теперь посмотри, как мы живем.

Посмотри на дыру в кровле и на плесневелые от сырости стены; принюхайся к мерзкому запаху затхлости; вспомни, какой холод у нас стоит зимой. Посмотри на мои руки — на мои бедные руки. Когда-то они были изящными, и мне говорили, что у меня пальцы, как у феи. Когда мне, Фанетта, было столько лет, сколько тебе сейчас, я верила, что у меня пальцы, как у феи.

А теперь фея моет чужие сортиры.

Не позволяй обвести себя вокруг пальца, Фанетта. И я им не позволю. Не верь никому. Верь только мне. Только мне, и больше никому. Ни Джеймсу, ни учительнице. Никому“.

Хорошо, мама. Я согласна. Я тебя послушаю — но только если ты скажешь мне всю правду.

Всю. Включая вещи, о которых мы никогда не говорим. О которых говорить нельзя.

Ты мне, я — тебе».

Фанетта взяла губку и принялась вытирать грифельную доску, на которой мать записывала, какие овощи нужно купить.

Подождала, пока доска высохнет, и взяла кусочек мела. Она знала, что мать наблюдает за ней. Фанетта начала писать красивым круглым почерком. Учительским почерком.

«Кто мой отец?»

И — строчкой ниже:

«Кто он?»

Она слышала, как мать плачет.

«Почему он ушел?»

Почему мы не ушли вместе с ним?»

Внизу доски осталось немного свободного места. Скрипел мел.

«Кто?»

Кто?

Кто?

Кто?»

Фанетта перевернула лицевой стороной свою картину с ведьминой мельницей, поставила ее на стул и, ни слова не говоря, поднялась в свою

комнату. Она слышала, как внизу плачет мать. Как всегда.

«Слезы, мама, это не ответ».

Фанетта знала, что завтра ни одна из них не заговорит о том, что случилось вечером. Мать просто вытрет доску.

Настала ночь.

«Наверное, сейчас около полуночи. Мама давно спит. Ей рано вставать. Порой, когда я встаю, она уже успевает вернуться с работы.

Окно моей комнаты выходит на Водонапорную улицу. Улица идет под наклон, и даже со второго этажа земля видна чуть ли не в метре от меня. Если захочу, я могу выпрыгнуть из окна. По вечерам я часто разговариваю из своей комнаты с Винсентом. Винсент гуляет допоздна. Его родителям на это наплевать. А вот Поля вечером из дома не выпускают».

Фанетта плакала.

«Винсент стоит на улице и смотрит на меня. Просто так. Лучше бы на его месте был Поль. Поль меня понимает. Поль умеет со мной разговаривать. А Винсент только слушает. Он только и умеет что слушать.

Я рассказала ему про отца. Известно мне немного. Мама забеременела совсем молодой. Иногда мне кажется, что я дочь какого-то американского художника, от которого мне достался в наследство талант, и что мама позировала ему обнаженной. Мама была красивой, очень красивой, у нас в альбоме есть ее фотографии. Есть и мои, на которых я совсем маленькая. Но ни одной фотографии отца».

Винсент внимательно слушал. Фанетта свесила из окна руку, и он ее крепко пожал.

«Я продолжала рассказывать. Наверное, мама и отец влюбились друг в друга — как говорят в таких случаях, потеряли голову от любви. Они оба были очень красивые. А потом отец ушел, и мама не сумела его удержать. Может, она не знала, что ждет ребенка? А может, она даже не знала, как фамилия отца? Или любила его слишком сильно, чтобы удерживать? Может, мой отец был хорошим человеком, и если бы узнал о моем существовании, то остался бы и воспитывал меня, но мама любила его слишком сильно и ничего ему не сказала, чтобы не сажать его в клетку?

Все это очень сложно, Винсент, но по-другому не бывает. Что-что? Тогда откуда во мне эта тяга к рисованию? И желание умчаться отсюда куда-нибудь далеко? Откуда у меня в голове все эти мысли и мечты?»

Винсент сжимал руку Фанетты. Сжимал слишком сильно. Браслет в виде цепочки, который он не снимая носил на запястье, врезался ей в руку, как будто Винсент хотел, чтобы его выгравированное на пластинке имя

навсегда отпечаталось у нее на коже.

«А иногда, глядя вечером, как тучи наплзают на луну, я говорю себе, что мой отец — богатый мерзавец, к которому мать ходила делать уборку. Что если я встречу его на улице Клода Моне, то даже не узнаю, что это мой отец, а он будет знать, что я его дочь? Жирная сволочь! Он трахал мою мать и заставлял ее проделывать всякие непотребства. Может, он даже втихаря подсовывает ей деньги? Бывает, я на улице перехватываю на себе взгляд незнакомого мужчины, и мне становится так тошно, хоть вой. Но про это я Винсенту не говорила».

Сегодня тучи луну не закрыли.

— Мой отец был просто прохожий, — сказала Фанетта.

— Ну и что? — ответил Винсент. — Не думай о нем. Я же здесь.

— Просто прохожий. Заглянул на минутку и пошел себе дальше. Я в него. Я тоже отсюда уйду.

Винсент сжал ее руку еще крепче.

— Я здесь, Фанетта. Я здесь. Я здесь...

В двух шагах от них, на Водонапорной улице, Нептун гонялся за ночными бабочками.

ДЕНЬ ВОСЬМОЙ
20 мая 2010 года
(Комиссариат Вернона)

СТОЛКНОВЕНИЕ

30

Лоренс Серенак пребывал в веселом настроении. Время от времени он заглядывал через стекло в комнату 101 — самое большое в комиссариате Вернона помещение, служившее допросной. В допросной спиной к нему сидел Жак Дюпен, нетерпеливо барабанил пальцами по подлокотникам кресла. Серенак на цыпочках отошел от окна и заговорщически шепнул Сильвио Бенавидишу:

— Пусть еще немножко помаринуется.

Он потянул помощника за рукав.

— Вот чем я горжусь больше всего! — провозгласил он. — Какая мизансцена! Вот увидишь, Сильвио!

Они снова вернулись по коридору к допросной.

— Сколько всего, Сильвио?

Бенавидиш не сдержал улыбки:

— Сто семьдесят одна пара! Четверть часа назад Мори притащил еще три.

Серенак еще раз заглянул в комнату 101. Полицейские свалили в ней все сапоги, накануне временно конфискованные у жителей деревни. Сапоги высились кучами по всем углам, лежали на столах и на полках, на стульях и подоконниках, сияя разноцветной резиной — от флуоресцентно-желтой до пожарно-красной, хотя в их пестрой гамме доминировал классический цвет хаки. Сапоги были рассортированы по степени изношенности, размерам и моделям. К каждому была прикреплена бирка с именем владельца.

Серенак ликовал:

— Сильвио, надеюсь, ты не забыл их сфотографировать? Обожаю такие трюки! Нет ничего лучше, чтобы довести клиента до нужной кондиции! Это же практически произведение современного искусства. Ты со своими семнадцатью грилями должен заценить идею!

— Я ценю, — не поднимая головы, пробормотал Бенавидиш. — С эстетической точки зрения выглядит впечатляюще. Хоть выставку устраивай. Хотя...

— Сильвио, какой же ты зануда!

— Знаю.

Бенавидиш перебирал в руках стопку бумажных листов.

— Извините, но я, наверное, слишком серьезно отношусь к профессии полицейского. А вас, патрон, еще интересует расследование?

— Я смотрю, ты сегодня чувство юмора дома оставил.

— Откровенно говоря, я сегодня ночью почти не спал. Беатрис сказала, что я занимаю в постели слишком много места. Ей и правда последние три месяца приходится спать на спине. В общем, я перебрался на диван.

Серенак похлопал его по плечу.

— Ничего, потерпи еще недельку, скоро все кончится. Ты станешь папой! Тогда ночами оба спать не будете. Кофе не хочешь? Можем обсудить дела в гостиной.

— Мне чай.

— Вот я болван, опять забыл. Чай без сахара. Ну что, еще не решился перейти со мной на «ты»?

— Я пока думаю. Уверяю вас, патрон, я работаю над собой.

Серенак засмеялся.

— Нравишься ты мне, Сильвио. Кроме того, должен тебе признаться: ты один собираешь больше ценной информации, чем весь комиссариат Тарна. Слово уроженца Окситании!

— Скорее всего, так и есть. Не забывайте, я всю ночь работал.

— На диване? Пока твоя жена дрыхла на спине?

— Именно.

Бенавидиш искренне улыбнулся. Полицейские дошли до конца коридора, поднялись на три ступеньки и очутились в комнатухе размером с большую птичью клетку.

На десяти квадратных метрах так называемой «гостиной» разместилась куча разномастной мебели: два протертых дивана, прикрытых оранжевыми покрывалами с бахромой, лиловое кресло и пластиковый стол, на котором стояла кофеварка в окружении чашек всех видов и расцветок и лежали чайные ложки из нержавеющей стали. С потолка свисала слабенькая лампочка в порыжелом цилиндрическом картонном плафоне. Сильвио плюхнулся в кресло, а Серенак занялся приготовлением чая и кофе.

— Патрон, — заговорил Сильвио. — Начнем с выставки? Раз уж она

вам так дорога...

Начальник повернулся к нему спиной. Бенавидиш уставился в свои записи.

— На данный момент мы собрали сто семьдесят одну пару сапог; размеры от тридцать пятого до сорок шестого. Выявили пятнадцать рыбаков и двадцать одного охотника, имеющих лицензию. В их числе — Жак Дюпен. Еще есть три десятка пеших туристов, тоже с лицензией. Но, как вы, патрон, уже знаете, ни один из этих сапог не соответствует отпечатку, оставленному возле трупа Жерома Морваля.

Серенак налил в кофеварку воду.

— Чего и следовало ожидать. Убийца не покажет пальцем сам на себя. Зато мы можем исключить из числа подозреваемых сто семьдесят одного жителя Живерни.

— Как скажете.

— Но Жак Дюпен в число этих ста семидесяти одного человека не входит. Интересно, как он там? Пусть посидит еще немного. Что у нас еще?

Инспектор Бенавидиш развернул свою пресловутую таблицу из трех столбцов.

— Сильвио, ну ты маньяк.

— Знаю. Я строю это расследование в точности, как строил бы свою веранду или террасу. А в строительстве главное — точность и терпение.

— Уверен, что твоя Беатрис потешается над тобой не меньше моего.

— Угадали. Ну и что? Зато терраса у меня — любо-дорого глядеть.

Серенак вздохнул. Забулькала кофеварка.

— Ну ладно, давай, что там у тебя в трех колонках...

— Они заполняются. Напоминаю: у нас три линии расследования. Любовницы, «Кувшинки» и дети.

— Подозреваю, что мы раскроем дело, когда сумеем свести все три колонки в одну. Но пока связи между тремя линиями не просматривается. А мы, похоже, так увязли, что нас не спасет и сто семьдесят одна пара сапог...

Бенавидиш зевнул. С каждой минутой он все глубже проваливался в лиловое кресло.

— Вперед, Сильвио. Я весь внимание. Последние известия.

— Колонка номер один. Окулист и его любовницы. Мы потихоньку собираем свидетельства, но пока нет ничего, что могло бы послужить мотивом преступления на почве страсти. По поводу этих чертовых цифр на обороте фотографий — тоже по нулям. Я уже себе башку над ними сломал. Кроме того, не удалось получить никаких сведений из Бостона об Алине

Малетра. И мы по-прежнему не знаем имени девушки с пятой фотографии.

— Той куколки, что стоит на коленях в гостиной Морваля?

— У вас превосходная зрительная память, патрон. Я, со своей стороны, постарался сгруппировать обманутых мужей по степени склонности к ревности. Возглавляет список, бесспорно, Жак Дюпен, хотя, как ни парадоксально, у нас нет ни малейших доказательств того, что жена ему изменяла. А вы продвинулись, инспектор? Вроде вчера вы собирались увидеться со Стефани Дюпен?

— Джокер!

Сильвио Бенавидиш взирал на него с недоумением. Он попытался было выбраться из мягкого кресла, которое издало протестующий скрип.

— Не понял.

— Джокер. И давай пока оставим эту тему. Потому что, если я начну тебе рассказывать, что ее фиалковые глаза посылают мне сигнал SOS, ты донесешь на меня судебному следователю. Поэтому — джокер. Wait and see.^[7] Этой частью расследования я буду заниматься лично. Но с твоим выводом я целиком и полностью согласен. У нас нет ни малейших доказательств того, что между Жеромом Морвалем и Стефани Дюпен существовала любовная связь, хотя Жак Дюпен остается нашим подозреваемым номер один. Ладно, переходим ко второй колонке. «Кувшинки».

— Со вчерашнего разговора с Амаду Канди — ничего нового. Вы вроде бы собирались позвонить в отдел борьбы с преступлениями в области искусства?

— Точно, собирался. Обязательно позвоню. Прямо завтра. Кстати, я хочу прогуляться по саду Клода Моне.

— Вместе с классом Стефани Дюпен?

Над кофеваркой поднимался пар. Серенак с беспокойством посмотрел на помощника.

— Сильвио, так не бывает! Ты всегда в курсе всего! Ты что, поставил меня на прослушку? Так вот чем ты по ночам занимаешься — записи слушаешь!

Бенавидиш зевнул еще шире, чем до того.

— А что, эта прогулка — большая тайна?

Он потер глаза.

— А я завтра встречаюсь с хранителем Руанского музея изящных искусств.

— За каким чертом он тебе понадобился?

— Проявляю инициативу и самостоятельность. Сами мне советовали.

Допустим, я хочу составить собственное представление о творчестве Моне вообще и о «Кувшинках», в частности.

— Знаешь, Сильвио, будь на моем месте кто-нибудь более подозрительный, он решил бы, что ты демонстрируешь недоверие к начальству.

В усталых глазах Сильвио Бенавидиша блеснула озорная искорка.

— Джокер!

Инспектор Серенак аккуратно налил себе кофе в чашку с оббитыми краями. В другую опустил чайный пакетик, налил кипятка и передал помощнику.

— Нет, видно, никогда мне не понять нормандскую психологию. Сильвио, ты ведь сейчас должен быть с женой, а ты...

— Не волнуйтесь, патрон. Просто я очень упрямый человек. В живописи я не смыслю ни бельмеса, но в своем деле малость разбираюсь. Так что послушайте меня еще немного. Осталась последняя колонка. Детишки одиннадцати лет.

Серенак глотнул кофе и скривился:

— Твой пунктик.

— Я проверил список, составленный Стефани Дюпен. Ясное дело, у меня же пунктик. Я искал мальчика или девочку десяти примерно лет, чья мать примерно те же десять лет назад подрабатывала уборкой, например, в семье Морвалей...

— ...И задирала юбку, не снимая синего халата? И как результат?

— По нулям. Ни один ребенок в деревне не соответствует этим условиям. В Живерни есть девять детей в возрасте от девяти до одиннадцати лет. Двоих воспитывают матери-одиночки. Первая работает в булочной Гасни — это селение по ту сторону плато, вторая водит местный автобус.

— Оригинально.

— Пожалуй. Есть одна разведенная мамаша, преподает в средней школе в Эврё. У остальных детей есть и мама и папа. И ни одна из женщин никогда не зарабатывала уборкой — ни сегодня, ни десять лет назад.

Серенак поставил локти на пластиковый стол и изобразил на лице уныние.

— Сильвио, я вижу всего два объяснения твоему фиаско. Первое и наиболее вероятное сводится к тому, что твоя гипотеза о незаконнорожденном ребенке — мура. Второе состоит в том, что ребенок, которого Морваль поздравил с днем рождения, о чем свидетельствует найденная в его кармане открытка, живет не в Живерни. Как, впрочем, и

любовница в синем халате, вне зависимости от того, есть у нее дети или нет.

Бенавидиш не притронулся к своему чаю.

— Если позволите, патрон, — тихо произнес он. — Есть и третье объяснение.

— Какое же?

Сильвио чуть поколебался, прежде чем заявить:

— Да просто список... Список, который вам дала Стефани Дюпен, фальшивый.

— То есть?

Серенак чуть не опрокинул чашку кофе. Сильвио поглубже вжался в лиловое кресло.

— Ладно, попробую выразиться по-другому, — сказал он. — Откуда нам знать, что этот список полон? Ведь Стефани Дюпен тоже значится в числе подозреваемых.

— Не вижу связи между ее гипотетической связью с Морвалем и учениками из ее класса.

— Я тоже не вижу. Но в этом деле ничто ни с чем не вяжется. Будь у нас время, мы бы сверили ее список с официальными данными жителей Живерни: фамилии родителей, кем работают сейчас и кем работали в прошлом, девичьи фамилии матерей и так далее. Говорите что хотите, но эта цитата из Арагона, приклеенная к открытке, уж точно связана со школой. Напомнить вам ее? «Преступно мечтать, ждет виновного кара». Деревенские детишки учат эти стихи наизусть. Вы сами мне об этом говорили — со слов Стефани Дюпен.

Серенак одним глотком допил содержимое чашки.

— Хорошо, допустим, у нас есть основания для сомнений. Как ты думаешь, с какого боку мы можем подступиться к решению этой загадки?

— Понятия не имею. У меня вообще складывается впечатление, что жители деревни что-то от нас скрывают. Как будто у них тут действует некий закон омерты.

— Почему ты так думаешь? И потом, еще недавно ты утверждал, что впечатления — не твой конек...

В глазах Сильвио зажглось беспокойство.

— Дело в том... Дело в том, что я рассказал не все новости из третьей колонки. Предупреждаю, патрон, то, что скажу, прозвучит довольно странно. Я бы даже сказал: поразительно.

Утром в Живерни установилась прекрасная погода. Я в кои-то веки даже открыла окно в гостиной и решила устроить уборку. Солнце недоверчиво заглядывало ко мне в комнату, словно гость, впервые переступающий порог чужого дома. Не найдя ни одной пылинки, которую солнечные лучи могли бы заставить танцевать, они устроились на буфете, стульях и столе, высветлив их деревянные поверхности.

Мои висящие в углу «Черные кувшинки» так и остались в тени. Я не хочу, чтобы их кто-нибудь увидел, даже случайно задрав с улицы голову к верхнему этажу башни.

Я более или менее бесцельно кружилась по комнате. Все вещи стояли на своих местах. Я задумалась: где это может быть? На верхней полке шкафа, в ящике комода? Или внизу, в гараже, в одной из покрытых плесенью картонных коробок, высланных изнутри разрезанными пополам пластиковыми мешками для мусора, в которые я не заглядывала уже несколько лет? Да какой там «лет» — десятилетий... Я точно знала, что ищу, но напрочь запамятовала, куда это убрала.

«Склероз, — хмыкнете вы, — ясное дело». Ну, пусть склероз. Только не рассказывайте мне, что вам ни разу не случалось перевернуть вверх ногами весь дом в поисках какой-нибудь вещицы, про которую вы точно знаете, что ее не выбрасывали.

Эти дико бесит, правда?

Ладно, не буду вас долго мучить. Я искала картонную коробку — старую обувную коробку с фотографиями. Видите, ничего оригинального. Я недавно читала, что в наше время можно хранить сотни фотографий на флешке размером с зажигалку. Но у меня флешки нет — у меня только обувная коробка. Когда вам стукнет восемьдесят, вы будете искать в своих завалах крохотную зажигалку. Удачи. И да здравствует прогресс.

Без всякой надежды я выдвинула ящики комода, проверила полки нормандского шкафа, сдвинув стоящие на них книги.

Ничего не нашла, разумеется.

Что ж, надо признать очевидное: то, что я ищу, — не здесь. Наверное, все-таки в гараже: под наслоениями скопившихся за долгие годы других вещей.

Я все еще колебалась. Может, игра не стоит свеч? Имеет ли смысл разгрести кучи барахла ради одной-единственной фотографии? В том, что я ее не выбрасывала, я не сомневалась ни секунды. Я не могла выбросить

снимок, запечатлевший лицо, на которое мне так хотелось бы взглянуть в последний раз.

Лицо Альбера Розальбы.

Так ни на что и не решившись, я еще раз оглядела гостиную. Безупречный порядок. Только перед каминной трубой стояла и сохла пара сапог. Я сама их туда поставила.

Почему «перед трубой», если камин я внизу не разжигала?

Естественно, не разжигала, — до Рождества еще далеко.

32

Несмотря на пафос, с каким Сильвио Бенавидиш сделал свое последнее заявление, его патрон, судя по виду, не воспринял его всерьез. Он, как ни в чем не бывало, налил себе еще чашку кофе, похоже, продолжая пересчитывать в уме пары сапог. Бенавидиш поднес к губам чашку чая и скривился. Без сахара.

— Я тебя слушаю, Сильвио, — повернулся к нему Серенак. — Давай, порази меня в самое сердце.

— Вы меня знаете, патрон, — начал Бенавидиш. — Я проверил все, что могло иметь касательство к детям Живерни. В том числе архивы жандармерии.

Он поерзал в мягком кресле, поставил чашку на пол и выудил из кипы бумаг, лежавших возле его ног, пожелтевший листок — рапорт жандармерии городка Паси-сюр-Эр — и протянул его начальнику. Серенак взгляделся в дюжину строк, и чашка кофе у него в руке задрожала.

— Докладываю, патрон. Хотя догадываюсь, что вам не понравится. В Живерни был найден ребенок, утонувший в ручье Эпт. В том самом месте, где убили Жерома Морваля. Ребенок был убит в точности тем же способом, каким расправились с Морвалем — за исключением ножевого ранения. Ему так же разбили голову камнем, а затем утопили в ручье.

Лоренс почувствовал, как у него закипает кровь. Он со стуком поставил на стол чашку.

— Сколько лет было ребенку?

— Без пары месяцев одиннадцать.

На лбу инспектора выступил холодный пот.

— Что за чертовщина?

Бенавидиш вцепился в подлокотники лилового кресла, словно боялся

утонуть.

— Одно уточнение, инспектор. Это происшествие случилось давным-давно. — Он помолчал, как будто опасаясь слишком бурной реакции Серенака, и добавил: — Если быть точным, в тысяча девятьсот тридцать седьмом году.

Серенак откинулся на спинку оранжевого дивана. Перед глазами он по-прежнему держал пожелтевший листок.

— В тридцать седьмом? Черт побери, что все это значит? Одиннадцатилетний ребенок гибнет на том же месте, где Морваль, убитый тем же способом, но в тридцать седьмом году! Что это за бредовая история, я спрашиваю?!

— Не знаю, патрон. Мне известно только то, что есть в жандармском отчете из Паси. Скорее всего, между этими двумя убийствами вообще нет никакой связи. Тогда жандармы пришли к выводу, что имел место несчастный случай. Мальчик поскользнулся на камне, ударился головой, упал в ручей и захлебнулся. Трагедия, но не преступление.

— А как звали мальчика?

— Альбер Розальба. Его семья уехала из Живерни вскоре после происшествия. С тех пор о них никто здесь не слышал.

Лоренс Серенак протянул руку за чашкой, отхлебнул остывшего кофе и сморщился.

— Проклятье, Сильвио, твоя история выбила меня из колеи. Не люблю я такие совпадения. Очень не люблю. Мало нам загадок, а тут еще это!

Сильвио собрал с пола рассыпанные листки.

— Можно вас кое о чем попросить, патрон?

— Валяй.

— Знаете, что меня беспокоит больше всего? С самого начала у нас с вами возникли разногласия по поводу возможных мотивов преступления. Я сегодня всю ночь об этом думал. Вам интуиция подсказывает, что все крутится вокруг Стефани Дюпен и что ей угрожает опасность. А я, сам не знаю почему, убежден, что ключ к разгадке надо искать в третьей колонке. Убийца разгуливает на свободе, готовый нанести новый удар, но его жертвой станет одиннадцатилетний ребенок.

Лоренс поставил чашку на пол, встал с дивана и дружески похлопал помощника по спине.

— Может, это потому, что ты вот-вот станешь папой? А я как закоренелый холостяк больше, чем детишками, интересуюсь мамочками, даже замужними? У нас с тобой разные сферы интересов. Логично?

— Возможно. Каждому — своя колонка, — кивнул Сильвио. —

Остается только надеяться, что мы оба не окажемся правы.

Последнее замечание Бенавидиша удивило Серенака. Он внимательно посмотрел на своего зама — лицо осунулось, глаза покраснели от недосыпа. Сильвио все еще сортировал свои бумажки. Лоренс знал, что вечером, прежде чем уйти домой, Бенавидиш отксерокопирует все документы и поместит в красную коробку, а коробку отнесет в архив и поставит на свое место. На букву «М». Дело Морваля. В этом весь Бенавидиш.

— Сильвио, всему должно быть объяснение. Наверняка есть способ соединить все части пазла в одно целое.

— А что насчет Жака Дюпена? — спросил Бенавидиш. — Вам не кажется, патрон, что он уже достаточно промариновался?

— Блин! Я про него совсем забыл!

Чтобы устроиться за столом в комнате 101, Лоренсу Серенаку пришлось сдвинуть в сторону дюжину пар синих сапог. Жаку Дюпену стоило немалых трудов хранить подобие внешнего спокойствия. Он беспрерывно теребил свои каштановые усы и проводил рукой по небритым щекам, что выдавало крайнюю степень нервозности.

— Я так и не понял, инспектор, чего вы от меня хотите. Я торчу тут уже битый час. Может, все же скажете, зачем меня вызвали?

— Для беседы. Всего лишь для беседы.

Серенак повел рукой, указывая на груды сапог.

— Как видите, месье Дюпен, мы гребем широкой сетью. Почти все жители деревни предоставили нам свои сапоги, демонстрируя готовность к сотрудничеству. Мы должны установить, что их подошвы не соответствуют отпечатку, обнаруженному на месте преступления, после чего вернем владельцам их имущество. Все очень просто. Но дело в том, что вы...

Жак Дюпен вцепился правой рукой в усы, а левой сжал подлокотник кресла.

— Сколько раз я могу повторять? Не знаю я, где эти чертовы сапоги! Вроде я оставлял их в гараже — это такая пристройка возле школы, — но их там нет! Вчера мне пришлось даже позаимствовать сапоги у приятеля!

Серенак садистски улыбнулся.

— Но разве это не странно, месье Дюпен? С какой стати кто-то решил украсть ваши сапоги? У вас ведь сорок третий размер? Отпечаток ноги на месте преступления оставлен обувью сорок третьего размера.

Сильвио Бенавидиш стоял в глубине комнаты, прислонившись спиной к полке, на которой были сложены относительно новые сапоги от тридцать

девятого до сорок второго размеров. За беседой Серенака с Дюпенем он следил с усталым любопытством, позволявшим ему не уснуть на ходу. Вообще-то, у него имелся ответ на вопрос инспектора, но подсказывать подозреваемому он не собирался.

— Откуда мне знать? — взорвался Дюпен. — Может, убийца их украл! Специально, чтобы навести подозрение на ни в чем не повинного человека!

«Гляди-ка, — подумал Бенавидиш, — догадался. А этот Дюпен совсем не дурак».

— И чисто случайно украл именно ваши сапоги? — гнул свое Серенак.

— Ну, у кого-то он должен был их украсть? Украл у меня. И потом, что вы имеете в виду, когда говорите: «чисто случайно»? Мне ваши намеки непонятны!

— Что вы делали тем утром, когда произошло убийство Жерома Морваля?

Дюпен нервно задвигал ногами по полу, заваленному сапогами, так ребенок, сердясь, разбрасывает свои игрушки.

— Вы что, меня подозреваете? Ну хорошо. В шесть утра я, как и каждое утро, был в постели с женой...

— Еще одна странность, месье Дюпен. По нашим сведениям, по вторникам вы обычно встаете до рассвета и отправляетесь охотиться на землях вашего друга, Патрика Делоне. Чаще всего в компании других приятелей. Почему в день убийства вы изменили своей привычке?

Дюпен молчал и лишь яростно дергал усы.

— Сам не знаю... — выдавил он из себя наконец. — Имеет мужчина право остаться в постели с женой?

Жак Дюпен смотрел прямо в глаза инспектору Серенаку. Их взгляды скрестились, словно два кинжала. Сильвио Бенавидиш внимательно наблюдал за этой безмолвной схваткой. И снова подумал, что Жак Дюпен неплохо защищается.

— В этом, месье Дюпен, вас никто не посмеет упрекнуть. Ни один человек. Не волнуйтесь, мы непременно проверим ваше алиби. Теперь что касается мотива...

Серенак аккуратно отодвинул десяток пар синих сапог, грудой сложенных на краю стола, и выложил на освободившееся место фотографию, на которой Стефани и Жером Морваль шли, держась за руку, по грунтовой дороге.

— Мотивом могла быть ревность. Вы с этим согласны?

Жак Дюпен едва удостоил снимок беглым взглядом, как будто видел

его уже не раз.

— Вы переходите границы, инспектор. Хотите меня подозревать — пожалуйста, ваше дело. Но не вмешивайте в свои игры Стефани. Полагаю, это в наших общих интересах.

Сильвио едва удержался, чтобы не вмешаться. Его охватило предчувствие, что сейчас произойдет что-то нехорошее. Серенак тем временем продолжал играть с Дюпенем, как кошка с мышью. Он брал из кучи сапог по две штуки, пытаясь составить пару. После нескольких попыток он поднял на Дюпена глаза, в которых сквозила ирония.

— Не слишком удачная стратегия защиты, месье Дюпен. В юриспруденции ее принято называть тавтологической. Вы опровергаете основанный на ревности мотив, опираясь на ревность второго порядка...

Дюпен вскочил со стула. От Серенака его отделяло расстояние не больше метра. Ростом он был ниже инспектора сантиметров на двадцать.

— Прекратите играть словами, Серенак! Я отлично понимаю, к чему вы клоните! Только попробуйте...

Серенак на него даже не взглянул, как ни в чем не бывало продолжая прикладывать друг к другу подошвы сапог. На губах у него играла улыбка.

— Вы хотите сказать, месье Дюпен, что намерены помешать успешному расследованию убийства?

Сильвио Бенавидишу так и не довелось узнать, до какого предела был готов пойти в тот день Жак Дюпен. Впрочем, он не слишком стремился к этому знанию, а потому подошел и положил Дюпену на плечо руку, одновременно бросив красноречивый взгляд в сторону Серенака.

33

Сильвио Бенавидиш проводил Жака Дюпена до дверей комиссариата. Он неплохо владел искусством вежливых формулировок, способных служить завуалированным извинением. Жак Дюпен был в бешенстве. Он запрыгнул в свой «форд» и с места в карьер рванул через полицейскую парковку на улицу Карно. Бенавидиш на миг прикрыл глаза и вернулся в кабинет. Искусством понимать настроение начальства он также владел совсем не дурно.

— Что скажешь, Сильвио?

— Вы сильно на него надавили, патрон. Очень сильно. Даже слишком.

— Ну и ладно. Будем считать, что во всем виноват мой южный темперамент. А по существу что ты думаешь?

— Не знаю. Вы ведь хотите услышать, что Дюпен явно чего-то недоговаривает, но я его как раз понимаю. У него красивая жена, к которой он естественным образом привязан. Вы же не станете возражать? Но это еще не делает его убийцей...

— Черт тебя подери, Сильвио. А пропавшие сапоги? Вся эта басня про покражу не выдерживает никакой критики. Я уж не говорю про алиби. Стефани подтвердила, что во вторник утром он уходил на охоту.

— Да, патрон, тут он дал маху, признаю. Надо бы устроить им очную ставку. С другой стороны, что-то улики против него слишком легко идут нам в руки. Сначала фотография, на которой его жена прогуливается с Морвалем, присланная неизвестным доброжелателем, потом исчезнувшие сапоги... Складывается впечатление, что кто-то умело его подставляет. Кроме того, он далеко не единственный из жителей деревни, чью обувь мы не смогли проверить. Многих не было дома, и нам никто не открыл. Есть дома, которые вообще принадлежат парижанам, а они бывают в Живерни только наездами. Чтобы довести дело до конца, нам понадобится время.

— Блин!

Серенак взял в руки оранжевый сапог и перевернул его, ухватив за каблук.

— Это он, Сильвио! Не спрашивай меня, почему я уверен, но убийца — Жак Дюпен.

Лоренс Серенак бросил оранжевый сапог на полку к десятку других.

— В яблочко! — с ухмылкой прокомментировал Сильвио Бенавидиш.

Его начальник несколько секунд сидел молча, но вдруг поднял голову и громко произнес:

— Мы топчемся на месте, Сильвио! Топчемся на месте! Собери через час всю команду!

Лоренс Серенак решил устроить мозговой штурм. Сотрудники Вернонского комиссариата расселись в большой комнате, залитой солнцем, бившим в окна, занавешенные рваными шторами. Сильвио Бенавидиш клевал носом. Он слышал голос Серенака, который описал состояние расследования и принялся перечислять первоочередные задачи: выяснить личность любовниц Морваля; опросить их родственников и знакомых; навести справки о незаконной торговле произведениями искусства, обратив особое внимание на деятельность Амаду Канди; выяснить подробнее, что собой представляет пресловутый фонд Теодора Робинсона; поднять архивы 1937 года по делу утонувшего в ручье мальчика; опросить жителей Живерни, в частности соседей Морваля, обратив особое внимание на тех, у

кого в доме не окажется сапог, а также на тех, у кого в семье есть дети одиннадцати лет... Проверить клиентуру кабинета офтальмологии Жерома Морваля.

Инспектор Серенак понимал, что хлопот предстоит много. Пожалуй, слишком много для команды из пяти человек, из которых не все даже работают на полную ставку. Действовать предстояло почти наугад, надеясь на удачу. Впрочем, полицейские к такому привыкли. Единственным, о чем Серенак не стал просить подчиненных, была проверка алиби Жака Дюпена. Эту миссию он оставил себе. Привилегия начальства!

— Есть у кого еще идеи?

Агент Людовик Мори слушал категоричные приказы начальства с видом футболиста, уставшего сидеть на скамейке запасных. Солнце било ему прямо в затылок. Во время совещания он еще раз пересмотрел разложенные на столе перед ним фотографии места преступления: ручей, мост, портомойню. Тело Жерома Морваля, лежащего ногами на берегу и головой в воде. Удивившись тому, что иногда идеи приходят на ум совершенно неожиданно, он поднял палец.

— Да, Людо?

— Лоренс, я вот о чем подумал. Тебе не кажется, что имеет смысл обыскать дно ручья?

— Что ты имеешь в виду? — несколько раздраженно отозвался Серенак, словно южное тыканье агента Мори его малость рассердило.

С Сильвио Бенавидиша мгновенно слетела дрема.

— Ну... — начал Мори. — Мы обыскали место преступления, все сфотографировали, сняли отпечатки, собрали улики. Разумеется, мы смотрели и в ручье. Но дно реки не исследовали. Песок не поднимали. Хотя, если посмотреть на позу лежащего Морваля, то видно, что у него из карманов вполне могло что-то вывалиться и упасть в воду. Не знаю, что именно, но вдруг?..

Серенак провел ладонью по лбу.

— А это не так уж глупо... В конце концов, почему бы и нет? Эй, Сильвио, ты уже проснулся? Собери-ка команду, да побыстрее. И включи в нее специалиста-геолога. Чтобы мог с точностью до дня сказать, сколько пролежала в воде та дрянь, которую мы извлечем на поверхность!

— Хорошо, — кивнул Бенавидиш, с трудом поднимая веки, каждое из которых весило не меньше гири. — К послезавтра сделаю. Напоминаю, что завтра у нас день изучения культурного наследия. Вы идете на экскурсию в сад Моне, а я — в Руанский музей изящных искусств.

С улицы Бланш-Ошеде-Моне в мансарду Дюпенов сочился сквозь закрытые ставнями окна рассеянный вечерний свет. Жак Дюпен нервно мял глянцевые страницы каталога нормандских загородных домов.

— Стефани, я найму адвоката. Пусть его привлекут за превышение... Этот Серенак что-то замышляет. Можно подумать, что он...

Жак Дюпен повернулся к кровати. Как он и предполагал, разговаривал он со спиной своей жены. С ее затылком. С длинными светлыми волосами. С крохотной частью лица. С рукой, держащей книгу.

— Можно подумать, что этот легавый под меня копает. За что он на меня взелся?

— Не бери в голову, — ответила спина. — Успокойся.

Жак Дюпен попытался сосредоточиться на изучении предложений по продаже недвижимости. Будильник, стоящий перед ним, медленно отсчитывал минуты.

21:12...

21:17...

21:24...

— Что ты читаешь, Стефани?

— Ничего.

Спина не отличалась болтливостью.

21:31...

21:34...

— Я хотел бы подыскать дом, Стефани. Сколько можно жить в этом стенном шкафу над школой? Дом, о котором ты всегда мечтала. В конце концов это моя профессия. Я уверен, что в один прекрасный день я смогу его тебе преподнести. Если ты немножко потерпишь...

Спина чуть шевельнулась. На ночной столик опустилась рука, положившая книгу.

«Орельен».

Луи Арагона.

Рука нажала на выключатель прикроватной лампы.

— Чтобы ты меня не бросила... — раздался в темноте голос Жака Дюпена.

21:37...

21:41...

— Ты не бросишь меня, Стефани? Ты не позволишь этому легавому

нас разлучить? Ты же знаешь, что я не имею ничего общего с убийством Морваля.

— Знаю, Жак. Мы оба это знаем.
У спины ровный и холодный голос.

21:44.

— Я обязательно это сделаю, Стефани. Я найду тебе дом. Нам. Шорох простыней.
Спина спряталась. Зато открылась обнаженная грудь.
— Сделай мне ребенка, Жак. Прямо сейчас.

35

Джеймс лежал на спине и ловил последние лучи заходящего солнца. Еще минут пятнадцать — и оно окончательно скроется за холмами. Значит, будет десять с минутами. Часов у Джеймса не было, он жил, повинаясь солнечному ритму — как Моне, — вставал с рассветом и ложился с закатом. В это время года он с каждым днем ложился чуть позже. Солнце еще не село и на прощание играло в прятки с тополями.

«Какое приятное тепло...» Джеймс смежил веки. Он сознавал, что в последнее время пишет все меньше, а спит все больше. Наверное, жители деревни думают, что он становится все меньше похож на художника и все больше — на клошара.

Ну разве не прелесть — стать местным нищим? В каждой порядочной деревне должен быть свой кюре, свой мэр, своя учительница, свой почтальон... И свой бомж! Ну что ж, значит, он станет клошаром Живерни. Говорят, во времена Клода Моне в деревне тоже был свой клошар. Все звали его Маркизом — потому что он носил фетровую шляпу, которую приподнимал, приветствуя прохожих. Но в основном он был знаменит тем, что подбирал под забором у Моне окурки и набивал ими карманы.

Что ж, сделаться в Живерни очередным Маркизом — не такая уж плохая идея! Хотя — и Джеймс хорошо это понимал — до достижения цели ему было далеко. Пока что никто в деревне, кроме маленькой Фанетты, не интересовался старым чудаком, что спал в поле под своими мольбертами.

Кроме Фанетты.

Но ему и Фанетты хватало.

И это были не пустые слова. У Фанетты настоящий дар. Насколько же

она талантливее его! Как будто Господь Бог специально повелел ей родиться в Живерни, а потом сделал так, что они познакомились.

Сегодня она назвала его «папашей Троньоном». Тем самым, с картины Робинсона. Джеймсу подумалось, что он мог бы умереть вот так, с наслаждением вспоминая произнесенные Фанеттой слова.

Папаша Троньон...

Всего два слова, но в них — вся его жизнь. От шедевра Теодора Робинсона до нахальства гениальной соплячки.

Ну надо же.

Он — *папаша Троньон*.

Кто бы мог подумать?

Солнце скрылось.

А ведь десяти еще нет... Почему-то резко стемнело. Или солнце, которому надоели прятки, решило сыграть в жмурки? Встало за тополем и считает до двадцати, давая луне возможность отбежать подальше?..

Джеймс открыл глаза. Его охватил ужас.

Над его лицом навис камень. Огромный булыжник на расстоянии не больше полуметра.

Что за сюр?

Он слишком поздно сообразил, что это не сон. Булыжник со всего размаху врезался ему в лицо. Висок взорвался страшной болью.

Он быстро перевернулся на живот и пополз через поле. До ручья совсем недалеко, а там — человеческое жилье, там мельница. Он позовет на помощь.

Но из его горла не вырвалось ни звука. Джеймс чувствовал, что теряет сознание. В ушах звенело, голова превратилась в огромный, готовый лопнуть шар.

Джеймс прополз еще немного. Он чувствовал, что нападавший где-то здесь, совсем рядом, намеренный его прикончить.

Но чего он ждет?

Его взгляд уперся в два деревянных столбика. Мольберт. Он вцепился в ножки мольберта и накрепк все силы в попытке подняться.

Мольберт с грохотом обрушился на землю. Упал ящик с красками. По траве рассыпались тюбики, кисти, карандаши. Джеймсу вспомнилась надпись на внутренней крышке ящика. «Она моя. Здесь, сейчас и навсегда». Значит, это все-таки была угроза. Но он так и не понял, от кого она исходила и почему.

Может быть, он видел что-то такое, чего не должен был видеть?

Ну вот, теперь он умрет, так ничего и не узнав. Ему казалось, что вместе с кровью у него из головы вытекают, впитываясь в землю, последние мысли. Но он продолжал ползти, давя животом тубики с красками.

Над ним снова нависла тень.

«Надо повернуться, — твердил он себе. — Постараться встать на ноги. Что-нибудь сказать». Но он не мог, охваченный леденящей паникой. Тень пыталась его убить. Она захочет довести дело до конца. Он должен бежать. Звон в ушах стал сильнее, мешая думать. Теперь в мозгу вспыхивали только самые короткие мысли. «Бежать отсюда. Подальше».

Он опрокинул второй мольберт. Во всяком случае, так ему показалось. Кровь заливала глаза. Он почти ничего не видел. Пейзаж вокруг окрасился в ржавые красновато-пурпурные тона. Наверное, ручей уже близко. Он спасется. Кто-нибудь ему поможет.

«Ползи».

Показался еще один мольберт. С палитрой, кистями и мастихинами.

Тень обогнала его.

Теперь она стояла впереди него. Сквозь красный туман Джеймс увидел, как тень схватила мастихин и приблизилась к нему.

«Все. Конец».

Джеймс прополз еще несколько сантиметров, из последних сил приподнялся на руках и перекатился через себя раз, а затем и второй. На миг в нем вспыхнула надежда, что наклона местности хватит, чтобы он докатился отсюда до самого берега Эпта. И спасся.

Надежда вспыхнула и погасла.

Тело застряло в колосьях пшеницы. Он лежал на спине, не прокатившись и пары метров. Перед глазами стояла тьма. Он выплюнул изо рта смешанную с красками кровь. Связных мыслей в голове больше не осталось.

Тень подошла к нему совсем близко. Джеймс попытался шевельнуть хотя бы одним мускулом, но у него ничего не вышло. Тело его больше не слушалось. Нет, еще слушались глаза. Он заморгал, отгоняя пелену.

Тень наклонилась над ним.

Джеймс всмотрелся в нее.

К нему вдруг вернулась ясность сознания. Последняя милость приговоренному к казни. Джеймс мгновенно узнал тень, но отказывался верить своим глазам. Это было попросту невозможно! Откуда такая

ненависть? В каком безумном мозгу она родилась?

Тень, одной рукой прижимая его тело к земле, отвела вторую для удара. Джеймс даже не дернулся. От страха и слабости он почти окаменел.

Зато теперь он понял.

В нем проснулась жажда жизни.

Он не должен умереть. Не потому, что дорожит жизнью — кому нужна его жизнь? Он должен жить, чтобы не дать свершиться тому страшному, о чем он только что догадался. Он должен во что бы то ни стало помешать преступнику, задумавшему дьявольский план, в котором ему, Джеймсу, отводилась роль статиста.

Холодное лезвие пронзило его плоть.

Он почти не почувствовал боли. Наверное, был слишком стар. Жизнь уходила из него. Бессмысленная, бесполезная жизнь. Он не сумел остановить трагедию. Он слишком стар, чтобы защитить Фанетту. Кто теперь позаботится о девочке? Кто спасет ее от нависшей над ней тени?

Джеймс в последний раз окинул взглядом кольшущееся под ветром пшеничное поле. Кто найдет его труп? Когда? Через несколько часов? Или несколько дней? Последним, что мелькнуло перед его угасающим взором, было видение: женский силуэт на фоне колосьев и маков. Дама с зонтиком. Камилла Моне.

Он ни о чем не жалел. В конце концов, разве не ради этого он покинул родной Коннектикут? Не ради того, чтобы умереть в Живерни?

День медленно угасал.

Джеймс еще успел почувствовать на своей остывающей коже собачье дыхание. Нептун...

ДЕНЬ ДЕВЯТЫЙ

21 мая 2010 года

(Шоссе Руа)

ЧУВСТВА

36

Второй подряд солнечный день. Это в Живерни! Почти чудо, уж можете мне поверить.

Я шла по шоссе Руа. Чем старше я становлюсь, тем труднее мне понять туристов, готовых выстаивать часовые очереди, лишь бы попасть в сад Клода Моне. Хвост перед входом обычно тянется метров на двести. А ведь достаточно немного пройти по шоссе Руа, и можно через зеленую ограду прекрасно рассмотреть и сад, и дом Моне, сделать фотографии и даже насладиться ароматом цветов.

По шоссе проносились машины. Растения, высаженные вдоль велосипедной дорожки, встречали каждую трепетом листьев. Те из деревенских жителей, кто работает в Верноне, давным-давно привыкли проезжать мимо розового дома с зелеными ставнями, даже не поворачивая к нему головы. Для них шоссе Руа — это дорога департаментского значения Д5, дорога на Вернон, и больше ничего.

Зато я, двигаясь с черепашьей скоростью, могу в свое удовольствие рассматривать цветы. Не стану вам врать, сад действительно великолепен. Пышные розы, скамьи в «нормандском цветнике», каскады клематисов, целые поля розовых тюльпанов и незабудок... Подлинный шедевр.

Кто посмеет мне возразить?

Амаду Канди даже рассказывал, что лет десять назад в Японии, в одной деревне воспроизвели точную копию дома Моне, вместе с садами — нормандским и водным. Представляете? Я видела фотографии. Сразу и не отличишь настоящий Живерни от фальшивки. Вы, конечно, скажете, что на фотографии можно пририсовать что угодно. Допустим. Но все равно, что за дикая идея — строить второй Живерни в Японии! Все это выше моего понимания.

Должна вам признаться: сама я не была в саду Моне уже много-много

лет. Я имею в виду, в настоящем. Слишком много там стало народу. Тысячи туристов, все толкаются, все наступают друг другу на ноги — такой старухе, как я, среди них не место. Кстати, туристы часто удивляются, обнаружив, что в доме Моне нет его картин. Ни с кувшинками, ни с японским мостиком, ни с тополями. Музей — это просто дом, сад и мастерская. Чтобы посмотреть на подлинники Моне, надо идти в «Оранжереи», в Мармоттан или в галерею Вернона... Одним словом, мне по другую сторону забора гораздо лучше. К тому же мои чувства никого, кроме меня, не касаются. Стоит мне закрыть глаза, и я, как наяву, вижу все красоты сада.

Они впечатались в мою память навсегда.

По шоссе Руа катят все новые безумцы. Мимо меня пролетает «тойота» — скорость не меньше ста километров в час. Возможно, вам неизвестно, но строительство дороги с гудроновым покрытием сто лет назад оплатил Клод Моне потому, что с грунтовки поднималась пыль и оседала на его цветы! Лучше бы дал денег, чтобы дорогу проложили в обход. А то сейчас она разрезает сад на две части, и туристам, чтобы попасть из одной в другую, приходится нырять в туннель под насыпью.

Ну ладно. Вам, наверное, уже надоело брюзжание старухи по поводу того, как меняется родная деревня и ее окрестности. Я вас понимаю. Но главный вопрос, который вас занимает, звучит так: что она затевает? Какую роль играет во всех этих событиях? Когда я брошу шпионить за всеми подряд и вмешаюсь? И как? И почему? Терпение, терпение. Еще несколько дней, всего несколько дней. Позвольте мне еще немного попользоваться всеобщим равнодушием к старухе, на которую обращают внимания не больше, чем на электрический столб или дорожный указатель — они были здесь всегда и всегда будут. Не стану вводить вас в заблуждение, утверждая, что мне известно, чем кончится история, но кое-какие соображения на этот счет у меня имеются.

Точку в ней поставлю именно я, можете не сомневаться. И я вас не разочарую.

Просто немножко потерпите. Дайте мне еще раз описать вам сад Моне. Только будьте внимательны — здесь важна каждая деталь. В мае по утрам в усадьбу Моне привозят школьные экскурсии. На протяжении всего месяца сад каждое утро наполняется детским гомоном. Конечно, уровень шума зависит от способности учительницы заинтересовать ребятню жизнью художника. И еще от степени их возбуждения, которая тем выше, чем больше часов они провели в автобусе.

Некоторых везут целую ночь. Бывают же на свете учителя-садисты! Правда, стоит детям попасть в сад, как они успокаиваются. Обычная прогулка, разве что с образовательным эффектом. Одни отвечают на вопросы теста, другие рисуют. И учителя перестают нервничать. Детям ничто не угрожает — если, конечно, кто-нибудь не полезет в пруд с кувшинками.

По шоссе Руа проехал грузовик булочника Лорена. Водитель посигналил мне, я в ответ помахала ему рукой. Ришар Лорен — последний в деревне торговец, который меня знает, — не считая галериста Амаду Канди. В Живерни чуть ли не каждый год меняются вывески: одни заведения закрываются, другие открываются. Живерни существует в ритме приливов и отливов. Но я теперь смотрю на все это издалека. Меня давно выбросило на песок.

Я подождала еще немного.

Наконец раздался треск мотоцикла. Я узнала «Тайгер-Триумф». Мотоцикл свернул на улицу Леруа и остановился возле входа для экскурсионных групп. Вам может показаться удивительным, что восьмидесятилетняя старуха способна по звуку двигателя узнать марку мотоцикла, тем более такую старую. Но поверьте мне на слово: треск «Тайгера-Триумф Т100» я узнаю из тысячи других машин.

Одновременно я заметила, что не я одна держала ушки на макушке. Из окна на верхнем этаже дома Моне, увитого диким виноградом, выглянула голова Стефани Дюпен. Она старательно делала вид, что пересчитывает детей.

Ха-ха.

Я прямо-таки почувствовала, как она задрожала, заслышав мотоциклетный треск. На учеников, носившихся между клумбами, она смотрела скорее рассеянно. По-моему, они сейчас могут вытворять что угодно, она и бровью не поведет.

37

Стефани Дюпен бегом спустилась по лестнице. Лоренс Серенак ждал ее в библиотеке.

— Здравствуйте, Стефани. Рад вас видеть.

Учительница запыхалась. Лоренс развернулся в пол-оборота.

— Господи, — воскликнул он, — я впервые вхожу в дом Клода Моне!

Спасибо, что предоставили мне эту возможность. Правда, спасибо. Я много слышал о знаменитом саде, но то, что я сейчас увидел... Это просто потрясающе!

— Здравствуйте, инспектор. Ну что ж, тогда добро пожаловать. На самом деле вам выпал уникальный шанс. Сегодня утром сад Моне открыт только для школьников Живерни. Такое случается всего раз в году. Так что дом в полном нашем распоряжении. Кроме нас, здесь никого не будет.

Кроме нас, здесь никого не будет...

Лоренс Серенак затруднился бы определить, какие чувства им овладели. Нечто среднее между восторгом и неловкостью.

— А ваши ученики?

— Они играют в саду. Не бойтесь, с ними ничего не случится, я привела только самых старших. К тому же я за ними присматриваю. Все окна в доме выходят в сад. Самые серьезные будут заниматься живописью. Они пришли в поисках вдохновения. Через несколько дней мы должны отправлять работы на конкурс юных художников фонда Робинсона. Остальные просто радуются, что нет уроков. Они с удовольствием поиграют в прятки — благо здесь есть где прятаться. Кстати, во времена Моне все было почти так же. Ошибается тот, кто думает, что дом в Живерни служил художнику приютом отшельника. Здесь всегда было полно ребятни — детей и внуков Клода Моне.

Стефани шагнула вперед и заговорила голосом экскурсовода:

— Как вы можете видеть, инспектор, мы находимся в малой голубой гостиной. Она выходит на довольно странную кладовую. Обратите внимание на висящие на стенах коробки с яйцами...

На учительнице было необычное платье из синего и красного шелка, перехваченное в талии широким поясом и застегнутое под горлом на две пуговицы в виде цветков. В этом платье она походила на гейшу, сошедшую с эстампа. Волосы она забрала назад. Ее фиалковый взгляд сливался с пастельным цветом стен. Серенак не знал, куда смотреть. Стефани вдруг напонила ему одну картину Клода Моне, которую он видел несколько лет назад — портрет первой жены художника, Камиллы Донсьё, в костюме гейши. Он внезапно застеснялся своих джинсов, рубахи и кожаной куртки.

— Перейдем в следующую комнату? — мягко предложила экскурсовод.

Желтая.

Эта комната была желтая. Все в ней было желтым — стены, шкафы, стулья. Серенак замер с разинутым ртом.

Его провожатая подошла к нему.

— Мы находимся в столовой, где Клод Моне принимал почетных гостей...

Серенака восхитила люстра на потолке. Затем его взгляд переместился на висящую на стене картину. Пастель Ренуара. Девушка в огромной белой шляпе сидит, повернувшись в три четверти оборота. Он с изумлением всматривался в игру полутонов между длинными темными волосами и персиковой кожей юной натурщицы.

— Какая удачная копия, — сказал он.

— Копия? Вы уверены, инспектор?

Серенак еще раз взгляделся в картину.

— Э-э... Ну, скажем, если бы я увидел это полотно в парижском музее, то ни на секунду не усомнился бы, что это оригинал. Но, поскольку каждый знает, что в доме Моне нет...

— А если, — перебила его Стефани, — я вам скажу, что это никакая не копия, а самый что ни на есть настоящий подлинник?

Растерянность инспектора вызвала на лице учительницы улыбку.

— Только тс-с... — добавила она. — Это секрет. Никому не говорите!

— Вы надо мной смеетесь...

— Ни в коем случае. Подождите, сейчас я открою вам еще один секрет. В доме Моне еще и сегодня можно найти — если, конечно, хорошенько поискать, — не один шедевр. Они спрятаны в шкафах, в мастерской, под крышей. Их тут десятки! Полотна Ренуара, Сислея, Писсаро... Все — подлинники. Разумеется, картины самого Моне, в том числе «Кувшинки». И все — тут, рядом, только руку протяни.

Лоренс Серенак смотрел на Стефани с недоумением.

— Стефани, зачем вы рассказываете мне все эти сказки? Все знают, что это невозможно. Картины Ренуара и Моне стоят бешеных денег. Я уж не говорю об их культурной ценности. Да кто поверит, что подобные сокровища валяются тут, покрываясь пылью? Это... Это просто смешно.

Стефани обидчиво надула свои прелестные губки.

— Лоренс, я охотно допускаю, что вы не в состоянии в это поверить. Но меня огорчает та легкость, с какой вы спешите объявить мои слова нелепым вымыслом. Ведь я говорю чистую правду. Кстати, многие жители Живерни в курсе того, что в доме Моне таятся несметные сокровища. Но... У нас не принято об этом болтать.

Лоренс Серенак ждал, что учительница вот-вот весело рассмеется. Но ждал он напрасно. Хотя в глазах Стефани плясали озорные искорки.

— Стефани, — наконец не выдержал он. — Простите, но вам

следовало бы отработать свои шутки на более простодушном полицейском.

— Вы мне по-прежнему не верите? Что ж, тем хуже для вас, Лоренс. Ладно, не будем об этом.

Учительница резко развернулась. Серенак пребывал в смятении. Зачем только он согласился сюда прийти? Надо было назначить Стефани встречу в каком-нибудь другом месте. Но что толку теперь сожалеть? Слишком поздно. В голове у него все окончательно перепуталось.

— Стефани! — решился он. — Я пришел сюда не только за тем, чтобы осмотреть дом Моне и поговорить о живописи. Я хотел...

— Тс-с!

Стефани приложила к губам палец, давая ему понять: не здесь и не сейчас. «Учительские штучки», — подумал Серенак.

Она указала на застекленные буфеты.

— Клод Моне устраивал в этой комнате изысканные приемы. Обратите внимание на синий фарфор мануфактуры Крей-Монтеро, на японские эстампы...

Она не оставила Лоренсу Серенаку выбора. Он схватил ее за плечи — и мгновенно понял, что делать этого было ни в коем случае нельзя. Гладкий шелк заскользил под его пальцами, внушая мысли, далекие от полицейского расследования.

— Я не шучу, Стефани! Вчера мы допрашивали вашего мужа. Результат беседы совсем нас не удовлетворил.

Она в ответ улыбнулась:

— Я знаю. Вечером мне пришлось выслушать краткий доклад.

— Он под подозрением. Это серьезно.

— Вы ошибаетесь.

Пальцы Лоренса продолжали скользить по шелковой ткани ее платья. Ему казалось, что он гладит ее плечи. Сохранять ясность ума с каждой секундой становилось все труднее.

— Не играйте со мной, Стефани. Вчера ваш муж заявил, что в утро убийства был дома, в вашей постели. Три дня назад вы говорили нечто противоположное. Кто-то из вас лжет. Или ваш муж, или...

— Лоренс! Сколько раз я должна вам повторять? Я не была любовницей Жерома Морваля. Мы с ним даже не дружили. Лоренс, у моего мужа не было причин убивать Морваля. Я тоже кое-что понимаю в детективах. Если нет мотива, зачем доказывать свое алиби?

Она залилась хрустальным смехом и угрем выскользнула из его хватки.

— У вас, Лоренс, — продолжила она, — явная склонность к

театральным эффектам. Ваша операция по сбору сапог деревенских жителей — это шедевр. Теперь вам остается только допросить все супружеские пары Живерни, чтобы выяснить, занимались они любовью в утро убийства или нет.

— Стефани, повторяю вам, это не шутки.

В ее голосе вдруг прорезался учительский металл:

— Я отдаю себе в этом отчет. И прошу вас, Лоренс, отстаньте от меня с этим гнусным преступлением и не менее гнусным расследованием. Все это не имеет никакого значения. А вы только все портите.

Она развернулась. У Лоренса закружилась голова. Когда Стефани вновь повернулась к нему, у нее на губах играла улыбка. Кто она — ангел или демон?

— Переходим на кухню!

На сей раз Лоренс окунулся в синеву. Кухня была оформлена в синих тонах, цвет стен и фарфора включал в себя все его оттенки, от небесно-голубого до бирюзового.

Стефани заговорила с интонациями рыночного зазывалы:

— Хозяйкам особенно понравится огромная коллекция кухонной посуды, в том числе медной, а также сервизы руанского фарфора...

— Стефани!

Учительница встала возле камина. Прежде чем Серенак успел открыть рот, она схватила его за отвороты кожаной куртки.

— Инспектор, давайте внесем полную ясность и расставим все точки над «і». Мой муж любит меня. Мой муж дорожит мной. Мой муж не способен причинить зло кому бы то ни было. Ищите другого виновного!

— А вы?

От удивления она почти разжала пальцы.

— Что — я? Способна ли я причинить кому-либо зло?

В ее фиалковых глазах блеснуло что-то новое, чего Серенак еще ни разу не замечал.

— Н-нет... — пробормотал он. — Что за мысли? Я имел в виду совсем другое. Я хотел спросить: а вы? Вы его любите?

— Инспектор, вы задаете бестактные вопросы.

Она отпустила его куртку, развернулась и пошла назад, через столовую, гостиную, кладовую. Лоренс шагал за ней на некотором расстоянии, совершенно растерянный. В кладовой была лестница, ведущая на второй этаж. Стефани остановилась на нижней ступеньке. От прикосновения шелка к деревянным перилам они как будто засияли.

Перед тем как подняться, учительница бросила одно слово. Всего

одно.

— Наконец-то!

38

Сильвио Бенавидиш стоял на площади перед Руанским собором. Он не был в Руане давно, почти год. В руках он держал путеводитель. Наверное, прохожие принимали его за туриста, но его это мало заботило. Он договорился о встрече с хранителем Музея изящных искусств, неким Ашилем Гийотеном. До встречи оставалось еще полчаса, но Сильвио специально пришел пораньше, чтобы подготовиться психологически, а заодно пропитаться импрессионистской атмосферой старого Руана.

Повернувшись к туристическому офису, Бенавидиш листал путеводитель. Большую часть картин с изображением Руанского собора — всего их насчитывается двадцать восемь — Клод Моне писал со второго этажа этого здания. Писал в разное время суток и в разную погоду. Во времена Моне в здании турбюро, одном из первых памятников французского Ренессанса, находился магазин модной одежды, а до того — финансовое управление. Сильвио продолжал читать свою брошюру. Клод Моне писал собор и с других точек, в том числе с улиц Гран-Пон и Гро-Орлож, из разных зданий, многие из которых были разрушены в годы войны.

Инспектор живо представил себе, как ранним утром Клод Моне выходит со своим мольбертом и направляется к одному из жилых домов, обитатели которого еще мирно спят, чтобы устроиться возле выходящего на собор окна и приняться за работу. Известно, что в магазине модной одежды он на протяжении нескольких месяцев смущал своим присутствием дам, явившихся примерить новый наряд. И все ради чего? Чтобы тридцать раз запечатлеть на холсте один и тот же вид! Наверное, руанцы считали его сумасшедшим.

Но людям нравятся сумасшедшие. Они вызывают в них восхищение.

Сильвио повернулся к собору. Да, безумие восхищает. Достаточно посмотреть на это грандиозное сооружение. Приходится признать, что в конечном счете он оказался прав — тот ненормальный, который однажды задумал возвести этот невообразимый собор, пусть даже его строительство растянулось на пятьсот лет. Наверняка он настаивал, что его шпиль должен быть вознесен высоко в небеса, не имея себе равных во Франции, а то обстоятельство, что при этом погибнут тысячи рабочих, нимало его не

смущало. О безопасности труда в те времена никто не думал, но вспоминать об этом сегодня как-то не принято. Все всё забыли. Забыли гору трупов, забыли варварские нравы. И восхищаются безумцами.

Инспектор посмотрел на часы. Пора. Со школьных времен у него сохранилась привычка к пунктуальности. Он покинул Соборную площадь и устремился под арки торгового пассажа. «Улица Карм», — прочитал он табличку. Музей, если он верно разобрался в схеме, должен быть слева. Бенавидиш свернул на узкую улочку, застроенную домами с фахверковыми фасадами. Здесь, в средневековой части Руана, он чувствовал себя неудобно. Город напоминал ему лабиринт, родившийся в чьем-то больном сознании. Уж не в сознании ли того самого типа, который задумал выстроить самый высокий в стране собор? Как ни старался Сильвио, у него не получалось полностью сосредоточиться на поиске нужного дома. Из головы не шло дело Морваля. Он кожей чувствовал — что-то в нем не то. Можно подумать, что где-то существует хитрый и злобный кукловод, который дергает участников трагедии за ниточки, заставляя их совершать те или иные поступки. Этаким мальчик-с-пальчик, коварный, как Макиавелли, — знай себе разбрасывает на дороге камешки, чтобы все шли туда, куда он задумал. Но кто же он такой?

Сильвио вышел на площадь Девятнадцатого апреля 1944 года. И еле-еле успел отскочить в сторону перед детской коляской, которую катила вперед решительного вида мамаша. Коляска, не сбавляя скорости, проехала ему по ноге. Инспектор машинально пробормотал несколько извинений. В мыслях неотступно бился все тот же вопрос. «Кто?»

Жак Дюпен? Амаду Канди? Стефани Дюпен? Патрисия Морваль?

Живерни — совсем небольшая деревня. Местные жители постоянно твердят, что у них все знакомы друг с другом. А что, если в тайну посвящены тоже все? И все держат рот на замке? Взять хоть этот случай с мальчиком, утонувшим в 1937 году... Бенавидишу лезли в голову самые дикие предположения. Он додумался до того, что начал подозревать Серенака в нечестной игре. Ну, в самом деле, патрон ведет себя более чем странно. К тому же эти совпадения... Лоренс не скрывает, что помешан на живописи — вон, весь кабинет себе завесил картинами. Да и до того как получить назначение в Вернон, он работал не где-нибудь, а в отделе по борьбе с незаконной торговлей предметами искусства. И тут вот вам, пожалуйста, убийство коллекционера! Как по заказу. И где? В Живерни! Это не говоря уже о маниакальном упорстве, с каким Серенак пытается повесить убийство на Жака Дюпена, одновременно флиртуя с его женой. Сильвио поделился своими опасениями с Беатрис, но жена и слушать его

не пожелала. Она без ума от Лоренса. А ведь они виделись всего один раз!

Сильвио вышел к небольшому скверу перед серым зданием монументальной архитектуры. На его ступеньках томилось с десяток человек. Вход в Музей изящных искусств. Бенавидиш ускорил шаг. Да, Беатрис вбила себе в голову, что Лоренс — замечательный человек, знающий, остроумный и очень обаятельный. «Даже странно, — добавила она. — Для полицейского у него потрясающая интуиция. Почти женская». «Может, — задумался Бенавидиш, — в этом и кроется причина моего недоверия к начальнику? В том, что он нравится Беатрис? Хотя трудно найти человека, с которым у меня самого было бы меньше общего. Похоже, Серенака не интересует ничего, кроме живописи и женщин, с которыми спал Морваль. Или мечтал переспать».

Бенавидиш поднялся по ступенькам Музея изящных искусств. Вопрос, который не давал ему покоя все утро, принял теперь немного другую форму. Почему люди так восхищаются безумцами? Особенно женщины?

Инспектор Сильвио Бенавидиш стоял в холле Руанского музея изящных искусств и терпеливо дожидался появления хранителя. Высоченные потолки, огромные размеры помещения и великолепие стенных росписей действовали на него угнетающе. Он даже не заметил, когда перед ним вдруг откуда ни возьмись возник маленький лысый человечек в сером халате, спускавшемся чуть ли не до щиколоток, и протянул ему руку.

— Инспектор Бенавидиш? Я Ашиль Гийотен. Хранитель музея. Пойдемте. Боюсь, у меня не так много времени, тем более что я так и не понял, чего вы от меня хотите.

Сильвио посетила забавная мысль. Гийотен напомнил ему школьного учителя рисования Жана Бардона. В свои двадцать пять лет тот выглядел на все сорок. Гийотен был точно такого же роста, ходил в таком же халате и разговаривал в той же точно манере. Как ни странно, в школе учителя, особенно те, которых ученики не слушались, всегда выбирали козлом отпущения Сильвио. Наверное, Ашиль Гийотен принадлежал к той же касте злых коротышек, которые тушуются перед начальством и отыгрываются на подчиненных.

Гийотен с поразительной скоростью поднимался по лестнице. Сильвио испугался, что он сейчас наступит на полу халата, споткнется и полетит вниз.

— Вы идете или как? И что там за история с убийством?

Бенавидиш затормозил, чтобы не налететь на серый халат.

— Довольно богатый человек. Окулист из Живерни. Увлекался коллекционированием живописи. Особенно интересовался Моне и «Кувшинками». Не исключено, что это и стало мотивом преступления.

— И?

— И мне хотелось бы узнать об этом немного больше.

— У вас что, в полиции нет подходящего специалиста?

— Есть. Расследование возглавляет инспектор, проходивший стажировку в отделе по борьбе с незаконной торговлей предметами искусства, но...

Гийотен слушал его с изумлением, словно в жизни не слышал подобной ереси.

— Но?

— Но мне хотелось составить собственное представление.

Он так и не понял: то ли Гийотен вздохнул, то ли присвистнул.

— Ну хорошо. Что конкретно вы хотите знать?

— Начнем с «Кувшинок», если вы не против. Сколько именно картин на эту тему написал Моне? Двадцать? Тридцать? Пятьдесят?

— Пятьдесят?!

Гийотену удалось невероятное — он издал возглас, напоминавший одновременно и крик ужаса и сардонический хохот. Что-то похожее умеют проделывать гиены. Будь у него в руках железная линейка, инспектору ни за что не уберечь бы свои пальцы. Все портреты, висящие на стенах в зале искусства Возрождения, устремили на Бенавидиша свои укоризненные взоры. Сильвио невольно опустил глаза — Ашиль Гийотен, напротив, воинственно вздернул плечи. Инспектор Бенавидиш обратил внимание, что на ногах у хранителя ярко-оранжевые носки.

— Вы что, надо мной смеетесь, инспектор? Пятьдесят полотен с «Кувшинками»! Так вот, знайте: на сегодняшний день специалистами атрибутировано двести семьдесят два холста кисти Клода Моне с изображением кувшинок!

Сильвио вытаращил глаза.

— Можно измерить их в квадратных метрах, если вам угодно. В конце Первой мировой войны Моне получил государственный заказ на двести квадратных метров художественных полотен под общим названием «Кувшинки», которым предстояло экспонироваться в музее «Оранжери». Но если добавить к ним «лишние» полотна, которые художник, страдавший катарактой, писал уже полуслепым, то получится примерно на сто сорок квадратных метров «Кувшинок» больше. Они выставляются по всему миру

— в Нью-Йорке, Цюрихе, Лондоне, Токио, Мюнхене, Канберре, Сан-Франциско... Перечислять можно еще долго. И я уже не говорю о приблизительно сотне холстов с «Кувшинками», хранящихся в частных собраниях...

Сильвио воздержался от комментариев. Он сам себе казался маленьким мальчиком, которому только что объяснили, что теплая водичка, омывающая его ноги на солнечном пляже, не просто водичка, а часть огромного океана. Гийотен между тем продолжал свою гонку через залы. Стоило ему войти в очередной из них, зрители с паническим выражением на лицах замирали по стойке «смирно».

Из зала, посвященного искусству XVII века, они перебрались в эпоху барокко.

— «Кувшинки», — продолжал вещать Ашиль Гийотен (он даже не запыхался), — это удивительный цикл, не имеющий аналогов в истории живописи. На протяжении последних двадцати семи лет жизни Моне писал только «Кувшинки». Только свой пруд с кувшинками! Постепенно он убирал с картин все второстепенные детали — японский мостик, ветки ивы, небо — чтобы целиком сосредоточиться на листьях, воде и игре света. Он сам поставил себе эти строгие рамки и не выходил за них. Последние работы, написанные за несколько месяцев до смерти, приближаются к стилистике абстракционизма. Мы видим на них только пятна. Специалисты называют эту манеру ташизмом — от французского *tache*, что значит «пятно». До Моне никто не делал ничего подобного. И никто из современников мастера не понял его замысла. Все считали, что художник к старости тронулся умом. Когда он умер, о «Кувшинках», особенно последних серий, все предпочли забыть. Списали их на старческий маразм!

Сильвио не успел спросить, что хранитель подразумевал под словом «забыли», — тот трещал не закрывая рта:

— Но всего поколение спустя именно последние полотна Моне дали в США толчок зарождению нового направления в искусстве, известного как «абстрактная живопись». Отец-основатель импрессионизма оставил нам в наследство новое творческое изобретение — модернизм! Вы знаете Джексона Поллока?

Сильвио не посмел сказать, что не знает. Сказать, что знает, он тоже не посмел. Гийотен испустил оскорбленный вздох.

— Тем хуже для вас. Это художник-абстракционист. Поллок и другие черпали вдохновение в «Кувшинках» Моне. Все без исключения. Во Франции происходило то же самое. Надеюсь, вы запомнили, что я только что говорил? Самые большие картины с кувшинками вывешены в музее

«Оранжери» — это своего рода Сикстинская капелла импрессионизма. Моне преподнес их в дар Французскому государству в честь мирного договора, заключенного в 1918 году. Но это еще не все! Место, в котором выставлены «Кувшинки», способно преподнести вам еще несколько сюрпризов!

— Правда?

Это было единственное, что пришло Сильвио в голову. Но Гийотен не обратил на его реплику никакого внимания.

— «Кувшинки» расположены строго по оси триумфа! Это ось, которая проходит через собор Нотр-Дам, Лувр, сад Тюильри, площадь Согласия, Елисейские Поля, Триумфальную арку и Арку «Дефанс»... Если мысленно продолжить линию, вдоль которой располагаются «Кувшинки», то вы получите ось, символизирующую всю историю Франции, и эта ось тянется с востока на запад, вслед за траекторией солнца. Как вы думаете, неужели Моне случайно писал свой пруд с кувшинками в разное время суток, с утра и до вечера? Он пытался запечатлеть вечное движение светила. Ход солнца, триумфальная история Франции и революция в современном искусстве! Теперь вы понимаете, что каждый квадратный сантиметр «Кувшинок» стоит целое состояние? Это не просто картины, это поворотный пункт во всей истории современного искусства. А произошел он здесь, в Нормандии, в нескольких километрах от Вернона, в ничем не примечательном пруду. Вот почему величайший гений живописи почти тридцать лет писал исключительно кувшинки!

Святые, королевы и герцоги, воодушевленные поэтичным рассказом хранителя, казалось, были готовы вспорхнуть с портретов XVII века и умчаться в неведомые дали.

— Когда вы говорите «целое состояние», что конкретно вы имеете в виду?

Гийотен пропустил вопрос Бенавидиша мимо ушей. Прошагав через весь зал, он распахнул окно. Инспектор оставался стоять на месте.

— Ну? Вы идете или нет?

Сильвио понял, что хранитель приглашает его проследовать за ним.

— Сейчас я объясню вам, сколько стоят «Кувшинки», если верить последним торгам на аукционах Лондона или Нью-Йорка. Вот, посмотрите. Видите напротив, на улице Жанны д'Арк, каменные пятиэтажные дома? Всем известно, что там очень дорогие квартиры — это так называемое престижное жилье. Так вот, за одно полотно с кувшинками кисти Моне размером, скажем, один квадратный метр, вы могли бы купить... э-э... сотню таких квартир. Если учесть, что на каждом этаже каждого подъезда

расположено всего по одной квартире, то нетрудно подсчитать, какую часть улицы вы смогли бы скупить.

— Сто квартир? Вы шутите?

— Нет, не шучу. Полагаю, в реальности такая картина стоит вдвое дороже. Но продолжим изучать улицу Жанны д'Арк. Видите машины на светофоре? Так вот, за одну картину вы могли бы купить от тысячи до двух тысяч автомобилей. Новых, разумеется. Или скупить все содержимое магазинов, расположенных на улицах Гро-Орлож, Жанны д'Арк и Республики вместе взятых. Поймите вы, на самом деле эти картины бесценны, вот что я пытаюсь вам внушить. Ведь это же «Кувшинки»!

— Вы надо мной смеетесь...

— Последний Моне был выставлен на лондонском аукционе «Кристи» со стартовой ценой двадцать пять миллионов фунтов стерлингов. И это была картина раннего периода творчества художника. Двадцать пять миллионов фунтов! Пересчитайте сами на квартиры или машины.

Сильвио стоял, словно оглушенный, а хранитель уже снова манил его за собой к лестнице, на этаж, где хранилось собрание импрессионистов.

Писсаро, Сислей, Ренуар, Кайбот... И, разумеется, Моне. Знаменитая улица Сен-Дени под дождем трехцветных флагов, Руанский собор в ненастную погоду...

— А сейчас на рынке еще есть «Кувшинки»? — осмелился задать вопрос Бенавидиш.

— Что значит «на рынке»?

— Ну, ненайденные картины... — робко уточнил полицейский.

— Ненайденные? В каком смысле — ненайденные? Вас что, в полиции не учат выражать свои мысли точно? Вы хотите спросить, есть ли шанс, что где-то вдруг всплывет прежде не известная работа Моне? Забытая картина? Обнаруженная где-нибудь на чердаке в Живерни? Или в подвале... И вы намекаете, что подобная находка вполне может послужить мотивом к убийству. Еще бы, если на кону стоят такие деньги... Так вот, инспектор, слушайте внимательно, что я вам скажу...

39

Ступени лестницы в доме Клода Моне скрипели под ногами инспектора Лоренса Серенака.

Он пытался изгнать из головы посторонние мысли, но внутренний голос — или это был голос его ангеля-хранителя? — упорно продолжал

нашептывать, что он своими ногами шагает в расставленную ловушку, что ему нечего делать на этой лестнице, ведущей в спальни, что ему незачем послушно плестись за этой женщиной... Что он теряет контроль над ситуацией. Но заставить замолчать этот голос разума — или инстинкта? — оказалось на удивление просто. Достаточно было вспомнить, как только что смеялась Стефани, и посмотреть на ее мелькающие впереди ноги, выглядывающие из-под платья, похожего на наряд гейши.

Когда Лоренс Серенак добрался до второго этажа, Стефани стояла в дверном проеме коридорной двери, по обе стороны которого располагались спальня и ванная комната. В туго перехваченном в талии красном платье, хрупкая и прекрасная, как фарфоровая ваза.

— Частные апартаменты Клода Моне. Здесь, должна признаться, обстановка более традиционная. Но и более интимная. Лоренс, вам что, нехорошо?

Она вошла в первую комнату и присела на кровать, почти полностью утонув в мягкой пуховой перине.

— Значит, настал час допроса? Ну что ж, инспектор, я в вашей полной власти.

Лоренс Серенак взволнованно осматривал комнату. Кремовая обивка стен, пожелтевшее постельное белье, черный мрамор камина, тусклое золото подсвечников, красноватая древесина ночного столика...

— Давайте, инспектор, смелее... Вчера с моим мужем вы были очень красноречивы...

Лоренс ничего не сказал. Оба они какое-то время молчали. Серенак не приблизился к постели. Огоньки в глазах Стефани постепенно погасли — так гаснет в ночи маяк. Она чуть приподнялась, подняв в воздух облако пуха и перьев.

— Тогда начну я. Инспектор, вам известна история Луизы — собирательницы одуванчиков из Живерни?

Серенак смотрел на нее, не зная что и думать.

— Ну конечно, не известна, — сказала Стефани. — Это очень красивая история. Луиза — это наша местная Золушка. Рассказывают, что эта крестьянская девушка отличалась необычайной красотой. Первая красавица на деревне. Юная. Свежая. Невинная. Году этак в тысяча девятисотом она позировала на лугу художникам. В том числе одному многообещающему чеху по фамилии Радимски, который приехал в Живерни, чтобы познакомиться с Моне и американскими живописцами. Красавец Радимски кроме всего прочего пользовался славой выдающегося пианиста. Он передвигался в автомобиле — редкость по тем временам. И

вот он без памяти влюбился в деревенскую девушку, собиравшую на лугу одуванчики, женился на ней и увез с собой. Сегодня Радимски — самый известный у себя в стране художник, а крестьянская девушка Луиза стала богемской княгиней. Кстати, их машину Клод Моне купил для своего сына Мишеля, который несколько месяцев спустя врезался на ней в дерево в Верноне, на улице Тьера. Если не считать печальной кончины машины, история замечательная, правда?

Лоренс Серенак поборол искушение подойти к Стефани и вместе с ней рухнуть на пуховую перину. У него пылали виски.

— Стефани, зачем вы мне ее рассказали?

— Сами догадайтесь.

Она выпрямилась. Вокруг нее медленно опускались пушинки.

— Хочу сделать вам одно признание, инспектор. Довольно странное. Я уже очень давно не находилась наедине с мужчиной — не считая мужа, конечно. И очень давно не смеялась, поднимаясь по лестнице. Я давно ни с кем не говорила о пейзажах, о живописи, о стихах Арагона — не считая детей не старше одиннадцати лет.

Серенак подумал о Морвале. Но прерывать Стефани он не собирался.

— Понимаете, инспектор, просто я слишком долго ждала этой минуты. Всю жизнь.

Он молчал.

— Ждала, что кто-то придет.

«Срочно на что-нибудь посмотри, — приказал себе Серенак. — На оплавленные свечи. На облупившуюся краску на стенах. На что угодно, только не смотри в ее глаза».

— Не обязательно чешский художник, — добавила она. — Но хоть кто-то...

У нее даже голос был фиалкового цвета.

— Если бы мне сказали, что это будет полицейский...

Стефани резко поднялась и смело взяла Лоренса Серенака за безвольно повисшую руку.

— Пошли. Я должна взглянуть на своих учеников.

Она увлекла его к окну. По саду носились с десятков ребятишек.

— Посмотрите на этот сад, инспектор. На розы, на оранжереи, на пруд. Сейчас я открою вам еще один секрет. Живерни — это ловушка. Очень красивая ловушка — что правда, то правда. И помыслить трудно, что кто-то может мечтать о том, чтобы отсюда уехать. Из такой красоты? Но дело в том, что все это — не более чем декорация. Намертво закрепленная декорация. Никто не имеет права украшать свой дом по собственному

вкусу и красить его стены в тот или иной цвет по своему выбору. Здесь даже цветок сорвать нельзя! Запрещено законом, да не одним, — их наберется с десятков. Мы живем в картине, инспектор. Мы навечно в ней замурованы. Принято считать, что мы находимся в центре мира, куда стремятся тысячи, десятки и сотни тысяч людей... Но мы сами не замечаем, как постепенно растворяемся в пейзаже. Лак, которым покрыто полотно, въедается нам в кожу и лишает возможности двигаться. Мы обречены на вечное смирение. На отказ от своих желаний. История Луизы, которая собирала в лугах Живерни одуванчики, а потом стала богемской княгиней, — не более чем легенда, инспектор. В жизни такого не бывает. Больше не бывает.

— Назад! Туда нельзя! — вдруг закричала она в окно.

Трое детишек как раз собирались пройти через клумбу.

Взгляд Лоренса Серенака метался по саду в надежде зацепиться хоть за что-нибудь, лишь бы не видеть бесконечной печали в глазах Стефани и не поддастся искушению обнять ее и прижать к себе. Повсюду он видел цветы. Какая гармония красок! Кто способен устоять перед этой волшебной картиной?

— А это правда, — неожиданно спросил он, — то, о чем говорит в своей книге Арагон? Что Моне не выносил вида увядших цветов? Что садовники каждую ночь выкапывали отцветшие растения и пересаживали на их место другие, в цвету? Как будто заново перекрашивали весь сад?

Кажется, его хитрость удалась. Во всяком случае, губы Стефани тронула улыбка.

— Нет, конечно. Арагон немного преувеличивает... Но, позвольте, выходит дело, вы прочитали «Орельена»?

— Разумеется, прочитал. И даже понял. Этот великий роман говорит о том, что счастливая любовь невозможна. Я прав? Именно это пытается внушить нам автор?

— Арагон верил в это, когда писал книгу. Полагаю, он тогда действительно думал, что на свете не бывает счастливой любви. Но впоследствии ему довелось пережить самую прекрасную и самую долгую — размером в вечность — историю любви. Ни один другой поэт не познал такого счастья, какое выпало на долю ему. Ему и Эльзе...

Лоренс отвернулся от окна. Бледные губы Стефани оставались чуть приоткрытыми. Его охватило непреодолимое желание провести по этим губам пальцем, прикоснуться к фарфоровой коже...

— Вы очень странная женщина, Стефани.

— А вы, инспектор, наделены даром вызывать людей на

откровенность. Должна признать: ваша манера вести допрос намного тоньше, чем я поняла со слов мужа. Но я вас разочарую. Во мне нет ничего странного. Я обыкновенна до банальности...

Учительница ненадолго замолчала, словно собираясь с духом, а потом вымолвила — будто бросилась из окна вниз:

— Банальная история... Я мечтаю о ребенке. Но мой муж не в состоянии подарить мне ребенка. Наверное, поэтому я больше его не люблю. Хотя нет, не так. Сколько я себя помню, я никогда его не любила. Просто он оказался рядом. И был не хуже, чем любой другой. Заботливый. Любящий. Я сделала не такой уж плохой выбор. Я ведь самая обыкновенная женщина, инспектор. Похожая на всех остальных. Пусть красивая... Пусть родилась в Живерни и люблю своих учеников... Что это меняет?

Рука Лоренса легла на руку Стефани. Их пальцы переплелись вокруг зеленой чугунной решетки окна.

— Почему вы говорите об этом мне?

Стефани повернула к нему голову и засмеялась.

«Неужели она не понимает, что таких глаз, как у нее, больше нет ни у кого в мире?»

— Не стройте иллюзий, инспектор. И не думайте лишнего. Если я рассказываю вам все это, то не потому, что меня пленила ваша бандитская улыбка, и не потому, что у вас расстегнута на груди рубаха, и не потому, что в ваших ореховых глазах отражаются все ваши чувства. Но самое главное — не надейтесь, что на меня действуют ваши чары...

Ее рука оторвалась от его и указала куда-то за горизонт.

— Помните Луизу, которую пленила машина чешского художника? Вот и я с первого взгляда влюбилась в ваш «Тайгер-Триумф»! — Она расхохоталась. — И в то, как вы гладите Нептуна...

Она придвинулась к нему совсем близко.

— И последнее, инспектор. Самое важное. Тот факт, что я больше не люблю своего мужа, еще не делает из него убийцу. Скорее, напротив...

Серенак ничего не ответил. Он только сейчас заметил, что пассажиры машин, проезжающих по шоссе Руа в пятидесяти метрах от них, все, как по команде, поворачивают головы к дому Моне и наверняка видят в окне его и Стефани. Любовники на балконе...

Что они тут, с ума все посходили?

Или это он сходит с ума?

— По-моему, мне пора вернуться к детям, — тихо сказала Стефани.

Серенак еще некоторое время постоял один у окна, слушая, как стихают за спиной шаги учительницы. Сердце колотилось, как бешеное, словно желая вырваться из-под расстегнутой на груди рубахи; мысли беспорядочно метались в голове, норовя расколоть черепную коробку.

«Кто такая Стефани?

Роковая женщина? Или заблудшая душа?»

40

Инспектор Сильвио Бенавидиш стоял в зале импрессионистов Руанского музея изящных искусств и по-совиному хлопал глазами. Зато Ашиль Гийотен не замирал ни на секунду. Вот и сейчас, достав из кармана носовой платок, он смахивал невидимую пылинку с картины Сислея. Табличка под полотном гласила: «Наводнение в Пор-Марли». Сильвио уже забеспокоился, не забыл ли Гийотен про его вопрос, когда хранитель обернулся к нему. Промокнув лоб уголком платка, он тоном прорицателя изрек:

— Если я вас правильно понял, инспектор, вас интересует, возможно ли появление на рынке пропавших либо вовсе неизвестных полотен Моне? Хотите, сыграем с вами в одну игру?

Он прижал платок к виску.

— Мы знаем, что в мастерской Моне в Живерни хранились десятки полотен — эскизов, юношеских работ, неоконченных панно с кувшинками... Это не говоря о картинах, подаренных художнику друзьями — Сезанном, Ренуаром, Писарро, Буденом, Эдуаром Мане, — всего больше трех десятков холстов. Представляете? Это же целое состояние! Коллекция, с которой сравнится не всякое музейное собрание! Под охраной восьмидесятилетнего старика и одного садовника, в доме с потрескавшимися стенами, вечно открытыми окнами и кое-как запирающейся дверью! Да кто угодно мог туда проникнуть. Любой житель деревни, прояви он толику хитрости, влез бы в мастерскую и «заработал» больше, чем если бы ограбил двадцать банков!

Платок в последний раз проехался по лицу хранителя и, смятый в ком, завершил свой путь у него в кулаке.

— Баснословное состояние — и до него рукой подать. Вы хоть понимаете, какое это искушение?

Сильвио честно старался понять. Одновременно он обводил взглядом десяток развешанных по стенам картин. Получается, что в Руанском музее,

который слышет обладателем самого полного среди провинциальных картинных галерей собрания импрессионистов, не наберется и четверти богатств, хранившихся в мастерской Моне.

— А может быть, что в мастерской Моне в Живерни еще и сегодня есть картины великих мастеров?

Ашиль Гийотен на миг задумался.

— Смотрите, — наконец сказал он. — Клод Моне скончался в тысяча девятьсот двадцать шестом году. Скорее всего, его сын и наследник Мишель Моне приложил немало усилий к тому, чтобы сохранить и защитить те картины отца, которые он не передал в дар музеям. Следовательно, отвечая на ваш вопрос, я скажу так: вероятность того, что в розовом доме в Живерни до сих пор находятся никому не известные подлинники Моне, чрезвычайно мала. Хотя как знать...

— Хорошо, оставим тему воровства, — сказал инспектор, голос которого зазвучал чуть более уверенно. — Но разве Моне не мог продать или просто подарить кому-то часть своих работ?

— Местная пресса писала о проведении вещевой лотереи, главным призом в которой была подаренная организаторам картина Моне. Выручка от лотереи пошла на строительство больницы в Верноне. Счастливчику, вытянувшему заветный билетик, она досталась за пятьдесят сантимов — в ценах того времени, разумеется. Но таких случаев исчезающе мало. Видите ли, нельзя сказать, что жители Живерни приняли Клода Моне с распростертыми объятьями. Ему приходилось торговаться за каждый клочок земли для своего сада, за каждый стог сена, который рачительному хозяину не терпелось убрать в сарай, не дожидаясь, пока живописец закончит картину. Но больше всего нервов художнику стоило разрешение повернуть русло ручья, чтобы наполнить водой пруд с кувшинками. Моне без конца платил жителям деревни. Заплатил, чтобы напротив его сада не стали строить фабрику по производству крахмала. Заплатил, чтобы достижения прогресса не проникли за ограду его усадьбы. Нетрудно предположить, что среди деревенских нашелся хитрец — член муниципалитета или просто крестьянин, — быстро сообразивший, что вместо нищенской суммы в пятьсот франков гораздо выгоднее выпросить у мастера какую-нибудь картину. Я знаю, специалисты не очень-то верят в сделки подобного рода между художниками и местными жителями, но разве мы можем исключить вероятность того, что среди аборигенов все-таки попался хотя бы один, кому достало любопытства заинтересоваться если не искусством как таковым, то хотя бы рыночной стоимостью картин? Разумеется, Моне подарил бы такому одну из своих работ... У него просто

не было бы выбора. Кстати, вы видели в Живерни, неподалеку от усадьбы Моне, такую странную мельницу? Она называется мельница «Шеневьер». Каждый раз, когда я бываю в деревне, смотрю на нее и вспоминаю знаменитую картину Теодора Робинсона «Папаша Троньон»... Так вот, владельцу мельницы ничего не стоило шантажировать Моне — ручей-то протекал через его участок. Не договоришься с мельником — не будет тебе никаких кувшинок!

Сильвио Бенавидиш быстро понял, что записать рассказ хранителя не успеет, и старался запомнить из него как можно больше.

— Вы это серьезно?

— По-вашему, молодой человек, я похож на шутника? Знаете, в мире полно кретинов, именующих себя охотниками за сокровищами и готовых мчаться на другой край земли ради трех золотых монет. Будь у них побольше ума, они бы приехали в Живерни и обшарили чердаки окрестных домов. Конечно, я в курсе всех слухов... Утверждают, что Клод Моне уничтожал полотна, если находил их неудачными. Так же он поступал со своими ранними работами. Он так боялся, что после его смерти торговцы накинута на его незаконченные картины или наброски, что в тысяча девятьсот двадцать первом году сжег у себя в мастерской все холсты, которыми был недоволен. Но не думаю, что, несмотря на все принятые мастером предосторожности, нигде в мире не сохранилось хоть одно полотно кисти Моне. Всего один старый забытый холст. На который сегодня можно купить остров в Тихом океане.

Хранитель перешел в следующий зал и окинул свирепым взором смотрительницу, которая, вместо того чтобы с благоговением взирать на пурпур мантии кардинала, допрашивающего на полотне Делароша Жанну д'Арк, изучала красный лак у себя на ногтях.

— Еще одно, — сказал инспектор. — Вы упомянули Теодора Робинсона — художника-импрессиониста и друга Клода Моне. Что вы можете сказать о фонде, носящем его имя?

— Почему вас это интересует? — прищурился Гийотен.

— В расследовании без конца всплывает этот фонд. Как ни странно, но многие персонажи, прямо или косвенно связанные с нашим делом, имеют к нему то или иное отношение.

— Что конкретно вы хотите знать?

— Ничего особенного. Просто ваше мнение.

Хранитель чуть поколебался, словно подыскивая нужные слова.

— Как бы вам это объяснить, инспектор... Это довольно сложная

история. В принципе, ассоциации подобного типа не преследуют никаких корыстных целей. Подождите, попробую показать на другом примере. Допустим, у нас есть ассоциация помощи беднякам. Парадокс ее существования заключается в том, что при снижении числа бедняков падает и потребность в ее услугах. Иными словами, чем лучше работает ассоциация, тем быстрее она начнет хиреть. То же самое относится к антивоенным фондам. Установление прочного мира на земле будет означать кончину этих фондов.

— А врач, который слишком хорошо лечит больных, рискует остаться без работы?

— Совершенно верно, инспектор.

— Это мне понятно. Но при чем тут фонд Робинсона?

— У фонда Робинсона есть свой девиз. Они называют его «три „про“». Про-цветание, про-текция, про-движение. Великолепный девиз — звучит одинаково гордо на самых разных языках. Чем занимается фонд? Он ищет по всему миру произведения искусства, покупает их, а потом продает. Кроме того, он вкладывает средства в юные таланты: точно так же покупает их, а потом продает.

— И?

— Талант, инспектор, штука специфическая. Картина — это не пластинка и не книга. Доходы художника не зависят от количества проданных экземпляров. Как раз наоборот, и именно на этом построена вся система. Картина стоит тем дороже, чем дешевле все остальные. В условиях честной конкуренции между искусствоведами, школами и галереями все обстоит прекрасно. Но стоит какой-либо ассоциации стать монополистом, как все меняется. Схватываете?

— Не совсем.

Гийотен раздраженно поморщился.

— Ну смотрите! Монополист открывает новые таланты, иначе говоря, обновляет рынок искусства. Это то самое «про» из слова «процветание». Но чем старательнее он занимается одними именами, тем меньше внимания уделяет другим, то есть «про» из слова «протекция» дает сбой. Теперь поняли?

— Ну... В общем и целом...

Бенавидиш почесал голову.

— Можно я задам вам совсем конкретный вопрос? Если бы где-нибудь существовала неизвестная картина Моне, у фонда Робинсона хватило бы средств, чтобы ее разыскать?

— Вне всякого сомнения! — воскликнул хранитель. — Более чем у

кого-либо другого! И, уверяю вас, они не остановились бы ни перед чем.

— Хорошо, — продолжил Бенавидиш, не без успеха изображая из себя мультяшного пса Друпи,^[8] что, по всей видимости, заставляло хранителя быть к нему снисходительным. — Тогда у меня к вам последний вопрос. Возможно, он вас удивит. Существуют ли неизвестные картины Моне? Какие-нибудь редкие или даже скандальные полотна, ради которых кто-нибудь решился бы пойти на убийство?

Лицо Ашиля Гийотена прорезала садистская улыбочка. У инспектора мелькнуло подозрение, что тот ждал этого вопроса, достойного послужить апофеозом их беседы.

— Пойдемте со мной, — заговорщически шепнул хранитель.

Он потянул инспектора к противоположной стене, на которой висело полотно с изображением четырех обнаженных мужчин, по всей видимости, римских рабов, пытающихся укротить сбесившегося коня.

— Взгляните на фигуры мужчин, написанные Жерико. Да-да, знаменитым Теодором Жерико! Величайшим художником, родившимся в Руане. Посмотрите на их тела. Мастер запечатлел на своем полотне само движение! У художников, инспектор, странные взаимоотношения со смертью. Знаете ли вы, что, работая над «Плотом Медузы», Теодор Жерико, стремившийся к реалистичности изображения, собирал по больницам ампутированные руки и ноги, а также отрубленные головы? В его мастерской стояла трупная вонь! В конце жизни, борясь с собственным безумием, он написал десять портретов сумасшедших, каждый из которых страдал каким-либо видом помешательства. Все вместе они олицетворяли страдания человеческой души...

Сильвио испугался, что хранителя сейчас занесет в сферы, слишком далекие от предмета его интересов.

— Но Моне не был сумасшедшим! — вставил он. — И он не писал трупы!

Ашиль Гийотен ослабился. Редкие волосенки у него на голове воинственно встопорщились, похожие на хилые рожки мелкого беса.

«Одиннадцатый помешанный?»

— Сейчас увидите, инспектор.

Гийотен бросился к лестнице, бегом спустился на два пролета и влетел в сувенирную лавку, расположенную на первом этаже музея. Схватив с витрины огромный фолиант, он зубами содрал с него пластиковую пленку и с видом одержимого принялся листать страницы.

— Моне не писал мертвецов! Моне не писал трупы! Только живую природу! Ха! Смотрите, инспектор, смотрите!

Бенавидиш даже вздрогнул.

На него с книжной страницы смотрел призрак.

Это был портрет женщины. Бескровное лицо с сомкнутыми веками казалось прикрытым ледяным саваном или затянутым холодной полупрозрачной паутиной.

«Смерть...»

— Позвольте вам представить Камиллу Моне, — прозвучал строгий голос Гийотена. — Его первую жену. И самую красивую модель. Девушка под зонтиком в поле маков, веселая спутница загородных прогулок. Она умерла в тридцать два года! Моне написал эту ужасную картину, стоя у гроба жены; все последующие годы он корил себя за то, что не устоял перед искушением передать на холсте, как исчезают с лица краски жизни, что смотрел на ту, кого любил, как на материал для этюда. Примерно то же происходило с Жерико, которого непреодолимо тянуло писать искаленные тела. В те минуты художник в душе Моне пересилил овдовевшего мужа. Впоследствии он рассказывал, что действовал автоматически, словно под гипнозом. Что вы на это скажете, инспектор?

Сильвио Бенавидиш мог бы признаться, что еще ни одна картина не производила на него столь сильного впечатления.

— А существуют другие картины... э-э... подобного рода? Я имею в виду у Клода Моне?

Круглое личико Ашиля Гийотена налилось кровью. В его чертах проступило что-то дьявольское.

— Что же может быть увлекательнее, чем написать смерть собственной жены? Подумайте сами, инспектор! Разумеется, ничего.

Краснота уже добралась до висков хранителя.

— Ничего — разве что написать собственную смерть! В последние месяцы жизни Моне писал «Кувшинки», но не закончил ни одной картины. Как Моцарт свой «Реквием», если вы понимаете, что я имею в виду... Он отчаянно сражался против смерти, против болезни, против слепоты, и оружием ему служила кисть. Это недоступные пониманию, исполненные страдания полотна, созданные криком израненной души. Кувшинки на них — это пестрые пятна: ярко-красные, густо-синие, трупно-зеленые... Дикая смесь из ночных кошмаров... Лишь одного цвета вы на этих картинах не найдете...

Сильвио хотел что-то сказать, но из его горла не вырвалось ни звука. Он чувствовал, что нити расследования ускользают из его рук.

— Это цвет, который Моне изгнал из своих картин и которым никогда не пользовался. Цвет, являющийся отрицанием цвета, но в то же время

сочетанием всех остальных цветов вместе взятых.

Сильвио молча карябал что-то у себя в блокноте.

— Черный, инспектор! Это черный цвет! Рассказывают, что за несколько дней до кончины, в начале декабря тысяча девятьсот двадцать шестого года, поняв, что ему осталось недолго, Клод Моне их все-таки написал!

— К-кого? Ч-ч-что? — заикаясь, произнес Бенавидиш.

Гийотен его не слушал.

— Вы способны понять, о чем я вам говорю, инспектор? Моне увидел свою смерть в водном отражении кувшинок и запечатлел ее на холсте. Он написал «Кувшинки». Черные!

Рука Сильвио, сжимавшая перо, бессильно упала. Вряд ли он сумеет еще что-нибудь записать...

— Ну, так что скажете, инспектор? — спросил хранитель внезапно севшим голосом. — «Черные кувшинки»... Как черные георгины...

— А эта история... Ей есть документальное подтверждение?

— Нет. Разумеется, нет. Разумеется, никто и никогда не видел «Черные кувшинки». Это всего лишь легенда.

Сильвио потрясенно молчал. Чтобы сказать хоть что-то, он спросил:

— А детей Моне писал?

41

Я смотрела на Стефани, стоящую возле окна в розовом доме Моне. Она походила на хозяйку колониальной усадьбы, наблюдающую за хлопчущими слугами.

Лоренс Серенак тоже спустился.

Безумцы! Полагаю, на этот раз вы со мной согласитесь. Идиоты! Разве можно вести себя так неосторожно? Стоят себе возле дома Моне, прямо напротив шоссе Руа, у всех на виду. Ну, накличете вы бед себе на голову!

До меня донесся мотоциклетный треск — «Тайгер-триумф» сорвался с места. Стефани тоже слышала его, но у нее не было сил повернуть голову. Она задумчиво наблюдала за играющими в саду детьми. Она и правда очень хорошенькая, эта учительница. И умеет себя подать. Вон, нарядилась гейшей — осиная талия и взгляд с поволокой. Такая кого угодно заставит потерять голову — полицейского и врача, женатого и холостого. Красотка!

Так пользуйся, дурочка, своей красотой. Она ведь не навечно.

Детишки носились вокруг клумб. Учительница мягко их увещевала. Ясно, что ее мысли витали совсем в другом месте.

Что, милая, запуталась?

Да, ты поняла, что он настал, этот миг, когда твоя жизнь может пошатнуться. Ты прочитала это в глазах своего спасителя. Подумать только, он оказался полицейским! Обаятельным. Остроумным. Образованным. Готовым на все — в том числе на то, чтобы освободить тебя от цепей. От твоего мужа.

Сейчас или никогда. Так что же тебя удерживает?

Ничего?

Ах, если бы это зависело только от тебя. Если бы вокруг тебя не бродила смерть. Ты ее как будто притягиваешь, моя дорогая. Так что в конце концов пожнешь что посеяла.

От мрачных мыслей меня отвлекли детские крики. Мальчишки гонялись за девчонками.

Все как всегда.

Пользуйтесь и вы, дети, своей свободой. Носитесь. Топчите лужайки и цветы. Рвите розы. Кидайте в пруд камни и палки. Цельтесь в кувшинки. Оскверняйте этот храм романтизма. Не поддавайтесь ложным надеждам. Ведь это всего лишь сад. Если верующие придурки приезжают сюда молиться со всех концов света, это не отменяет того факта, что в пруду — всего-навсего стоячая вода.

Я злая, знаю. Простите. Но меня сегодня утром взбесили эти два идиота — Стефани Дюпен и ее сыщик. Меня ведь тоже можно понять. Я сама решила, что буду немым свидетелем, маленькой серой мышкой, но думаете легко оставаться равнодушной? Что, я говорю загадками? Вам интересно, какую роль я играю во всей этой истории? Успокойтесь, у меня нет навороченных технических приспособлений, позволяющих сквозь стены дома Моне подслушать разговор двух влюбленных дурачков. Все проще. Все намного проще. Проще и трагичней.

Я вернулась на правую сторону шоссе Руа, к водяному саду. В ограде, протянувшейся вдоль улицы, несколько досок были сдвинуты в сторону. Наверняка постарались нетерпеливые туристы, мечтающие сфотографировать кувшинки, но не желающие выстаивать длинную очередь. В дырку открывается восхитительный вид на пруд. Между ивами и тополями я заметила Фанетту. Она не носилась по саду с другими детьми. Поставив на японский мостик мольберт, она работала. Спокойно и сосредоточенно, не замечая гвалта одноклассников.

Я перешла через шоссе и приблизилась почти вплотную к ограде, чтобы получше рассмотреть.

Напрасно я это сделала. Меня засек какой-то сопляк.

— Мадам, мадам! Вы не могли бы сфотографировать нас с ребятами?

И он сунул мне в руки суперсовременный фотоаппарат. Я понятия не имею, как с ними обращаться. Он принялся мне объяснять, но я его не слушала. Щелкнула кнопкой, не переставая коситься в сторону пруда с кувшинками, на берегу которого писала Фанетта.

42

— Пошли, Фанетта!

К ней подбежал Винсент.

— Фанетта! Пошли с нами играть!

— Не пойду. Ты же видишь, я работаю.

Фанетта внимательно смотрела на кувшинку. Та плавала отдельно от остальных, чуть в стороне. У нее был лист в форме сердца и начавший распускаться розовый бутон. Кисть заскользила по холсту. Но Фанетта чувствовала, что не может как следует сосредоточиться.

«Опять это хныканье за спиной! Мэри, кто же еще? Она любую плакучую иву переплачет! Хоть бы она заткнулась. Достала уже со своим писклявым нытьем. Хоть бы она заткнулась!»

— Ладно, вы меня перехитрили. Заканчиваю. Пошли.

«Меня отвлекает не только плач. Сзади надо мной навис Винсент. Стоит молча и смотрит, что я делаю».

— Шел бы поиграл с Мэри.

— С ней неинтересно. Она только и знает, что рыдать.

— А со мной, значит, интересно? Хотя я только и делаю, что пишу?

«Он даже не пошевелился. Винсент способен часами стоять вот так, истукан истуканом. Из него вышел бы первоклассный художник. Он умеет наблюдать. Но мне кажется, он начисто лишен воображения».

Вокруг Фанетты носилась детвора. В воздухе разносились крики и смех. Но она не хотела сдаваться так легко. Старалась ничего не замечать. Быть эгоисткой, как учил Джеймс.

На японском мостике появился запыхавшийся Камиль.

«Только его тут не хватало!»

Камиль заправлял в штаны выбившуюся рубашку, туго обтягивавшую

толстый живот.

— Уф, устал. Надо передохнуть.

Он посмотрел на работавшую кистью Фанетту.

— Винсент, Фанетта! Хорошо, что вы здесь. Хочу задать вам одну задачку. Про кувшинки. Вы, наверное, знаете, считается, что кувшинки за сутки увеличиваются в размере в два раза. Если кувшинкам, чтобы покрыть весь пруд, требуется сто дней, то за сколько дней те же кувшинки покроют половину пруда?

— За пятьдесят, ясное дело, — немедленно ответил Винсент. — Дурацкая задачка.

— Фанетта, а ты как думаешь?

«А я никак не думаю. Потому что мне, Камиль, на это глубоко плевать».

— Ну, не знаю... Наверное, за пятьдесят, как Винсент сказал.

На лице Камилы появилась торжествующая улыбка.

«Если он когда-нибудь станет учителем, я уверена, ученики будут его ненавидеть».

— Так я и знал, что вы попадетесь в ловушку! Правильный ответ — не пятьдесят, а девяносто девять!

— Это еще почему? — спросил Винсент.

— По кочану, — презрительно ответил Камиль. — Фанетта, ну хоть ты-то поняла?

«Черт бы тебя подрал!»

— Я работаю...

Камиль стоял на другом конце японского мостика и переступал с ноги на ногу. Под мышками у него растеклись крупные пятна пота.

— Ладно, ладно, сам вижу, что ты работаешь. Последний вопрос, и я ухожу. Вы знаете, как по-латински называются кувшинки?

«Дубина! Дубина! Дубина!»

— Что, не знаете?

Винсент и Фанетта молчали. Но Винсента это ничуть не смутило. Он сорвал лист с глицинии и бросил его в воду.

— Нимфеи, вот как! Слово греческого происхождения. Еще их называют водяными лилиями. А как кувшинки называются по-английски?

«Он когда-нибудь заткнется?»

Камиль не стал дожидаться ответа. Он ухватился за ветку глицинии, желая на ней покачаться. Ветка хрустнула, и он разжал пальцы.

— Waterlily!^[9] — провозгласил он.

«Самодовольный дурак! До чего он меня раздражает, слов нет. Хотя

надо признаться, что waterlily звучит красиво. Да и нимфеи тоже ничего. Но для меня они всегда останутся кувшинками».

Камиль склонился над картиной Фанетты. От него пахло потом.

— Что рисуешь, Фанетта? Копируешь «Кувшинки» Моне?

— Нет.

— Не «нет», а «да». Я же вижу.

«Камиль вечно хвастается тем, что все знает. Знать-то он знает, но ничего не понимает».

— Что ты видишь, идиот? Если я пишу то же, что писал Моне, это еще не значит, что я его копирую!

Камиль пожал плечами.

— Моне написал прорву картин с кувшинками. Твоя все равно будет хоть на одну, да похожа! Даже если ты напишешь тондо. Ты знаешь, что такое тондо?

«Сейчас я ему кистью в рожу запущу. По-другому он просто не понимает. И что за кретинская манера — задавать вопрос и тут же самому на него отвечать?»

— Тондо — это картина круглой формы. Такая выставлена, например...

«А-а-а-а-а!!!»

— Мальчики, вы идете? — вдруг раздался голос Мэри. Она перестала плакать.

Камиль вздохнул. Винсент засмеялся.

— А что, если толкнуть ее в пруд? — предложил он. — Фанетта, ты смогла бы ее написать? Получится оригинально. Mary in the Waterlilies.^[10]

Он расхохотался еще громче и начал выталкивать Камиля с мостика.

— Ладно, Фанетта, не будем тебе мешать, — сказал он. — Пошли, Камиль.

«Иногда Винсент меня понимает. Иногда — нет, а иногда — да. Как сейчас вот...»

Наконец-то Фанетта осталась одна. Она вгляделась в гладь пруда. В воде, на поверхности которой плавали кувшинки, отражались плакучие ивы. Фанетта вспомнила, о чем недавно говорил ей Джеймс. Линии схода!

«Если я правильно поняла, оригинальность „Кувшинок“ Клода Моне заключается в композиции, основанной на двух противоположных линиях схода. Первая образована листьями и цветками кувшинок и в принципе лежит на водной глади. Джеймс сказал, что это горизонтальная линия. Пожалуйста, кто бы спорил... Но есть и вторая линия, образованная

отражениями — цветущих глициний на берегу, веток ивы, солнечным светом и тенями облаков. Если верить Джеймсу, это вертикальные линии, и они показаны как бы отраженными, как в зеркале. В этом и заключается секрет „Кувшинок“, объяснил Джеймс. Ну хорошо, пусть так, хотя я не понимаю, в чем тут особенный секрет. Необязательно звать Джеймсом или Клодом Моне, чтобы это заметить. Достаточно просто посмотреть на пруд. Это же само бросается в глаза. В смысле, эти две линии, которые как бы разбегаются в разные стороны. Ну, не то чтобы разбегаются... Все-таки сам пруд и кувшинки на нем никуда не разбегаются. Они неподвижны. Если там и есть какое-то движение, то это скорее иллюзия движения, я бы так сказала...

Черт, ничего не получается! Как только они ушли, мне почти захотелось пойти с ними поиграть. Нет, нельзя! Джеймс сказал, я должна быть эгоисткой. Думать о своем таланте и о конкурсе. Допишу, а потом поиграю».

Фанетта склонилась над палитрой и принялась старательно смешивать краски.

И вдруг замерла. «Черное! Осталась только черная краска».

Фанетта чуть не взвыла, когда ее ноздрей коснулся запах свежескошенной травы. Так всегда пахло от Поля.

— Ку-ку!

— Поль! Ты где был?

— С ребятами в «салки» играли. Шесть конов! Я выиграл.

Он наклонился к холсту.

— Вау, Фанетта! У тебя здорово получается!

— Надеюсь. Хочу отправить на конкурс. По-моему, я одна из всего класса собираюсь в нем участвовать.

— Нашла чему удивляться. Ты победишь. Точно говорю: победишь. Ты классно пишешь.

— Да мне просто нравится. А вообще у меня есть одна идея. Мне ее Джеймс подсказал.

— Этот твой художник-американец?

— Ну да. Я к нему после школы пойду. Небось спит еще прямо в поле. Хочу показать ему картину. Он дает мне хорошие советы. Так что у меня и правда есть шанс. Только он очень быстро устает. Не столько пишет, сколько спит.

— Слушай, как интересно... Твоя картина совсем не похожа на «Кувшинки»...

Фанетта чмокнула Поля в щеку.

«Поль, я тебя обожа-а-а-ю!»

— Ты гений. Догадался. Я как раз этого и добиваюсь. Сейчас я тебе объясню, в чем моя идея. Когда ты смотришь на «Кувшинки» Моне, у тебя такое впечатление, что ты, как бы это сказать, будто погружаешься в картину, проваливаешься в нее, как в колодец... Моне хотел показать, что жизнь человека постепенно уходит под стоячую воду, а я... Я все сделаю наоборот! Пусть тот, кто посмотрит на мои «Кувшинки», почувствует, что он плывет по воде и в любую секунду может подпрыгнуть и улететь. Моя вода — не стоячая. Я напишу такие «Кувшинки», какие написал бы Моне в одиннадцать лет. Кувшинки всех цветов радуги!

Поль смотрел на нее с немым восхищением.

— Я не все понял, — наконец вымолвил он.

— Это не страшно, Поль. В конце концов это не так уж важно. А ты знаешь, что делал Моне с картинами, которые ему не нравились? В том числе с «Кувшинками»?

— Нет, не знаю.

— Он отдавал их детям — их тогда в розовом доме было много, и лет им было примерно столько, сколько сейчас нам с тобой. А они мастерили из них кораблики. Представляешь, если поискать на дне Эпта и Сены, то можно найти картины с кувшинками! Ты веришь, что это правда?

— Я верю тебе, Фанетта.

Поль немного помолчал, а затем сказал:

— Но ты зря говоришь, что это не важно. Это как раз очень важно. Я же понимаю, что ты здесь — как будто с другой планеты. Когда-нибудь ты отсюда уедешь. Станешь знаменитой, и все такое прочее. Зато я смогу всю жизнь рассказывать, что был с тобой знаком и что мы вместе стояли на японском мостике. И даже...

— Что «даже»?

— И даже что ты меня поцеловала...

«Дурак ты, Поль. Когда ты говоришь такие вещи, я начинаю вся дрожать...»

По пруду медленно плыли кувшинки. Фанетта закрыла глаза. Поль приблизился к ней и прикоснулся губами к ее губам.

— А еще, — прошептала Фанетта, — мы сможешь всем рассказать, что я тебе пообещала, что мы будем жить вместе, что мы поженимся и поселимся в большом доме и у нас будет много детей. И так оно и будет.

— Фанетта, ты...

В ветвях глицинии раздался шорох.

Из-за дерева выскочил Винсент, похожий на маленького дикаря, обитателя джунглей. Он уставился на Поля и Фанетту каким-то странным пустым взглядом. Неужели он за ними следил?

«Я его боюсь. Я все больше боюсь Винсента».

— Что это вы здесь делаете? — бесцветным голосом спросил Винсент.

43

Агент Лилиан Лельевр прыгала по страницам Интернета. Она искала деревянную стремянку с пятью ступеньками, на которую хотела поставить горшки с комнатными растениями. Лилиан взглянула на свои элегантные серебряные часики — 18:45. Еще пятнадцать минут — и можно закрывать приемную Вернонского комиссариата. Вечером посетителей почти никогда не бывает.

Она не сразу узнала человека, медленно поднимавшегося на крыльцо комиссариата. Зато стоило ему войти в приемную, как ее лицо осветилось радостью.

— Здравствуйте, Лилиан!

— Комиссар Лорантен!

Господи, сколько же лет они не виделись! Комиссар Лорантен вышел на пенсию... погодите-ка... да, точно, двадцать лет назад. В начале 1990-х, сразу после того как успешно расследовал кражу картин Моне из музея Мармоттан. В то время Лорантен, возглавлявший комиссариат Вернона, считался одним из лучших специалистов по делам о незаконной торговле предметами искусства. К нему постоянно обращались из Центрального управления по борьбе с преступлениями в области культуры. А до того Лилиан и Лорантен проработали вместе больше пятнадцати лет.

Комиссар Лорантен. Не человек, а легенда. В Верноне его знает каждый.

— Комиссар, какими судьбами? Как же я рада вас видеть!

Лилиан говорила искренне. Лорантен был блестящим полицейским — умным, порядочным, внимательным к людям. Сегодня таких больше нет. Они немного поболтали. Наконец Лилиан, не в силах больше сдерживать любопытство, спросила:

— Что вас сюда привело? Вы столько лет к нам не заглядывали...

Комиссар приложил палец к губам.

— Тс-с! Я с секретной миссией. Подождете меня пять минут? Я скоро. Лорантен двинулся знакомым коридором. Лилиан не посмела

спрашивать, к кому он и зачем. Этот человек командовал комиссариатом на протяжении тридцати шести лет!

Бывший полицейский отметил, что краска на стенах комиссариата такая же облупленная, какой была и раньше. «Ничего не меняется! А вот и кабинет 33». Экс-комиссар достал из кармана ключ. «Откроется или нет? Все-таки двадцать лет прошло...

Сезам, откройся!

Открылся! Значит, и замки не меняли аж... ну да, с 1989 года. С другой стороны, это логично. Зачем менять замки в служебных помещениях полицейского комиссариата?» Толкая дверь, он думал о том, что его сегодняшний преемник — наверняка такой молодой волк, знаток новейших информационных технологий, и его кабинет напичкан всевозможными гаджетами, которые сам Лорантен видел только в детективных сериалах.

На пороге комнаты он остановился и осмотрелся. На стенах висели картины импрессионистов. Писсаро, Гоген, Ренуар, Сислей, Тулуз-Лотрек. Комиссар улыбнулся. Возможно, встреча с нынешним хозяином кабинета доставила бы ему приятный сюрприз. У парня хороший вкус.

Обстановка кабинета не обманула его ожиданий. Здесь стояли компьютер, принтер и сканер. Комиссар прошелся по комнате. Настроение у него упало. Ему вдруг стало ясно, что в 2010 году в кабинете полицейского, хорошо выполняющего свою работу, должно быть пусто. Вся необходимая информация хранится на одном жестком диске. Влезать в чужой компьютер он не собирался — да и вряд ли это у него получилось бы. Доступ наверняка защищен паролем, а Лорантен почти ничего не понимал во всех этих современных штучках. Откровенно говоря, он практически не следил за последними достижениями в области криминалистики. Знал лишь, что, например, борьба с незаконной торговлей предметами искусства все больше превращается в отрасль науки. Центральное управление по борьбе с преступлениями в сфере культуры располагает гигантской электронной базой данных, в которой значится более 60 тысяч исчезнувших произведений искусства, и тесно сотрудничает с соответствующими службами США и Великобритании.

«Иные времена, иные методы работы...»

Он вышел из кабинета и вернулся в приемную.

— Лилиан, а архивы все там же? За красной дверью?

— На том же месте, комиссар! Как двадцать лет назад.

В помещение архива он проник, опять воспользовавшись старыми ключами. С ума сойти, заходи кто хочешь, бери что хочешь... Хотя он все-таки не «кто хочешь». Он все-таки полицейский, хоть и бывший. Не зря Патрисия Морваль позвонила ему. Не такая уж она дура, эта вдовушка.

Лилиан сказала правду: здесь ничего не изменилось. Дела по-прежнему хранились, рассортированные в алфавитном порядке. Старые сыщики уходят, молодые приходят, но всегда найдется кто-то, кому будет не лень расставить коробки с материалами расследований по нужным полкам. Даже в эпоху жестких дисков и флешек...

Буква «М». Морваль...

Вот она, красная коробка. Даже не особенно большая.

Лорантен снова заколебался. Он понимал, что не имеет права открывать эту коробку. Он вломился сюда без разрешения, ведомый исключительно любопытством. Он почувствовал легкое покалывание в кончиках пальцев — верный признак того, что в нем пробуждается давно уснувший азарт. Раз уж он здесь, грех не открыть. Он аккуратно запер за собой дверь и перенес коробку с делом на стол. Открыл и с минуту смотрел на содержимое, запоминая, что где лежит, чтобы потом убрать все на прежние места.

Лорантен рассматривал фотографии. Мертвый Жером Морваль на берегу ручья. Комиссар медленно перебирал вещественные доказательства: снимки места преступления, гипсовый отпечаток следа ноги, отчет дактилоскопической лаборатории, результаты химического анализа крови и почвы. Вот еще стопка из пяти фотографий. На каждой — один мужчина и одна женщина. Мизансцены — от платонической до скабрезной. Все женщины разные. Мужчина — один и тот же. Жером Морваль.

Комиссар Лорантен приподнял голову и прислушался. Кажется, шаги на лестнице? Нет, все тихо. Он взялся за стопку документов. Список учеников школы в Живерни. Более или менее подробные биографии лиц, связанных с убитым: Жерома и Патрисии Морваль, Жака и Стефани Дюпен, Амаду Канди, нескольких местных торговцев и соседей, искусствоведов и коллекционеров. Рукописные рапорты; практически под каждым — подпись инспектора Сильвио Бенавидиша.

Коробка почти опустела. Покалывание в пальцах стало почти нестерпимым. Осталось осмотреть совсем немного: пожелтевший рапорт жандармерии городка Паси-сюр-Эр о несчастном случае, произошедшем в 1937 году, в результате которого утонул мальчик по имени Альбер Розальба. У комиссара Лорантена задрожали руки. Он старался запомнить каждую деталь. Куда проще было бы унести все это добро с собой. Или хотя бы

сделать ксерокопии.

Нет, исключено.

Ладно, не страшно. Он не без гордости отметил, что память у него все еще работает как надо.

Он пробыл в архиве больше получаса. Умница Лилиан его дождалась.

— Ну что, комиссар, нашли что искали?

— Нашел. Спасибо, Лилиан.

Комиссар Лорантен смотрел на женщину с нежностью. Он хорошо помнил тот день, когда она впервые появилась в комиссариате Вернона. Как давно это было? Да, тридцать лет назад... Он принял ее у себя, в кабинете 33. Совсем молоденькая, и двадцати пяти не было. Изящная, что среди женщин-полицейских скорее редкость.

— Лилиан, как вам новый начальник?

— Ничего, нормальный. Вы были лучше...

Какая деликатность.

— Лилиан, могу я попросить вас об услуге? Дело в том, что я ничего не смыслю в компьютерах. Вы-то с ними наверняка на «ты».

— Ну, я не знаю... Смотря что вам надо.

— Понимаете, я сейчас занимаюсь одним расследованием... Неофициально, конечно. Вы умеете пользоваться Интернетом?

Лилиан ободряюще улыбнулась.

— А я вот так и не научился, — посетовал комиссар. — Видно, слишком рано вышел на пенсию. Ни детей, ни внуков у меня нет, так что некому приобщить к прогрессу. Мне надо посмотреть один сайт, сейчас, я где-то записал...

Комиссар Лорантен порылся в карманах и извлек желтый бумажный квадратик, на котором корявым почерком было нацарапано название.

— Вот. Это сайт старых друзей. Там должно быть фото из деревни Живерни. Школьное фото. За тысяча девятьсот тридцать шестой — тридцать седьмой учебный год.

44

— Джеймс! Джеймс!

Фанетта миновала портомойню и побежала через пшеничное поле, на котором обычно работал Джеймс. Под мышкой она держала завернутую в коричневую бумагу картину, только что написанную на японском мостике

через пруд с кувшинками.

— Джеймс!

В поле никого не было. Фанетта не видела ни мольбертов, ни возвышающейся над колосьями соломенной шляпы. Куда подевался Джеймс? Ей так хотелось удивить американца. Показать свои радужные кувшинки, выслушать его мнение и объяснить, как она поняла его советы насчет линий схода. Она остановилась и задумчиво огляделась. Никого. Вернулась к портомойне и спрятала картину в небольшом углублении, которое давно заприметила в ее бетонном основании.

Шито-крыто.

Фанетта выпрямилась. По шее у нее стекали капли пота. Надо же, она так к нему бежала, к этому старому толстому лентяю. Фанетта снова забралась на мост.

— Джеймс! Джеймс!

Ее крики разбудили Нептуна, дремавшего во дворе мельницы под вишневым деревом. Он выскочил за ворота и помчался к девочке.

— Нептун, ты Джеймса не видел?

Вместо ответа Нептун вильнул хвостом и нырнул в заросли папоротников, принявшись что-то там вынюхивать.

«Иногда эта псина меня бесит».

— Джеймс!

Фанетта попыталась сориентироваться по солнцу. Джеймс, как огромная ящерица, всегда устраивался вздремнуть на солнце — не столько ради наслаждения светом, сколько ради тепла.

Если этот жирный лодырь дрыхнет где-то на травке...

— Джеймс! Просыпайся, это я, Фанетта! У меня для тебя сюрприз!

Она пошла через поле. Колосья доходили ей до пояса.

«Господи!»

У нее подогнулись ноги.

Колосья впереди были перемазаны чем-то красным. Не только красным. Зеленым, синим, оранжевым. И они были примяты, как будто здесь кто-то дрался и опрокинул палитру, раздавив тюбики с красками.

«Что произошло?»

Надо подумать. Я знаю, что жители деревни недолюбливают художников, похожих на бродяг, но чтобы прийти его избить?.. Кому мог помешать безобидный старикан?»

Фанетта вздрогнула всем телом. Остановилась, не в силах сделать больше ни шага. Перед ней расстилалась узкая тропка, образованная примятыми колосьями. Словно кровавый след. Словно здесь что-то

волокли... Или кого-то?..

Джеймс.

Мысли метались в голове у Фанетты.

«С Джеймсом что-то случилось. Он ранен. Он ждет, когда я приду к нему на помощь. Он где-то здесь, в поле».

Тропка уперлась в стену колосьев. Фанетта бросилась вперед наугад, раздвигая колосья и выкрикивая имя Джеймса. «Какое огромное это поле...»

— Нептун! Ко мне! Давай искать Джеймса!

Овчарка немного постояла, словно раздумывая, а затем бросилась бежать через поле. Фанетта поспешила за собакой. Колосья хлестали ее по рукам.

— Нептун! Подожди!

Пес послушно остановился в сотне метров впереди, почти посередине пшеничного поля. Фанетта подошла к нему.

Сердце на миг замерло у нее в груди.

Она увидела лежащее на земле тело.

Как в соломенном гробу...

Джеймс. Он не спал.

Он был мертвый. Через все горло у него тянулась красная полоса. Фанетта упала на колени. К горлу подкатил горький комок. Она кое-как вытерла рот подолом рубашки.

«Джеймс умер. Его убили!»

Над разверстой раной с отвратительным жужжанием кружили мухи. Фанетта хотела закричать, но из горла не вырвалось ни звука. Оно горело. Секундой позже ее вырвало какой-то тягучей жижей. Прямо на брюки и туфли. Она не стала их вытирать — не было сил. Фанетта стиснула руки. Теперь мухи вились у нее возле ног. «Кто-нибудь, помогите!» Она поднялась и побежала. Колосья колотили ее по щиколоткам и коленкам. Вдруг скрутило живот. Фанетта закашлялась. Рот наполнился жгучей слюной. Она сплюнула, но вязкая слюна повисла на подбородке. Она на ходу утерлась рукавом и продолжала бежать. По мостику перебралась через ручей, миновала мельницу и выскочила на шоссе Руа прямо под колеса мчащейся машины, которая в последний миг успела затормозить.

«Урод!»

Фанетта перебежала через дорогу. Вот и деревня.

— Мама!

Девочка поднималась по Водонапорной улице. Теперь она плакала в голос, приговаривая:

— Мама!

Толкнув дверь, которая задела прибитую к стене вешалку, Фанетта влетела в дом. Мать, как всегда, была на кухне. В синем халате, с забранными в узел волосами. При виде дочери нож выпал у нее из рук.

— Деточка моя, деточка моя!..

Мать протянула к ней руки. Фанетта ухватилась за одну из них и потянула мать за собой.

— Мама, пошли! Пошли скорее!

Мать не сдвинулась с места.

— Прошу тебя, мама, пошли скорее!

— Что случилось, Фанетта? Успокойся, объясни толком!

— Мамочка, он... Его...

— Успокойся, Фанетта! О ком ты говоришь?

Фанетта закашлялась. К горлу снова подступала тошнота. Мать протянула ей тряпку. Фанетта вытерла рот и расплакалась.

— Маленькая моя, что случилось?

Фанетта всхлипнула и с трудом проговорила:

— Мама, это Джеймс. Джеймс, художник. Он лежит там, мертвый. В поле...

— Что такое ты говоришь?

— Пошли, мама, пошли!

Фанетта выпрямилась и снова схватила мать за руку.

— Пошли скорее!

«Выслушай же меня, мама! Хоть раз в жизни!»

Мать колебалась. Дочь повторяла, как заведенная:

— Пошли! Пошли скорее!

«Кажется, у нее истерика. В окнах соседних домов зашевелились занавески. Что подумают соседи?» Мать поняла, что у нее нет выбора.

— Хорошо, Фанетта, я иду.

Они вместе перешли через мост над ручьем. Нептун вернулся во двор мельницы и спокойно спал под вишневым деревом. Фанетта тянула мать за руку.

«Скорее, мама!»

Они вышли в поле.

— Вон там!

Фанетта хорошо запомнила то место. Она найдет его и без помощи Нептуна.

— Здесь. Точно здесь.

Ее рука безвольно опустилась. Закружилась голова. Фанетта таращила

глаза, не веря самой себе.

«Никого.

Тело исчезло.

Наверное, я ошиблась. Наверное, он где-то рядом...»

— Мама, он здесь. Совсем близко.

Мать посмотрела на Фанетту странным взглядом. Дочь выпустила ее руку и металась по полю, приговаривая:

— Он где-то здесь... Он был здесь...

Мать молчала.

«Она думает, что я сошла с ума».

— Говорю тебе, он лежал здесь...

— Все, Фанетта. Хватит.

— Он лежал здесь, мама! С перерезанным горлом!

— Кто? Твой художник-американец?

— Да, он. Джеймс.

— Фанетта, я никогда его не видела, этого художника. Никто его не видел.

«Никто не видел? Что она хочет сказать? Его видел Винсент. И Поль его видел. И все в деревне знают, что...»

— Мама, надо вызвать полицию. Его убили, понимаешь? А сейчас кто-то перетащил его тело в другое место!

«Мама, не смотри на меня так! Я не сошла с ума. Я не сошла с ума. Поверь мне, пожалуйста. Ты должна мне поверить...»

— Никакую полицию мы вызывать не будем. Тела нет, значит, никакого убийства не было. И твоего художника никогда не было. У тебя просто слишком богатое воображение, Фанетта. Чересчур богатое...

«О чем это она? Что она имеет в виду?»

— Нет! — закричала девочка. — Как ты можешь?..

Мать слегка присела и посмотрела дочери в глаза.

— Хорошо, Фанетта. Я тебе верю. Но подумай сама. Если твой художник существовал и если его убили, кто-нибудь обязательно это заметит. Его будут искать и в конце концов найдут. И тогда этот человек сам вызовет полицию...

— Но...

— Это не дело девочки одиннадцати лет. А полиции и без того есть чем заняться. У них уже есть одно убийство, настоящее. Все видели тело убитого. А убийца до сих пор не найден. Мы не должны привлекать к себе внимание, тем более на пустом месте.

«Я не сошла с ума!»

— Мама, я не сошла с ума.

— Конечно нет. Никто этого и не говорит. Пойдем домой. Уже поздно. Фанетта заплакала. Силы у нее кончились. Она позволила матери увести себя с поля.

«Он там был.

Джеймс лежал там. Он же мне не приснился! Джеймс существует. Конечно же он существует.

А мольберты? У него было четыре мольберта. И ящик с красками. И холсты! И мастихины!

Куда это все подевалось?

Все это не могло бесследно исчезнуть!

Я не сошла с ума!»

Суп был отвратительным на вкус.

Разумеется, мать стерла с грифельной доски вопросы Фанетты и нацарапала список покупок. Овощи — как всегда. Губка. Молоко. Яйца. Спички.

В доме было темно.

Фанетта ушла в свою комнату.

Она не могла заснуть. «Что делать? Ослушаться мать и все-таки пойти в полицию? Завтра?

Я не сошла с ума. Но если я пойду в полицию, мать никогда мне этого не простит. Первым делом они вызовут ее и заставят все рассказать. Мать боится полицейских. Из-за своей работы. Если хозяева домов, в которые она ходит убирать, узнают, что ее вызывали в полицию, ее уволят. Все дело в этом.

Но не могу же я совсем ничего не делать! Мысли путаются... Никак не могу сообразить...

Надо поискать самой. Понять, что произошло. Надо найти доказательства. Показать их маме. Полицейским. Всем-всем.

Одной мне не справиться. Нужна помощь.

Завтра я начну свое собственное расследование. Нет, завтра я весь день буду в школе... Сбежать не получится. Ничего, сразу после школы начну.

Позову Поля. Все ему расскажу. Поль поймет.

Я не сошла с ума».

Лоренс Серенак снял трубку. Черт возьми, кому вздумалось звонить ему в половине второго ночи? Да еще на домашний телефон? Голос на том конце провода бормотал что-то нечленораздельное. Серенак разобрал лишь два слова: «роддом» и «Америка».

— Кто говорит?

Голос зазвучал чуть громче:

— Это Сильвио, патрон. Ваш заместитель.

— Сильвио? Ты что, спятил? Ночь на дворе! И говори громче, ради всего святого, я ни черта не слышу!

— Я в роддоме, патрон. — Сильвио продолжал шептать, но старался произносить слова более отчетливо. — Беатрис в палате, спит, а я вот вышел в коридор... У нас новости!

— Так тебя можно поздравить? И ты решил поделиться своей радостью с начальством? Похвально. Передавай привет Беат...

— Да нет же! — перебил его Сильвио. — Я по делу звоню. У нас в деле новости. А у Беатрис пока новостей нет. Она решила, что у нее начались схватки, и мы помчались в Вернон, в родильный. Два часа в приемной просидели. И ничего! Сказали, что ей еще рано. С ребенком все нормально, просто срок еще не настал. Но Беатрис так нервничала, что ее отвели в палату. Кстати, она вам передавала привет.

— Спасибо. Скажи ей, пусть держится молодцом.

Серенак зевнул.

— Ладно, Сильвио, так что там случилось-то?

— А что у вас? — спросил Сильвио, пропустив вопрос Серенака мимо ушей. — Сходили в музей? Как впечатления?

Серенак чуть помедлил, подбирая нужное слово.

— Впечатления сильные. А что у тебя с Руанским музеем?

Бенавидиш тоже ответил не сразу:

— Познавательное.

— И ради этого ты будешь меня среди ночи?

— Нет, патрон. В музее мне дали кучу информации, но ее еще надо отсортировать. Пока она только вносит путаницу...

В трубке послышался топот ног.

— Подождите, патрон. Они переносят девочку на носилках, а носилки не входят в лифт...

Серенак выждал с минуту.

— Ну что там у тебя? Что за новости? Давай уже, рожай.

— Ха-ха.

Серенак вздохнул.

— Ну что там с носилками? Втиснули?

— Ага. Стоймя.

— Я смотрю, ты, Сильвио, там развлекаешься.

— Пытаюсь приспособиться к ситуации.

— Вот и молодец. Так мы что, до утра будем в викторину играть?

— Я нашел Алину Малетра.

Серенак выругался сквозь зубы.

— Секс-бомбу в туфлях на шпильках? Любовницу Морваля? Ту самую, что работает в Бостонской художественной галерее?

— Ее самую. Я не мог ей дозвониться из-за разницы во времени. А минут пятнадцать назад наконец-то дозвонился. У них на Восточном побережье сейчас около восьми вечера. Оторвал ее от коктейля.

— Так... И что же она тебе поведала?

— Об убийстве Морваля — ничего. Судя по всему, у нее железобетонное алиби. В то утро — у них был вечер — она развлекалась в ночном клубе, в Нью-Йорке. Сейчас, подождите... — Он прочитал: — «Крейзи Болдхед». Куча свидетелей. Конечно, мы проверим, но...

— Проверим, Сильвио, обязательно проверим, но ты ж понимаешь... А со стороны ее работы? Галерея, живопись и так далее. Есть связь с Морвалем?

— Она утверждает, что никакой. Вроде бы они с окулистом расстались почти десять лет назад.

— Твое мнение?

— Она очень торопилась. Поспешила закончить разговор. Сказала, что помнит немного. Например, то, что Морваль был одержим идеей раздобыть полотно Клода Моне. Но лично она не видела в этом ничего оригинального.

— Она по-прежнему работает в фонде Робинсона?

— Да. Вроде бы занимается культурным обменом между Францией и Соединенными Штатами. Организует выставки, приглашает художников, все такое...

— В какой должности?

— Она намекала, что чуть ли не на «ты» со всеми модными живописцами по обе стороны Атлантики, а в мастерские к ним ходит, как к себе домой. Но я не удивлюсь, если выяснится, что ее роль на вернисажах сводится к тому, чтобы подавать гостям бокалы с шампанским и демонстрировать свое декольте.

— Н-да... Придется все-таки повнимательнее приглядеться к этому чертову фонду Робинсона. — Он снова зевнул. — Слушай, Сильвио, ты, конечно, не обижайся, но твоя Алина не сообщила тебе ничего

интересного. Стоило будить меня ночью?

— Это еще не все, — прошептал в трубку Сильвио.

— Да ну?

Серенак напряг слух.

— По словам Алины Малетра, она встречалась с Жеромом Морвалем раз пятнадцать. Одна из таких встреч и запечатлена на фото. Дело происходит в клубе «Зет», на улице Англе, в Париже, в Пятом округе. Ровно десять лет назад. Алине тогда было двадцать два года. Девушка она была общительная, у Морваля водились денежки, так что все шло отлично. До тех пор пока...

— Черт, говори громче!

— Пока Алина не забеременела!

— Что-о?

— Что слышали.

— И? Она сохранила маленького Морваля?

— Нет. Сделала аборт.

— Это точно?

— Это с ее слов. Но не думаю, что в свои двадцать два года она мечтала о судьбе матери-одиночки.

— Морваль знал?

— Да. Он оплатил операцию и устроил ее в больницу по знакомству.

— Значит, мы вернулись к тому, с чего начали. У нас опять никакого мотива.

В трубке снова послышался посторонний шум. Издалека донеслось завывание сирены. Бенавидиш чуть помолчал и сказал:

— Если не считать того, что ребенку сегодня было бы лет десять-одиннадцать.

— Никакого ребенка не было. Она же сделала аборт.

— А вдруг?

— Никаких «вдруг», Сильвио.

— А если она врет?

— Тогда зачем она стала бы тебе рассказывать, что залетела?

Настало долгое молчание.

— Я все думаю про пятую любовницу, патрон, — наконец сказал Бенавидиш. Он больше не шептал. — Про ту пикантную сцену в гостиной Морвалей. Женщина в синем халате, которую мы пока так и не установили. Если бы нам удалось расшифровать цифры на обороте фотографий...

Послышался топот каблучков. Наверное, прибежала старшая медсестра и велела инспектору Бенавидишу прекратить безобразие.

— Блин, Сильвио. У меня из-за тебя весь сон слетел. — Он вздохнул:
— Ладно, надо все-таки поспать. Не забудь, завтра встречаемся на рассвете.
Попробуем пошарить на дне реки. Прихвати сачок.

ДЕНЬ ДЕСЯТЫЙ
22 мая 2010 года
(Мельница «Шеневьер»)

ОСАДОК

46

Тот, кто строил мельницу, особенно донжон, наверняка держал в голове, что из окна пятого этажа сможет видеть все, что происходит в деревне. Можете называть его как угодно, сторожевой башней или наблюдательной вышкой, факт остается фактом: если не считать церковной колокольни, лучшей смотровой площадки не найдешь во всем Живерни.

Я вижу отсюда всю деревню, луг, простирающийся до самого Крапивного острова, ручей, сад Моне. Я прекрасно вижу место преступления. Можете не сомневаться: в этом театре у меня билет в лучшую ложу. Под театром я разумею убийство Жерома Морваля.

Сейчас я наблюдала за тем, как в ручье стояли, закатав по колено штаны, полицейские. Видок у них был мрачноватый. Даже заместитель главного начальника Бенавидиш влез в воду. На берегу остался только инспектор Серенак. С ним какой-то тип в очках и с кучей странных инструментов. Он поочередно опускал их в воду, а потом перекладывал поднятый со дна песок в выставленные в рядок на берегу контейнеры.

Нептун тоже там — куда же без него? Носится в зарослях папоротников, что-то вынюхивает. Этой собаке — главное, чтобы что-нибудь происходило, а уж он присоединится. Кроме того, он уже понял: инспектор Серенак равнодушен к собакам и не скупится с ними на ласку.

Обратите внимание: я хоть и подсмеиваюсь, но скорее так, по привычке. На самом деле идея обыскать дно ручья не кажется мне такой уж глупой. Странно, что они раньше не сообразили. Вы, конечно, решите, что провинциальные сыщики — все как один тугодумы, но не спешите с выводами. Критиковать других легко. Не забывайте, что красавец инспектор, возглавляющий расследование, в последние дни отвлекался на совсем другие мысли. Я бы даже сказала, что, будь его воля, он с гораздо большим удовольствием исследовал бы совсем другие глубины... Но кто я

такая, чтобы подшучивать над доблестным полицейским? Старая ведьма, которой даже не с кем поговорить. Потому-то я и торчу целыми днями у окна. Выглядываю из-за шторы и наблюдаю.

Три агента из Вернонского комиссариата методично, квадратный дециметр за квадратным дециметром, обшаривали дно ручья. Нельзя сказать, чтобы они так уж верили, что выловят что-нибудь существенное. Мэр Живерни говорил, что коммунальные службы чистят русло каждый месяц. «Это самое малое, — заявил он, — что мы можем сделать для скромного ручья, носящего гордое звание главной водной артерии французского импрессионизма. И мы это делаем!»

Мэр их не обманывал. Несмотря на все старания полицейских, их «улов» оказался весьма скромным. Пара размякших картонных коробок, банка из-под газировки, куриные кости...

И весь этот ерундовый мусор отправится на анализ в полицейскую лабораторию.

Сильвио Бенавидиш засыпал на ходу. Глаза у него слипались. «В подобном состоянии, — подумал он, — ничего не стоит повернуться и разбить себе голову. Даже если рана окажется несмертельной, ее может оказаться достаточно, чтобы человек потерял сознание и рухнул лицом в воду. И как следствие захлебнулся и утонул».

Настроение у Сильвио тем утром было отвратительное. После разговора с Лоренсом Серенаком он так и не лег спать. Медсестры настойчиво спрашивали его домой, но он проигнорировал их советы. В конце концов статус полицейского давал ему некоторые преимущества. Поэтому он всю ночь просидел на стуле в приемной, под плакатами, предупреждающими о вреде спиртного и табака для беременных женщин, время от времени заглядывая в палату к спящей Беатрис. Он пытался дремать, но в голове неотступно всплывали три проклятые колонки из таблицы. До сих пор незаполненные.

На протяжении последних дней он без конца размышлял о загадках, связанных с этим делом. Например, что это за легенда о черных кувшинках? Амаду Канди наверняка слышал о ней, как и Морваль. И с какого боку сюда приплелась история о мальчике, утонувшем ровно на том же месте в 1937 году? Как его звали? Ах да, Альбер Розальба. При чем тут

поздравительная открытка ко дню рождения, адресованная 11-летнему ребенку? И зачем на ней наклеена бумажка с цитатой из Арагона? «Преступно мечтать, ждет виновного кара...» Что обозначают эти слова? И эти цифры на обратной стороне фотографий, запечатлевших любовниц Морваля? Он чувствовал, что каждая из этих деталей является частью общей картины, каждая важна, но как собрать их вместе?

Сильвио посмотрел на Серенака. Он никак не мог понять, то ли патрон действительно с интересом слушает рассуждения специалиста-геолога, то ли только делает вид, что ему интересно. Проблема в том, что Серенак не верит в метод «собери пазл». Он предпочитает ухватиться за одну-единственную ниточку, но уж тянуть будет изо всех сил. Сильвио не покидало ощущение, что это неправильно, что так они никогда не докопаются до правды, не размотают клубок загадок, а лишь больше его запутают. Тем более что ниточка в любой момент может просто лопнуть.

Лувель между тем вытряхивал песок уже из третьей пластиковой бутылки. На деле оказалось, что мусора на дне «главной водной артерии французского импрессионизма» хватает. Геолог рассматривал каждый поднятый предмет с чисто научной беспристрастностью и всякий раз приходил к одному и тому же выводу: нет, представленный объект не настолько стар, чтобы застать в живых Клода Моне, и не имеет никакого отношения к труппе Жерома Морваля.

Сильвио снова посмотрел на Серенака. Никто не скажет, что он не пытался убедить патрона. Тот вроде бы со всем соглашался и даже обсуждал с ним информацию из всех трех колонок таблицы. Но упорно не желал прислушиваться к тому, что противоречило его интуиции. А интуиция твердила ему, что все крутится вокруг Стефани Дюпен. Что учительнице угрожает опасность. И у этой опасности есть имя — Жак Дюпен. Сильвио честно старался быть объективным. Но, по его мнению, Стефани Дюпен с равным успехом могла претендовать как на роль потенциальной жертвы, так и на роль главной подозреваемой. Он сказал об этом Серенаку, но тот, упрямая ослиная голова, просто от него отмахнулся. Ему важны не факты, а внутреннее чутье. Что тут поделаешь?

За прошедшую ночь Сильвио о многом передумал. Он признался себе: Серенак нравится ему не меньше, чем он понравился Беатрис. Вот ведь парадокс! Они такие разные, но работать с ним — одно удовольствие. Наверное, они друг друга дополняют. Вместе с тем у него зародилось предчувствие, что надолго Серенак в Вернонском комиссариате не задержится. Его опять куда-нибудь переведут. Здесь, на севере, не принято доверять интуиции. Особенно если интуиция основана не на том, что у тебя

в голове, а на том, что в шта...

— Что-то нашел!

Это крикнул Лувель. Его моментально окружили остальные.

Лувель погрузил в песок обе руки и извлек на свет какой-то прямоугольный предмет. Геолог подставил под предмет пластиковый ящик, в который стряхивали песок. Постепенно всем стало ясно, что за предмет держит в руках Лувель.

Его находка оказалась ящиком для красок.

Сильвио вздохнул. Опять мимо. Наверное, кто-то из художников выбросил. Во всяком случае, точно не Морваль. Тот собирал картины, но сам их не писал.

Лувель аккуратно поставил находку на берег. Геолог просеивал осыпавшийся с ящика песок через решето.

— Сколько она там провалялась? — спросил агент Мори.

Геолог сверился со своими приборами.

— Не больше десяти дней, — ответил он. — Ящик бросили в реку не позднее вчерашнего дня и не раньше того дня, когда был убит Морваль. Семнадцатого мая шел дождь. Аллювиальные отложения, принесенные дождем, имеют свои отличительные особенности. После семнадцатого дождей больше не было. Для надежности накинём пять дней «до» и пять «после».

Сильвио приблизился к берегу. Теперь и он заинтересовался находкой. Значит, ящик пролежал на дне реки не больше десяти дней... То есть его могли кинуть в воду как раз в день убийства. С другой стороны к ящику подошел Серенак. Оба смотрели на него с расстояния не больше метра.

— Давай, Сильвио, — сказал Серенак. — Эта честь должна принадлежать тебе. Ты ее заслужил. Так что вперед, открывай! — Он подмигнул заместителю. — Только чур добычу делим на пятерых!

— Как у пиратов?

— За что тебя люблю, так это за понятливость...

Людовик Мори встал у них за спинами. Инспектор Бенавидиш не заставил просить себя дважды и поднес ящик к глазам, чтобы лучше рассмотреть. Старое дерево, покрытое лаком... Несмотря на многодневное пребывание в воде, ящик хорошо сохранился. Только металлические петли слегка проржавели. Сильвио пригляделся к полустершейся фирменной марке — под фигуркой крылатого дракона красовалась надпись заглавными буквами: «Winsor & Newton». Чуть ниже и помельче значилось: «The World's Finest Artists' Materials». Даже не разбираясь в подобного рода вещах, Бенавидиш уверенно предположил, что ящик — старинный,

американский и дорогой. Не какая-нибудь грошовая подделка.

— Ну что, открываешь или нет? — нетерпеливо произнес Серенак. — Надо же нам узнать, что мы нашли. Золотые монеты? Драгоценности? Карту острова сокровищ?

Людовик Мори расхохотался. То ли ему понравилась шутка патрона, то ли, напротив, он счел ее дурацкой. Сильвио по-прежнему не спеша приподнял крышку. Несмотря на покрывшую петли ржавчину, ящик открылся легко, как новенький. Сильвио ожидал увидеть внутри кисти, тюбики краски, палитру, губку — одним словом, обычные причиндалы художника.

«Господи!»

Инспектор Бенавидиш едва не выронил ящик назад в ручей. «Господи!» В голове у него помутилось. А что, если он с самого начала ошибался? Что, если прав как раз Серенак?

Он крепче сжал пальцами деревянный ящик и крикнул:

— Господи, патрон, идите сюда! Скорее!

Серенак приблизился на шаг, за ним — Мори и Лувель. Изумление инспектора Бенавидиша заинтриговало всех. Сильвио поднес к ним открытый ящик. Полицейские уставились на находку с опасливым почтением, как православные паломники на византийскую икону.

На светлой древесине крышки красовалась вырезанная ножом надпись: «Она моя. Здесь, сейчас и навсегда».

Фраза заканчивалась двумя перекрещенными черточками. Крест. Знак смертельной угрозы.

— Блин! — воскликнул инспектор Серенак. — Кто-то зашвырнул этот ящик в реку меньше десяти дней назад. Может быть даже, в день убийства Морваля!

Он утер рукавом выступившие на лбу капли пота.

— Сильвио, — обратился он к помощнику. — Быстро найди эксперта-графолога. Сравните почерк надписи с почерками всех жителей деревни. Первым в списке пойдет Жак Дюпен.

Серенак посмотрел на часы. 11:30.

— Графолог мне нужен сегодня. Результаты — тоже.

Он долгим взглядом посмотрел на расположенную прямо напротив портомойню, затем повернулся к окружавшим его четверем мужчинам и с искренней улыбкой произнес:

— Отличная работа, парни! Заканчиваем осмотр дна и убираемся отсюда. Полагаю, самую крупную рыбу мы уже выудили.

Серенак показал агенту Мори поднятый большой палец.

— Это была гениальная идея, Людо! Наконец-то у нас появилась реальная улика.

Мори улыбался во весь рот — ни дать ни взять школьник, получивший пятерку. Сильвио Бенавидиш по привычке не спешил разделить всеобщий энтузиазм. Разумеется, патрон прочитал надпись — «Она моя. Здесь, сейчас и навсегда» — по-своему. Для него под словом «она» подразумевается одна-единственная женщина, а угроза этой женщине исходит от ее ревнивого мужа. Иначе говоря, от Жака Дюпена. Но ведь «она» может означать кого или что угодно. И не обязательно женщину! Например, одиннадцатилетнюю девочку. Или любой предмет женского рода. Скажем, картину...

Полицейские продолжили методичный осмотр речного дна, но уже без первоначального пыла. Да и шарили они теперь по большей части впустую. Солнце тем временем зашло за донжон мельницы «Шеневьер», тень которого упала на место преступления. Пора было завершать операцию. Сильвио Бенавидиш напоследок поднял глаза к верхнему этажу башни. Он мог бы поклясться, что видел, как за окном шевельнулась занавеска. Но секундой позже он выбросил эту мысль из головы. Ему хватало и других забот.

48

— У Клода Моне есть наследники? Я имею в виду, живые?

Вопрос комиссара Лорантена удивил Ашиля Гийотена. Бывший полицейский не стал ходить вокруг да около. Впрочем, секретарь Руанского музея предупредила хранителя, что такова манера комиссара. Дозвонившись в музей, он потребовал, чтобы его немедленно соединили с лучшим специалистом по творчеству Клода Моне. То есть с самим Ашилем Гийотеном! Секретарь перезвонила тому на мобильный. Гийотен как раз сидел на совещании, организованном городским отделом культуры и посвященном проведению фестиваля «Нормандия импрессионистов». Очередная бессмысленная говорильня! Хранитель почти обрадовался шансу выскользнуть в коридор.

— Наследники Клода Моне?.. Видите ли, комиссар, это непростой вопрос.

— Что значит «непростой»?

— Постараюсь объяснить. У Клода Моне было двое сыновей от

первой жены, Камиллы Донсьё: Жан и Мишель. Жан позже женился на Бланш — дочери второй жены художника, Алисы Ошеде. Жан умер в тысяча девятьсот четырнадцатом году, Бланш — в тысяча девятьсот сорок седьмом; детей у них не было. Мишель Моне — последний наследник Клода Моне — скончался в тысяча девятьсот шестьдесят шестом году. За несколько лет до смерти Мишель Моне составил завещание, в котором объявил своим законным наследником парижский музей Мармоттан, созданный при Академии изящных искусств. Сегодня в этом музее хранится собрание картин, известное под названием «Моне и его друзья», в котором насчитывается более ста двадцати полотен. Это самая крупная коллекция...

— Значит, наследников больше нет, — перебил его Лорантен. — Линия Клода Моне прервалась на его детях.

— Это не совсем так, — с плохо скрытым торжеством произнес Гийотен.

— Простите, не понял.

Гийотен немного помолчал, сознательно нагнетая напряжение.

— У Мишеля Моне, — наконец соизволил сказать он, — была незаконнорожденная дочь. От любовницы, Габриэль Бонавантюр — невероятно красивой женщины, манекенщицы. После смерти отца, в тысяча девятьсот тридцать первом году, Мишель Моне женился на Габриэль Бонавантюр.

— Следовательно, — не выдержал Лорантен, — последней наследницей является эта самая незаконная дочь! Она же — внучка Клода Моне!

— Ничего подобного, — невозмутимо возразил Гийотен. — Как ни странно, Мишель Моне не признал ее своей дочерью, даже после того как женился на ее матери. Поэтому из гигантского наследства деда ей не досталось ни сантима.

— Как звали дочь? — равнодушным голосом спросил комиссар.

Гийотен вздохнул.

— Ее имя можно найти в любой книжонке, посвященной Моне. Звали ее Анриетта. Анриетта Бонавантюр. Впрочем, употребление прошедшего времени в данном случае неуместно. Насколько мне известно, она до сих пор жива.

16:31.

Фанетта выскочила из школы. Бегом направилась на улицу Бланш-Ошеде-Моне, а оттуда — напрямиком к отелю «Боди». Она знала, что во времена Моне там жили все приезжавшие в Живерни американские художники — Робинсон, Батлер, Стентон Янг. Учительница им про них рассказывала. Значит, и сегодня художник из Америки должен остановиться в этом отеле. Фанетта мельком оглядела зеленые столы и стулья на террасе кафе на другой стороне улицы и влетела в зал отеля-ресторана.

Все стены были увешаны картинами и рисунками. Не гостиница, а музей! Фанетте вдруг подумалось: а ведь она здесь в первый раз! Ей хотелось не спеша рассмотреть картины, прочесть все знаменитые подписи, но ее смутил пристальный взгляд портье. Фанетта подошла к стойке. Это было довольно высокое сооружение светлого дерева — девочке пришлось приподняться на цыпочки, чтобы портье ее увидел. Она оперлась руками о стойку. У портье была длинная черная борода. Он напомнил Фанетте Ренуара с портретов кисти Моне.

Смотрит не по-доброму...

Фанетта торопливо заговорила, чуть заикаясь и перебивая сама себя, но Ренуар все-таки понял, что девочка разыскивает некоего американского художника по имени Джеймс, чьей фамилии не знает. «Пожилой такой, даже старый, с седой бородой. У него есть четыре мольберта...»

Ренуар изобразил огорчение.

— Нет, мадемуазель, у нас нет постояльца, похожего на вашего Джеймса.

Из-за густой бороды Фанетте было трудно понять, злится он или просто развлекается.

— Видите ли, мадемуазель, сегодня у нас останавливается не так уж много американцев... Не то что во времена Моне...

«Ну ты и придурок! Ты просто придурок, Ренуар!»

Фанетта вышла на улицу Клода Моне. Поль уже ждал ее. На большой перемене она успела все ему рассказать.

— Ну что?

— По нулям.

— Что теперь? Проверим остальные гостиницы?

— Не знаю. Я ведь даже не спросила, как его фамилия... И вообще, у меня такое впечатление, что он на улице ночевал.

— Можно остальным рассказать. Винсенту, Камиллю, Мэри... Если мы

все вместе поищем...

— Нет!

Фанетта почти выкрикнула это. Несколько постояльцев отеля «Боди», сидевшие на террасе, повернули к ней головы.

— Нет, Поль. Винсента я в последние дни вообще видеть не могу. Он такой... Себе на уме. А Камиль... Если мы ему скажем, он прочтет нам лекцию обо всех американских художниках, которые когда-либо приезжали в Живерни. Очень нам это поможет!

Поль засмеялся.

— Я уж не говорю про Мэри. Сначала разрыдается, а потом пойдет настучит в полицию. Что тогда со мной мать сделает, подумать страшно.

— Тогда что нам остается?

Фанетта смотрела в сторону парка, протянувшегося от отеля «Боди» до самого шоссе Руа: на постриженной лужайке стояли, отбрасывая тени, стога сена; дальше простирался луг — до места слияния Эпта с Сеной, до самого Крапивного острова.

Джеймса сводили с ума эти пейзажи. Ради них он бросил все. Родной Коннектикут, жену и детей. Он сам мне говорил.

— Не знаю, Поль. Ты считаешь, что я ненормальная?

— Нет.

— Клянусь тебе, я видела его мертвым.

— Где именно?

— Посреди пшеничного поля. Сразу за портомойней и ведьминой мельницей.

— Так пошли туда сходим!

Они спустились по улице Клода Моне. Каменные фасады домов не пропускали сюда солнце — казалось, они специально были выстроены определенной высоты, чтобы на улице всегда царилась тень. Фанетта поежилась — холодно...

— Ты говорила, что Джеймс всегда ставил четыре мольберта, — сказал Поль. — Плюс у него было полно всякого другого снаряжения — палитры, ножи, ящик с красками... Там должны остаться следы.

Поль и Фанетта провели в поле больше часа. Все, что они нашли — небольшой, размером с лежащее человеческое тело, участок земли с примятыми колосьями.

«Соломенный гроб... Ну хотя бы он мне не приснился.

Правда, Поль заметил, что колосья помялись бы точно так же, если бы кто-то просто лег в поле отдохнуть».

Потом они наткнулись на колосья, запачканные красками. В том числе

красной краской — или это была кровь? Попробуй разбери. Еще они нашли несколько раздавленных тюбиков краски. Только что это доказывало? Что кто-то приходил сюда писать. Это Фанетта и так знала.

Я не сошла с ума.

— Кто еще его видел, твоего художника?

— Не знаю. Винсент вроде видел.

— А кроме Винсента? Кто-нибудь из взрослых?

Фанетта бросила взгляд в сторону мельницы.

— Не знаю... Может, соседи? Ведьма с мельницы? Ей там со своей башни все видно!

— Пошли к ней!

«Возьми меня за руку, Поль! Пожалуйста, возьми меня за руку!»

50

Конечно, я их видела. Я видела, как они приближаются. Детишки перешли через мост и оглянулись на берег ручья. На то самое место, где полицейские только что нашли засыпанный песком ящик для красок.

Но теперь полицейские ушли. Не осталось никого и ничего — ни желтой заградительной ленты, ни специалиста-очкарика с его инструментами. Лишь течение Эпта, тополя да пшеничное поле. Как будто ничего и не было.

И двое детей, что идут рядышком, ни о чем не подозревая. Невинные души. Если бы они знали, какая опасность им грозит. Бедняжки... Идите сюда, мои хорошие, идите к ведьме! Все, как в сказке про Белоснежку. Не бойтесь, заходите! Ведьма ждет вас! Только будьте осторожны! Нет, я не стану угощать вас отравленными яблочками. Разве что вишнями.

Вопрос вкуса.

Я медленно отошла от окна. На сегодня довольно.

Снаружи меня не видно. Никто не знает, где я и чем занята. Никто не знает, есть ли на мельнице кто живой. Свет я не включала. Мне темнота не мешает, даже наоборот.

Я повернулась к своим «Черным кувшинкам». Мне все больше нравится рассматривать их в сумерках. Вода на картине почти исчезает, все, что в ней отражается, смазывается, и среди мрака горят лишь желтые огни кувшинок, словно звезды далекой вселенной.

— Говорю тебе, там никого нет, — сказала Фанетта.

Девочка внимательно осмотрела двор мельницы. В ручье виднелись трухлявые плиты водяного колеса. На краю каменного колодца лежало ржавое, заросшее мхом ведро. Тень от огромного вишневого дерева закрывала почти весь двор.

— Все равно давай попробуем, — стоял на своем Поль.

Он постучал в тяжелую деревянную дверь и тоже огляделся. Ему показалось, что двор, колодец и каменные стены мельницы словно выставлены кем-то на просушку, да так и забыты.

— Пожалуй, ты права, — сказал Поль. — Как-то тут страшновато...

— Да нет же! — возразила Фанетта. — Если честно, я бы сама с удовольствием поселилась на этой мельнице. Представляешь, как здорово — жить в таком доме, какого больше ни у кого нет?

«Наверное, Поль иногда думает, что я не совсем нормальная». Мальчик обошел мельницу, пытаясь заглянуть в окна первого этажа. Затем поднял глаза к донжону и обернулся к Фанетте, скрючив пальцы и скривив рот.

— Там живет стра-а-а-шная ве-е-е-дьма! — взвыл он. — Она очень не любит худо-о-о-жников! Сейчас она на-а-а-с...

— Прекрати!

Он нарочно храбрится. Я же вижу, как ему страшно!

Вдруг за мельницей послышался собачий лай.

— Бежим отсюда!

Поль схватил Фанетту за руку, но девочка только расхохоталась:

— Дурак! Это же Нептун! Он все время там спит, под вишней.

Она не ошиблась. В следующий миг к ним выскочил Нептун, гавкнул еще раз и подбежал к Фанетте. Она нагнулась его погладить.

— Нептун, ну ведь ты-то знал Джеймса, правда? Ты вчера видел его! Ты сам его нашел! Куда он подевался?

«Нептун, хотя бы ты знаешь, что я не сошла с ума!» Пес сел на задние лапы. Посмотрел на Фанетту. Затем перевел взгляд на пролетавшую мимо бабочку. Затем, словно утомившись глядеть, поднялся и побрел в тень вишневого дерева. Фанетта проследила за ним и вдруг с удивлением обнаружила, что Поль успел вскарабкаться на вишню.

— Поль, ты что, спятил? Зачем ты туда залез?

Поль не отвечал.

— Вишни еще не созрели!

— А я не за вишнями! — крикнул Поль.

В следующий миг он спрыгнул с дерева. В руке он держал две серебристые ленты из фольги.

«Иногда Поль ведет себя, как последний идиот. Неужели он думает, что мне нужны эти фокусы в духе Тарзана? Я ведь и так его люблю...»

— Вот... — Поль тяжело переводил дух. — Они это вешают на ветки, чтобы отпугивать птиц.

Он подпрыгнул на месте, подняв небольшое облачко пыли, шагнул вперед, опустил на одно колено и протянул к Фанетте руки — ни дать ни взять средневековый рыцарь.

— Моя принцесса! Приношу тебе в дар это серебро, которое украсит твои дивные волосы и отпугнет от тебя всех стервятников! Когда ты уедешь далеко-далеко и станешь знаменитой, оно будет тебе защитой!

Фанетта чуть не расплакалась. Все это навалилось на нее слишком неожиданно. И Джеймс исчез, и с матерью она поссорилась — из-за живописи, из-за отца и из-за всего остального, — и конкурс на носу, и «Кувшинки» она никому не успела показать! А тут еще Поль со своими глупыми выходками!

«Поль, ну ты кретин! Ну полный кретин!» Девочка зажала в ладони серебристые ленточки и второй рукой погладила Поля по щеке.

— Вставай, дурачина.

Он не успел встать, потому что она наклонилась к нему и поцеловала его в губы.

Долгим-долгим поцелуем.

Потом она заплакала.

— Кретин. Трижды кретин. Будешь всю жизнь терпеть, что у меня в волосах эти ленты. Я же тебе уже сказала, что мы с тобой поженимся.

Поль поднялся и обнял Фанетту.

— Ладно, пошли. Хватит с ума сходить. Вчера человека убили. А несколько дней назад еще одного. Вот пусть полиция с этими убийствами и разбирается. А здесь оставаться опасно.

— А как же Джеймс? Мы же должны...

— Здесь нечего делать. В доме никто не живет. И вообще, Фанетта, если ты в себе уверена, тебе надо пойти в полицию и все рассказать. Откуда нам знать, может, эти два убийства связаны между собой? Ты понимаешь, о ком я? О том дядьке, которого нашли мертвым на берегу ручья...

— Нет! — выкрикнула Фанетта.

«Нет, нет, нет! Поль, только не ты! Не заставляй меня сомневаться в себе!»

— Фанетта, ну подумай сама, кто тебе поверит? Никто! Джеймс жил как клошар. На него никто не обращал внимания.

Они ненадолго остановились на шоссе Руа, подождали, пока проедут машины, и перешли на другую сторону. Над вершинами дальних холмов, вдоль берегов Сены, начинали собираться тучки. Ребята не спеша шагали по направлению к деревне. Вдруг Поль остановился.

— А может, сказать учительнице? — предложил он. — Она любит живопись. Даже придумала, чтобы все участвовали в конкурсе для этого, как его, фонда Робинсона. Может быть, она и Джеймса знала? Во всяком случае, она тебя поймет. Скажет, что надо делать.

— Ты так думаешь?

Мимо детей шли прохожие. Поль крутанулся на месте и сказал:

— Я уверен. Это отличная идея.

Он наклонился к самому ее уху.

— Открою тебе один секрет, Фанетта. Я заметил, что учительница тоже носит в волосах серебряные ленточки. Значит, она тоже принцесса. Понимаешь?

Фанетта взяла его за руку.

«Хоть бы время остановилось. Чтобы мы с Полем так и стояли здесь, на этой улице, всегда. Пусть все вокруг меняется, а мы так и будем стоять. Как в кино».

— Пообещай мне одну вещь, Фанетта.

Их руки сплелись.

— Пообещай, что закончишь картину. Ты должна выиграть конкурс Робинсона. Что бы ни случилось! Потому что важнее этого ничего нет.

— Я не зна...

— Джеймс сказал бы тебе то же самое. Уж это-то ты знаешь. Джеймс хотел, чтобы ты победила в конкурсе.

Дети свернули на Водонапорную улицу. Сейчас они скроются из вида. Из-за занавески их силуэты кажутся слегка размытыми. Только Нептуну все равно. Все так же дрыхнет под вишней.

Бедная девочка! Ей кажется, что она сумеет вырваться. Ха-ха. Ей кажется, что она написала шедевр и спрятала его под портомойней. Ей

кажется, что она взлетит над прудом Моне. Над Живерни. Что сила искусства поможет ей преодолеть земное притяжение. Что ее скромный гений, про который ей прожужжали все уши, сметет все препятствия на ее пути.

Радужные кувшинки! Бедная дурочка.

Что за жестокая насмешка судьбы...

Я повернулась к своим «Черным кувшинкам». Желтые венчики светились на фоне траурной черноты, созданной кистью отчаявшегося творца.

Тщеславие!

Этот пруд поглотит тебя, глупая маленькая Фанетта. Ты утонешь в нем. Опустись на дно. А над головой у тебя будут плавать кувшинки — как толстый слой льда над зимним озером.

Осталось недолго.

Всеми свой черед.

ДЕНЬ ОДИННАДЦАТЫЙ

23 мая 2010 года

(Мельница «Шеневьер»)

ОЖЕСТОЧЕНИЕ

53

В кои-то веки я не торчу у окна. Да, представьте себе, я не дни напролет провожу, прячась за занавеской и шпионя за соседями. У меня и другие дела имеются.

Впрочем, сегодня утром на улице стоит адский шум. Работают бензопилы. Я совсем недавно узнала, что власти приняли решение спилить тополя на четырнадцати гектарах земли. Спилить тополя! Здесь, в Живерни! Если я ничего не путаю, их посадили в начале 1980-х — такие невысокие саженцы, — очевидно, с той целью, чтобы местность выглядела более «импрессионистски». Однако впоследствии нашлись специалисты, заявившие, что во времена Моне никаких тополей тут не росло, а художник, выглядывая из окна своего дома, видел простирающийся до самого горизонта луг и больше ничего. А теперь, когда тополя вытянулись, они затеняют сад и пруд с кувшинками. И туристы, озирая окрестности, не находят в них никакого сходства с пейзажами, запечатленными на полотнах Моне. Поэтому они и решили спилить тополя. В конце концов, почему бы и нет, если им так нравится? Одни жители деревни негодуют, другие аплодируют, а мне плевать.

У меня другие заботы. Нынешнее утро я посвятила разборке старья. Черно-белые, еще довоенные фотографии и прочий древний хлам, не интересный никому, кроме меня. Если вы помните, я хотела найти старую картонную коробку, перевязанную льняной веревкой. Оказалось, она лежала под тремя слоями видеокассет, слоем виниловых пластинок и десятисантиметровой толщиной квитанций банка «Креди агриколь». Я вчетверо свернула покрывавшую стол скатерть и разложила фотографии.

С тех пор как смолкли бензопилы, прошел примерно час, и тут вдруг тишину разорвал вой сирены. Он напомнил мне те времена, когда я вскакивала по утрам по звонку будильника.

Сигналила полицейская машина, которая мчалась по шоссе Руа.

Только что я проливала слезы над единственной дорогой мне фотографией, обнаруженной на самом дне коробки. Школьное фото. Живерни. 1936/37 учебный год. Это сколько же лет назад? Я всматривалась в лица двух десятков учеников, чинно рассевшихся на три деревянные скамьи. На обороте снимка вписаны их имена, но мне не понадобилось переворачивать фотографию.

Рядом со мной сидит Альбер Розальба. Естественно.

Я все смотрела и смотрела в лицо Альбера. Снимали в начале учебного года, самое позднее — 1 ноября, в День Всех Святых.

До того как все произошло.

И в этот миг уши мне пронзил вой полицейской сирены.

Я рывком поднялась на ноги. Как дремлющий тюремщик, что при звуках тревоги вскакивает и мчится на сторожевую вышку. Я бросилась к окну. Ну, бросилась — это, конечно, громко сказано. Подхватила палку и поковыляла вперед. Встала и палкой осторожно отодвинула занавеску.

Я ничего не пропустила. Увидела все. Вся кавалерия была здесь, как на параде. На трех машинах, с сиренами и мигалками.

Ничего не скажешь. Инспектор Серенак — крутой парень.

54

Сильвио Бенавидиш посмотрел на башню мельницы, проплывшую справа за окном.

— Кстати, — сказал он, подавив зевок. — Я заходил на мельницу, патрон. Вы же мне сказали опросить всех свидетелей, особенно по соседству.

— Ну и?

— Странное местечко. Я бы сказал, заброшенное. Похоже, что там никто не живет.

— Уверен? А сад производит впечатление ухоженного. И фасад в полном порядке. И еще. Я несколько раз замечал — когда мы были на месте преступления, — что в окне башни как будто колышется занавеска.

— Да? Я, если честно, тоже обратил на это внимание. Но соседи в один голос утверждают, что на мельнице уже несколько месяцев никто не живет.

— Более чем странно. Только не рассказывай мне про закон омерты. Никогда не поверю, что вся деревня сговорилась хранить молчание насчет

этой мельницы — так же, как насчет истории с гибелью одиннадцатилетнего мальчика.

— Не буду. — Сильвио чуть поколебался. — Деревенские называют ее ведьминой мельницей.

Серенак улыбнулся. Отражение мельничной башни исчезло из зеркала заднего вида.

— А почему не мельницей призрака? Было бы вернее. Ладно, Сильвио, оставим пока мельницу в покое. У нас есть дела поважнее.

Лоренс прибавил газу. Слева за какие-нибудь полсекунды промелькнул сад Моне. Пожалуй, еще ни одному зрителю не удавалось взглянуть на него под столь «импрессионистским» углом зрения.

— Кстати, о деревенской омерте, — снова заговорил Серенак. — Знаешь, что вчера мне рассказала Стефани Дюпен про дом и мастерские Клода Моне?

— Что?

— Что, если хорошенько поискать, то там еще можно найти с десяток полотен знаменитых мастеров. Ренуара, Сислея, Писсарро. Ну и неизвестные «Кувшинки» Моне, само собой.

— Вы их видели?

— Видел одну пастель. Не исключено, что Ренуара...

— Да она над вами просто посмеялась.

— Ясное дело. Но зачем? И еще добавила: дескать, в Живерни это секрет Полишинеля.

Сильвио вспомнил свой разговор с Ашилем Гийотеном по поводу утраченных полотен Моне. Хранитель не отрицал вероятности того, что где-то может всплыть ранее не известное творение художника. Например, пресловутые «Черные кувшинки». Но чтобы сразу десяток?

— Да она играет с вами, патрон. Водит вас за нос. Я это с самого начала понял. И сдается мне, в деревне она такая не одна...

Серенак ничего не ответил, сосредоточив внимание на дороге. Сильвио высунул в открытое окно бледное лицо и стал жадно глотать воздух.

— Сильвио, ты в порядке? — обеспокоенно спросил Лоренс.

— Если честно, на пределе. За ночь выпил не меньше десяти чашек кофе, чтобы не заснуть. Врачи сказали, что пока оставят Беатрис в больнице.

— А я думал, что ты пьешь только чай и притом без сахара.

— Я тоже так думал.

— Слушай, а что тогда ты тут делаешь, если у тебя жена в роддоме?

— Они обещали позвонить, если что. Сегодня ее должен врач осмотреть. Но они говорят, она может там еще несколько дней проваляться. А что? Малышу там тепло и уютно...

— А ты, значит, еще одну ночь не спал, а трудился?

— Типа того. Надо же чем-то было голову занять. Зато Беатрис спала как младенец.

Серенак сделал крутой разворот и выехал на улицу Бланш-Ошеде-Моне. Сильвио посмотрел в зеркало заднего вида. Две полицейские машины следовали за ними. Мори и Лувель запоздало пристегивали ремни безопасности. Сильвио подавил приступ тошноты.

— Ничего, — успокоил помощника Серенак. — Через полчаса дело Морваля будет раскрыто, и ты сможешь отправляться в больницу. Поставь там себе раскладушку и дежурь сутки напролет. Эксперты-графологи исключили любые сомнения. Надпись, вырезанная на крышке ящика для красок, сделана почерком Жака Дюпена. «Она моя. Здесь, сейчас и навсегда»... Признай, я ведь оказался прав, а, Сильвио?

Сильвио сидел, высунув голову в окно, и глубоко дышал. Улица Ошеде-Моне спиралью карабкалась на холм, но инспектор и не думал сбросить скорость. Бенавидиш испугался, что его прямо сейчас вывернет. Он сделал самый глубокий вдох, на какой был способен, и убрал голову из окна.

— Два эксперта из трех, патрон, — напомнил он. — И их выводы далеко не однозначны. Да, они считают, что между буквами, вырезанными на крышке ящика, и почерком Дюпена есть определенное сходство, но есть и немало различий. Лично у меня сложилось впечатление, что ни черта они не понимают, эти графологи...

Серенак забарабанил пальцами по рулю.

— Сильвио, я умею читать рапорты специалистов не хуже тебя. Результат экспертизы показал сходство с почерком Дюпена, так? А что касается различий... Ну сам подумай. Вырезать буквы на дереве — не то же самое, что подписывать чек. Все сходится, Сильвио, так что не бери в голову. Дюпен — ревнивец. Сначала он отправляет Морвалю поздравительную открытку со скрытой угрозой в виде цитаты из стихотворения Арагона «Нимфея»; затем вырезает на ящике с красками красноречивую надпись; наконец, убивает соперника.

Шоссе Ошеде-Моне сузилось до двухметровой асфальтовой полосы, которая продолжала виться кольцами, пока не уперлась в плато Вексен. Сильвио так и подмывало напомнить Серенаку, что руанский специалист-графолог Пелисье объяснил странное сочетание признаков сходства и

различия в двух представленных образцах неловкой попыткой копировать чужой почерк...

Крутой поворот налево... Инспектор, мчавшийся по середине дороги, чудом избежал столкновения с ехавшим навстречу трактором. Испуганный фермер резко взял в сторону, прижавшись к обочине. И правильно сделал. Перед его недоуменным взором со свистом пролетели еще две синие машины.

— Господи Иисусе! — ахнул Сильвио, глядя в зеркало заднего вида.

Он снова глубоко вдохнул и обратился к Лоренсу:

— Хорошо, патрон, но что делает во всей этой истории ящик для красок? Эксперты установили, что ему, как минимум, восемьдесят лет. Это коллекционная вещь! Фирма Winsor & Newton — самый известный в мире производитель материалов для живописи, они снабжают художников всего мира на протяжении полутора веков. Кому мог принадлежать этот чертов ящик?

Серенак наматывал петлю за петлей. Бараны, пасшиеся на склонах холма, лениво поворачивали головы на шум несущихся мимо автомобилей.

— Морваль был коллекционером, — сказал инспектор. — Он любил красивые вещицы.

— Никто никогда не видел у него этого ящика! Вдова, Патрисия Морваль, заявила это со всей категоричностью. Кроме того, мы так не установили прямой связи между ящиком и преступлением. Ящик мог швырнуть в реку кто угодно, и не исключено, что уже после убийства Морваля.

— На нем нашли следы крови.

— Это неизвестно! Результатов анализа еще нет! И нет никаких доказательств, что это кровь Морваля. Вы уж извините, но мне кажется, что вы слишком торопитесь.

Вместо ответа Серенак наконец выключил сирену и остановил машину на небольшой грунтовой площадке, поставив ее на ручной тормоз.

— Послушай, Сильвио. У меня есть мотив. Есть угроза, написанная рукой Дюпена. У Дюпена нет алиби, только идиотская история про украденные сапоги. Да, я тороплюсь. Если твой чертов пазл сложится по-другому и твои чертовы три колонки подскажут тебе другой ответ, дашь мне знать. А пока у меня один подозреваемый — Дюпен. Да я просто нутром чую, что это он!

Серенак выскочил из машины, не дожидаясь ответа. Сильвио, в свою очередь, выбрался наружу и тут же почувствовал, как земля покачнулась у него под ногами. «Напрасно я пил кофе, — подумал он, — да еще в таких

количества». Он оглянулся в поисках ближайших кустиков...

Пятачок, на котором они припарковались, кишел народом. По углам «парковки» стояли три фургона, из которых, потягиваясь, вылезали жандармы. Секундой позже подъехал и, взвизгнув шинами, затормозил автомобиль Мори и Лувеля.

«Черт знает что!»

Патрон пустил в ход тяжелую артиллерию. Не меньше пятнадцати полицейских — чуть ли не весь наличный состав Вернонского комиссариата, — плюс сотрудники жандармерии из Паси-сюр-Эра и Эко. «Ну и помпа, — жуя предложенную Лувелем хлорофилловую жвачку, хмыкнул про себя Сильвио. — И стоило огород городить?

Ради одного-единственного человека?

Возможно, действительно вооруженного.

Но совсем не обязательно виновного».

Рыжий кролик метался, выписывая зигзаги, по поросшему травой склону, словно понимал: три огромные, закрывающие солнце фигуры с железными палками в руках намерены лишить его жизни.

— Этот твой, Жак.

Жак Дюпен даже не поднял ружья. Титу бросил на него удивленный взгляд и прицелился сам. Поздно! Добыча успела ускользнуть в заросли можжевельника.

Повезло кролику.

Вряд ли он снова выскочит на редкую, в проплешинах, — здесь недавно прогнали стадо баранов, — траву. Охотники продолжили спуск по Астрогальской тропе, ведущей к Живерни.

— Что с тобой сегодня, Жак? — недовольно буркнул Патрик. — Сдается мне, ты бы и в барана промазал...

Третий охотник, Титу, кивнул, соглашаясь. Титу считался метким стрелком. Не оставь он кролика Жаку, не скакать бы тому больше по лужайкам. До него же и двух метров не было!..

— Признайся, это ты из-за убийства Морваля? — обратился он к Жаку Дюпену. — Боишься, что легавый повесит его на тебя? Все заметили, что он положил глаз на Стефани!

Титу громко расхохотался. Жак Дюпен нахмурился. Патрик вздохнул.

— Да уж, тебе с твоей Стефани — одна головная боль! — гнул свое Титу. — То Морваль ей проходу не давал, теперь вот легавый клеится...

Они продолжали спускаться по каменистой Астрогальской тропе. За их спинами из травы показались два острых черно-белых уха...

— Не будь ты моим другом, — не унимался Титу, — я бы тебе сказал насчет твоей Стеф...

— Заткнись, Титу! — Окрик Патрика щелкнул, как удар кнута.

Тот прикусил язык. Спуск стал круче, и охотникам приходилось внимательно смотреть себе под ноги. Титу на ходу задумчиво покусывал ус.

— Слышь, Жак! — наконец не выдержал он. — А может, тебе просто мои сапоги жмут?

И он громко, во весь голос, расхохотался. Патрик недоверчиво покосился на него. Жак Дюпен угрюмо молчал. Титу утер выступившие на глазах слезы рукавом рубахи.

— Да шучу я, шучу! Ты что, Жак, шуток не понимаешь? Я же знаю, что Морваля замочил не ты!

— Титу, придурок, сколько раз тебе говорить, чтобы ты заткнул...

Патрик не договорил.

Площадка, на которой они оставили свой пикап, напоминала форт Аламо. Они насчитали шесть машин с мигалками и не меньше двух десятков полицейских. Стражи порядка выстроились полукругом, лицом к ним. Каждый держал руку на кобуре револьвера...

Инспектор Серенак шагнул навстречу охотникам. Патрик инстинктивно посторонился и обхватил ладонью холодный ствол ружья, которое нес Жак Дюпен.

— Спокойно, Жак, спокойно...

Инспектор Серенак приблизился к ним еще на метр.

— Жак Дюпен! Вы арестованы по подозрению в убийстве Жерома Морваля. Соппротивление бесполезно. Следуйте за мной!

Титу бросил ружье на землю и поднял вверх трясущиеся руки. Как в кино.

— Спокойно, Жак, спокойно, — продолжал приговаривать Патрик. — Главное, не делать глупостей...

Он хорошо изучил своего приятеля. Они не первый год дружили и вместе ходили на охоту. И ему совсем не понравилось, как побелело лицо Жака, превратившись в мраморную маску.

Серенак наступал на них. Один. Без оружия.

Еще два метра...

— Нет! — крикнул Сильвио Бенавидиш.

Он выскочил из полукруга и встал рядом с Серенаком, почти плечо к плечу. Бенавидишу почему-то показалось важным разорвать то подобие

симметрии, которое выстроилось на площадке. Так в вестерне неожиданно выскочивший на улицу прохожий сбивает с толку двух вознамерившихся застрелить друг друга ковбоев. Жак Дюпен молча положил руку на запястье Патрика. Патрик понял безмолвную просьбу друга и выпустил из рук ствол ружья.

Он очень надеялся, что ему не придется сожалеть об этом. Всю жизнь.

Патрик с ужасом смотрел, как Жак, держа палец на спусковом крючке, медленно поднимает ружье.

В обычных условиях Жак стрелял даже лучше Титу. У него был меткий глаз.

— Лоренс, стойте! — проговорил Сильвио. Кровь отлила у него от лица.

— Жак, не дури! — прошептал Патрик.

Серенак сделал еще шаг вперед. Теперь от Дюпена его отделяло не больше десяти метров. Инспектор, глядя тому прямо в глаза, медленно поднял руку. Сильвио Бенавидиш увидел, как губы патрона скривились в презрительной улыбке, и испугался.

— Жак Дюпен! Вы...

Дуло ружья смотрело в грудь Серенака. Над Астрегальской тропой повисла тишина.

Титу, Патрик, агенты Лувель и Мори, инспектор Сильвио Бенавидиш и еще пятнадцать полицейских и жандармов, все, даже самые несообразительные, безошибочно прочитали в глазах Жака Дюпена одно и то же.

Ненависть.

55

Девушка, трудившаяся в архиве городской администрации Эврё, любой разговор с посетителем неизменно начинала с одних и тех же пяти слов: «А вы точно проверили, что...» Отгородившись от мира двойным экраном — монитора и очков в позолоченной оправе, — она старательно изображала человека, по горло заваленного работой. Наконец она соизволила взглянуть на старика, просившего выдать ему номера покойного «Вернонского республиканца» — местной газеты, после Второй мировой войны переименованной в «Демократа». Все номера с января по сентябрь 1937 года.

— А вы точно проверили, что в архиве «Демократа» этих номеров нет? Комиссар Лорантен хранил спокойствие. Он провел в архиве уже два часа, играя роль милого старого чудака, неизменно галантного с молоденькими женщинами. Обычно этот прием срабатывал на «отлично».

Только не сейчас!

На девицу за компьютером его хитрости не действовали. Лорантен огляделся. В читальном зале архива сидело с десяток посетителей — сплошь стариков. Начинаящие семидесятилетние историки и исследователи генеалогии, озабоченные поиском своих корней, все они пользовались той же стратегией, что и Лорантен, пытаясь обольстить юных сотрудниц архива старомодной обходительностью. Лорантен вздохнул. Эх, где те времена, когда он мог любому чинуше-бездельнику сунуть под нос удостоверение с триколором? Разумеется, девице и в голову не приходило, что она имеет дело с бывшим комиссаром полиции.

— Да, мадемуазель, — вежливо ответил комиссар Лорантен. — Я все проверил. В архиве «Демократа» хранятся номера, выпущенные после тысяча девятьсот шестидесятого года.

Девица не собиралась сдаваться так легко.

— А вы обращались в архив коммуны Вернона? Вы обращались в Версаль, в Национальный архив? Вы точно проверили, что...

«Можно подумать, что ей платят конкуренты».

Комиссар Лорантен изобразил невозмутимое смирение пенсионера, которому некуда девать время.

— Да, я все проверил. Во всех местах.

Пока что все его поиски Анриетты Бонавантюр — той самой загадочной дамы, что могла оказаться последней наследницей Клода Моне, — не дали ровным счетом ничего. Но это не слишком огорчало комиссара. Его сейчас интересовал другой след, на первый взгляд, не связанный с расследуемым делом. И он точно знал: надо лишь продержаться до той минуты, когда архивная барышня поймет, что, пререкаясь со стариканом, потеряет куда больше времени, чем если согласится выполнить его просьбу.

Его упорство себя оправдало. Не прошло и получаса, а комиссар Лорантен уже сидел за столом перед подшивкой еженедельника.

Это были номера «Вернонского республиканца».

Первым он открыл пожелтевший выпуск от субботы, 5 июня 1937 года. Ненадолго задержался на первой странице, посвященной как общенациональным, так и местным событиям. Прочитал страстную передовицу о разгорающемся в Европе пожаре. Муссолини торжественно

объявил о заключении пакта с Гитлером; в Германии власти в массовом порядке конфискуют принадлежащее евреям имущество; в Каталонии франкисты нанесли поражение республиканцам... Под передовицей помещалась слегка размытая фотография платиновой блондинки с ярко накрашенными губами (на снимке они казались черными). Это была американская кинозвезда Джин Харлоу, скончавшаяся в возрасте 26 лет. В нижней части первой полосы шла местная информация: сообщения о предстоящем открытии аэровокзала Бурже, в сотне километров от Вернона, и о смерти испанского сельскохозяйственного рабочего, найденного рано утром с перерезанным горлом на барже «Фресине», стоящей на приколе в Пор-Вилье, почти напротив Живерни.

Комиссар Лорантен перевернул страницу. Статья, которая его интересовала, занимала целый подвал. «Несчастный случай в Живерни».

Анонимный журналист подробно описал обстоятельства трагической гибели одиннадцатилетнего мальчика по имени Альбер Розальба, произошедшей неподалеку от сада Моне и мельницы «Шеневьер». Мальчик утонул в ручье, делавшем здесь петлю. Жандармерия провела расследование и пришла к выводу, что имел место несчастный случай. Мальчик поскользнулся, упал и ушибся головой о прибрежный камень. От удара он потерял сознание и утонул в ручье, глубина которого у берега не достигала и 20 сантиметров. Плавать, кстати, он умел превосходно. Журналист не пожалел красок, описывая скорбь родителей и одноклассников Альбера. Он даже ввернул пару строк в рамках полемики по поводу усадьбы Клода Моне. «Сегодня, когда после смерти художника прошло уже больше десяти лет, не пора ли, — восклицал автор статьи, — перекрыть искусственное русло ручья и осушить пребывающий в запустении пруд с кувшинками?»

Под статьей помещалась фотография коротко стриженного мальчика в черной, застегнутой на все пуговицы школьной блузе. Он сидел за партой и улыбался. Послушный ребенок и прилежный ученик.

«Это он», — подумал комиссар Лорантен.

Из стоявшей в ногах сумки он достал другую фотографию, изображающую школьный двор. На стоящем посередине дереве — грифельная доска с надписью «Муниципальная школа Живерни. 1936/37 учебный год».

Фотографию с сайта старых друзей ему скачала Лилиан Лельевр, для чего ей понадобилось раза три кликнуть мышкой. Патрисия Морваль сказала по телефону правду. Лилиан, в свою очередь, подтвердила ее слова. На этом сайте можно найти людей, с которыми он не только учился в

школе, но даже ходил в один детский сад, а став взрослым, вместе работал или служил в армии, или посещал одну спортивную секцию, или учился в музыкальной школе... Или в художественной школе.

«Все это какой-то сюр, поражался про себя комиссар Лорантен. Людям больше нет нужды о чем-то помнить. Прощай, Альцгеймер. Вся твоя жизнь заархивирована, классифицирована и выставлена на всеобщее обозрение. Ну, почти вся». Большая часть фотографий на сайте была примерно десятилетней давности, реже попадались снимки, сделанные двадцать или тридцать лет назад. Школьное фото 1936/37 года было, бесспорно, самым старым.

«Странно.

Можно подумать, Патрисия Морваль позвонила ему с единственной целью — добиться, чтобы он увидел эту фотографию». Комиссар Лорантен внимательнее взгляделся в снимок.

«Да, это он».

Фото из «Вернонского республиканца» неопровержимо свидетельствовало: это тот самый мальчик. На групповом снимке сидит в середине второго ряда.

Альбер Розальба.

На сайте никаких имен под фотографией не было. Наверное, на оригинале карточки они были. Ну, что же поделаешь... Лорантен закрыл «Вернонский республиканец» от 5 июня 1937 года и стал листать другие номера, обращая особое внимание на местные новости. В выпуске от 12 июня 1937 года упоминалось о том, что в Живерни, в церкви Святой Радегунды, состоялось отпевание Альбера Розальбы.

Заметка состояла из трех строчек.

Лорантен двигался дальше.

Номер от 15 августа 1937 года.

Вот оно. То, что он искал. Небольшая статья без всяких фотографий, но под красноречивым заголовком.

«СЕМЕЙСТВО РОЗАЛЬБА ПОКИДАЕТ ЖИВЕРНИ.

**РОДИТЕЛИ ПОГИБШЕГО РЕБЕНКА НЕ ВЕРЯТ В
НЕСЧАСТНЫЙ СЛУЧАЙ.**

Гуго и Луиза Розальба, больше 15 лет проработавшие на Вернонском литейном заводе, приняли решение покинуть деревню Живерни. Напомним, что около двух месяцев назад у них в семье случилась страшная трагедия: единственный сын Альбер после неудачного падения на берегу Эпта — ручья,

протекающего вдоль шоссе Руа, — утонул. Гибель ребенка вызвала споры среди членов муниципального совета относительно возможного осушения русла ручья и пруда в саду Моне. Отвечая на вопрос о причине своего отъезда, супруги Розальба сказали, что не могут продолжать жить в том месте, где расстался с жизнью их сын. Луиза Розальба добавила также, что лично ее подталкивает к отъезду молчание жителей деревни. По ее словам, мальчик никогда не гулял один. Нашему корреспонденту она повторила то же, что заявляла жандармам: „Альбер был на берегу ручья не один. В деревне есть свидетели того, как все это произошло. Есть люди, которым все известно“. „Версия несчастного случая, — добавила Луиза Розальба, — устраивает всех. Никто не хочет скандала в Живерни. Правда не нужна никому“.

Поразительное признание убитой горем матери. Пожелаем же супругам Розальба заново устроить свою жизнь вдали от тяжких воспоминаний».

Комиссар Лорантен несколько раз перечитал заметку. Закрыв газету. Пролистал оставшуюся часть подшивки «Вернонского республиканца» за 1937 год. Больше о «деле Розальба» не было напечатано ни строчки. Комиссар долго сидел неподвижно. В какой-то момент у него мелькнула странная мысль: а что он, собственно говоря, здесь делает. Неужели его жизнь настолько пуста, что он готов тратить часы и дни на преследование случайной химеры? Он окинул взглядом зал. Любители старины сидели, склонившись над пожелтевшими подшивками. Каждый что-то ищет... Комиссар взял ручку и написал в блокноте: «2010–1937 = 73».

Он быстро подсчитал. В 1937 году маленькому Альберу было 11 лет. Значит, он родился в 1925-м или в 1926 году. Сегодня супругам Розальба исполнилось бы по сто лет с хвостиком. В глазах комиссара зажглись искорки.

А что, если они еще живы?..

Девица смотрела на комиссара с нескрываемой неприязнью. Так служащие госучреждений обычно смотрят на посетителей, явившихся перед самым закрытием. Правда, стрелки часов едва перевалили за 11 утра, и до закрытия архива еще оставался почти целый рабочий день. Комиссар Лорантен снова пустил в ход старомодную обходительность в духе золотого века Голливуда, позаимствованную то ли у Тони Кёртиса, то ли у Генри

Фонды. Интересно, кстати, эти двое еще живы или уже умерли?

— Мадемуазель! Есть ли у вас сетевой электронный справочник? Мне срочно нужен один адрес...

Прошла вечность, прежде чем девица подняла на него глаза и процедила сквозь зубы:

— А вы точно проверили, что...

Комиссар не выдержал. Вынув из кармана удостоверение, он сунул его девице под нос:

— Комиссар Лорантен! Вернонский комиссариат! Да, на пенсии, но продолжающий работать. Так что давай, красавица, пошевеливайся!

Девица вздохнула. Без малейшего испуга и даже без злости. Возможно, привыкла к странным выходкам старичков, у которых время от времени сдают нервишки. Тем не менее ее пальчики забегали по клавиатуре вполне проворно.

— Чей адрес вы ищете?

— Гуго и Луизы Розальба.

Девица молотила по клавиатуре.

— Вы ищете адрес? — спросил Лорантен.

— Насчет Гуго Розальба — бессмысленно. Прежде чем поднимать на уши Интерпол, я всегда проверяю. Привыкла, знаете ли. Гуго Розальба умер в тысяча девятьсот восемьдесят первом году, в городе Васкёй...

Лорантен молча кивнул. Правильно. Девица свое дело знает.

— А его жена Луиза?

Девушка вбила имя в строку поиска.

— Сведений о смерти нет. Но и адреса тоже нет.

«Тупик!»

Лорантен уставился на выкрашенные белым стены — может, озарит? Потом на всякий случай посмотрел на девицу взглядом спаниеля, позаимствованным у Шона Коннери. С той стороны стола раздался еще один вздох.

— Вообще-то, — утомленным голосом произнесла девица, — когда разыскивают лиц преклонного возраста, лучше смотреть не в справочнике, а в списках пациентов домов престарелых. Их в департаменте Эр прорва, но, если ваша Луиза жила в Васкёе, можно начать с тех, что поблизости...

На лицо Шона Коннери вернулась улыбка. Еще чуть-чуть — и его собеседница поверит, что она — Урсула Андресс, первая из «девушек Бонда». Девица с пулеметной скоростью молотила по клавишам. Текли минуты.

— Я проверила по картам «Гугла», — наконец выдала она. — Ближе

всего к Васкёю дом престарелых под названием «Сады». Это в Лионе-ла-Форе. Возможно, у них есть сайт со списком пациентов. Как, вы говорите, ее фамилия?

— Луиза Розальба.

— Должен быть сайт... — бормотала себе под нос девица. — Ага, вот он!

Лорантен чуть не вывернул шею, пытаясь рассмотреть, что появилось на экране монитора. Прошло еще несколько минут.

— Нашла! — торжествующе возвестила девица. — И список есть! Как видите, ничего сложного. Вот она, ваша Луиза. Поступила пятнадцать лет назад и вроде бы до сих пор там. Однако... Выходит дело, ей сто два года! Знаете, комиссар, должна вас предупредить: послепродажного обслуживания наша фирма не гарантирует!

Сердце у Лорантена забилось сильнее. Что там говорил ему кардиолог? «Покой и никаких волнений? Господи, неужели получилось? Неужели еще остался свидетель?

Последний свидетель!

Живой!»

56

Три фургона жандармерии проследовали по улице Бланш-Ошеде-Моне с включенными сиренами. Они не стали объезжать деревню и двинулись по прямой: с Бланш-Ошеде-Моне на улицу Клода Моне, оттуда — на шоссе Руа.

Мимо мелькали дома Живерни.

Здание мэрии.

Школа.

Заслышав вой сирен, детишки в классе дружно повернули головы к окну. Стефани Дюпен подняла руку, призывая их к спокойствию. Никто не заметил, что учительница пошатнулась и, чтобы сохранить равновесие, ухватилась за крышку стола.

— Дети! Не отвлекаемся! У нас урок! — Она прочистила горло. В голове у нее по-прежнему раздавался вой сирен. — Мы говорили о конкурсе юных художников, который организует фонд Робинсона. Напоминаю, что последний срок сдачи работ — через два дня. Надеюсь, в этом году многие из вас примут участие в конкурсе...

Стефани автоматически произносила нужные слова, но перед глазами у нее стояла одна и та же картина. Вот Жак подходит к ней, еще лежащей в постели, целует ее, кладет руку ей на плечо и говорит: «Хорошего тебе дня, любимая». Это было сегодня утром.

— Я знаю, — продолжала она затверженный текст, — что еще ни один ребенок из Живерни ни разу не побеждал в этом конкурсе, но я уверена: к вашим работам жюри отнесется с особенным вниманием и благожелательностью.

...Вот Жак надевает патронташ. Вот снимает со стены ружье...

— Дети! Живерни — особое место. Это имя волнует сердца всех живущих на свете художников...

Через деревню промчались еще две машины. Стефани вздрогнула. Что она может сделать?

Лоренс?

Стефани постаралась сосредоточиться на уроке. Медленно обвела взором детские лица. Среди ее учеников есть очень одаренные.

— Я знаю, что у некоторых из вас — настоящий талант.

Фанетта опустила глаза. Она не любила, когда учительница вот так смотрела на нее. Этот взгляд ее смущал.

«Подозреваю, она про меня».

— Я тебя имею в виду, Фанетта. Именно тебя. Я очень на тебя рассчитываю.

«А я что говорила?»

Девочка покраснела до ушей. В следующую минуту учительница отвернулась к доске. Поль, сидевший рядом с Винсентом на одной из задних парт, подмигнул Фанетте и вытянул к ней шею:

— Учительница правильно говорит, Фанетта! Ты выиграешь этот конкурс! Ты рисуешь лучше всех!

С соседней парты к нему обернулась Мэри, сидевшая с Камилем:

— Тише ты!

И тут вдруг раздался стук в дверь.

Стефани пошла открывать. Перед ней стояла Патрисия Морваль.

— Стефани! — взбудораженно произнесла она. — Мне надо с тобой поговорить. Прямо сейчас. Это очень важно...

— Ну хорошо. Дети, не шалите, я скоро.

Учительница изо всех сил старалась скрыть охватившую ее панику.

— Сидите тихо...

Стефани вышла из класса, закрыла за собой дверь и направилась во двор, под липы. Патрисию от возбуждения чуть ли не трясло. Она была в

юбке цвета бутылочного стекла и накинутом на плечи мятом пиджаке. Стефани заметила, что пучок у нее сбился набок — это у Патрисии-то, никогда не позволявшей себе показаться на людях непричесанной. Как она еще в халате не выскочила!

— Я видела Патрика и Титу, — одним махом выпалила она. — Жака арестовали. На Астрагальской тропе. Они как раз с охоты возвращались...

Стефани прикоснулась ладонью к стволу ближайшей липы. Она ничего не понимала.

— Подожди, о чем ты? Что ты говоришь?

— Инспектор Серенак... Он арестовал Жака. Обвинил его в убийстве Жерома.

— Ло... Лоренс?

Патрисия Морваль странно посмотрела на Стефани.

— Да, Лоренс Серенак. Сыщик из Вернона.

— Господи. А Жак не?..

— Нет-нет, успокойся. К счастью, там был Патрик. И помощник Серенака — Бенавидиш. Они успели вмешаться. Не то... Но ты только подумай, Стефани, этот Серенак уверен, что моего Жерома убил Жак. Ненормальный!

Патрисия Морваль теребила руками воротник своего мятого пиджака.

— Это несчастный случай, Стефани. Я с самого начала считала, что это несчастный случай. А вдруг я ошибаюсь? Что, если Жерома и правда убили? Стефани, скажи честно: это не Жак? Скажи мне, умоляю, что это не Жак!

Стефани устремила на Патрисию Морваль взгляд своих фиалковых глаз.

— Разумеется, это не он, Патрисия. Разумеется, не он...

Я подслушивала разговор обеих женщин. Ну, подслушивала — это, пожалуй, слишком громко сказано. Просто сидела на другой стороне улицы, неподалеку от галереи «Академия», не слишком близко к школе. Не то чтобы совсем невидимая, скорее незаметная. Я выбрала прекрасное место для наблюдения. Полагаю, вы уже догадались, что это я умею. Впрочем, это было нетрудно. Патрисия и Стефани говорили достаточно громко. Возле моих ног лежал Нептун. Ждал, когда у детей закончатся уроки. У этой псины свои привычки... А я почти каждый день хожу сюда

вместе с ним. Чего вы хотите от выжившей из ума старухи?..

Пока школьники не высыпали во двор, Нептуну приходится довольствоваться менее интересной компанией и встречать на выходе из «Академии» так называемых художников — полтора десятка непризнанных гениев. Разумеется, каждый катил перед собой тележку, нагруженную холстами, мольбертами и ящиками для красок. На груди у каждого краснел бейджик — на всякий случай, вдруг кто потеряется? Детсад для пенсионеров. Международная группа, состоящая из канадцев, американцев, японцев и так далее.

Я пыталась сосредоточиться на содержании разговора, который вели между собой Стефани Дюпен и Патрисия Морваль. Я понимала, что развязка близка — вскоре начнется последний акт античной трагедии. Жертвоприношение...

Бедняжка Стефани, у тебя нет выбора.

Ты будешь вынуждена...

Я глазам своим не поверила!

Передо мной стоял восьмидесятилетний ученик художественной школы: на голове кепка с надписью «Йель», на ногах — кожаные сандалии, надетые на носки.

Что ему от меня надо?

— Тысяча извинений, мисс...

Он говорил с выраженным техасским акцентом, растягивая слоги так, что на произнесение одной короткой фразы у него уходило не меньше минуты.

— Вы, должно быть, из местных? Вы, должно быть, знаете, где здесь самое лучшее место, чтобы писать с натуры?

Мне стоило немалого труда оставаться в рамках вежливости.

— Вон там, в пятидесяти метрах, висит указатель. На нем обозначены все тропинки и все виды.

Десять секунд на ответ! Мировой рекорд. Пусть скажет спасибо, что я его вообще не послала. Но американец только улыбнулся:

— Большое спасибо, мисс! Хорошего вам дня!

Он удалился. Про себя я кляла его последними словами. Из-за тexasца я потеряла нить разговора. Патрисия Морваль стояла под липой одна. Стефани Дюпен вернулась в класс. Вне всякого сомнения, крайне взволнованная. Еще бы, она разрывалась между двумя противоположными чувствами.

Красавец инспектор засадил ее преданного мужа в каталажку.

Бедная девочка, если б ты только знала... Если бы ты знала, что идешь

по очень скользкой доске, которую кое-кто намылил специально для тебя... Если бы...

Я снова засомневалась, все ли делаю правильно. Не стану от вас скрывать: меня тоже одолевали противоречивые побуждения. Продолжать хранить молчание или сесть в автобус, поехать в Вернон, в комиссариат, и рассказать все, что мне известно? Если я не решусь сейчас, то потом мне просто не хватит смелости. Что-что, а это я понимаю. Полиция топчется на месте. Они не опросили нужных свидетелей. Они даже не обнаружили нужные трупы. Без моей помощи им ни за что не докопаться до истины. Они даже не ищут в нужном направлении. Только не стройте себе иллюзий: ни один сыщик, будь он хоть настоящий гений, уже не в состоянии распутать этот адский клубок.

Американцы рассеялись по деревне — ни дать ни взять торговые представители в коттеджном поселке. Владелец кепки с надписью «Йель» даже дружески помахал мне рукой — значит, не обиделся. Патрисия Морваль довольно долго простояла в одиночестве на площади перед мэрией, после чего побрела к своему дому.

Она обязательно должна пройти мимо меня.

Ну и видок у нее!

На лице явственно читается печать унылого смирения перед жестокой судьбой, лишившей ее единственной любви. Она наверняка вспоминает наш недавний разговор. Вспоминает мои откровения. Повторяет имя человека, убившего ее мужа. Что она предприняла? И вообще, поверила мне или нет? Ясно одно: в полицию она не обращалась. Иначе я об этом уже знала бы.

Надо бы ее окликнуть. Как вы уже заметили, я не слишком охотно вступаю в беседы с людьми, даже с самыми обходительными американцами.

— Как дела, Патрисия?

— Нормально... Да, все нормально.

Вдова Морваля тоже не отличается излишней болтливостью.

— Где мой муж?

— В камере предварительного заключения в Эврё, — ответил Сильвио Бенавидиш. — Не волнуйтесь, мадам Дюпен. Ему предъявлено обвинение.

Судебный следователь во всем разберется.

Стефани Дюпен поочередно обвела взглядом двух стоящих перед ней мужчин — инспектора Сильвио Бенавидиша и инспектора Лоренса Серенака.

— Какое вы имели право? — почти выкрикнула она.

Серенак отвел глаза в сторону и уставился на висящую на стене картину, сделав вид, что изучает причудливую игру света на спине обнаженной рыжеволосой женщины, написанной Тулуз-Лотреком. Пусть Сильвио отвечает. Заодно убедит самого себя.

— Мадам Дюпен! Давайте смотреть в лицо реальности. Собранные улики свидетельствуют против вашего мужа. Начнем с исчезнувшей пары сапог...

— Их украли!

— На месте преступления нами найден ящик для красок. На внутренней крышке имеется надпись угрожающего характера, сделанная рукой вашего мужа, — невозмутимо продолжал Бенавидиш. — В этом сходится большинство экспертов...

Стефани растерялась. Было очевидно, что про ящик для красок она слышит в первый раз и безуспешно роется в памяти, пытаясь сообразить что к чему. В свою очередь, повернув голову, она уперлась взглядом в репродукцию «Арлекина» кисти Сезанна, словно надеялась, что человек в шляпе, похожей на полумесяц, поможет ей не пасть духом.

— Я действительно два раза ходила с Жеромом Морвалем на прогулку. Может быть, три. Мы просто разговаривали. Самое большее, на что он осмелился, — взял меня за руку. Я никогда не давала ему никаких надежд. Наедине я с ним вообще никогда не виделась. Если хотите, обратитесь к Патрисии Морваль, с которой мы дружим с детства, и она подтвердит вам мои слова. Все это попросту нелепо. У моего мужа нет никакого мотива...

— У вашего мужа нет никакого алиби!

Это сказал Лоренс Серенак, избавив Сильвио от многословных объяснений.

Стефани надолго замолчала. Лоренс с самого начала избегал смотреть ей в глаза. Она откашлялась, сжала руки и бесцветным голосом произнесла:

— Мой муж не мог убить Жерома Морваля. В то утро он был со мной, в постели.

Бенавидиш и Серенак остолбенели. Бенавидиш так и замер с занесенной над листом бумаги ручкой. Серенак, сидевший, поставив локти на стол и опустив небритый подбородок на открытую ладонь, вдруг почувствовал, что у него нет сил поддерживать собственную голову. В

кабинете номер 33 воцарилась музейная тишина.

— Если вам нужны подробности — пожалуйста. В то утро мы с Жаком занимались любовью. По моей инициативе. Я хочу ребенка. В то утро, когда был убит Жером Морваль, мой муж находился в моей постели. Мне очень жаль, но он не мог совершить убийство.

Серенак вскочил из-за стола.

— Стефани, — воскликнул он, — но всего несколько дней назад вы говорили совсем другое! Вы сказали, что ваш муж, как всегда по вторникам, ушел на охоту.

— Я ошибалась. Сейчас я точно вспомнила, что в то утро он был со мной.

Сильвио Бенавидиш тоже поднялся, спеша на помощь начальнику.

— Ваше свидетельство ничего не стоит, мадам Морваль. Жена защищает мужа — что может быть естественней?

— Чепуха! — повысила голос Стефани. — Любой адвокат...

Серенак неожиданно тихо попросил:

— Сильвио, оставь нас на минутку.

Лицо Бенавидиша приняло разочарованное выражение, но он понимал, что у него нет выбора. Подхватив со стола пачку бумаг, он вышел из кабинета и закрыл за собой дверь.

— Вы!.. Вы все испортили! — взорвалась Стефани.

Лоренс Серенак хранил спокойствие. Усевшись в кресло на колесиках, он принялся не спеша кататься туда-сюда, отталкиваясь ногами.

— Зачем вы это делаете?

— Что я делаю?

— Зачем вы лжесвидетельствуете?

Стефани ничего не ответила. Она молчала, переводя взор с Сезанна на рыжеволосую женщину с голой спиной.

— Ненавижу Тулуз-Лотрека. Ненавижу его лицемерный вуайеризм...

Она опустила глаза и в первый раз поймала взгляд Лоренса Серенака.

— А вы зачем это делаете?

— Что — это?

— Преследуете моего мужа? У вас что, других подозреваемых нет? Говорю вам, он невиновен. Отпустите его сейчас же.

— А доказательства?

— У Жака не было ни малейшего мотива. Все это просто смешно. Сколько раз вам повторять, я никогда не спала с Морвалем. Мотива нет, зато есть алиби.

— Стефани, я вам не верю.

Время в кабинете 33 словно остановилось.

— И что же нам теперь делать?

Стефани мерила комнату мелкими шажками. Лоренс снова подпер подбородок рукой и следил за ней. Стефани глубоко вздохнула и, еще раз окинув взглядом пышную гриву рыжеволосой модели, повернулась к инспектору.

— Инспектор! Что должна делать безутешная женщина? До каких пределов она может пойти, чтобы спасти своего мужа? И как много времени ей понадобится, чтобы понять, чего от нее хотят? Вы когда-нибудь видели американские триллеры? Про подлых копов, готовых засадить за решетку невинного и увести у него жену?

— Нет, Стефани.

Стефани Дюпен подошла к столу. Медленно распустила пучок и вынула из него две серебристые ленты. Ее каштановые волосы рассыпались по плечам. Она села на стол инспектора, возвышаясь над ним почти на метр, так что ему пришлось задрать к ней голову.

— Вы ведь этого хотите, инспектор? Я поняла, не такая уж я дура. Если я вам отдамся, все будет кончено?

— Прекратите, Стефани.

— Что с вами, инспектор? Чего вы испугались? Бросьте, не мучайте себя лишними вопросами. Считайте, что заманили роковую женщину в свои сети. Ее муж в тюрьме, и некому вызволить ее из ловушки. Она в вашей власти.

Стефани медленно поднялась и расстегнула юбку, которая упала к ее ногам, после чего потянулась к пуговицам блузки. Ее шея и грудь были покрыты россыпью веснушек.

— Стеф...

— А может, это она сама дергает за все ниточки? Она ведь роковая женщина!

В конце концов, почему бы и нет?

Лоренс посмотрел ей в глаза, горевшие таинственным синим светом, словно восход на полотнах восточных мастеров. «Надо немедленно ее остановить», — мелькнуло у него в голове, но он не успел раскрыть и рта, как она продолжила:

— А может, они действуют сообща? Муж да жена — одна сатана. Роковая парочка. И вы — лишь игрушка у них в руках...

Стефани снова села на стол и положила на него обе ноги. Бежевая шифоновая юбка валялась на полу. Стефани расстегнула еще одну

пуговицу. Показался край кружевного бюстгальтера. По груди у нее стекала капля влаги.

«Что это? Страх или возбуждение?»

— Прекратите, Стефани. Это глупая игра. Сейчас я запишу ваши показания.

Он взял лист бумаги. Стефани Дюпен медленно застегнула блузку, надела юбку и закинула нога на ногу.

— Предупреждаю, инспектор, я буду стоять на своем. В то утро, когда был убит Жером Морваль, Жак был дома, в постели со мной.

Инспектор медленно писал.

— Я вам не верю, — сказал он, — но фиксирую ваши показания.

— Может быть, вам нужны подробности? Для пущей достоверности? Вы хотите знать, занимались мы любовью или нет? В какой позе? Испытала ли я оргазм?

— Судебный следователь наверняка задаст вам все эти вопросы...

— Тогда запишите. Оргазма я не испытала. Мы просто побыстренькому перепихнулись. Я была сверху. Я хочу ребенка, а, говорят, это самая надежная поза, чтобы забеременеть.

Инспектор не поднимал на нее глаз и продолжал писать.

— Еще детали? Мне очень жаль, инспектор, но я не догадалась сделать фотографии. Вещественных доказательств у меня нет, но я могу подробно рассказать...

Лоренс Серенак встал из-за стола.

— Вы жульничаете, Стефани.

Он обошел вокруг стола, выдвинул ящик и достал из него книгу. «Орельен».

— Я больше чем уверен, что вы жульничаете.

Он открыл книгу на странице, загнутой уголком.

— Помните, это вы посоветовали мне прочитать этот роман Арагона? Потому что странная цитата на бумажной полоске, приклеенной к открытке, которую мы нашли в кармане Жерома Морваля, взята как раз из него. «Преступно мечтать...» и так далее. Позвольте, Стефани, я немного освежу вам память. Вот глава шестьдесят четвертая. Орельен встречается с Беренис в саду Моне, и она убегает по разбитой дороге в Живерни, словно пытаясь увернуться от неумолимой судьбы. Орельен устремляется за Беренис и настигает ее на склоне холма. Она тяжело дышит... Впрочем, я лучше прочитаю вам оригинальный текст...

Лоренс Серенак едва ли не впервые с начала разговора не отвел глаз от гневного взгляда Стефани.

— «Орельен приближался к ней. Он видел, как вздымается ее грудь. Она наклонила голову, и ее белокурые волосы упали на одно плечо. Ее веки трепетали, залегшие под глазами тени сообщали взгляду тревожность, губы дрожали, а плотно сжатые, похожие на кошачьи, зубы сияли белизной...»

Инспектор шагнул вперед и оказался совсем рядом со Стефани. Она по-прежнему сидела на столе, и отступить ей было некуда. Лоренс подошел к ней вплотную, коснувшись ногой ее колени.

— «Орельен остановился. Он стоял совсем близко, возвышаясь над ней. Еще никогда он не видел ее такой...»

Серенак на секунду отвлекся от книги.

— Это вы все портите, Стефани.

Он коснулся ладонью ее голого колена. Стефани не сдержалась — это было сильнее ее. Ее переплетенные ноги охватила мелкая дрожь. Когда она заговорила, в ее голосе не было ни следа былой уверенности:

— Вы странный человек, инспектор. Сыщик... Любитель живописи... Любитель поэзии...

Вместо ответа Серенак перелистнул несколько страниц.

— Вот. Все та же глава шестьдесят четыре, чуть дальше. Помните? «Я увезу вас туда, где никто вас не знает, даже мотоциклисты... Где вы обретете свободу выбора... Где мы сами станем решать нашу судьбу...»

Он бессильно опустил руку, державшую книгу, словно та весила не меньше тонны. Вторую руку он положил на ее все еще дрожащее бедро, как будто успокаивал плачущего младенца.

Они некоторое время молчали.

Первым магию этой минуты нарушил Серенак. Отступив назад, он накрыл ладонью листок с записью показаний учительницы.

— Простите, Стефани. Но вы сами предложили мне прочитать этот роман.

Стефани Дюпен закрыла лицо руками. Что она от него прятала — волнение, слезы, усталость?

— Только не смешивайте все в одну кучу... Я тоже читала Арагона. Я вас поняла: вы оставляете мне свободу выбора. Будьте спокойны, я сумею распорядиться своей судьбой. Лоренс, я ведь вам уже говорила... Я не люблю своего мужа. Мало того, сделаю вам еще одно признание: наверное, я в скором времени с ним расстанусь. Эта мысль давно во мне зреет... Знаете, как большая река течет спокойно по равнине, пока не оборвется водопадом... То, что случилось в последние дни, напоминает этот водопад. Понимаете, что я имею в виду? Но все сказанное не отменяет того простого факта, что он невиновен. Ни одна женщина не бросит мужа, сидящего в

тюрьме. Бросить можно только свободного человека. Понимаете, Лоренс? Я не откажусь от своих показаний. В то утро я занималась любовью с мужем. Мой муж не убивал Жерома Морваля.

Серенак, ни слова не говоря, протянул учительнице лист бумаги и ручку. Она поставила под ним свою подпись не читая и вышла из кабинета. Серенак опустил глаза к последним строчкам 64-й главы «Орельена».

«Он смотрел, как она убегает. Плечи у нее горбились, словно ей было не под силу двигаться так быстро. Ее невероятное признание пригвоздило его к месту. Да нет же, она лгала! Нет. Она не лгала».

Как долго он просидел один, прежде чем в дверь постучал Сильвио Бенавидиш? Несколько минут? Час?

— Входи, Сильвио.

— Ну что?

— Она стоит на своем. Покрывает мужа...

Сильвио Бенавидиш покусал губы.

— Может, оно и к лучшему...

Он опустил на стол пачку бумажных листов.

— Вот, только что пришло. Пелисье, это графолог из Руана, изменил свое мнение. Проведя более глубокое исследование, он пришел к выводу, что надпись, вырезанная на крышке ящика для красок, не могла быть сделана рукой Дюпена.

В комнате повисла напряженная тишина.

— А теперь держитесь, патрон, — продолжил Бенавидиш. — Эксперт утверждает, что надпись сделана ребенком. Ребенком лет десяти. Он уверен на сто процентов.

— Черт, — пробормотал Серенак. — Это что еще за хрень?

Мысли путались у него в голове. Но Бенавидиш еще не закончил.

— Это не последний сюрприз, патрон, — сказал он. — Мы получили анализ образцов крови, оставленной на ящике. Сомнений нет: кровь не принадлежит ни Жерому Морвалю, ни Жаку Дюпену. Эксперты еще работают...

Серенак встал и пошатнулся.

— Ты что, хочешь сказать, что было еще одно убийство?

— Не знаю, патрон. Если честно, я вообще перестал соображать что к чему.

Лоренс Серенак принялся мерить шагами комнату.

— Хорошо, хорошо. Я все понял, Сильвио. У меня нет другого выхода, кроме как отпустить Жака Дюпена. Судебный следователь снимет с меня башку. Хотя мы продержали его в камере меньше пяти часов...

— Лучше так, чем допустить ошибку.

— Да нет же, Сильвио! Я знаю, о чем ты думаешь. Что я поддался эмоциям. Устроил театральное задержание на Астрагальской тропе. А теперь, и нескольких часов не прошло — все доказательства рассеялись как дым. И мы вынуждены его освободить. Но, видишь ли, я по-прежнему убежден, что Жак Дюпен виновен!

Сильвио Бенавидиш промолчал. Он уже понял, что оспаривать интуицию патрона бессмысленно. Бенавидиш снова, в который уже раз, вернулся мыслями к своей трехколонной таблице, бережно хранимой в кармане. Что делать, если данные из разных колонок вступают друг с другом в неразрешимые противоречия? Как объяснить весь этот бред? Здесь нет и не может быть простого ответа. Чем дольше длилось расследование, тем сильнее крепло убеждение Сильвио, что кто-то играет ими, дергает их за ниточки, вынуждает двигаться в ошибочном направлении, одновременно с полной безнаказанностью осуществляя свой тщательно продуманный план.

— Войдите.

Лоренс Серенак поднял глаза. Странно, кого это принесло в столь поздний час? Он был уверен, что остался в комиссариате один. Дверь в кабинет он не запирает. На пороге стоял Сильвио. Глаза его светились нездоровым блеском. Не только от усталости...

— Сильвио, ты что, еще не ушел?

Серенак бросил взгляд на часы.

— Уже седьмой час! Черт, ты должен быть в больнице! Держать Беатрис за руку! А еще лучше — лечь спать!

— Патрон, я догадался.

— О чем?

Серенаку почудилось, что даже персонажи висящих на стенах картин уставились на Бенавидиша с изумлением — Арлекин Сезанна, рыжеволосая красotka Тулуз-Лотрека...

— Я догадался, патрон. Господи Иисусе, я догадался.

Солнце скрылось за последней шеренгой тополей. Наступающие сумерки подавали художникам знак, что пора складывать мольберт, брать его под мышку и отправляться домой. Поль шел по мосту, глядя на

Фанетту. Она исступленно работала кистью, словно от того, успеет ли она в последних отблесках света закончить картину, зависела вся ее дальнейшая жизнь.

— Так и знал, что ты тут...

Фанетта кивнула ему, не выпуская кисти из рук.

— Можно посмотреть?

— Давай. Времени не хватает. Целый день в школе, потом мать пристаёт, а потом раз — и уже стемнело. Послезавтра работы сдавать, а у меня еще ничего не готово.

Поль приблизился к мольберту. Он ступал так осторожно, как будто боялся своим слишком резким движением разрушить композицию картины. В голове у него роилась тысяча вопросов, которые ему не терпелось задать Фанетте.

Фанетта словно прочитала его мысли.

— Знаю, Поль, знаю, в ручье нет кувшинок. Но мне на это плевать. Кувшинки я уже написала, еще тогда, в саду Моне. Куда хуже с водой. Пруд не подходит, он стоячий. А мне нужна живая вода. Мне надо найти правильную точку схода. У меня вода должна танцевать...

Поль смотрел на картину замороженным взглядом.

— Как это у тебя получается, Фанетта? Твоя картина дышит. Так и кажется, что листья шевелятся на ветру. Даже не верится, что это просто нарисовано на холсте...

«Обожаю, когда Поль меня хвалит».

— Да я тут ни при чем. Как говорил Моне, это не я, это мой глаз. Я просто воспроизвожу на холсте то, что вижу...

— Ты просто гения...

— Молчи, дурила! Между прочим, в моем возрасте Клод Моне уже был известным в Гавре художником. Он рисовал карикатуры на жителей города. К тому же мне не хватает... Вот, посмотри на этот тополь. Знаешь, о чем Моне однажды попросил одного крестьянина?

— О чем?

— Как-то зимой он начал писать одно дерево, старый дуб. Потом забросил, но через три месяца решил довести дело до конца. Пришел на то же место и обнаружил, что дуб весь покрылся листвой. Тогда он заплатил крестьянину, на земле которого рос дуб, чтобы тот оборвал с него листья, все до единого.

— Сказки!

— Не-а. Два человека целый день обрывали с дуба листву. А Моне написал жене, что гордится тем, что в разгар мая написал зимний пейзаж!

Поль смотрел на трепещущие на ветру листья тополя.

— Я сделаю для тебя то же самое, Фанетта. Если тебе понадобится, я изменю цвет деревьев.

Знаю, Поль, знаю.

Фанетта работала еще несколько минут. Поль молча стоял у нее за спиной. Наконец девочка опустила кисть.

— Все, хватит. Завтра допишу. Надеюсь...

Поль подошел к берегу и уставился на струящуюся возле ног воду.

— Про Джеймса так ничего и не слышно?

Фанетта вздрогнула. «Наверное, — подумал Поль, — пока она писала, мысли о Джеймсе отступили куда-то далеко, а вот теперь нахлынули на нее с новой силой». Он обругал себя за то, что задал этот вопрос.

— Нет, — тихо сказала Фанетта. — Такое впечатление, что Джеймса никогда не существовало. Мне иногда кажется, Поль, что я схожу с ума. Даже Винсент говорит, что не помнит никакого Джеймса. А ведь он его видел. Он за нами подглядывал. Не могло же мне все это присниться!

— Винсент вообще странный...

Поль попытался изобразить на лице успокаивающую улыбку.

— Если кто из нас двоих и повредился головой, то это точно не ты! А с учительницей ты про Джеймса не разговаривала?

— Нет еще. Думаешь, это так легко? Завтра попробую...

— А с другими художниками в деревне?

— Тоже нет. Страшно как-то... Джеймс всегда был один. По-моему, он, кроме меня, вообще ни с кем не общался.

Если честно, Поль, то мне немного стыдно. Даже очень стыдно. Потому что иногда я говорю себе, что должна забыть про Джеймса. Сделать вид, что такого человека никогда не было на свете.

Фанетта взяла картину — большую, размером почти с себя, — и положила на лист крафт-бумаги, который принесла с собой. Затем она повернулась к мельнице «Шеневьер». Мельничная башня ясно выделялась на фоне оранжево-красного заката. В этой картине была какая-то зловещая красота. Фанетта даже пожалела, что уже убрала кисти и краски.

— Поль, знаешь, что мне иногда кажется? — Она аккуратно заворачивала картину в бумагу.

— Что?

— Что я просто выдумала Джеймса. Что на самом деле его не было. Что он, как бы это сказать, нарисованный персонаж. Вроде папаши Троньона с картины Теодора Робинсона. Он спустился с лошади,

познакомился со мной, рассказывал мне про Моне, внушал, что у меня талант, и говорил, что я обязательно должна заниматься живописью, а потом вернулся туда, откуда пришел, — в свою картину. Сел на лошадь и так и остался вместе с ней посреди ручья, в двух шагах от мельницы...

«Ну, скажи мне, что я чокнутая».

Поль наклонился и взял в руки картину Фанетты.

— Не думай об этом, Фанетта. Не разрешай себе об этом думать. Куда картину понесем?

— У меня тут тайник есть, сейчас покажу. Домой я ее нести не могу. Мать разозлилась из-за Джеймса и слышать не желает ни про живопись, ни про конкурс. Она мне такой скандал устроит!

Фанетта пробежала по мосту и спрыгнула к портомойне.

— Осторожнее по ступенькам, они скользкие! Дай-ка мне картину.

Поль передал ей запакованное полотно.

— Смотри, вот он, мой тайник. Тут как раз места хватает. Как будто нарочно оставили, чтобы прятать картины.

Фанетта подозрительно огляделась по сторонам, но не увидела ничего, кроме бесконечного поля и силуэта мельницы на фоне быстро темнеющего неба.

— Никто, кроме тебя, Поль, не знает про мой тайник. Кроме тебя и меня.

Поль улыбнулся. Он чувствовал себя счастливым. Внезапно рядом раздался какой-то шорох. Дети дружно вздрогнули. Фанетта в один прыжок заскочила на мост. К ним стремительно приближалась какая-то тень.

«Неужели Джеймс?»

— Идиот! — вдруг закричала девочка. — Ты же нас напугал!

В ноги к ней бросился Нептун. Здоровенная немецкая овчарка мурлыкала, как какая-нибудь кошка.

— Поль, вношу поправку. Кроме меня про тайник знаете только вы двое: ты и Нептун!

Серенак недоверчиво посмотрел на помощника. Глаза у того горели лихорадочным блеском, и всем своим видом он напоминал пса, пешком пробежавшего через полстраны в поисках потерянного хозяина.

— О чем ты догадался?

Сильвио вошел в кабинет, подтянул к себе кресло на колесиках и

рухнул в него. Достал из кармана лист бумаги и положил перед Серенаком.
— Смотрите! Это цифры, которые были написаны на обороте фотографий с любовницами Морваля.

Серенак опустил голову и прочитал:

«23–02. Фабиенна Гонкальв в кабинете окулиста Морваля».

«15–03. Алина Малетра в клубе „Зет“, на улице Дез-Англе».

«21–02. Элиссон Мюрер на пляже Сарка».

«17–03. Неизвестная женщина в синем халате на кухне в доме Морвалей».

«03–01. Стефани Дюпен на Астрагальской тропе, близ Живерни».

— Меня просто осенило. Помните, что только что сказала нам Стефани Дюпен насчет Морваля?

— Она много чего наговорила.

Серенак прикусил язык. Сильвио выхватил другой листок, на котором были записаны точные слова Стефани.

— Зачитываю. «Я действительно раза два ходила с Жеромом Морвалем на прогулку. Может быть, три. Мы просто разговаривали. Самое большее, на что он осмелился, — взял меня за руку. Я никогда не давала ему никаких надежд. Наедине я с ним вообще никогда не виделась».

— Ну и?

— А теперь, патрон, припомните, что говорил вам я позавчера, когда звонил из больницы? Про Алину Малетра, девицу из Бостона?

— Насчет чего говорил?

— Насчет Морваля!

— Ты говорил, что она забеременела.

— А до того?

— Что она встречалась с Морвалем, что ей было тогда двадцать два года, что Морваль был старше ее на десять лет и что у него водились денежки...

Сильвио Бенавидиш вскочил со стула.

— Именно! — торжественно заявил он. — Но перед этим она уточнила, что встречалась с Морвалем раз пятнадцать!

Серенак уставился в листок, и цифры заплясали у него перед глазами.

«15–03. Алина Малетра в клубе „Зет“, на улице Дез-Англе».

«03–01. Стефани Дюпен на Астрагальской тропе, близ

Живерни».

Заместитель не дал ему времени на размышления.

— Теперь вы и сами поняли. Стефани Дюпен — ноль-три; Алина Малетра — пятнадцать. Это самый тупой шифр из всех, какие мне приходилось видеть: цифра на обороте фотографии показывает, сколько раз встречалась парочка. Частный сыщик, он же папарацци, просто выбрал самый характерный из всех снимков.

Лоренс Серенак смотрел на помощника, не скрывая восхищения.

— Позволю себе предположить, что, прежде чем прийти ко мне, ты уже проверил остальных женщин.

— Так точно, — ответил Бенавидиш. — Вы меня раскусили. Я только что звонил Фабиенне Гонкальв. Она не смогла назвать точное число своих интимных встреч с начальником, но я проявил настойчивость, и в конце концов она назвала приблизительную цифру — от двадцати до тридцати.

Серенак присвистнул.

— А Элиссон Мюрер?

— Наша славная англичаночка имеет привычку записывать все значимые в своей жизни события в ежегодник, а книжечки за предыдущие годы не выбрасывать, а складывать в ящик стола. По моей просьбе она произвела подсчет.

— Результат?

— Джекпот! Двадцать одно свидание, тютелька в тютельку.

— Гениально! Обожаю скрупулезных людей, которые все записывают.

Серенак лукаво подмигнул помощнику, но Сильвио предпочел не заметить намека и продолжил:

— Итак, мы имеем дело с чрезвычайно добросовестным частным детективом. Суметь отследить каждое свидание!..

— Более или менее. Если исключить Элиссон Мюрер, мы не знаем, насколько точно указанные цифры соответствуют действительности. Но порядок величин нам известен. Впрочем, разве не этого потребовал бы заказчик от частного сыщика, собирающего свидетельства супружеской неверности? А теперь, Сильвио, хорошая новость. Мы можем с легким сердцем плюнуть на этот шифр. Плохая новость такая: он не дает нам ничего нового.

— Вы забываете, что там есть и вторая цифра. Ноль-один, ноль-два, ноль-три.

Серенак наморщил лоб.

— У тебя есть догадки, что это может быть?

Бенавидиш скромно потупился.

— Стоит потянуть за правильную ниточку, и клубок разматывается сам собой. Мы установили, что первая цифра обозначает не дату, а, так сказать, характер взаимоотношений Морваля и его любовниц. Именно такую информацию фотограф предоставил своему заказчику. Спросим себя: что еще, помимо числа свиданий могло того заинтересовать?

— Черт возьми! — хлопнул себя по лбу Серенак. — Ну конечно! Характер взаимоотношений! Спал с ними Морваль или нет! Сильвио, ты просто...

Сильвио Бенавидиш не дал патрону договорить.

— Алина Малетра забеременела от Морваля. Фотограф пишет: «15-03». Следовательно, можно с достаточной долей уверенности предположить, что «ноль-три» обозначает, сколько раз девушка переспала с Морвалем.

На лице Лоренса Серенака расцвела широкая улыбка.

— А что тебе сказали Фабиенна Гонкальв и Элиссон Мюрер? Ты ведь задал им этот вопрос? На обороте их фотографий красуется «двойка».

Сильвио Бенавидиш слегка покраснел.

— Я сделал, что мог, патрон. Беседовать с девушками на такие темы — не мой конек. Короче говоря, англичаночка, эта самая Элиссон Мюрер, поклялась мне головой английской королевы, что никогда не спала с Морвалем. Наверное, бедняжка грезилась венчанием в Кентерберийском соборе... А Фабиенна Гонкальв чуть не швырнула трубку, когда услышала, о чем я спрашиваю. Кстати, у нее за спиной вопили детишки. Но в конце концов она призналась, что дальше поцелуев у нее с шефом дело так и не зашло... — Сильвио обмахнулся листком бумаги, как веером. — Одним словом, я склонен полагать, что вторая цифра шифра — это что-то вроде шкалы Рихтера для сексуальных связей Морваля. Максимальное значение — «ноль-три», соответствует интимной близости. «Ноль-два» — это флирт. Ну а «ноль-один»... Очевидно, это означает, что отношения оставались чисто дружескими. Не исключено, что он пытался ухаживать за девушкой, но у него ничего не вышло. И папарацци зря караулил ее с камерой наперевес. Пустышка!

— Хорошо, Сильвио, допустим. Что мы имеем? Некому человеку было поручено следить за Морвалем и докладывать о его супружеских изменах. Частота свиданий, характер взаимоотношений, все такое. Плюс фотографии в качестве вещественных доказательств. С другой стороны, откуда нам знать, что на самом деле обозначают цифры на обороте снимков? Может, это какой-то профессиональный шифр, не имеющий

ничего общего с нашими догадками. Но, главное, остается вопрос: что нам это дает?

Сильвио покрутил в пальцах листок.

— Я много об этом думал, патрон. На мой взгляд, шифр — если это действительно шифр — дает нам очень важную информацию. Во-первых, подтверждает, что Стефани Дюпен не лжет, когда говорит, что не была любовницей Жерома Морваля. И тот, кто нанял частного детектива, знал об этом.

— Патрисия Морваль?

— Возможно. Или Жак Дюпен...

— Я понял, Сильвио! Я отлично понял, к чему ты клонишь. У Жака Дюпена нет мотива! А раз у него нет мотива, то ему не нужно и алиби.

— Хотя как раз алиби у него есть.

Серенак вздохнул.

— Два часа назад я позвонил судебному следователю и попросил выпустить Жака Дюпена из тюрьмы. Так что сегодня ночью Жак Дюпен будет спать в своей постели...

Не дожидаясь, пока патрон пустится в рассуждения о своей интуиции, Сильвио Бенавидиш продолжил:

— Во-вторых, шифр на обороте снимков позволяет нам утверждать, что из пяти представленных на фотографиях женщин с Морвалем спали всего две: Алина Малетра и неизвестная в синем халате, помеченная цифрами «семнадцать-ноль-три».

— Допустим, — снова кивнул Серенак. — Семнадцать свиданий. И Морваль спал с девушкой, стоящей перед ним на коленях. Ну и что?

— Если принять гипотезу о том, что у Морваля был ребенок, родившийся, скажем, лет десять назад, то из всех претенденток его матерью может быть только она: женщина в синем халате.

61

С террасы ресторана «Нормандский эскиз», окруженной клумбами с колокольчиками, кошачьей травой и пионами, открывался изумительный вид на деревню Живерни. С наступлением темноты, когда загорались фонари, расставленные среди цветущих растений, импрессионистский дух открывающейся взору картины становился особенно убедительным.

Жак не притронулся к закуске. Тарелка с карпаччо из фуа-гра так и стояла перед ним. Стефани, заказавшая себе то же самое, деликатно

поклевывала из своей тарелки, смущенная отсутствием у мужа аппетита. Жака освободили примерно час назад, в начале десятого. Двое жандармов привели его на улицу Бланш-Ошеде-Моне, почти к самому зданию школы.

Жак не говорил ни слова. Молча подписал бумагу, протянутую стражами порядка, и крепко сжал руку Стефани. С той минуты он не выпускал ее до тех пор, пока им не принесли еду. Его рука сиротливо лежала на столе, поигрывая хлебными крошками.

— Все будет хорошо, — попыталась успокоить его Стефани.

Столик в «Нормандском эскизе» заказала она, не советуясь с Жаком, и теперь размышляла, правильно ли сделала. Почему-то ей казалось, что так будет лучше. Лучше провести время в «Нормандском эскизе», чем идти домой. Исполнить некий ритуал. Она надеялась, что здесь, на людях, Жак не станет устраивать истерики и будет вести себя достойно. Что он все поймет...

— Вы закончили, месье?

Официант унес его нетронутое карпаччо. Жак молчал. Стефани говорила одна. Рассказывала о школе, о своих учениках, о конкурсе Теодора Робинсона, о том, что картины надо сдавать уже через два дня. Жак слушал ее, и в его глазах светилась нежность. Конечно, он ее поймет. Жак всегда ее понимал. У нее всегда было ощущение, что он знает ее наизусть. Он любил ее рассказы о школе. Школа отнимала ее у него, но с этим он легко мирился. Наверное, тюремщикам всегда нравится, когда заключенные рассказывают им о птицах и небе...

Официант поставил перед ними тарелки с утиным рагу под перечным соусом. Жак улыбнулся и попробовал кусочек. Задал пару вопросов — опять о школе. Он всегда интересовался ее учениками, спрашивал, у кого какой характер, кто чем увлекается. Если бы не этот нелепый арест, Стефани охотно признала бы, что жить с Жаком просто. Спокойно. Надежно.

Но это ничего не меняло.

Она приняла решение.

Даже если Жак понимает ее как никто; даже если Жак служит ей защитой; даже если Жак не способен причинить ей ни малейшего зла; даже если Жак любит ее до потери памяти; даже если она за всю свою жизнь ни на миг не усомнилась в этой любви...

Она приняла решение.

Она должна от него уйти.

Жак налил жене вина и наполнил свой бокал. «Бургундское», —

подумала Стефани. Она прочитала на этикетке название: мерсо. Стефани не слишком хорошо разбиралась в винах, как, впрочем, и Жак, который почти не пил. Единственный в своей компании охотников. Он начал есть. Как ни странно, это немного успокоило Стефани. У нее возникло ощущение, что она беспокоится о муже, как стала бы беспокоиться о заболевшем родственнике. Просто из чувства привязанности. Жака вроде бы немного отпустило. Он заговорил о доме, который присмотрел тут неподалеку. По его словам, это была бы выгодная сделка. Муж много работал, она это знала, даже слишком много, один тянул агентство; пока что удача ни разу ему не улыбнулась, ему все никак не удавалось сорвать хороший куш, но ведь фортуна может повернуться к нему лицом, даже обязательно повернется, Жак своего добьется, упорства ему не занимать. И потом, он это заслужил. Хотя для нее все это, в сущности, не имело никакого значения. Ну, поселится она в другом доме. Станет жить с более богатым человеком...

Рука Жака, так и лежавшая на белой вышитой скатерти, снова потянулась к пальцам Стефани.

Учительницу одолевали сомнения. Как было бы просто, если бы она могла объяснить ему все без слов... Если бы было достаточно не взять протянутую руку, увернуться от ласки, отвести взгляд... Но Жак не поймет. Вернее, нет. Он поймет, но это ничего не изменит. Он все равно будет ее любить. Даже еще сильнее.

Стефани поднесла пальцы к волосам и дотронулась до серебристых ленточек, неожиданно вздрогнув всем телом. Да что с ней такое?

Почему?

Откуда в ней это непреодолимое желание все бросить?

Стефани осушила свой бокал и улыбнулась самой себе. Жак продолжал описывать дом на берегу Эра, говорил, что знает по соседству несколько торговцев подержанной мебелью и что надо бы к ним съездить, посмотреть, что у них есть... Стефани слушала его вполуха. Ответ на ее вопросы прост до банальности. Стар как мир. Всему виной — тот недуг, что заставляет девушек всего мира мечтать о несбыточном и, подобно арагоновской Беренис, мучиться неутолимой жаждой любви. Невыносимая скука — вот что терзает женщину рядом с мужчиной, которого ей не в чем упрекнуть. Она не пытается оправдаться. Она лишь чувствует, что настоящая жизнь — где-то там... Что существует подлинное взаимопонимание... Что это не каприз, а основа основ... Что на свете нет и не может быть ничего прекраснее, чем возможность испытать одно и то же волнение, глядя на картину Моне или читая стихи Арагона.

Официант с профессиональным тактом бросил взгляд на их тарелки.
— Нет, — процедил Жак, — нам больше не надо вина. Только десерт.

Стефани в конце концов положила руку на стол, и ее сейчас же накрыла ладонь Жака. «Девушки, — размышляла учительница, — всегда смиряются. Остаются и продолжают жить — иногда счастливо, иногда нет. И постепенно теряют способность отличать подлинное от подделки. Ну что ж, так ведь оно проще. Отказаться — проще.

И все-таки... Все-таки...» В душе Стефани с каждой минутой крепло чувство, что то, что она сейчас переживает, больше никогда не повторится. Что ей выпал уникальный шанс.

Перед ними появились вазочки с мороженым, украшенным веточками мяты. Жак умолк. Стефани решила, что скажет ему после десерта. Если подумать, не такая уж это была блестящая идея — отправиться в «Нормандский эскиз». Ей казалось, что их ужин длится бесконечно долго, словно фильм, прокручиваемый в замедленном темпе. Жак явно погрузился в собственные мысли. Об аресте, о тюрьме, об инспекторе Серенаке... Он заново переживал свой позор. Действительно, ему сегодня досталось.

Интересно, он догадывается или нет? Наверное, догадывается. Он успел слишком хорошо ее изучить.

Стефани ела яблочно-ревеневое мороженое. Ей нужны силы. Много сил. Неужели она такое чудовище, что не может подождать хотя бы до завтра?

Жак только что вышел из тюрьмы. Он чувствует обиду и унижение.
Зачем говорить ему сегодня?

Чтобы ускользнуть? Пробраться, немного стыдясь, через поле битвы, аккуратно переступая через трупы? Воспользоваться пожаром, лишь бы спасти собственную шкуру? Неужели в ней столько садизма?

Ей нужны силы.

Она подумала о Лоренсе. О ком же еще? Вот оно, полное взаимопонимание, о котором она так мечтала. Неужели это самообман? Та почти мгновенно возникающая уверенность, что вы не могли не встретиться. Что ты будешь счастлива только с ним и ни с кем другим. Что лишь его руки защитят тебя от всех бед. Что лишь его голос заставит запеть твое тело. Что лишь его смех поможет тебе забыть о том, что было.

Или это жизнь расставляет ей очередную ловушку?

Нет. Она точно знала — нет.

Это было как прыжок в пустоту.

В бездну.

В неизвестность.

Бесконечное, как в «Алисе» Льюиса Кэрролла, падение в Страну чудес.

— Жак, я от тебя ухожу.

ДЕНЬ ДВЕНАДЦАТЫЙ

24 мая 2010 года

(Музей Вернона)

БЛУЖДЕНИЕ

62

Богатства музея Вернона остались недооцененными — очевидно, из-за близости соседнего Живерни, словно накрывшего его своей удушающей тенью. В 2009 году здесь открылся Музей импрессионистов, но и он мало что изменил. Если сравнивать толчею и гомон музеев с улицы Клода Моне и тишину вернонских залов, то лично я предпочитаю последнее. Мне нравится это величественное здание, выстроенное в типично нормандском духе на набережной Сены. «Это возрастное», — хмыкнете вы. Действительно, во двор я вошла задыхаясь, с трудом проковыляла через мощный двор и, опираясь на палку, поднялась по ступенькам крыльца.

В холле я подняла глаза на знаменитое тондо Клода Моне, вывешенное на самом видном месте в честь фестиваля «Нормандия импрессионистов». «Кувшинки» — полотно круглой формы диаметром около метра. Заключенное в круглую же старомодную раму, оно напоминало бабушкино зеркало. Если я ничего не путаю, это одно из трех известных на сегодня тондо Клода Моне. Его подарил музею Вернона сам мастер в 1925-м, за год до кончины...

Высший класс, да?

Кто б сомневался. Предмет гордости всего Вернона. Во всем департаменте Эр это единственный музей, в коллекции которого есть картины Моне, и какие картины! От рамы, конечно, отдает китчем, но какие краски! Какие пастельные оттенки молочного! Словно глядишь в иллюминатор на райские сады Эдема. А ведь толпы туристов, стадами бродящие по Живерни, замирают в экстазе перед репродукциями! Бараны, они бараны и есть.

Ладно, мне-то жаловаться не на что. Если они хлынут еще и сюда, в Вернон, я же первая взвою. Я сделала несколько шагов по терракотовой плитке холла. Мимо меня пронесся Паскаль Пуссен. Директора музея я

узнала сразу; говорят, он — величайший во Франции специалист по творчеству Моне, в частности по «Кувшинкам», разумеется, наряду с Ашилем Гийотеном из Руана. Где-то я читала, что Пуссен выступил одним из инициаторов проведения фестиваля «Нормандия импрессионистов». Важная шишка, в общем.

Пуссен на ходу кивнул мне, но шага не замедлил. Должно быть, мое лицо показалось ему знакомым, но смутно. Если бы он чуть напрягся, то наверняка вспомнил бы даму, когда-то спорившую с ним о «Кувшинках»...

Но это было очень давно.

— Меня ни с кем не соединять! — с порога объявил Паскаль Пуссен секретарше. — У меня встреча с двумя полицейскими из Вернонского комиссариата. Надеюсь, это не надолго.

Директор остановился и по привычке окинул взглядом холл. На полу были нарисованы божьи коровки, указывающие посетителям направление маршрута по музейным залам. У подножия лестницы красовались какие-то бесформенные скульптуры, видимо, выставленные здесь потому, что больше им нигде не нашлось места. Паскаль Пуссен раздраженно нахмурил брови и закрыл за собой дверь кабинета. Я смотрела через стеклянную дверь на «Тайгер-Триумф» инспектора Серенака, припаркованный во внутреннем дворе. Да, тесен мир «Кувшинок». Немногим больше пруда.

Я вздохнула. Что ж, буду делать, как все остальные. Пойду туда, куда указывают божьи коровки. Местные археологические находки, занимающие весь первый этаж, меня нисколько не интересовали. Я посмотрела на лестницу. На втором этаже и выше выставлены собрания пейзажистов и картины современных художников. Монументальная лестница — еще один предмет гордости Вернонского музея, и, надо сказать, тут есть чем гордиться. Через каждые четыре ступеньки на ней стоят скульптуры — всякие там кони, лучники и прочее, — а сверху на них взирают с огромных портретов бесконечные эрцгерцоги, коннетабли и князья, все благополучно забытые и сосланные сюда, в предбанник. Меня охватила тревога. Они так носятся с этой своей лестницей, что им хватит ума отключить лифт...

Паскаль Пуссен внимательно рассматривал ящик для красок с маркой Winsor & Newton. Серенак и Бенавидиш молча смотрели на него. Расследование зашло в тупик, и они решили привлечь всех экспертов,

каких сумели найти. В их числе оказался и Паскаль Пуссен, которого им представили как виднейшего специалиста по творчеству импрессионистов, особенно связанных с Нормандией. Поначалу директор музея отказывался от встречи, ссылаясь на чрезвычайную занятость, но в конце концов согласился уделить полицейским несколько минут. Сидевший перед ними человек полностью соответствовал тому образу, который сложился у Сильвио Бенавидиша после телефонного разговора: высокий, худощавый, в сером костюме и пастельного цвета галстук; потенциальный директор Лувра — ни больше ни меньше.

— Красивая вещица, господа. И очень неплохо сохранившаяся, хотя ей, должно быть, лет сто. Не думаю, чтобы она стоила баснословных денег, но кое-кого из коллекционеров наверняка заинтересует. Подобную модель компания Winsor & Newton выпускала в начале двадцатого века, в основном для американских художников, но постепенно фирменная марка с изображением дракона завоевала популярность во всем мире. Полагаю, в таком ящике мог хранить кисти и краски любой художник, не лишенный снобизма либо склонный к ностальгии.

Бенавидиш и Серенак сидели в двух старинных креслах, обитых красным бархатом. Кресла оказались далеко не такими удобными, как могло показаться на первый взгляд. Обоих полицейских не покидало чувство, что при малейшем неловком движении черные лакированные ножки под ними подломятся.

— Месье Пуссен, — сказал Лоренс Серенак. — Как вы полагаете, на рынке еще могут существовать неизвестные полотна Моне? В частности, «Кувшинки»?..

Директор музея положил ящик на стол.

— Что вы имеете в виду, инспектор?

— Ну, например... Представим на минуту, что у одного из жителей Вернона или соседних деревень хранится картина, когда-то подаренная ему Клодом Моне. И даже, не исключено, одно из двухсот семидесяти двух полотен с кувшинками?..

— Когда Клод Моне поселился в Живерни, — непререкаемым тоном изрек директор, — он уже был известным художником. Каждая его работа уже являлась национальным достоянием. Моне крайне редко дарил свои картины. Они уже тогда стоили немалых денег.

Он чуть подумал и добавил, блеснув белоснежными зубами:

— Он нарушил это правило ради музея Вернона, чему мы обязаны исключительной ценностью нашего собрания.

Судя по всему, ответ удовлетворил Серенака. Но не Сильвио

Бенавидиша, которому вспомнились восторженные комментарии хранителя Руанского музея изящных искусств.

— Извините, — вмешался он, — но ведь Моне приходилось постоянно торговаться с соседями, жителями деревни Живерни. Он хотел устроить на своем участке пруд... Он просил не убирать стога сена, пока он не закончит картину... Разве нельзя допустить, что в обмен на любезность он обещал кому-то подарить будущую картину?

Замечание Бенавидиша рассердило Пуссена, и он не счел нужным это скрывать.

— Послушайте, инспектор, — сказал он и демонстративно посмотрел на часы. — Период импрессионизма — это отнюдь не история Древнего мира. В начале прошлого века уже существовали газеты, нотариальные акты, отчеты муниципальных советов... Десятки искусствоведов внимательнейшим образом изучили все эти документы. И не нашли ни одного свидетельства сделок, на которые вы намекаете. Ну а слухов всегда хватает!

Директор сделал вид, что встает из-за стола. У Бенавидиша даже мелькнуло подозрение, что Пуссен чего-то боится. Он ждал, что Лоренс Серенак тоже задаст директору пару вопросов, но тот молчал, и тогда Сильвио продолжил сам:

— А разве не мог кто-то украсть полотно Моне?

Паскаль Пуссен испустил глубокий вздох.

— Не понимаю, к чему вы клоните. Клод Моне был чрезвычайно дотошным человеком и до конца дней сохранял ясный ум. Все его картины были учтены и внесены в соответствующие списки. После смерти художника в права наследства вступил его сын Мишель, но он никогда не заявлял о краже отцовских работ.

Пальцы директора выплясывали жигу на ящике для красок.

— Инспектор! Если вам не хватает способностей, чтобы раскрыть убийство, случившееся неделю назад, не думаю, что ключ к разгадке вы найдете в гипотетическом похищении шедевра Моне, относящемся к тысяча девятьсот двадцать шестому году.

Это был правый хук. Бенавидиш понурил плечи, но тут на ринг вступил Серенак.

— Месье Пуссен! Полагаю, вам доводилось слышать о существовании фонда Теодора Робинсона?

Директор немного смутился — не ждал, что к сопернику подоспеет подкрепление. Он нервно поправил узел галстука.

— Разумеется. Это одна из трех-четырех крупнейших ассоциаций,

занимающихся продвижением искусства во всем мире.

— Что вы думаете о его деятельности?

— В каком смысле?

— Вам приходилось когда-либо взаимодействовать с этой организацией?

— Конечно, приходилось. Станный вопрос! Фонд Робинсона принимает самое активное участие в сохранении и изучении наследия импрессионистов. Они избрали своим девизом три «про»: про-цветание, про-текция, про-движение...

Бенавидиш кивнул, словно слова директора нуждались в подтверждении.

— Примерно треть картин, выставляемых в музеях мира, — продолжил Пуссен, — так или иначе проходит через фонд Робинсона. Конечно, они не работают напрямую с музеем Вернона — мы для них слишком мелкая сошка, — но с более крупными музеями поддерживают тесные связи. Я вот недели две назад вернулся из Токио, там проходила международная выставка «Священные горы и тропы». Как вы думаете, кто был ее генеральным спонсором?

— Фонд Робинсона! — с готовностью ответил Серенак тоном участника телевикторины. — Разве это не служит доказательством?

— Доказательством чего? — Директор снова вцепился в узел своего галстука, как будто тот его душил.

— Ну как же! — вступил в разговор Бенавидиш. — У человека, далекого от живописи, может сложиться впечатление, что фонд, ворочающий миллионами, занимается не столько благородным делом бескорыстной защиты искусства, сколько всякими махинациями.

Бенавидиш поднялся. На его губах играла простодушная улыбка. Он не без удовольствия отметил про себя, что у них с Серенаком постепенно складывается недурной тандем. Как в парном теннисе, с каждой новой партией они играют все лучше. Паскаль Пуссен явно нервничает — значит, надо на него еще немножко надавить.

Директор снова покосился на часы и раздраженно произнес:

— Если вам угодно знать, то для меня, кто не так далек от живописи, фонд Теодора Робинсона — заслуженная и уважаемая организация, сумевшая не только успешно вписаться в международный рынок предметов искусства, но и продолжающая исполнять свое изначальное предназначение, то есть способствовать открытию новых, в том числе совсем молодых, талантов.

— Вы имеете в виду конкурс юных художников? — спросил Серенак.

— И конкурс тоже. Вы даже не представляете себе, сколь велико число ныне знаменитых художников, которым фонд оказал поддержку.

— Итак, круг замкнулся, — заключил Серенак. — Получается, что фонд Робинсона — это что-то вроде инвестиционной компании?

— Вот именно, инспектор! И что тут плохого?

Серенак и Бенавидиш не сговариваясь дружно кивнули. Пуссен опять посмотрел на часы и встал из-за стола.

— Ладно, — сказал он и протянул полицейским ящик для красок. — Сожалею, что не сумел сообщить вам ничего нового.

Сейчас или никогда! Сильвио Бенавидиш достал из колчана последнюю стрелу.

— Еще всего один вопрос. Месье Пуссен, что вам известно о «Черных кувшинках»? Я имею в виду картину, которую Клод Моне якобы написал за несколько дней до кончины. Существует мнение, что он запечатлел на ней свою собственную смерть...

Паскаль Пуссен посмотрел на инспектора снисходительно-огорченным взглядом, как на ребенка, взхлеб рассказывающего, что он только что видел в саду живых эльфов.

— Инспектор! Искусство сегодня — это не сказки и не легенды, а бизнес. Под байкой о якобы предсмертном автопортрете Моне нет абсолютно никаких оснований. Верить в нее могут только психически больные люди — те же, что верят, будто по коридорам Лувра бродит призрак, а подлинник «Джоконды» спрятан в знаменитой скале Игла в Этрета.^[11]

А вот это уже апперкот. Он вырубил Бенавидиша. Серенак чуть поколебался — не разумнее ли остаться за пределами ринга? — но все же скользнул под канат.

— Полагаю, месье Пуссен, — начал он, — что разговоры о том, что в доме и мастерской Моне до сих пор хранятся, покрываясь чердачной пылью, десятки полотен мастеров, вы также относите к разряду деревенских легенд?

В глазах Паскаля Пуссена вспыхнула искра, словно Серенак выдал некую тайну, известную лишь посвященным.

— Кто вам рассказал?

— Вы не ответили на мой вопрос, месье Пуссен.

— Верно, не ответил. Видите ли, дом и мастерская Моне являются частным владением. Я много раз бывал там в качестве эксперта, но вы должны понять, что есть вещи, охраняемые профессиональной тайной. Позвольте мне, в свою очередь, еще раз спросить вас: кто вам это

рассказал?

Серенак одарил его широкой улыбкой.

— Вы тоже должны понять, месье Пуссен, что у полицейских есть вещи, охраняемые профессиональной тайной.

В комнате повисла напряженная тишина. Ее нарушил скрип старинных кресел — оба инспектора дружно поднялись на ноги. Директор музея торопливо вскочил, проводил их до порога и запер за ними дверь.

— А он не из болтливых, — сказал Бенавидиш, когда они остановились в холле под тондо «Кувшинки».

— Скрытничает, — добавил Серенак. — Слушай, Сильвио, а ты здорово продвинулся в вопросах искусства. Я бы сказал, круг твоих интересов вышел далеко за рамки грилей.

Бенавидиш решил воспринять реплику начальника как комплимент.

— Я собрал информацию. Из разных источников. А потом попытался сопоставить полученные факты. Но, к сожалению, яснее картина не становится. Даже наоборот!

Они вышли в мощный двор музея. По Сене плыли баржи. На правом берегу возвышалось странное строение — так называемый Дом на Старом мосту. От разрушенного моста осталось всего две опоры, на них и стоял дом, готовый, казалось, в любой миг рухнуть вниз, в серую воду.

— У тебя таблица с собой? — спросил Серенак.

Сильвио покраснел, но достал из кармана сложенный лист бумаги.

— Знаете, патрон, я тут вчера попытался подойти к этому делу с другого конца... Это пока только черновик, но...

— Покажи.

Серенак чуть ли не выхватил листок из рук помощника. Бенавидиш нарисовал треугольник, в который вписал несколько имен. Лоренс задумчиво запустил в волосы пятерню.

— Сильвио, что это еще за пирамида?

— Н-не знаю... — пробормотал тот. — Я еще сам не разобрался. Просто хотел посмотреть на факты под новым углом... С самого начала у нас как бы три группы улик, каждая из которых ведет в своем направлении. «Кувшинки» Моне, любовницы Морваля и дети. Вот я и изобразил их графически. Почему бы не предположить, что, чем ближе тот или иной персонаж к центру треугольника, тем больше доводов заподозрить его в совершении преступления?

Серенак оперся о постамент скульптуры перед входом в музей. Скульптура изображала бронзового коня.

— Графически, говоришь? Занятно. Ты что, правда думаешь, что геометрический метод старика Декарта поможет нам разгрызть этот орешек?

Он опустил свою влажную руку на бронзовый круп.

— Итак, если я тебя правильно понял, в центр ты поместил фонд Теодора Робинсона и девушку из Бостона, Алину Малетра. Допустим... Проблема лишь в том, что директор музея только что вылил на нашу версию с «Кувшинками» — или с любым другим произведением Моне, не обязательно предсмертным, — ушат холодной воды.

— Знаю... Хотя, если честно, по-моему, он темнит. Что за профессиональные тайны?

— По-моему, тоже. Но я слабо верю в историю о забытых на чердаке розового дома картинах великих импрессионистов.

— Пожалуй. В любом случае Дюпены никак не связаны ни с «детской» версией, ни с «живописной». Поэтому я поместил их в мертвый угол. Как, впрочем, и Амаду Канди.

Серенак продолжал изучать набросок. С его лица не сходило удивленное выражение. Сильвио Бенавидиш облегченно выдохнул. В предыдущей версии «треугольника» на стороне, соединяющей вершину, озаглавленную «Любовницы», и вершину, озаглавленную «Кувшинки», у него стояло имя Лоренса Серенака. Неожиданно Серенак поднял голову и посмотрел на Сильвио долгим взглядом. Тот ткнул пальцем в треугольник.

— Остается неизвестная женщина в синем халате, — сказал он. — Я поместил ее между «Любовницами» и «Детьми».

— У тебя прямо идея фикс с этими детьми. Никто не посмеет упрекнуть тебя в непоследовательности, Сильвио.

— Но, патрон, как же иначе? Судите сами. У нас есть поздравительная открытка, адресованная ребенку одиннадцати лет, и на ней — цитата из Арагона. У нас есть надпись на внутренней крышке ящика, вырезанная детской рукой. У нас есть ребенок одиннадцати лет, убитый в тысяча девятьсот тридцать седьмом году тем же способом, что и Морваль. У нас есть любовницы Морваля, одна из которых вполне могла родить от него внебрачного ребенка...

— Ну хорошо, хорошо. Как бы то ни было, ребенок одиннадцати лет не смог бы поднять двадцатикилограммовый камень и разбить голову Морвалю. И что ты собираешься дальше делать со всем этим компотом из улик?

— Пока не знаю. Но у меня из головы не идет мысль, что какому-то ребенку в Живерни угрожает опасность. Понимаю, звучит глупо... Мы не

можем посадить всех детей под колпак, но...

Лоренс Серенак дружески хлопнул его по спине.

— Об этом мы с тобой уже говорили. Я называю это «синдромом без пяти минут папаши». Кстати, что там у Беатрис? Новости есть?

— Пока никаких. Срок приближается. Я стараюсь почаще к ней заглядывать. Приношу ей кучу журналов, которыми она в меня швыряется. «Все идет как надо, ждите, шейка еще не раскрылась, о кесаревом говорить рано, ребенок сам знает, когда выбираться на свет, что еще вы хотите от меня услышать?..» И так далее и тому подобное. Это акушерки нам без конца повторяют.

— Сегодня опять туда пойдешь?

— Конечно, а как же?

— Да вот так же! Сильвио, подавляющее большинство мужиков в твоем положении пользовались бы последними деньками свободы! Пили бы напропалую и ночь напролет резались в карты! Но ты не такой! Передавай Беатрис привет. Хорошая у тебя жена, и ты ее достоин.

Он положил руку на плечо Сильвио.

— По-моему, ты последний мудрец на этой планете. Ну а я возвращаюсь в ад.

Лоренс Серенак бросил взгляд на часы. 16:25.

Он надел шлем и взгромоздился на свой «Триумф».

— Каждому свое...

Сильвио Бенавидиш смотрел ему в спину. В ту секунду, когда мотоцикл скрылся за углом выходящего на набережную Сены дома, он задумался: а правильно ли он поступил, вычеркнув из списка подозреваемых Лоренса Серенака?

64

Окно зала номер шесть в Вернонском музее напоминало картину. Из него открывался вид на правый берег Сены, удивительно похожий на висевшие на стенах пейзажи Пурвилля, изображавшие закат солнца над Вэль-сюр-Розом, замок Гайар, площадь Пети-Анделис, набережную в Рольбуазе...

Но внезапно в пейзаж за окном ворвался «триумф» инспектора Серенака. Должна вам сказать, странное это было ощущение, совсем не «импрессионистское». Я смотрела, как мотоцикл пролетел по мосту с

одного берега на другой, повернул направо и покатил вдоль Сены, пока не скрылся из виду.

Разумеется, глупец инспектор мчится к своей красавице.

Как он неосторожен... Как наивен...

Я перешла в следующий зал. Здесь, на обитых деревянными панелями стенах, выставлены рисунки. Со временем я полюбила рисунки Стейнлена едва ли не больше живописных работ великих мастеров. Обожаю его карикатуры, портреты рабочих и нищих забудыг, все эти бытовые сценки, списанные с натуры и выполненные одним точным движением руки в технике пастели. Спешить мне было некуда, и я подолгу стояла перед каждым рисунком, наслаждаясь каждой карандашной линией, словно держала под языком медленно тающий леденец. Я знала, что вижу со Стейнленом в последний раз, поэтому прощалась с ним не спеша.

Медленно осмотрев все до единого рисунки, я, повинувшись ритуалу, который, поднимаясь на второй этаж Вернонского музея, исполняла на протяжении последних пятидесяти лет, остановилась перед «Поцелуем». Полоумная старуха, что с нее возьмешь?

Разумеется, я не имею в виду картину Климта, на которой обнимающаяся парочка усыпана какими-то блестками, — на мой взгляд, она годится разве что для рекламы каких-нибудь убойных духов. О нет, я имею в виду «Поцелуй» Стейнлена.

Это просто эскиз угольным карандашом, всего несколько линий: стоящий в профиль одетый мужчина с мускулистым телом обнимает женщину. Она приподнялась на цыпочки, ее запрокинутая голова прижата к плечу мужчины, а рука безвольно повисла, как будто женщине не хватает смелости обхватить мужчину.

Он ее хочет. Она сдается, не в силах ему противостоять.

На заднем плане угадываются какие-то зловещие тени, но влюбленные не обращают на них внимания.

Это самый лучший рисунок Стейнлена. Вы уж мне поверьте. Подлинный шедевр Вернонского музея.

На улице Клода Моне, возле школы, царило необычайное оживление. Дети высыпали из школы и обнаружили стоящий возле крыльца «Тайгер-триумф». Они обступили мотоцикл со всех сторон и с восторгом

разглядывали его. Лоренс Серенак навскидку дал бы детям от пяти до двенадцати лет. Ему невольно пришли на ум предположения Сильвио Бенавидиша относительно опасности, угрожающей некоему ребенку. Перед ним мелькали детские лица. Сколько их здесь? Человек десять, двадцать? Все веселые, беззаботные. Кого из них следовало бы опросить? Мальчика? Девочку? И что у него — или у нее — спросить? Выпытать тщательно охраняемую семейную тайну? Искать внешнее сходство с Жеромом Морвалем? И с чего начать?

Инспектор Серенак припарковал свой «Тайгер-триумф Т100» в тени, под липами. Нептун спал под деревом. Пес встал, лениво потянулся и побрел к инспектору, явно в расчете на ласку, в которой тот ему, конечно же, не отказал.

Когда Лоренс Серенак вошел в класс, Стефани стояла к нему спиной и раскладывала по деревянным ящикам бумажные листки. Серенак молчал. Его одолевали сомнения. Он чувствовал, как у него учащается дыхание. Интересно, она поняла, что он здесь? Притворяется, что его не слышит. Он приблизился к ней и положил руки ей на бедра.

Стефани вздрогнула, но не повернула к нему головы. Разумеется, она его узнала.

По шуму мотора?

По запаху?

Она опустила ладони на деревянную поверхность стола. Руки инспектора сильнее сжали ее талию. Он придвинулся к ней еще ближе и увидел капельку пота, медленно стекающую у нее по шее.

Одной рукой он провел ей по спине, вторая одновременно переместилась на ее плоский живот. Затем обе руки начали подниматься вверх, пока почти не соприкоснулись у нее на груди. Его пальцы несколько секунд ощупывали мягкие выпуклости, словно пытаясь запомнить их форму, после чего сжались.

Лоренс приблизил лицо к повернутому в профиль лицу учительницы и прикоснулся щекой к ее чуть влажному уху. Они оба ощущали себя одним целым. Ткань его джинсов приклеилась к льняному платью Стефани.

Они долго стояли так, не двигаясь.

Наконец Стефани чуть повернула голову, и ее губы встретились с его губами. Она не столько прошептала, сколько выдохнула:

— Я свободна, Лоренс. Я свободна. Увези меня отсюда.

Руки инспектора то поднимались, то опускались, исследуя каждый сантиметр ее тела.

Он на миг — всего лишь на краткий миг — оторвался от нее, чтобы в следующую секунду проникнуть ей под юбку и прикоснуться ладонями к обнаженным бедрам.

— Увези меня, Лоренс, — снова прошептала Стефани. — Я свободна. Увези меня.

— Ну и? — спросил Поль Фанетту. — Что она тебе сказала?

Фанетта закрыла за собой дверь класса. Ее щеки покрывала мертвенная бледность. Поль догадывался, что это не сулит ничего хорошего.

— Ну? — настойчиво повторил Поль. — Что учительница сказала? Она тебе поверила? Про Джеймса? Хотя бы не ругала?

Фанетта молчала.

Поль еще никогда не видел у нее на лице такого отчаяния. Вдруг Фанетта бросилась бежать. Нептун вскочил из-под липы, где спал, и понесся за девочкой.

Поль стоял в растерянности. Прежде чем Фанетта исчезла из виду, он успел крикнуть:

— Ты с ней говорила?

— Не-е-е-т!

Всего одно слово, прорвавшееся сквозь потоки слез, которых хватило бы, чтобы затопить улицу Бланш-Ошеде-Моне.

66

Местный автобус высадил комиссара Лорантена на главной площади деревни Лион-ла-Форе. Всю дорогу комиссар любовался в окно на роскошные буковые рощи, пока они не сменились нормандскими домами в стиле фахверк — наглядным воплощением ностальгии по былым временам. У комиссара мелькнула мысль, что деревню специально поддерживают в таком состоянии, чтобы она служила декорацией к экранизациям новелл Мопассана и романов Флобера.

Комиссар Лорантен на миг задержался взглядом на фонтане перед величественным зданием крытого рынка. Красивый каменный фонтан выглядел подозрительно новым. И не случайно! Его соорудили всего лет двадцать назад, когда Шаброль снимал здесь «Мадам Бовари».

Фальшивка! Липа!

Тем не менее он не мог не отметить сходства трагической судьбы

Эммы Бовари с судьбой Стефани Дюпен, сведения о которой собирал все последние дни. То же чувство неизбывной скуки, та же тоскливая убежденность, что где-то существует другая, настоящая жизнь, но для тебя она недостижима. Покидая центральную площадь, комиссар мысленно себя одернул. Что за нелепые параллели! Он уже давно не в том возрасте, чтобы увлекаться романтическими иллюзиями. Комиссар Лорантен быстро двинулся вперед. Дом престарелых под названием «Сады» располагался на окраине деревни, на возвышенности, и к нему вела довольно крутая тропа, проложенная через рощу.

Светло-голубой линолеум в холле блестел так, словно его только что натерли. Большинство пациентов проводили этот ранний вечерний час — как, впрочем, и остальные часы, — в общей комнате слева по коридору. Перед включенным плазменным экраном огромного телевизора сидело человек тридцать стариков. Одни спали, другие безучастно смотрели в сторону, самые деятельные жевали оставшееся от полдника печенье и ждали ужина.

Время здесь как будто остановилось.

В комнату вошла полноватая медсестра. Она двигалась уверенно, но вместе с тем осторожно, как продавщица в посудном магазине.

— Месье?

— Комиссар Лорантен. Это я звонил сегодня утром. Мне хотелось бы увидеться с Луизой Розальба.

Медсестра улыбнулась. У нее на груди была приколотая позолоченная брошка в форме надписи: «Софи».

— Да-да, помню, — сказала она. — Мы предупредили Луизу, она вас ждет. В последнее время у нее трудности с речью, но голова ясная, не сомневайтесь. Она все понимает. Комната номер сто семнадцать. Только прошу вас, комиссар, будьте с ней помягче. Луизе сто два года, и к ней уже очень давно никто не приходил.

Комиссар толкнул дверь комнаты 117. Луиза Розальба сидела у окна, в три четверти оборота, и внимательно смотрела на расположенную под ним парковку. На нее как раз только что зарулила «Ауди-80», из которой вышли женщина с букетом цветов и двое ребяташек. «Наверное, этим она и занимается целыми днями, — подумал комиссар. — Наблюдает, как к другим обитателям дома приезжают родственники».

— Луиза Розальба?

Старая женщина повернула к нему густо покрытое морщинами лицо.

Лорантен улыбнулся.

— Меня зовут Лорантен, комиссар Лорантен. Софи — медсестра — должна была предупредить вас, что я хочу с вами поговорить. Заранее прошу прощения, но я... Меня интересуют ваши воспоминания. Не самые лучшие воспоминания. Я пришел расспросить вас о гибели вашего единственного сына, Альбера, утонувшего в тысяча девятьсот тридцать седьмом году.

Хрупкие руки Луизы, лежавшие на накинутах на колени плече, охватила дрожь. В глазах блеснула влага. Она открыла рот, но из него не вырвалось ни звука.

Комиссар окинул взглядом стены комнаты. Ни распятия, ни фотографий. Где счастливые лица детей, внуков и правнуков? Где трогательные снимки крещения и первого причастия? Где торжественные свадебные фото? Единственным украшением комнаты служила репродукция картины Моне «Прогулка», запечатлевшая элегантную молодую даму с мальчиком посреди заросшего полевыми цветами луга.

— Я... У меня, — продолжил комиссар, — есть к вам несколько вопросов. Нет-нет, не надо подниматься. Я постараюсь помочь вам все вспомнить.

Комиссар наклонился и достал из сумки черно-белую фотографию с надписью: «Школа Живерни. 1936/37 учебный год».

Он положил снимок на колени Луизе. Старая женщина так и впилась в него глазами.

— Это Альбер? — спросил комиссар, указывая на мальчика во втором ряду. — Это он?

Луиза кивнула. На снимок капнула слезинка, за ней другая. Словно в школьном дворе пошел дождь. Послушные дети не обратили на него никакого внимания и по-прежнему старательно смотрели в объектив неведомого фотографа.

— Вы ведь так и не поверили, что это был несчастный случай? Не поверили?

— Н... н-нет, — с трудом произнесла Луиза. Сглотнув ком в горле, она продолжила: — Он был... н-не один... Т-там... у ручья...

Комиссар едва сдерживал нетерпение, но, помня о советах медсестры, не позволял себе торопить Луизу.

— Вам известно, с кем был ваш сын?

Луиза снова кивнула. Комиссар затаил дыхание. Он почти физически чувствовал, как наэлектризовалась атмосфера в крошечной комнатке. Словно, вызвав из небытия память о событиях тех давних лет, они с Луизой

открыли заколдованный сундук, из которого вырвался на волю легко воспламеняемый газ: одно неосторожное движение — и все здесь взлетит на воздух.

— Скажите, тот человек... Тот, кто был с Альбером у ручья, это он его убил?

Луиза напряженно молчала, осмысливая произнесенные комиссаром слова. Наконец она снова кивнула. Медленно, но без колебаний.

— Почему вы не сказали сразу? Почему не выдвинули против этого человека обвинения?

На школьный двор в Живерни обрушился ливень. Бумага кое-где вспучилась. Но ни один из школьников даже не шелохнулся.

— Н... н-никто мне н-не в-верил... Д... д-даже м-муж...

Казалось, эта короткая фраза отняла у Луизы последние силы. Кожа, свисавшая у нее под подбородком, затряслась мелкой дрожью. Комиссар Лорантен понял, что ей надо задавать только те вопросы, на которые можно ответить «да» или «нет».

— После этого вы переехали из деревни? Не могли больше там жить? Потом умер ваш муж, да? И вы остались совсем одна?..

Луиза медленно кивала на каждый из его вопросов. Комиссар достал из кармана носовой платок и аккуратно вытер намокшую фотографию.

— А потом? — Комиссару было все труднее говорить спокойным тоном. — Этот человек... Тот, кто был с Альбером у ручья, он совершил еще одно убийство? Или даже не одно? Он убил еще кого-то?

Луиза задыхалась ровнее, как будто комиссар снял с ее души груз, давивший на нее долгие годы.

Она медленно кивнула.

«Господи боже...»

Комиссар почувствовал в руке покалывание, будто в нее вонзились сотни острых иголок. Кардиолог предупреждал, что ему нельзя волноваться. Но сейчас ему было плевать на советы кардиолога. Сейчас имела значение только правда, которую Луиза почти семьдесят пять лет носила в себе. Он придвинул фотографию к ней поближе.

— Этот человек... Тот, о ком мы с вами говорим... Он тоже здесь, на этом снимке? Вы можете мне его показать?

Пальцы у Луизы дрожали. Лоранс мягко накрыл ее запястье своей ладонью и принялся медленно перемещать ее кисть по фотографии. Он вел ее руку, пока она не уперлась указательным пальцем в одно из лиц.

У него заколотилось сердце.

«Боже мой, боже мой...»

Ему вдруг стало жарко. Он крепче сжал руку Луизы. Сердце билось так сильно, что казалось, вот-вот выскочит из груди. Надо успокоиться.

— Спасибо вам. Спасибо.

Он старался дышать медленно и размеренно, и постепенно возбуждение улеглось. Комиссара охватило странное чувство: каким бы фантазмагоричным ни выглядело только что полученное им свидетельское показание, оно подтверждало вывод, к которому он пришел логическим путем. Теперь он знал, кто убил маленького Альбера Розальба. Он также знал, кто убил Жерома Морваля. Кто и почему.

Пульс у него понемногу приходил в норму. Он поймал себя на том, что испытывает удовлетворение, даже гордость — он не ошибся, он все просчитал правильно.

Он сделал то, что другим оказалось не под силу.

Комиссар посмотрел в окно. За парковкой дома престарелых зеленела буковая роща.

«Что же теперь делать?

Вернуться в Живерни?

Вернуться в Живерни и разыскать Стефани Дюпен? Пока не поздно...»

При этой мысли сердце опять застучало как сумасшедшее. Кардиолог будет в ярости.

22:53.

Я смотрела на луну.

Из окна башни на верхнем этаже мельницы «Шеневьер» она казалась огромной и такой близкой: руку протяни и дотронешься.

Ладно, не волнуйтесь, я не сошла с ума. И я понимаю, что это не оптическая иллюзия. Слышала по радио на «Франс-Блё» и смотрела передачу по местному телевидению. Специалисты говорили, что сегодня ночью будет особенно большая луна. Это потому, что она находится в перигее — то есть приближается к Земле на самое короткое в году расстояние. Из их объяснений я поняла, что Луна описывает вокруг Земли не круг, а эллипс. Следовательно, бывают ночи, когда спутник отдаляется от нашей планеты на максимальное расстояние, и ночи, когда он подходит к ней ближе...

И сегодня как раз такая ночь. Если верить специалистам, именно

сегодня наблюдателю с Земли Луна представляется необычайно большой. Они рассказали об этом сразу после прогноза погоды. И даже показали астрономические таблицы. Явление называется «перигей». И бывает раз в году.

Крыши Живерни в лунном свете окутаны мерцающей дымкой. Посмотри на них сейчас художник — схватил бы кисти и краски и ночь напролет писал бы пейзаж, даже не включая света. Интересно, сколько человек сейчас стоят, как я, у окна и смотрят на луну? Тех, кто тоже слышал передачу по радио или смотрел по телевизору? И не захотел пропустить столь интересное явление природы? Тысячи, если не десятки тысяч человек...

Что-то я сегодня в сентиментальном настроении. Днем — паломничество в Вернонский музей, а сейчас, вместо того чтобы идти спать, стою у окна и смотрю на луну... В таком ритме я долго не протяну.

Впрочем, я не собираюсь здесь задерживаться. На самом деле это большое преимущество — точно знать день своей смерти и спокойно наслаждаться последними часами жизни. Например, в последний раз смотреть на луну.

Завтра все будет кончено.

Я так решила. Осталось выбрать способ.

Яд? Холодное оружие? Огнестрельное? Утопиться? Повеситься?

Возможностей масса.

Решимости мне хватит. Смелости тоже.

Я снова окинула взглядом засыпающую деревню. Горели фонари и редкие освещенные окна. Этот пейзаж напомнил мне желтые пятна цветов на моих «Черных кувшинках» — они тоже выступают из тьмы, как огоньки маяков в океане мрака.

Полиция провалила расследование. Где им понять? Что ж, тем хуже для них.

Завтра вечером они получат последний труп. И на этой истории можно будет поставить точку.

Последнюю точку.

Фанетта впервые видела такую огромную луну. Огромную, как целая планета. Или летающая тарелка, которая вот-вот опустится на склон холма и скроется за древесными кронами. Учительница сегодня сказала им, чтобы ложились спать попозже. Объяснила, что такое эллиптическая орбита и перигей, и даже нарисовала на доске чертеж со всякими стрелками и цифрами.

Часов у Фанетты не было, но она предполагала, что сейчас около одиннадцати вечера. Винсент ушел домой примерно час назад.

«Я уж боялась, что он всю ночь будет у меня под окном торчать. Вцепился мне в руку и не хотел выпускать.

Но потом все-таки убрался.

Уф!»

Фанетте хотелось побыть одной. Наедине с этой огромной луной. Как будто со старшей сестрой. Старшая сестра живет очень далеко, но когда-нибудь она позовет ее к себе.

Сегодня вечером Фанетта закончила картину. Вообще-то, она с недоверием относилась к чужим похвалам и, когда ей говорили, что она рисует просто гениально, лишь пожимала плечами. Но сегодня... Сегодня она может смело сказать луне, что гордится своей работой. Она сумела так положить краски на холст, что вода у нее заиграла, как живая, и линии схода разбежались во все стороны. Умом она давно поняла, как это должно выглядеть, но никогда не думала, что у нее получится. Картину она спрятала в щели под портомойней. Завтра Поль заберет ее и отнесет учительнице.

«Я доверяю Полю. Только ему. Остальным — ни капли. Камиль — задавака. Мэри — ябеда. Винсент — прилипала.

Мама я тоже не доверяю. Она в последние дни с меня глаз не спускает. Утром сама отводит меня в школу, а потом идет на виллу к парижанам. Днем, когда у нас большая перемена, опять приходит. Следит за каждым моим шагом. Как будто боится, что я кому-нибудь расскажу свою историю.

Про Джеймса. Про его исчезновение. Про его убийство.

Его убили прямо посреди пшеничного поля.

А мама боится, что ее дочку примут за ненормальную.

Джеймс...»

Фанетта вытянула руку. Ей чудилось, что еще чуть-чуть — и она прикоснется рукой к лунным кратерам, пройдет пальцами по лунным ущельям.

«Джеймс...

Неужели я и в самом деле его выдумала?

Нашла в поле несколько потерянных кистей, а на берегу — пятна краски, а остальное додумала. Мама постоянно повторяет, что я живу в выдуманном мире, не имеющем ничего общего с реальностью. Вот бы и правда в него переселиться...

Чем больше я думаю о Джеймсе, тем больше верю, что его и в самом деле никогда не существовало. Я выдумала его потому, что мне был нужен

человек, который сказал бы, что у меня талант, что я должна писать, думать только о себе и работать, работать, работать...

Быть эгоисткой.

Мама никогда не говорит ничего такого. А Джеймс говорил то, что мог бы сказать мне папа. То, что я хотела бы услышать от папы.

От папы-художника. Папы, который гордился бы мной. Папа, который однажды увидит мое имя в углу картины, выставленной в самой престижной галерее на другом конце света, и воскликнет: „Это же моя дочь! Моя маленькая девочка! Самая талантливая на свете!“»

Фанетта перевела взгляд на темные фасады соседних домов.

«Нет! Нет! Нет! Мой папа не живет в нашей деревне! И мама не ходит к нему в дом убираться. Мой папа не может быть старым жирным вонючим уродом. Этого просто не может быть.

Хотя мне плевать.

Нет у меня никакого папы. И вместо него я выдумала Джеймса. Благодаря ему я написала свою картину, свои „Кувшинки“. Завтра ее отправят на конкурс. Все равно как бросить в море бутылку...

Завтра».

Фанетта улыбнулась.

«Такая большая луна — это хороший знак.

Тем более что завтра у меня день рождения».

Школьный двор серебрился в лунном свете. Луна сегодня была ненормально огромной. Стефани попыталась объяснить детям, что такое перигей и эллиптическая орбита. Изобразила на доске несколько примитивных рисунков. И посоветовала им лечь сегодня спать попозже, чтобы посмотреть на Луну. Она написала на доске цифры: 14 процентов — это то, на сколько Луна сегодня будет казаться больше обычной; 30 процентов — на сколько она будет ярче.

Луна своей формой повторяла очертания круглого окна у них в мансарде. Как будто стекло оторвалось от окна и улетело в небо. На улице Бланш-Ошеде-Моне не было ни души. Трепетали листвой липы на площади перед мэрией. На деревню словно пролился серебряный дождь.

Жак лежал рядом. Даже не поворачиваясь, Стефани поняла, что он не спит. Лежит и молча смотрит на нее. Мысль о близости с Жаком с каждым днем делалась ей все непереносимей. Жак не поменял ни одной из своих привычек. Они продолжали спать в одной постели, хотя он не делал попыток к ней прикоснуться.

Вчера они проговорили несколько часов.

Это был спокойный разговор.

Жак сказал, что он все понял и постарается все изменить.

Что именно изменить?

Стефани ни в чем его не упрекала. Разве можно упрекать человека в том, что он — это он, а не другой?

Жак сказал, что он станет другим.

Стать другим невозможно. И говорить об этом бессмысленно. Стефани приняла решение. Она от него уйдет.

Жак — человек разумный. Наверное, он рассчитывает, что своим смирением вселит в нее дух сомнения. Наверное, говорит себе: «Надо просто переждать грозу. Встать под зонтиком и спокойно ждать. Зонтик большой, его хватит на двоих. Вдруг Стефани ко мне вернется...»

Он ошибается.

Стефани долго смотрела на исчерченный «классиками» школьный двор, на стоящую в уголке беличью клетку... В ушах у нее звучали детские крики и смех.

Стефани назначила Лоренсу свидание завтра днем. Разумеется, не в деревне, не перед школой и не возле ручья. Подальше от любопытных глаз. На Крапивном острове. Том самом знаменитом островке, образованном слиянием Эпта и Сены, который приобрел Клод Моне. Художник держал там на приколе свою плавучую мастерскую. Красивое местечко. От деревни до него меньше километра. Чем больше она думала, тем крепче становилась ее уверенность, что встретиться на Крапивном острове — отличная идея. Лоренс оценит. У Лоренса потрясающее чутье на красоту. Не зря же в доме Моне он моментально понял, что «Девушка в белой шляпе» Огюста Ренуара — не копия, а подлинник. Разум твердил ему, что это невозможно, но он верил не разуму, а своим глазам. В доме Моне осталось много забытых картин. Ренуар, Писсарро, Сислей, Буден... Конечно, есть и неизвестные «Кувшинки». Господи, будь у них время, будь они свободны, с каким удовольствием Стефани показала бы их Лоренсу. Разделить с ним восхищение шедеврами живописи — что может быть лучше?

Жак выключил свет и повернулся на другой бок. Притворился, что спит. В лунном свете комната казалась волшебным гротом. Глаза Стефани наткнулись на лежащую на ночном столике книгу.

«Орельен».

Эта фраза не давала ей покоя. «Преступно мечтать, ждет виновного кара». Послание, обнаруженное на поздравительной открытке, найденной в кармане Жерома Морваля.

Преступно мечтать...

Слова, как будто специально обращенные к ней.

Преступно мечтать.

Тот, кто не знает следующих строф, кто не читал продолжения этого длинного стихотворения Арагона, озаглавленного «Нимфеи», ошибется, решив, что автор осуждает мечту. Ничего подобного!

Все обстоит ровно наоборот.

Разумеется, поэт имел в виду нечто прямо противоположное.

Она, беззвучно шевеля губами, стала читать стихи, которым учила деревенских детишек.

Преступно мечтать. Ждет виновного кара.

Мечтать о запретном мораль не велит.

Но вы у меня не отнимите дара.

Карайте! Я буду мечтать. Я — бандит.

Стефани вновь и вновь истово повторяла эти четыре строчки, словно молилась.

Мечтать о запретном мораль не велит...

Да, мечта — вне закона.

Да, Стефани нравится быть жестокой.

Нет, она не испытывает никаких угрызений совести.

Да, с точки зрения разума, ее мечта преступна.

Пусть завтра Лоренс Серенак сожмет ее в своих объятиях. Они будут заниматься любовью на Крапивном острове. И он увезет ее отсюда.

Завтра...

ДЕНЬ ТРИНАДЦАТЫЙ

25 мая 2010 года

(Дорога на Крапивный остров)

РАЗВЯЗКА

68

Я медленно шла по грунтовой дороге, которая, начинаясь сразу за мельницей «Шеневьер», пролегла прямо через поля. Дорога была изрыта колеями, оставленными проходящими здесь тракторами.

Представляю, как ругался Лоренс Серенак, пытаясь преодолеть эти колдобины на своем «Тайгер-Триумфе». Описывать мотоцикл подробно я не стану, но сильно сомневаюсь, что сей антикварный экземпляр годится для мотокросса. Пару минут назад он промчался мимо меня, свернул за мельницу и поехал дальше, через поля, подняв столб пыли.

Из Живерни ведут несколько троп, но все они соединяются в одном месте — тупике на подступах к Крапивному острову, там, где Эпт впадает в Сену. Прямой путь заканчивается в нескольких метрах от слияния двух рек, на берегу Эпта, засаженном тополями, заставшими Моне; сегодня кхмеры от импрессионизма охраняют их так же старательно, как египетские пирамиды...

Чтобы попасть на берег Сены, надо идти пешком.

Нептун бежал впереди меня. Он знает эту дорогу наизусть и не считает нужным меня ждать. Догадался, что на преодоление не такого уж огромного — не больше километра — расстояния, отделяющего мельницу «Шеневьер» от Крапивного острова, я с каждым разом трачу все больше времени. Эти рытвины — наказание Господне. Даже опираясь на палку, я каждые три метра спотыкаюсь и чуть не падаю.

Хорошо, что я иду туда в последний раз, на этот проклятый Крапивный остров. Мне такие прогулки уже не по возрасту. Да еще, как на грех, сегодня жарко. Самый теплый день за весь май, а вдоль дороги — ни деревца, чтобы спрятаться в тени, разве что на полпути, возле водозаборной станции, можно постоять под козырьком. Хорошо, что я повязала косынку. Шагая через пожелтевший луг, я сама себе кажусь

арабской женщиной, совершающей переход через пустыню.

Господи, да когда же я наконец дойду до этого чертова Крапивного острова?! Нептун-то небось давным-давно там.

69

16:17. Лоренс Серенак прислонил свой «Тайгер-триумф Т100» к стволу тополя. Он приехал на Крапивный остров чуть раньше назначенного времени. Он знал, что уроки у Стефани заканчиваются в половине пятого, а ей еще надо будет пройти пешком почти километр.

Лоренс прогуливался под деревьями. Окружающий пейзаж выглядел странным: ровная шеренга тополей вдоль русла Эпта наводила на мысли об искусственно прорытом канале, а не о речке, текущей прихотливыми изгибами. В месте слияния Эпта с Сеной это впечатление только усиливалось — широкая Сена неспешно несла вперед свои воды, явно не обращая внимания на впадающий в нее тонкий ручеек. Берега Эпта словно застыли в вековечной неподвижности — ничего общего с живой хлопотливой Сеной, орошающей города и заводы, несущей на себе баржи и лодки, пересекающей железнодорожные рельсы, бегущей мимо магазинов... Сена напоминала шумную автотрассу, а Эпт оставался забытым второстепенным шоссе, которым почти никто не пользуется.

У Лоренса за спиной послышались шаги.

«Стефани? Так рано?»

Он обернулся, и его лицо расплылось в улыбке.

«Нептун!» Немецкая овчарка узнала инспектора и подбежала, подставляя голову для ласки.

— Нептун! Вот молодец, что прибежал! Составишь мне компанию... Только знаешь, приятель, у меня тут свидание. И совсем не деловое. Так что ты уж будь добр, уйди куда-нибудь.

Хрустнула ветка. Зашелестели листья.

Нептун явился сюда не один.

Лоренс Серенак не увидел, а шкурой почуял опасность. Инстинкт полицейского.

Он поднял глаза.

В лицо ему смотрело дуло ружья.

На миг мелькнула мысль: «Вот сейчас все и закончится». Его убьют без всяких объяснений, подстрелят, как дичь. Пуля пронзит ему сердце, и

его труп поплывет по Эпту, перекоцует в Сену и понесется по волнам все дальше и дальше.

Но палец на спусковом крючке не двигался.

«Чего он тянет?»

Серенак бросился в заросли. Только бы не показать, что он испугался.

— Что вы здесь делаете?

Жак Дюпен медленно опустил ружье.

— Мне кажется, я могу задать вам тот же вопрос. Что вы здесь делаете?

Злость вытеснила в душе Лоренса страх.

— Откуда вы узнали?

Нептун сидел в паре метров от них. На спину ему падал пробившийся сквозь кроны тополей луч солнца. Пса разговор двух мужчин явно не интересовал. Жак Дюпен держал ружье опущенным.

— Вы просто идиот, Серенак, — с кривой улыбкой сказал он. — Как только я увидел вас в деревне, в этой вашей кожанке, да еще на мотоцикле, то все сразу понял. Вы мните себя проницательным, но я вижу вас насквозь.

— Никто об этом не знал. Никто, кроме Стефани. Но она вам сказать не могла. Вы просто шли за мной?

Дюпен отвернулся в сторону луга. Вдали в знойной дымке угадывались очертания деревни Живерни.

— Вам никогда не понять, — злобно усмехнувшись, сказал он. — Я здесь родился, Серенак. Как и Стефани. В этой деревне. Мы с ней появились на свет чуть ли не в один день. И жили через улицу. Никто не знает Стефани лучше, чем я. Как только вы начали вокруг нее увиваться, я все сразу понял. Я замечаю все. Что с книжной полки исчезла книга. Что Стефани смотрит в небо. Что она не отвечает на мой вопрос. Я научился расшифровывать все эти знаки. Я видел ее помятую юбку. Видел, что она надела другое белье. Видел, что она по-другому накрасилась. Когда Стефани назначила вам свидание, я узнал об этом сразу. Знал, где и когда вы собираетесь встретиться.

Лоренс Серенак с немного усталым раздражением отвернулся к Эпту. Длинный монолог Дюпена его, как ни странно, успокоил. Это просто ревнивый муж. Что ж, этого следовало ожидать. За все надо платить. Такова цена свободы Стефани. Цена их любви.

— Ну хорошо, — сказал инспектор. — Что дальше по программе? Дождемся Стефани и поговорим все втроем?

Лицо Жака Дюпена снова исказила гримаса.

— Не думаю... Вы хорошо сделали, что пришли раньше, Серенак. А сейчас вы сделаете, что я вам скажу. Вы напишете ей записку. Прощальную записку. Слова придумаете сами — вы на такие штуки мастак, я уверен. Если что, я подскажу. Потом положите записку под деревом, на видном месте, сядете на мотоцикл и уедете.

— Вы шутите?

— Инспектор... Вы уже получили что хотели. Вчера в школе Стефани отдалась вам. Вы достигли своей цели. Снимаю перед вами шляпу. Об этом многие мечтали, вы стали первым, кому это удалось. Но на этом вы остановитесь. Вы исчезнете из нашей жизни. Я не собираюсь устраивать скандал. Нанимать адвокатов. Звонить на всех углах, что полицейский, возглавляющий расследование убийства Морваля, спит с женой главного подозреваемого, которого накануне упек за решетку. Я не намерен портить вам карьеру. Мы квиты. По-моему, я веду с вами честную игру. Даже слишком честную — для человека, которого в Живерни считают сумасшедшим ревнивцем. Вы не находите?

Серенак рассмеялся. Шелестели под ветром листья тополей, орешника и каштанов.

— Вы ничего не поняли, Дюпен. Речь не обо мне и не о моей карьере. Не о вас и не о вашей репутации рога носца. Речь о Стефани. Она свободна. Нам с вами не о чем спорить. Не мы решаем, а она. Поймите это наконец. Она свободна. Решение принимает она.

Дюпен плотнее обхватил ружье.

— Серенак, я не трепаться с вами пришел. Вы теряете драгоценное время. Лучше подумайте, что написать Стефани. Ей потом всю жизнь с этим жить...

Лоренс чувствовал, как в нем закипает злость. Происходящее казалось ему отвратительным. Дюпен — мерзавец. Позади них простиралась поросшая крапивой пустошь. Безлюдное местечко. Никто сюда не придет. Только Стефани. Надо с этим кончать.

— Послушайте, Дюпен. Не заставляйте меня прибегать к ненужной жестокости.

— Повторяю вам, вы теряете время.

— Вы — посредственность, Дюпен, — не выдержал Лоренс Серенак. — Откройте глаза! Вы не достойны Стефани. Она заслуживает большего, чем жизнь с такой серостью, как вы. Рано или поздно она от вас уйдет. Ко мне или к другому, но уйдет.

Жак Дюпен молча пожал плечами. Слова Серенака стекали с него, как дождь с черепичной крыши.

— Инспектор, неужели вы вскружили голову Стефани подобными глупостями?

Серенак шагнул вперед. Он был выше Жака Дюпена на добрых двадцать сантиметров.

— Довольно, — громко сказал он. — Прекратим эту нелепую игру. Я не стану писать никакой записки. Мне плевать на ваш мелочный шантаж. Можете нанимать хоть сотню адвокатов и рушить мою так называемую карьеру...

В глазах Жака Дюпена впервые мелькнуло что-то похожее на сомнение. Он пристально посмотрел на Серенака. Инспектор отвел взгляд и заметил вдали колокольню церкви Святой Радегунды, возвышавшуюся над крышами домов Живерни. Деревушка отсюда казалась игрушечной...

— Виноват, инспектор, — сказал Дюпен. — Я вас недооценил. Если допустить, что вы и правда так думаете...

Его лицо исказила гримаса ненависти.

— Вы не оставляете мне выбора. Придется прибегнуть к более сильным аргументам.

Дюпен медленно поднял ружье и нацелил его в лоб инспектору. Лоренс Серенак не двигался и в упор смотрел на противника. По шее у него стекали крупные капли пота.

— Ну вот все и прояснилось, — не сказал, а прошипел он. — Маски сброшены, Дюпен. Я вижу ваше истинное лицо. Лицо убийцы Морваля.

Дуло ружья чуть опустилось. Теперь оно глядело инспектору в глаза, как магнитом притягивая к себе его взгляд.

— При чем здесь Морваль? — закричал Дюпен. — Не мешайте все в одну кучу! Это дело касается только нас троих! Стефани, вас и меня!

Ружье у него в руках сдвинулось в сторону, целясь полицейскому в ухо. Серенак понимал, что должен тянуть время, а значит, продолжать с Дюпеном этот безумный разговор.

— Ну и что вы намерены сделать? Застрелить меня? Прямо здесь, под тополями? Вы же знаете, что вас поймают. Охотничье ружье... Убитый выстрелом в упор любовник вашей жены... Свидание на Крапивном острове... Вся деревня видела, как я ехал сюда на мотоцикле. Вы уберете меня со своего пути, но закончите свои дни в тюрьме. Не лучший способ сохранить Стефани...

Ружье приблизилось к лицу инспектора чуть ли не вплотную, глядя дулом ему в рот. Серенак колебался. Наверное, пора перейти в наступление. Вырвать оружие из рук Дюпена. Он сильнее противника, и реакция у него лучше. Сейчас самый подходящий момент. Но инспектор не

спешил действовать...

— А вы хитрец, — бросил Дюпен, и рот у него дернулся. — По этому пункту вы правы на все сто. Но только по этому. С моей стороны будет не слишком умно убивать вас здесь. Конечно, меня схватят. Но... Ладно, время идет. Быстро пишите записку.

Ружье опустилось к шее инспектора. Серенак медленно поднял правую руку и вдруг быстро опустил ее.

Его кулак сжал пустоту.

Жак Дюпен успел отступить на метр, по-прежнему держа инспектора на прицеле.

— Вам захотелось поиграть в ковбоев, инспектор? Бросьте. Сколько раз вам повторять, вы зря тратите время. Напишите красивую прощальную записку.

Серенак лишь презрительно пожал плечами.

— Даже не надейтесь, Дюпен. И вообще, что-то эта комедия затянулась...

— Что вы сказали?

— Я сказал, что эта комедия затянулась.

— Комедия?

Дюпен вытаращил глаза. С его лица напрочь исчезло высокомерно-циничное выражение.

— Комедия? Вы сказали: комедия? Комедия... Вы что же, Серенак, так ничего и не поняли? Вы не желаете взглянуть в лицо реальности? Видите ли, есть одна деталь... Хотя вы, Серенак, не имеете о ней ни малейшего представления...

Холодный ствол охотничьего ружья уперся инспектору в сердце. Лоренс Серенак в первый раз не нашелся с ответом.

— Вы понятия не имеете, Серенак, до какой степени мне дорога Стефани. Ради нее я готов на все. Возможно, вы, Серенак, любите Стефани. Возможно даже, любите по-настоящему. Но вы даже не подозреваете, насколько ваша смешная привязанность меньше того, что испытываю к ней я...

Лоренс сглотнул. Его переполняло отвращение.

— Можете называть это как угодно, Серенак, — продолжил Дюпен. — Помешательством. Наваждением. Абсолютной любовью...

Палец на спусковом крючке дернулся.

— Но вы напишете эту прощальную записку! И исчезнете навсегда!

Стефани Дюпен посмотрела на настенные часы, висевшие над доской. 16:20.

Еще целых десять минут! Через десять минут она отпустит детей и побежит на свидание с Серенаком. На Крапивный остров. Ее охватило возбуждение. словно школьницу, которую прыщавый возлюбленный ждет после уроков на автобусной остановке.

«Все это немного смешно», — подумала она. Ну да, конечно. Но она слишком давно не осмеливалась прислушаться к своему сердцу и всмотреться, мечтая о безоблачном счастье, в небесную голубизну. Что, если отпустить детей прямо сейчас? Чмокнуть каждого в обе щеки и сказать, что она от них уходит? Что она отправляется в кругосветное путешествие! А когда вернется, они уже станут большими!

И звонко рассмеяться при виде изумленных лиц их родителей!

Ведь и правда смешно. Восхитительно смешно! Сегодня ей было не до строгостей. Она не ругала детей за шалости, вместо этого хихикая над ними, как дурочка... Она даже не отчитала их за то, что никто, включая самых способных учеников, не сдал работы для участия в конкурсе фонда Робинсона. В любой другой день она произнесла бы перед ними торжественную речь о том, что нельзя упускать счастливый шанс, что юному таланту необходима помощь, что никогда не следует наступать на горло собственной песне и позволять угаснуть искре дарования... Она целый год повторяла им эти советы, на самом деле обращенные в первую очередь к себе.

Она в свое время тоже наслушалась советов!

Еще девять минут. И она убежит.

Дети корпели над математической задачей. Пусть ненадолго отвлекутся от Арагона и живописи. Кое-кто из родителей высказывал ей свое недовольство: дескать, она слишком мало внимания уделяет полезным наукам, например математике...

«Преступно мечтать...»

Стефани обратила взгляд своих фиалковых глаз за окно, за шеренгу тополей, обступивших сад Моне.

— Ты что, так и не сдала картину? — прошептал Поль, поворачиваясь к Фанетте.

Фанетта его не слышала. Учительница смотрела в окно.

«Скоро!»

Фанетта прокралась к парте, за которой сидел Поль.

— Что ты сказал?

— Картина? На конкурс?

Винсент бросил на них странный взгляд. Мэри неторопливо ерзала на стуле, дожидаясь, чтобы поднять руку, как только учительница повернет голову от окна.

— Не смогла. Меня сейчас мать по утрам до самой школы провожает. Опять бы раскричалась. После уроков тоже встречает...

Фанетта покосилась на учительницу: «нет, по-прежнему стоит, уставившись в окно. А вот Мэри, кажется, встает из-за парты... Нет, не успела — Камиль склонился над ее тетрадью и начал объяснять ей, как решать задачу.

Вот спасибо тебе, Камиль. Молодец, толстяк! По правде говоря, Мэри удивительно тупа в математике. Она вообще тупая. Камиль этим пользуется. Задирает перед ней нос. На Мэри это в конце концов должно подействовать...»

Фанетта сидела на корточках возле парты Поля.

— Поль! — шепотом произнесла она. — Можешь после уроков сбегать за моей картиной? Она там, в тайнике. Отнеси ее учительнице, ладно?

— Конечно! — сказал Поль. — За пять минут туда-обратно сгоняю.

Фанетта проскользнула между партами, торопясь потихоньку вернуться на свое место. «Учительница ничего не заметила бы, если бы не этот придурок Пьер! Выставил свой ранец прямо в проходе». Фанетта споткнулась о ранец, который сдвинулся в сторону и налетел на ножку стула. Раздался странный металлический звук — словно колокольчик зазвенел.

«Идиотка!»

Стефани Дюпен повернулась к ученикам.

— Фанетта! — сказала учительница. — Почему ты расхаживаешь по классу? Немедленно сядь на место.

Ружейный ствол по-прежнему упирался в кожаную куртку инспектора Лоренса Серенака. Жак Дюпен целил ему прямо в сердце. Поляна

напоминала античный храм, роль сводов в котором исполняли тополя. Священное место, где царит тишина. За деревьями угадывалась сверкающая гладь реки, убегающей вдаль.

Серенак пытался размышлять быстро и методично. Кто такой этот человек, что стоит сейчас напротив него? Тот, кто целится ему в грудь? Является ли Жак Дюпен убийцей Жерома Морваля? Если да, то перед ним — расчетливый и осторожный преступник. Подобный тип не станет средь бела дня стрелять в полицейского. Он просто блефует.

Догадаться по лицу Жака Дюпена, так ли это, было невозможно. Он выглядел обычным охотником на Астрагальском холме, берущим на мушку кролика или куропатку: брови нахмурены, взгляд сосредоточен, влажные губы слегка подрагивают от азарта. Не слишком удачливым охотником, которому в кои-то веки попала на пути крупная дичь. Серенак заставил себя проанализировать ситуацию, отталкиваясь от противоположной точки зрения. Допустим, Жак Дюпен — просто ревнивый муж, униженный изменой жены. Станет такой хладнокровно убивать соперника?

Очевидно, что нет. Преступник Дюпен или не преступник, сейчас он блефует.

Серенак собрался с духом и уверенным голосом произнес:

— Вы блефуете, Дюпен. Не знаю, псих вы или нет, но вы в меня не выстрелите.

Жак Дюпен побледнел как полотно. Наверное, его сердце отсчитывало удары так медленно, что кровь перестала поступать в сосуды, расположенные выше шеи. Одной рукой он сжал ружейный ствол. Вторая по-прежнему лежала на спусковом крючке.

— Оставьте свои игры, Серенак. Не стройте из себя героя. Вы что, до сих пор не поняли? Вы на самом деле хотите крови?

Мысли в голове Серенака пришли в смятение. Инспектор понимал, что у него всего несколько секунд на принятие решения. Надо довериться инстинкту. Как ему не хватало времени! Если б только можно было все хорошенько обдумать, а еще лучше — обсудить с Сильвио Бенавидишем, изучить его знаменитые три колонки, найти точки соприкосновения между Жеромом Морвалем и прочими неизвестными элементами дела — «Кувшинками», живописью, детьми, почерком убийцы, 1937 годом... С каждым вдохом ледяной ствол ружья давил ему на грудь все сильнее.

Их разделяло примерно полметра. Длина ружейного ствола.

— Вы ненормальный, — тихо сказал Серенак. — Опасный

сумасшедший. Я вас посажу. Я или кто-то другой, но вы будете сидеть.

Под тополем вскочил на ноги Нептун, разбуженный их голосами. Посмотрел в их сторону и насторожил уши.

— Серенак! — закричал Жак Дюпен. — Будете вы меня слушать или нет, черт вас возьми?! Вы ничего не сможете сделать. Я не отпущу Стефани! Только попробуйте мне помешать, клянусь, я убью ее, а потом сам застрелюсь! Вы думаете, что любите Стефани? Так докажите свою любовь! Откажитесь от нее. И она останется жить. Вы останетесь жить. Все будут счастливы!

— Глупый шантаж.

— Это не шантаж, Серенак! — Дюпен уже орал. — Я с вами не торгуюсь! Я говорю вам, что случится, если вы не уберетесь с моего пути! Я на все способен! Мне терять нечего! Дошло? Зовите хоть всех легавых мира, вы меня не остановите!

Ружье давило ему в грудь со страшной силой. Серенак понимал, что упустил время действовать. Дюпен следил за каждым его движением. Он успеет нажать на спусковой крючок. Инспектору оставалось рассчитывать только на слова.

— Если вы меня убьете, то в любом случае потеряете Стефани. В любом случае...

Жак Дюпен, не сводя с инспектора глаз, медленно отступал от него.

— Хватит болтать. И так сколько времени зря потратили. В последний раз говорю вам, инспектор: черкните три слова и исчезните. Это не так уж трудно. Вы быстро обо всем забудете. И никогда сюда не возвращайтесь. Только от вас зависит, прольется кровь или нет.

Неожиданно Жак Дюпен сложил губы трубочкой и свистнул. На его зов примчался Нептун.

— Думайте, Серенак. Быстро.

Серенак не сказал ни слова, лишь машинально положил руку на лохматую собачью голову.

— Вы ведь знаете Нептуна, инспектор? В Живерни все знают Нептуна. Веселая собака, обожает играть с детишками. Все его любят. Да его нельзя не любить. Он добряк и мухи не обидит. Я его сам люблю, сто раз ходил с ним на охоту...

Ружье мгновенно опустилось вниз, к коленям инспектора Серенака, и оказалось в двадцати сантиметрах от морды Нептуна. Пес смотрел на людей с детским доверием — ни дать ни взять ребенок, глядящий на родителей.

Тишину под тополями разорвал звук выстрела.

Это был выстрел в упор.

Голова собаки разлетелась клочьями.

Пес рухнул на землю бесформенной массой. Рука Серенака повлажнела от крови. Его рубашку и брюки забрызгало кровавыми ошметками.

В его сердце закрался панический страх, лишая способности ясно мыслить. Дюпен снова поднял ружье и в долю секунды упер его в грудь инспектору.

— Думайте, Серенак. Быстро.

72

В такой солнечный майский день школа кажется тюрьмой.

16:29.

Дети с веселыми криками выбегали из класса. Родители, поджидавшие их на площади возле мэрии, на бегу ловили своих отпрысков; те, кому удалось вырваться из родительских рук, удирали под липы, на улицу Бланш-Ошеде-Моне.

Выпустив последнего ученика, Стефани толкнула дверь класса. Хоть бы никто не начал приставать к ней с вопросами. Хоть бы ее не задержали родители...

Еще несколько минут — и она окажется в объятиях Лоренса. Наверное, он уже на Крапивном острове. Их отделяют друг от друга какие-то сотни метров. В коридоре она замешкалась возле вешалки, раздумывая, взять ли пиджак, но в конце концов вышла без него. На ней было легкое платье — то самое, в котором Лоренс видел ее в первый раз, десять дней назад.

На площади возле мэрии она с удовольствием подставила солнцу свои обнаженные руки.

«Как будто оно светит специально для меня...»

Стефани поймала себя на том, что радуется, как девчонка.

Проходя мимо здания мэрии, она посмотрела на свое отражение в окне и даже удивилась, до чего она хорошенькая в этом простом платье. Скоро Лоренс снимет его с нее и забросит в крапиву... Ей стоило немало труда не пуститься бегом по улице Бланш-Ошеде-Моне. Вместо этого она подошла к окну поближе и распустила пучок — серебристые ленты блеснули на солнце. Может быть, заскочить домой? Погладить платье и... снять белье? Надеть платье прямо на голое тело? И так пройти через весь

Живерни... Раньше ей это и в голову не пришло бы. Но почему бы и нет? Она задумалась.

Желание как можно скорее увидеть Лоренса в конце концов взяло верх. Она подмигнула своему отражению. Утром она слегка подкрасила глаза, совсем чуть-чуть. Да, если она посмотрит на Лоренса таким сияющим взглядом, он ее спасет.

Лоренс увезет ее отсюда.

Ее жизнь больше никогда не будет прежней.

Стефани быстрым шагом спустилась по улице Бланш-Ошеде-Моне и вышла на шоссе Руа. Она решила не обходить мельницу «Шеневьер» по тропинке, а направилась прямо через кукурузное поле.

Дети обожали играть в этом кукурузном поле, прячась друг от друга за высокими стеблями. Стефани не боялась заблудиться в их лабиринте. Она шла прямо к своей цели. Самой короткой дорогой.

73

Поль осторожно перешел через мост над ручьем. Ему почему-то было немного не по себе. Возможно, из-за того, что Фанетта напустила туману вокруг своей картины. Спрятала ее в тайник и сказала, что никто, кроме них, не знает о том, что она все-таки написала эти знаменитые «Кувшинки». Фанетта любит всякие секреты. Она не такая, как другие девочки. А может, Полю страшновато из-за истории про убитого художника. Джеймс, кажется, так его звали. Американец...

Неужели Фанетта на самом деле видела в поле его тело? Или она все это сочинила? В деревне, между прочим, полным-полно полиции. Ходят по домам, все что-то выпрашивают. Ищут, кто убил того дядьку.

Поль не признался Фанетте, что боится идти за картиной. Разве рыцарь может чего-то бояться? Но, если честно, у него прямо поджилки тряслись. Да еще эта мельница тут рядом, со своим ржавым полуутопленным в воде колесом и башней, как в сказке про заколдованный замок...

За спиной Поля послышался какой-то шум.

Поль резко обернулся. Никого.

Надо быть осторожным. Фанетта доверила ему это задание. Только ему. Потому что больше она никому не доверяет. Ну да, задание совсем простое — пойти и достать из щели под портомойней картину, отнести ее

учительнице и сказать, что это для участия в конкурсе фонда Робинсона. Совсем пустяковое задание. От школы до портомойни можно пройти минут за пять. Туда-обратно — за десять.

Поль еще раз осмотрелся по сторонам, убедился, что ни на мосту, ни во дворе мельницы, ни в поле у него за спиной никого не видно, нагнулся над ступеньками портомойни и просунул руку в щель.

Вот тут ему стало по-настоящему страшно.

Его рука шарилась в темноте, но ничего не находила. Там было пусто! Куда подевалась картина? Кто-то ее украл. Кто-то так разозлился на Фанетту, что решил ей отомстить. Или догадался, что первая картина Фанетты когда-нибудь будет стоить кучу денег. Потому что ясно, что в будущем ее картины будут продаваться дорого, очень дорого, так же дорого, как картины Моне...

Ну конечно, кто-то ее украл. Рука Поля металась туда-сюда, но хватала только паутину. Нет, этого не может быть! Никто не видел, куда Фанетта спрятала картину!

У него за спиной раздался шорох.

Там кто-то есть! Поль приказал себе успокоиться. Кто-то идет по мосту, что тут такого? По этому мосту постоянно кто-то ходит. Надо бы обернуться, посмотреть, но он так и не нашел картину. А ее обязательно надо найти. Поль лег на живот и, извернувшись, сунул в щель обе руки.

Ему стало жарко. Такое простое задание, а он его провалил. Как он посмотрит в глаза Фанетте? Как скажет ей, что картина пропала? Поль вдруг осознал, что шагов на мосту больше не слышно.

Как будто тот, кто шел, вдруг остановился.

«До чего же жарко. Дышать нечем».

Вдруг его пальцы нащупали далеко в глубине что-то похожее на плотную бумагу. Поль потянул ее на себя. Точно. Плоский предмет с квадратными углами...

«Она! Картина!»

От радости сердце чуть не выпрыгнуло у него из груди. Картина на месте, просто оказалась засунута слишком глубоко в щель. А он-то дурак, испугался. Кому нужна эта картина? Поль встал на колени и подтянул к себе находку.

Это была картина Фанетты, Поль ее сразу узнал. Тот же размер — примерно сорок на шестьдесят сантиметров. Та же коричневая оберточная бумага. На всякий случай надо ее развернуть, проверить. И заодно посмотреть на водопад ярких красок...

— Что это ты здесь делаешь?

От звуков этого голоса у Поля кровь застыла в жилах.

Кто-то стоял у него за спиной. Конечно, Поль узнал голос. Он слышал его много-много раз.

Холодный, как смерть.

74

Под козырьком водозаборной станции я наконец нашла немного тени. Я проклинала себя и свои бедные ноги. Дорога через луг от мельницы до Эпта стала для меня подвигом. Все равно что покорить Северный полюс. Экспедиция! А тут всего-то около километра. Экая я развалина. Нептун уже не меньше полчаса ждет меня на Крапивном острове, под тополями.

Ладно, хватит прохлаждаться.

Я постояла еще чуть-чуть и снова двинулась в путь.

Только не надо читать мне нотаций. Сама знаю, что я неисправимая упрямая старуха. Но мне обязательно надо попасть на Крапивный остров. В последний раз. Мое последнее паломничество. Именно там и больше нигде я выберу оружие.

Разумеется, стоило мне выйти из-под козырька здания, как на пороге возник Ришар. А ведь точно, я же видела его машину за оградой. Ришар Патерностер — последний земледелец Живерни. Ему принадлежит три четверти луга. Внешне он похож на кюре, да и фамилия у него самая подходящая.^[12] За тридцать лет он ни разу не забыл помахать мне рукой, даже если восседал на тракторе или за рулем еще какой-нибудь из своих пыточных машин и обдавал нас с Нептуном облаком выхлопа, а то и вовсе ядовитого инсектицида.

Вот и сейчас ему прямо позарез понадобилось остановить меня и пожаловаться на свою горькую судьбу. Владелец пятидесяти гектаров земель, объявленных историческим памятником, ждет от меня сочувствия!

Встречи не избежать. Он призывно машет мне руками, приглашая зайти во двор, посидеть в тени.

Делать нечего, пришлось зайти. Я лишь успела заметить на дороге клубы дыма — похожие поднимаются над поездами в кино про Дикий Запад. Мимо нас промчался мотоцикл. Он ехал быстро, но я успела его разглядеть.

«Тайгер-триумф Т-100».

75

Стефани прибежала на Крапивный остров, задыхаясь. Через кукурузное поле она пролетела не останавливаясь, словно не хотела терять ни секунды перед своим свиданием.

Она знала, что ее ждет Лоренс.

Раздвинув густую, в человеческий рост, траву, она вышла на поляну.

Под тополями Крапивного острова стояла тишина, как в храме.

Лоренса не было.

Он не спрятался, чтобы ее поддразнить. Его просто не было. Иначе она увидела бы его «Тайгер-Триумф».

Пробираясь через поле, она явственно слышала мотоциклетный треск, но не захотела обернуться и посмотреть. Она видела вдали облачко дыма. Но ей хотелось думать, что она ошиблась. Что Лоренс придет, хотя треск не приближался, а отдалялся. Она убеждала себя, что это из-за ветра. Не могла же она допустить, что Лоренс уезжает. Уезжает от нее?

Почему он уехал? Почему не дождался?

Лоренса не было.

Она огляделась и заметила на стволе ближайшего тополя белый листок. На нем были нацарапаны какие-то слова.

Она приблизилась к дереву. Она уже чувствовала, что сейчас прочтет что-то такое, что ей совсем не понравится. Что этот листок будет похож на похоронное извещение.

Двигаясь, как во сне, она подошла вплотную к тополю.

Буквы на листке плясали, как сумасшедшие.

Четыре строчки:

«Счастливой любви не существует.
Кроме той, что хранит наша память.
Прощай навсегда.

Лоренс»

У Стефани подкосились ноги. Она вцепилась в древесную кору, но та осыпалась под ее пальцами, и Стефани упала. Гигантские стволы закружились над ней в дьявольском хороводе.

Счастливой любви не существует.

Написать эти слова мог только Лоренс. Воспоминание... Вот что ему было нужно. Приятное воспоминание.

На ее светлое хлопчатобумажное платье налипли камешки и влажная земля. Руки и ноги испачкались. Стефани заплакала, отказываясь верить в очевидное.

Дура, какая же она была дура!

Воспоминание...

Прощай навсегда.

Ей тоже придется довольствоваться воспоминанием. Всю жизнь. Вернуться в Живерни, в свой класс, домой. Продолжать жить как ни в чем не бывало. Своими руками захлопнуть клетку.

Идиотка!

Во что она поверила?

Ее затрясло. В тени деревьев веяло холодом. Платье намокло. Откуда здесь вода? Ее мысли путались. Она ничего не понимала — над лугом весь день светило солнце. А, плевать. Господи, какая же она грязная. Она поднесла руки к лицу, чтобы утереть слезы.

Боже мой!

Стефани ошеломленно смотрела на свои ладони. Они были красными. Красными от крови.

У нее закружилась голова. Что тут произошло? Стефани подняла руки — они тоже были перепачканы кровью. Платье пропиталось пурпурными пятнами.

Она лежала в луже крови!

Красной крови. Совсем свежей.

Внезапно на деревьях за ее спиной зашелестели листья.

Там кто-то был.

76

— Что это у тебя там? Что в этом пакете?

Поль обернулся и тут же испустил вздох облегчения. Это был Винсент! Мог бы и раньше догадаться. Винсент вечно за всеми шпионит. Но все равно хорошо, что это всего лишь Винсент. Хотя он говорит каким-то странным голосом. И смотрит как-то странно.

— Ничего.

— Как это «ничего»?

Фанетта была права. Винсент — прилипала.

— Ну ладно. Раз уж тебе так хочется, покажу. Смотри!

Поль наклонился и снял с картины оберточную бумагу. Винсент подошел к нему поближе.

«Готовься, хорек любопытный, сейчас увидишь!»

Поль снял обертку. «Кувшинки» Фанетты заиграли на солнце всеми своими красками. Цветы кувшинок на холсте подрагивали, словно двигались по нарисованной воде, как плавучие островки.

Винсент ничего не сказал, лишь не отрываясь смотрел на картину.

— Ладно, — наконец решительно произнес Поль. — Помоги мне ее завернуть. Надо отнести учительнице. Это на конкурс, сам понимаешь.

Он бросил на Винсента исполненный гордости взгляд.

— Что думаешь? Разве не гениально? У Фанетты настоящий талант! За нее будут сражаться лучшие художественные школы мира! Токио, Нью-Йорк, Мадрид... А она будет выбирать!

Винсент выпрямился. Его вдруг зашатало, как пьяного.

— Что с тобой? — забеспокоился Поль.

— Н... н-не делай этого, — чуть слышно прошептал Винсент.

— Что не делать?

Поль начал заворачивать картину в бумагу.

— Не относи эту к-картину учительнице. Н-нельзя, чтобы ее отослали на край света. Потому что потом они заберут у нас Фанетту.

— Да что ты болтаешь? Помоги мне лучше.

Винсент приблизился к Полю, который сидел на корточках, накрыв его своей тенью.

— Брось картину в реку! — Винсент произнес это громко и властно. Поль еще никогда не слышал, чтобы он так говорил. Он поднял голову: что он, шутит, что ли?

— Винсент, прекрати болтать ерунду. Помоги завернуть.

Винсент ничего не ответил. Потом неожиданно шагнул вперед, поднял правую ногу и пихнул картину.

Та съехала к ручью, до которого было всего несколько сантиметров.

Но рука Поля удержала ее. Поймала в последний момент. Поль вскочил на ноги.

— Ты что делаешь, псих?! Ты же ее чуть не уронил!

Поль не боялся, что Винсент кинется в драку. Винсент никогда не дрался с теми, кто сильнее его, а Поль был сильнее. Значит, надо просто объяснить ему. Он поймет.

Винсент отступил на пару метров, укрылся под ветвями плакучей ивы и принялся рыться в карманах.

— Поль, я все равно не дам тебе этого сделать. Я не допущу, чтобы у

нас отняли Фанетту.

— Больной! Иди отсюда!

Поль двинулся на Винсента. Тот выскочил из-под ивы. В руках у него блеснул нож.

— Ты что?..

От удивления Поль остолбенел.

— Сейчас ты отдашь мне эту картину, Поль. И я ее немного порежу. Совсем чуть-чуть...

Поль больше не слушал, что говорит Винсент. Он смотрел на нож — широкий и плоский. Он видел такой у Фанетты. Художники пользуются им, чтобы чистить палитру. Он называется «мастихин».

«Откуда у Винсента мастихин?

У кого он его украл? У какого художника?»

— Давай сюда картину, — повторил Винсент. — Ты же видишь, я не шучу.

Поль оглянулся. «Хоть бы кто-нибудь пришел на помощь — сосед, случайный прохожий, все равно кто». Он поднял глаза к башне мельницы «Шеневьер». Никого. Ни одной живой души. Ни кошки, ни собаки. Даже Нептун куда-то исчез.

У него закружилась голова.

В памяти всплыло имя. «Нет, этого не может быть! Джеймс».

Поль еще раз взглянул на нож в руке Винсента. Нож был грязный. Художники всегда моют свои инструменты.

А Винсент не вымыл.

Лезвие ножа покрывали ржавые пятна.

Это была засохшая кровь.

77

Ноги Стефани скользили по влажной, пропитанной кровью земле, безуспешно ища опору.

«Кто-то идет».

Она потянулась руками к стволу тополя, обхватила его и, преодолевая слабость, поднялась на ноги. Ей казалось, что она вся покрыта экскрементами и кровавыми ошметками, как будто ее швырнули в братскую могилу и она выбиралась из-под трупов.

«Кто-то идет».

Стефани вцепилась в тополь, прижалась к нему и принялась тереться о

ствол дерева, пытаясь то ли очиститься, то ли взять у него немного силы.

«Кто-то идет».

Кто-то шел берегом Эпта. Она отчетливо слышала звук шагов и шелест раздвигаемых папоротников. Шаги приближались. От шеренги тополей отделился темный силуэт. Солнце било Стефани в глаза, и она не могла разглядеть, кто это.

«Лоренс?»

Хоть бы это был Лоренс. Стефани тут же забыла бы про кровь и грязь. Она содрала бы с себя перепачканное платье и бросилась бы к нему в объятия.

Он вернулся. Он ее увезет.

Сердце колотилось в груди.

— Я... Я нашел его таким.

Жак. Это голос Жака.

Ледяной.

Пальцы Стефани царапали древесную кору. Один за другим ломались ногти, причиняя боль, переходящую в нестерпимую муку.

Темный силуэт подходил к ней все ближе.

Жак.

Ее муж.

Стефани словно отупела. Она даже не задумалась, как он попал на Крапивный остров. Она не пыталась восстановить последовательность событий. Они навалились на нее слишком быстро и были слишком страшными, чтобы она сохранила ясность ума.

Жак нес на руках что-то большое. Собака! Это была собака. Кто-то снес ей полголовы. Кровь из чудовищной раны капала на ноги Жаку.

Нептун.

— Я нашел его таким, — бесцветным голосом сказал Жак. — Случайный выстрел, не иначе. Кто-то из охотников... Принял его за дичь. Или... Или его убила какая-то сволочь. Стефани, он не страдал. Он умер мгновенно.

Стефани медленно сползла на землю, обдирая о древесную кору руки и ноги. Боли она не чувствовала. Она вообще ничего больше не чувствовала.

Жак улыбнулся ей. Жак очень сильный. И такой спокойный.

Он аккуратно положил мертвого Нептуна на траву.

— Все будет хорошо, Стефани.

Стефани поняла, что у нее нет сил сопротивляться. Хорошо, что Жак

пришел. Что бы она без него делала? Он всегда рядом. Никогда не жалуется. Ни в чем ее не упрекает. Ничего не просит. Просто он есть. Как вот это дерево. Жак — это дерево, которое кто-то посадил рядом с ней. Он не беспокоится, когда она от него отдалается. Он знает, что она вернется, чтобы укрыться в его спасительной тени.

Жак протянул ей руку. Она встала.

Она ему верит. Только ему. Он — единственный мужчина, который ни разу ее не предал. Она уткнулась ему в плечо и зарыдала.

— Пошли, Стефани. Пошли. Я оставил машину тут неподалеку. Положим Нептуна в багажник. Пошли, Стефани. Пошли домой.

78

Инспектор Лоренс Серенак прислонил мотоцикл к белой стене здания комиссариата. Расстояние от Живерни до Вернона он преодолел за какие-нибудь пять минут. Внутри он влетел как ураган. Мори сидел на месте дежурного и беседовал с тремя девушками. Одна из них, на грани истерики, беспрестанно повторяла, что у нее только что украли на вокзальной площади сумку.

— Сильвио не видел?

Мори поднял голову.

— Он внизу. В архиве.

Серенак стрелой промчался мимо него, кубарем скатился по лестнице и толкнул красную дверь. Сильвио Бенавидиш сидел за столом и что-то писал. На столе стояла коробка для вещдоков по делу Морваля; ее содержимое было аккуратно разложено рядом. Фотографии любовниц Жерома Морваля, снимки с места преступления, список учеников школы в Живерни, отчет патологоанатома о вскрытии, результаты графологической экспертизы, фотокопии картин с кувшинками, какие-то рукописные записки...

— Патрон! Хорошо, что вы пришли. По-моему, я кое-что нашел...

Серенак его не дослушал.

— Бросай все, Сильвио. Мы закрываем дело.

Бенавидиш посмотрел на него с удивлением.

— Я все же расскажу вам, что узнал. Во-первых, я наконец нашел пятую женщину. Ту самую, в синем халате. Проверил квитанции семьи Морваль, выяснил, кому и за что они платили. Обзвонил несколько

десятков человек. Короче, ее зовут Жанна Тибо. Она действительно спала с Морвалем — как она мне объяснила, чтобы не потерять работу. Расчет себя не оправдал — Патрисия выгнала ее через два месяца. Она переехала в пригород Парижа. Сейчас живет с почтальоном. У нее двое детей, пяти и трех лет. В общем, ничего интересного. Этот след тоже завел в тупик.

Серенак поднял на помощника мрачный взгляд.

— Вот именно. Тупик. Я рад, что ты со мной согласен. Это дело...

— Но, — торжествующим голосом перебил его Бенавидиш, — я не поленился и съездил в архив управления департаментом. Провел там прорву времени. Зато нашел номера газеты «Вернонский республиканец» за тысяча девятьсот тридцать седьмой год. Они писали о смерти мальчика по имени Альбер Розальба. Даже взяли интервью — если его можно так назвать — у матери погибшего ребенка, Луизы Розальба. Она не верила в то, что это был несчастный случай. Она...

— Ты меня не понял, Сильвио! — громко сказал Серенак. — Мы бросаем это дело. Расследование зашло в тупик. Все это чистый бред! Неизвестные полотна с кувшинками, спрятанные на чердаках у жителей Живерни, ребенок, утонувший бог знает когда, еще до войны, мужья-рогоносцы!.. Мы занимаемся какой-то фигней!

Бенавидиш наконец отложил в сторону ручку.

— Простите, патрон, но я вас не понимаю. Что вы имеете в виду, говоря: «Мы бросаем это дело»?

Серенак одним взмахом руки смел со стола бумаги и уселся на освободившееся место.

— Хорошо, Сильвио, я выражусь иначе. Ты был прав. По всем пунктам. С моей стороны было настоящим безумием смешивать расследование уголовного преступления с личными чувствами. Я понял это слишком поздно, но все-таки понял.

— Вы говорите о Стефани Дюпен?

— Если угодно...

Сильвио Бенавидиш снисходительно улыбнулся и принялся методично собирать рассыпанные бумаги.

— Значит, Жак Дюпен — больше не враг народа номер один?

— Судя по всему, нет.

— Но тогда...

— Послушай меня, Сильвио! — Серенак яростно застучал кулаком по столу. — Я сейчас позвоню судебному следователю и скажу, что я завяз в этом деле. Я признаю собственную профнепригодность. Если он решит передать расследование другому...

— Но...

Сильвио Бенавидиш обвел взглядом разложенные на столе предметы, после чего покосился в свои записи.

— Понимаю вас, патрон. Наверное, это правильное решение. Хотя...

Он пригляделся к начальнику и воскликнул:

— Господи, что с вами, патрон?

— А что?

— Да у вас вся куртка в крови! Вы что, труп переносили?

Лоренс вздохнул.

— Я тебе все потом объясню. Что ты имел в виду, когда сказал: «Хотя»?

Сильвио заколебался. В конце концов он отвел глаза от окровавленной одежды Серенака.

— Хотя... Чем старательнее я собираю части головоломки, тем упорнее меня преследует мысль о том, что какому-то одиннадцатилетнему ребенку грозит опасность. Если мы сейчас бросим это дело, есть риск, что...

Сильвио Бенавидиш не успел договорить. По лестнице прогрохотали торопливые шаги и в комнату ворвался агент Мори.

— Сильвио! Только что из роддома звонили! Вроде как там началось! Сказали, воды отошли... Я спросил, что и как, но они со мной не стали разговаривать. Сказали, пусть папаша сюда мчится. Быстро!

Бенавидиш вскочил со стула и схватил свою куртку. Лоренс Серенак дружески хлопнул его по плечу.

— Давай, Сильвио, дуй! Об остальном забудь!

— Да... Ой... Но...

— Беги, дурила!

— Спасибо, Лор... То есть патрон... Ну, это... Лоренс, я...

Он пытался надеть куртку, но руки отказывались попадать в рукава.

— Чего ты тянешь? — торопил его Серенак. — Беги давай!

— Уже бегу. Последнее, патрон... Можно на «ты»?

— Давно пора, дубина.

Они улыбнулись друг другу. Инспектор Бенавидиш окинул взглядом разложенные на столе бумажные листы, задержавшись на фотографии Стефани Дюпен, шагнул к двери и с порога сказал:

— Я взвесил все «за» и «против» и пришел к выводу, что ты правильно решил бросить это дело!

Лоренс Серенак слушал, как стучат по лестнице башмаки убегающего

помощника. Топот ног доносился все слабее, затем хлопнула вдали дверь, и настала тишина. Серенак медленно складывал в красную архивную коробку материалы расследования. Фотографии, отчеты, записи. Подойдя к полке, пробежал глазами расставленные в алфавитном порядке другие коробки и нашел место для своей.

На букву «М». *Дело Морваля.*

Он отступил на шаг. Дело Морваля превратилось в одно из сотен других, так же оставшихся нераскрытыми. Несмотря ни на что, из головы у Серенака не шли слова Сильвио.

«Какому-то ребенку грозит смертельная опасность.

Один ребенок умирает. Другой рождается.

Сильвио забудет...»

Лоренс Серенак почти весело посмотрел на кучу сапог, сваленных в углу, — владельцы за ними так и не явились, что неудивительно: это старье годилось разве что на помойку. На столе по-прежнему лежал гипсовый слепок следа, найденного на берегу ручья. «Да уж, — иронично подумал он, — расследование завершилось пшиком». И тут же перекинулся мыслями к Стефани и смерти Нептуна.

Да, он принял верное решение. Хватит уже смертей.

Что же до фиалковых глаз Стефани, ее фарфоровой кожи, бледных губ и серебристых лент в волосах...

Он о них забудет.

Во всяком случае, он на это надеялся.

79

— Дай сюда картину, — повторил Винсент.

С ножом в руке он заговорил совсем другим голосом, будто сразу стал на несколько лет старше, — так говорят подростки, накопившие немалый опыт в уличных потасовках. Поль крепче прижал к себе картину.

— Винсент, откуда у тебя этот нож?

— Нашел! И вообще это не твое дело! Гони картину! Ты сам понимаешь, что я прав! Если тебе действительно дорога Фанетта...

У Винсента странным образом изменились глаза. Начиная от уголков, они наливались кровью. Как у настоящего безумца. Поль раньше никогда не видел Винсента в таком состоянии.

— Ты мне не ответил. Где ты нашел этот нож?

— Не переводи разговор!

— Почему на ноже кровь?

У Винсента дрожала рука. Красноты в глазах прибавилось.

— Не лезь не в свое дело!

Полю казалось, что приятель меняется прямо у него на глазах, превращаясь в опасного сумасшедшего. Он ухватился рукой за поручень портмойни.

— Это не ты?.. Не ты?.. Нет, не может быть, чтобы ты...

— Пошевеливайся, Поль! Дай мне картину! Мы с тобой в одном лагере. Если тебе дорога Фанетта, мы с тобой должны действовать заодно.

Нож описывал в воздухе беспорядочные загогулины. Поль отступил на шаг.

— Черт... Так это все-таки ты... Ты убил этого американца... Художника... *Джеймса!* Мне Фанетта говорила. Ножом в сердце! Это ты сделал?

— Заткнись! Что тебе за дело до какого-то американца? Я думаю только о Фанетте! Выбирай, с кем ты. У тебя еще есть шанс. Отдай мне картину! Или просто брось ее в воду! В последний раз говорю!

Рука Винсента напряглась. Он крепче сжал нож, готовясь к нападению.

— В последний раз...

Поль улыбнулся и наклонился, чтобы положить упакованную картину на землю.

— Ладно, Винсент. Давай поговорим спокойно...

Вдруг он выпрямился. Винсент не ожидал ничего подобного и не успел даже двинуться. Поль крепко обхватил его запястье и принялся выворачивать ему руку. Винсент упал на колени. Он изрыгал проклятья, но Поль держал его крепко. Покрасневшие глаза Винсента наполнились слезами боли и унижения. Рука разжалась, и нож из нее выпал. Поль мыском ноги отбросил его подальше, метра за три, под ивы, но не ослабил хватку, напротив — завел руку Винсента тому за спину и поднял ее вверх.

— Плечо, черт, мое плечо! — завыл Винсент. — Ты же мне плечо вывихнешь!

Поль еще немного приподнял руку Винсента. Он всегда был сильнее.

— Ты больной, вот что я тебе скажу. Натуральный псих. Тебя лечить надо. Я все расскажу твоим родителям. И в полиции расскажу. И всем остальным. Я всегда подозревал, что у тебя не все дома, но чтобы до такой степени...

Винсент выл. Поль иногда принимал участие в драках, которые

мальчишки затевали в школьном дворе во время перемены, но он никогда никого не бил всерьез. Он не знал, как далеко может завести руку Винсента, чтобы ее не сломать. Ему казалось, он слышит хруст костей.

Винсент прекратил выть. Теперь он просто плакал. Его тело обмякло, и он больше не пытался сопротивляться. Поль наконец отпустил руку Винсента и наподдал ему ногой, отчего тот откатился на метр.

И остался лежать бесформенной кучей тряпья.

— Учти, я за тобой слежу, — пригрозил Поль.

Он убедился, что нож отлетел достаточно далеко и что Винсенту его не достать. Винсент подобрал под себя коленки и скрючился в позе зародыша. Не спуская с него глаз, Поль наклонился и протянул руку к картине.

Он отвернулся от Винсента на полсекунды, не больше. Но этого оказалось достаточно.

Винсент вскочил и бросился на Поля, выставив вперед локти. Поль успел отскочить в сторону, так что локти Винсента задели его лишь по касательной. Винсент пробежал мимо него и тяжело плюхнулся в заросли крапивы.

«Больной!»

Больше Поль ни о чем не успел подумать, потому что поскользнулся и, не удержавшись на ногах, упал на глинистый берег. Он безуспешно молотил в воздухе руками и ногами, ища, за что бы зацепиться, — ветку, перекладину портомойни, столбик...

Слишком поздно.

Он опрокинулся на спину и инстинктивно попытался сгруппироваться, но стукнулся спиной о кирпичную стену портомойни. Тело пронзила острая боль. Поль прокатился по скользкому берегу еще примерно с метр и налетел виском на бетонный столб. В глазах полыхнула яркая вспышка, похожая на разряд молнии.

Он продолжал скользить к ручью. Он все видел и все соображал, но тело отказывалось ему повиноваться. Холодная вода коснулась его волос.

Поль понял, что сантиметр за сантиметром сползает в ручей. Он видел теперь только синее небо у себя над головой, расчерченное, словно расцарапанное, ивовыми ветвями.

Вода заливалась в уши, текла за воротник, а он продолжал скользить.

Над ним возникло лицо Винсента.

Поль протянул ему руку — или ему показалось, что он ее протянул? Он не чувствовал своего тела. Во всяком случае, на синем экране неба он своей руки не увидел. Винсент улыбнулся. «Чему он улыбается, — подумал Поль. — Он что, думает, что это шутка? Что он медлит? Почему не

поможет ему выбраться из воды? Или он на самом деле псих?»

Винсент подошел совсем близко.

Теперь Поль знал ответ на свой вопрос. Губы Винсента раздвинула не улыбка, а злобная гримаса. В тот же миг Поль наконец увидел руку, даже две. Это были руки Винсента. Они мелькнули у него перед глазами и исчезли. Но переместились Полю на плечи и подтолкнули его в воду.

Полю хотелось драться. Перевернуться и вlepить как следует этому ненормальному. Он же сильнее. Намного сильнее.

Но он не мог даже пошевелиться. Его тело было парализовано.

Две руки упорно спихивали его в воду.

Ледяная вода дошла Полю до носа и рта, залила глаза.

Последнее, что увидел Поль, были розовые пятна, танцующие на поверхности воды.

Они напомнили ему картину Фанетты.

Больше он ничего не видел.

80

Я продолжала медленно брести по дороге к Крапивному острову. Ришар Патерностер, здешний крестьянин, наконец отпустил меня, щедро снабдив дружескими советами. «В вашем возрасте, дорогая, не слишком разумно так далеко уходить от дома. Да еще в такую жару... Зачем вы туда идете? Хотите, я отвезу вас домой? И, ради бога, будьте осторожны. Тут хоть и грунтовка, но есть лихачи, которые по ней гоняют, как по асфальту. Туристы... Помешались на своем Моне. Все ищут Крапивный остров... Видели только что мотоцикл? Ведь как летел! А вот, кстати, еще один лихач!»

И правда, над дорогой поднялось охряное облачко пыли.

Мимо фермы проехал синий «Форд-брейк».

Это был «форд» Дюпенов. Из-за пыли я еле успела рассмотреть пассажиров.

Жак Дюпен с пустым взглядом сидел за рулем. Рядом сидела заплаканная Стефани Дюпен. Плачешь, милая? Ну плачь, плачь. Это только начало, можешь мне поверить.

Проклятая дорога, когда же она кончится? Я плелась по ней и плелась, ощупывая палкой рытвины; до Крапивного острова оставалось пройти пару сотен метров. Хорошо бы поскорее. И Нептун куда-то запропастился. Я

знаю, что эта глупая псина обожает удирать далеко от дома, носиться за детишками, увязываться за прохожими или гонять по лугу кроликов.

Но здесь, в этом месте...

От внезапного страха у меня сжалось горло.

— Нептун?

Ну вот наконец-то Крапивный остров!

Как ни странно, этот кусочек суши, зажатый между двумя реками, всегда навевал мне мысли о крае света. На самом деле это не остров, не будем преувеличивать, а полуостров. Здесь всегда ветрено, и тополя шелестят листвой. Можно подумать, что жалкий ручеек шириной в два метра, именуемый Эптом, несет сюда океанические ветра. Иначе говоря, когда я ступаю на этот заросший крапивой лужок, всегда складывается впечатление, что меня занесло на окраину мира. Только Моне сумел это понять...

— Нептун!

Я люблю подолгу стоять здесь и смотреть на другой берег. Мне нравится это место. Я буду о нем жалеть.

— Нептун!

Я крикнула погромче. Куда девалась собака? Тревога во мне переросла в настоящий страх. Куда он удрал? Я свистнула — я еще умею свистеть. Нептун всегда прибегает на мой свист.

Я ждала.

Одна.

Ни звука. Никаких признаков Нептуна.

Я попыталась себя вразумить. Что за глупые страхи?! Это место так на меня действует! Я давным-давно перестала верить в злое предзнаменования, роковые совпадения и прочую чепуху. Ничего случайного на свете не бывает. Просто...

Господи! Где моя собака?

— Нептун!

От крика у меня заболело горло.

Я снова и снова кричала:

— Нептун! Нептун!

Тополя молчали, онемев навсегда.

Ох.

Вот и он. Возник неизвестно откуда, выскочил из папоротников справа от меня и бросился к моим ногам. Смотрит хитрющими глазами, как будто просит прощения за то, что пропал невесть где.

— Ладно, Нептун, пошли назад.

Картина вторая
ЭКСПОЗИЦИЯ

ДЕНЬ ТРИНАДЦАТЫЙ

25 мая 2010 года

(Луг в Живерни)

ОТРЕЧЕНИЕ

81

Я вернулась с Крапивного острова. На сей раз за фермой Ришара Патерностера я свернула не к мельнице «Шеневьер», а направо, где рядом расположены три автомобильные стоянки. Нептун крутился рядом. Со стоянок начали разъезжаться автобусы и легковушки. Отдельные обормоты-водители, сдавая назад, не давали себе труда посмотреть в зеркало заднего вида и пару раз чуть не наехали на меня. Я стучала палкой им по ветровому стеклу. Ни один не посмел огрызнуться. Даже извинялись.

Вы уж меня простите, каждый развлекается как может.

— Пошли, Нептун.

Наконец я выбралась на шоссе Руа. Прошла немного вперед, до сада Моне. Народу было еще полно, каждому хотелось насладиться видом роз и кувшинок. И то сказать, денек сегодня выдался на славу. До закрытия сада оставался примерно час, но туристы, преодолевшие по пути сюда многие километры, покорно выстраивались в очередь и гуськом продвигались по садовым дорожкам. Так выглядит Живерни в пять часов вечера. Практически метро в час пик.

Я рассеянно смотрела на толпу. В следующую секунду я перестала видеть туристов. Я видела только ее.

Фанетту.

Я видела ее со спины, на берегу пруда с кувшинками. На ветках глицинии лежала ее картина. Я догадалась, что Фанетта плачет.

— Что тебе от нее надо?

Толстяк Камиль стоял на другом конце пруда, на зеленом мостике, над которым свешивались ветви плакучей ивы. Вид у него был дурацкий. В руках он держал маленькую картонку.

— Что тебе надо от Фанетты? — повторил Винсент.

— Да я... Я просто... — смущенно забормотал Камиль. — Хотел ее утешить... Ну и поздравить. У нее же сегодня день рождения. Я принес ей

открытку...

Винсент вырвал открытку из рук Камилля и окинул ее быстрым взглядом. Обыкновенная открытка. На лицевой стороне — репродукция «Кувшинок» Моне в лиловых тонах. На обороте — короткая надпись: «С днем рождения! Одиннадцать лет!»

— Ладно. Я ей передам. А сейчас оставь ее в покое. Фанетте сейчас никто не нужен.

Оба мальчика посмотрели на другой берег пруда, где Фанетта яростно работала кистью.

— Как... Как она вообще? — тихо спросил Камиль.

— А ты как думаешь? — ответил Винсент. — Как мы все. Ошарашена. Сначала узнали, что Поль утонул. Потом эти похороны под дождем. Но ничего, она отойдет. Несчастный случай, что поделаешь. Бывает.

Толстяк Камиль заплакал. Винсент не обратил на это никакого внимания. Повернулся к нему спиной и пошел вокруг пруда, бросив напоследок:

— Не волнуйся, я передам ей твою открытку.

Тропинка вокруг пруда сворачивала налево и ныряла в заросли глициний. Едва оказавшись под их защитой, Винсент сунул открытку себе в карман, и пошел к японскому мостику, раздвигая руками слишком низко склонившиеся к тропинке ирисы.

Фанетта стояла спиной к нему и всхлипывала. Она поднесла самую широкую, почти малярную кисть к палитре, на которой смешала самые темные свои краски.

Темно-коричневую. Антрацитово-черную. Густо-пурпурную.

Черную.

Фанетта наносила на свою радужную картину беспорядочные мазки. Она не смотрела по сторонам и ничего не пыталась воспроизвести на холсте — она хотела выразить неутолимую боль своей души. Как будто на пруд, наполненный играющей в лучах солнца водой, спустились сумерки. Фанетта оставила нетронутыми лишь несколько кувшинок, которые оживила, прикоснувшись к ним тонкой кисточкой в желтой краске.

Редкие звездочки во мраке ночи.

— Камиль хотел прийти, — тихим голосом сказал Винсент, — но я его не пустил. Сказал, чтобы он оставил тебя в покое. Он хотел поздравить тебя с днем рождения.

Винсент дотронулся рукой до кармана, но так и не вытащил из него открытку. Фанетта молча выдавила на палитру новый тюбик черной

краски.

— Фанетта, зачем ты это делаешь? Ты же...

Фанетта повернулась к нему. Глаза у нее покраснели от слез. Той же тряпкой, какой она вытирала кисти, она провела себе по щеке, оставив на ней черный след.

— Все кончено, Винсент, — сказала она. — Больше никаких ярких красок. Никакой живописи.

Винсент ничего не сказал.

— Все кончено, Винсент, — почти крикнула Фанетта. — Ты что, не понимаешь? Поль умер из-за меня! Он поскользнулся на ступеньке, когда лез за этой проклятой картиной. Это я послала его туда. Я сказала ему, чтобы он поторопился. Это я... Я его убила.

Винсент положил руку ей на плечо.

— Да нет же, Фанетта. Это был просто несчастный случай, и ты сама это знаешь. Поль поскользнулся, упал в ручей и утонул. Никто в этом не виноват.

Фанетта всхлипнула.

— Ты очень добрый, Винсент.

Она положила кисть на палитру, склонила голову к плечу мальчика и разрыдалась.

— Они говорили мне, что я самая талантливая. Что я должна быть эгоисткой. Что живопись даст мне все. Они меня обманули, Винсент. Они меня обманули! И оба они умерли. И Джеймс. И Поль.

— Не все, Фанетта. Я же не умер. И потом, Поль...

— Тс-с.

Винсент понял, что Фанетта просит его помолчать. Он не посмел с ней спорить. Он ждал. Тишину нарушали только ее всхлипы да время от времени легкий шорох, с каким на воду пруда ложился слетевший с ивы или глицинии сухой лист. Через какое-то время Фанетта наклонилась и прошептала Винсенту на ухо:

— Все. Все кончено. Все наши игры. Я больше никогда не буду называть вас именами знаменитых художников-импрессионистов. Это фальшивые имена. И в них больше нет никакого смысла.

— Как хочешь, Фанетта.

Винсент одной рукой обнял Фанетту и прижал к себе.

— Я здесь, Фанетта. Я всегда буду рядом с тобой.

— С этим тоже покончено. Больше не называй меня Фанеттой. Никто больше не будет называть меня Фанеттой. Ни ты, ни кто другой. Девочка по имени Фанетта, которую считали талантливой художницей и будущим

гением, тоже умерла на том пшеничном поле. Фанетты больше нет.

Мальчик колебался. Его рука поднялась к плечу девочки и робко погладила его.

— Понимаю... Я один тебя понимаю, и ты это знаешь. Я всегда буду рядом с тобой, Фан...

Винсент поперхнулся. Его рука продолжала гладить ее руку.

— Я всегда буду рядом с тобой, Стефани.

Именная цепочка, которую он носил на запястье, скользнула вниз по его поднятой руке. Он невольно задержал на ней взгляд. Он понял, что отныне Стефани больше никогда не назовет его именем знаменитого художника, которое выбрала для него сама. Он больше не будет *Винсентом*.

Она будет звать его настоящим именем.

Тем, которым его нарекли при рождении, которым его крестили и которое выгравировали на именной цепочке.

Его зовут *Жак*.

Вода омывала обнаженное тело Стефани. Стоя под обжигающими струями, она яростно терла себя мочалкой. Соломенного цвета платье, запачканное кровью, грязным комом валялось на плиточном полу. Она уже давно стояла под душем, но все еще чувствовала на своей коже кровь Нептуна. Ее преследовал отвратительный запах.

Счастливой любви не существует.

Она не могла не думать об ужасе, пережитом на Крапивном острове.

Смерть ее собаки, Нептуна.

Прощальная записка Лоренса.

Счастливой любви не существует.

Жак сидел на кровати в соседней комнате. На ночном столике стояло включенное радио, по которому Франсуаза Арди пела «Время любви». Жак говорил громко, чтобы Стефани слышала его даже в ванной:

— Больше никто не причинит тебе зла, Стефани. Никто. Мы навсегда останемся вдвоем. Никто не посмеет нас разлучить.

«Счастливой любви не существует.

Кроме той, что хранит наша память...»

Стефани плакала. Горячая вода смывала ее слезы.

Жак продолжал свой монолог:

— Вот увидишь, Стефани. Все изменится. Я найду для тебя дом.

Настоящий, который тебе понравится.

Жак знает ее лучше всех. Жак всегда находит нужные слова.

— Плачь, дорогая. Плачь, плачь, ты имеешь право плакать. Завтра мы поедем на ферму в Отее, возьмем нового щенка. Нептуна жалко, но это просто несчастный случай. В деревне такое бывает. Он не страдал, Стефани. А мы прямо завтра поедем. Завтра тебе будет уже лучше...

Стефани выключила воду и завернулась в широкое пахнущее лавандой полотенце. Она вошла в комнату босиком, с мокрыми волосами. Очень красивая. В глазах Жака.

Можно ли до такой степени любить женщину?

Жак встал и обнял жену.

— Я здесь, Стефани. Ты знаешь, я всегда буду рядом. Что бы ни случилось...

Тело Стефани на миг напряглось, но тут же расслабилось. Жак поцеловал жену в шею и прошептал:

— Мы все начнем сначала, красавица моя. Завтра возьмем нового щенка. Это поможет тебе забыть. Я ведь тебя знаю. И ты придумашь ему имя.

Мокрое полотенце соскользнуло на пол. Жак уложил жену в постель. Стефани не сопротивлялась.

Она все поняла. Она отказалась от борьбы. Судьба сама решила за нее. Она знала, что ее ждут долгие годы безрадостной жизни, похожие один на другой, что она так и состарится в этой клетке, рядом с заботливым мужем, которого не любит. Постепенно даже память о попытке бегства сотрется и исчезнет.

Стефани закрыла глаза — это была последняя форма сопротивления, на какую у нее еще оставались силы. Из радиоприемника звучали последние гитарные аккорды, заглушаемые хриплым голосом Жака.

Если бы можно было еще и уши заткнуть.

Музыкальная программа закончилась, передавали прогноз погоды. Завтра будет тепло, даже жарко. Поздравляем с именинами всех Диан. Восход солнца — в пять сорок девять. Световой день увеличился еще на несколько минут. Это был прогноз погоды на завтра, девятое июня тысяча девятьсот шестьдесят третьего года.

«Счастливой любви не существует.

Кроме той, что хранит наша память.
Прощай навсегда.

Лоренс».

Я встряхнулась. Этак я сгорю на солнце! Сколько я тут простояла, на обочине шоссе Руа, погрузившись в воспоминания? Полоумная старуха.

Надо двигаться. Надо поставить точку. Этой истории не хватает последней детали — слова «конец».

А история получилась занятная, правда? Надеюсь, вы оценили хеппи-энд.

Они поженились и даже не развелись, а детей у них не было.

Он прожил счастливую жизнь.

Она внушила себе, что счастлива. Человек ко всему привыкает.

Времени привыкнуть ей хватило с избытком. Почти пятьдесят лет. С 1963 года по 2010-й. Время целой жизни...

Я решила пройтись еще немного по шоссе Руа и двинулась в сторону мельницы. По мосту перешла через ручей и остановилась перед воротами. Почтовый ящик ломился от обещающей немислимые скидки рекламы ближайшего гипермаркета, в котором я ни разу не была. Проклятье. Я бросила этот бумажный мусор в помойный контейнер, который специально для этой цели поставила у ворот. И выругалась вслух.

В куче рекламных листовок мелькнул конверт. Чуть не проглядела письмо. Адресовано мне. Я прочитала обратный адрес: «Вернон, улица Бурбон-Пантьевр, 13. Доктор Берже».

Доктор Берже...

Этому стервятнику хватит наглости прислать мне дополнительный счет, чтобы страсти со старухи еще немножко денежек. Я прикинула на глаз размеры конверта. Не исключено, впрочем, что он выражает мне соболезнования, правда, с запозданием. В конце концов он один из последних, кто видел моего мужа живым. Это было... тринадцать дней назад.

Непослушными пальцами я надорвала конверт. В нем лежала светло-серая картонная карточка с черным крестом в левом углу.

Берже накарябал на карточке несколько слов.

«Дорогой друг!

С грустью узнал о кончине вашего мужа, случившейся 15

мая 2010 года. Как я и говорил вам во время своего последнего визита, этот исход был, увы, неизбежен. Вы прожили вместе долгую и дружную жизнь. В наши дни это редкость.

Примите мои искренние соболезнования,

Эрве Берже».

Я нервно теребила пальцами картонку. Сам собой вспомнился последний визит доктора Берже. Это было тринадцать дней назад. Вечность назад. В другой жизни. Прошлое снова всплыло передо мной.

Все покачнулось 13 мая 2010 года, когда умирающий старик во всем мне признался.

Его рассказ занял не больше часа. Час на то, чтобы выслушать. Тринадцать дней, чтобы все вспомнить.

Я боролась с желанием порвать карточку на мелкие кусочки. Прежде чем углубиться в лабиринты памяти, я еще раз посмотрела на конверт.

Прочитала адрес. Свой адрес.

27620 Живерни
Шоссе Руа
Мельница «Шеневьер»
Стефани Дюпен

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ
13 мая 2010 года
(Мельница «Шеневьер»)

ЗАВЕЩАНИЕ

82

Я ждала в гостиной мельницы «Шеневьер». Врач находился в соседней комнате, с Жаком. Я срочно вызвала его около четырех утра. Жак корчился от боли. Сердце у него билось с перебоями, как мотор в машине с опустевшим бензобаком — он еще какое-то время кашляет и чихает, прежде чем остановиться. Я включила свет и посмотрела на его руки — они были белые, со светло-голубыми линиями вен. Доктор Берже приехал через несколько минут. Вообще-то, кабинет у него в Верноне, на улице Бурбон-Пантьевр, но не так давно он купил неподалеку от Живерни, на берегу Сены, очень красивый загородный дом.

Доктор Берже вышел из спальни примерно через полчаса. Я сидела на стуле. Ничего не делала, просто ждала. Доктор Берже — человек прямой, он не любит ходить вокруг да около. Между нами говоря, редкая сволочь — за счет местных стариков, которых обдирает как липку, пристроил к дому веранду и вырыл во дворе бассейн, — но в откровенности ему не откажешь, а я высоко ценю людей, не боящихся резать в глаза правду-матку. Потому-то его у нас и признали. Семейный врач все равно нужен, а он или кто другой — какая разница?

— Это конец. Жак все понимает. Ему осталось... от силы несколько дней. Я сделал ему внутривенный укол, на пару часов он почувствует себя лучше. Я позвонил в Вернон, в больницу. У них есть свободная палата, сейчас они пришлют за ним машину.

Он взял свой кожаный саквояж и, чуть поколебавшись, добавил:

— Он... просил вас зайти. Я хотел вколоть ему снотворное, чтобы он поспал, но он отказался. Сказал, ему надо с вами поговорить.

Наверное, я выглядела удивленной. Скорее удивленной, чем подавленной. Берже счел нужным спросить:

— А вы-то как себя чувствуете? Справитесь? Может, выписать вам что-нибудь?

— Нет, спасибо, ничего не надо.

Мне не терпелось, чтобы он ушел. Он еще раз окинул взглядом скудно освещенную комнату и удалился. На пороге еще раз обернулся. На его лице читалась почти искренняя печаль. Еще бы, потерять такого хорошего клиента...

— Мне очень жаль, Стефани. Мужайтесь.

Я медленно пошла в спальню Жака, даже не подозревая, что мне предстоит выслушать его исповедь. И после стольких лет узнать наконец правду.

На самом деле история оказалась совсем простой, проще некуда.

Один убийца, один мотив, одно место преступления, горстка свидетелей.

Преступник совершил два убийства: в 1937-м и в 1963 годах. Он преследовал одну и ту же цель — сохранить свое сокровище. Жизнь женщины, от ее рождения до смерти.

Мою жизнь.

Единственным преступником был Жак.

Жак сообщил мне все подробности. Ничего не упустил. В последние дни мои воспоминания прыгали от одной части моей жизни к другой, словно в калейдоскопе, складываясь в прихотливый, но непонятный узор. На самом деле каждое событие было лишь винтиком в тщательно продуманной схеме, спланированной и реализованной чудовищем.

Это было тринадцать дней назад.

В то утро я толкнула дверь в спальню Жака, еще не догадываясь, что меня ждет встреча с призраками прошлого.

С призраком моей судьбы.

— Подойди ближе, Стефани.

Доктор Берже подложил Жаку под спину две большие подушки. Он не лежал, а полусидел в постели. Кровь прилила у него к щекам, но руки оставались мертвенно-бледными, — я сразу заметила этот контраст.

— Подойди ближе, Стефани. Полагаю, доктор Берже все тебе сказал. Мы расстаемся. Скоро. Но прежде... Я... Я должен тебе сказать. Пока сил хватает... Я попросил доктора Берже вколоть мне что-нибудь, чтобы я продержался до приезда «скорой».

Я присела на край постели. Он вытянул вдоль тела, поверх одеяла,

свою морщинистую руку, перехваченную толстой повязкой. Выше повязки волоски на руке были тщательно выбриты. Я взяла его за руку.

— Стефани, в гараже, в кладовке, лежат кое-какие вещи. Очень старые. Мои охотничьи куртки, ягдташ, патроны... Сапоги... Всякое старье. Ты их вытащи. Потом ногой разгреби гравий на полу. Увидишь люк. Если не разобрать сверху хлам, его не видно. Подними этот люк. Под ним найдешь сундучок. Маленький такой, алюминиевый. Размером с обувную коробку. Принеси его мне, Стефани.

Жак крепче сжал мне руку, но вскоре выпустил. Я не все поняла, но тем не менее поднялась. Все это показалось мне странным. Тайники, спрятанные сокровища — Жак сроду ничем таким не увлекался. Он человек простой и ровный, сюрпризы — это не по его части. Я даже подумала, что доктор Верже переусердствовал с лекарствами.

Несколько минут спустя я вернулась, точно выполнив все указания мужа. Я нашла алюминиевый сундучок. Петли у него проржавели. На блестящей крышке кое-где темнели пятна.

Я поставила сундучок на постель.

— Он закрыт, — сказала я. — Заперт на замок.

— Я знаю, Стефани, я знаю. Спасибо. Я должен задать тебе один вопрос. Очень важный. Я не мастак говорить речи, но... Одним словом, скажи, Стефани... Все эти годы, что мы прожили вместе, ты была со мной счастлива?

Что я могла ему ответить? Что можно ответить человеку, жить которому осталось всего несколько дней? Человеку, с которым ты прожила пятьдесят — или уже шестьдесят — лет? Какой ответ я могла ему дать? Кроме само собой подразумевающегося: «Ну конечно, Жак, конечно, все эти годы я была очень счастлива».

Но ему этого показалось мало.

— Стефани, наш путь пройден. Теперь можно во всем признаться. Скажи мне, у тебя были... сожаления? Ты когда-нибудь думала, что твоя жизнь могла быть совсем другой? Что она могла пройти в другом месте?

Он шумно сглотнул.

— Или с другим человеком?..

У меня возникло странное ощущение, что Жак не сейчас придумал все эти вопросы, что он на протяжении долгих лет задавал их себе тысячи раз, поджидая подходящего момента, чтобы обратиться ко мне. Но мне момент вовсе не показался подходящим. Это не значит, что я никогда не задавала тех же вопросов сама себе. Господи, да миллион раз! Но теперь я старуха.

Разбуженная среди ночи, я была совсем не готова на них отвечать. Туман у меня в голове только начинал рассеиваться. А эти вопросы... Я давным-давно заперла их в свой собственный сундучок и запретила себе его открывать. Я потеряла ключ от замка. Теперь его придется долго искать. Все это было так давно.

— Не знаю, — ответила я. — Я не знаю, Жак. Я не понимаю, что ты хочешь от меня услышать.

— Ну же, Стефани. Все ты прекрасно понимаешь. Стефани, ответь мне. Это очень важно. Ты хотела бы, чтобы у тебя была другая жизнь?

Жак улыбнулся мне. Теперь у него порозовело не только лицо, но и шея, и плечи. Лекарство доктора Берже действовало. И не только на циркуляцию крови. За все пятьдесят лет Жак никогда не задавал мне этих вопросов. Это совсем на него не похоже. Это вообще ни на что не похоже. Разве такие вопросы задают на смертном одре? Зачем это нужно — спрашивать у того, кого оставляешь на этой земле, не считает ли он, что его жизнь прошла зря? И кем надо быть, чтобы ответить «да»? Ответить умирающему? Даже если в глубине души точно знаешь, что правильный ответ: да. Я нутром чувствовала, что он готовит мне какую-то ловушку. Не просто так он завел этот разговор.

— О какой другой жизни ты говоришь, Жак? Я тебя не понимаю.

— Ты мне не ответила, Стефани. Хотела бы ты...

От ловушки за милю несло трупным ядом. Этот непереносимый запах коснулся моих ноздрей. Я думала, что навсегда забыла его, но нет. Такое не забывается. Он не оставил мне выбора. Голосом заботливой медсестры я сказала:

— Я прожила ту жизнь, которую выбрала для себя сама, Жак. Ту жизнь, какую заслужила. Благодаря тебе, Жак. Благодаря тебе.

Жак облегченно вздохнул. Можно подумать, ему сейчас явился сам апостол Петр и сообщил, что его имя внесено в списки допущенных в рай. Так что можно спокойно умирать. Его вид меня встревожил. Он вытянул руку и принялся шарить на ночном столике, как будто что-то искал. Столкнул на пол стакан с водой — тот упал и разбился. По полу потекла тонкая струйка воды.

Я встала — надо собрать осколки, взять тряпку, вытереть лужу. Но он опять поднял руку.

— Подожди, Стефани. Подумаешь, стакан. Ерунда. Помоги мне. Посмотри у меня в бумажнике, на столике...

Я подошла ближе. Под тапочками у меня хрустело стекло.

— Открой его, — попросил Жак. — Там, рядом с карточкой

социального страхования, вставлена твоя фотография. Видишь, Стефани? Подсунь под нее палец...

Я уже целую вечность не открывала бумажник Жака. И правда, на меня смотрела моя собственная фотография, снятая лет сорок назад, не меньше. Неужели это я? Неужели это у меня были такие огромные фиалковые глаза? Эти губы бантиком? Эта перламутровая кожа, освещенная ласковым солнцем Живерни в ясный день? Я и забыла, какой красавицей была. Выходит дело, надо дожить до восьмидесяти лет и превратиться в сморщенную старуху, чтобы наконец это осознать.

Я сунула под снимок указательный палец. Оттуда выскочил маленький плоский ключ.

— Ну вот, теперь я спокоен, Стефани. Я могу умереть спокойно. Теперь я могу тебе признаться. Я сомневался. Я сильно сомневался. Этот ключ — от сундучка. Я всю жизнь носил его с собой. Теперь ты можешь открыть сундучок. Думаю, ты все поймешь. Но я надеюсь, мне еще хватит сил все рассказать самому.

У меня задрожали пальцы. Они дрожали у меня гораздо сильнее, чем у Жака. Меня охватило ужасное предчувствие. Мне стоило невероятного труда вставить ключ в замок и повернуть его. Наконец замок щелкнул, отомкнулся и упал на постель вместе с ключом. Жак мягко накрыл мою руку своей ладонью, словно просил подождать еще немного.

— Тебе был нужен ангел-хранитель, Стефани. Так получилось, что этим ангелом-хранителем стал я. И я всегда старался как можно лучше делать свою работу. Поверь мне, это не всегда было легко. Иногда мне казалось, что у меня ничего не получится. Но, как видишь, в конце концов... Ты меня успокоила. Я справился. Помнишь, Стеф...

Жак закрыл глаза и долго лежал так.

— Помнишь, Фанетта? — после минутной паузы спросил он. — Можно я в последний раз назову тебя Фанеттой? За семьдесят лет я ни разу не посмел... После тридцать седьмого года — ни разу. Видишь, я все помню. Я был твоим ангелом-хранителем. Все эти годы. Верным. Покорным. Деятельным.

Я ничего не сказала. Мне было трудно дышать. Мной владело одно желание — открыть этот алюминиевый сундучок и убедиться, что он пуст, а весь монолог Жака — не более чем бред, спровоцированный уколом доктора Берже.

— Мы с тобой родились в один год, — продолжал Жак тем же тоном. — В тысяча девятьсот двадцать шестом году. Ты, Фанетта,

четвертого июня, за шесть месяцев до смерти Клода Моне. Как нарочно. А я — седьмого, то есть через три дня после тебя. Ты жила на Водонапорной улице, а я — на улице Коломбье, через несколько домов от тебя. Я всегда знал, что наши судьбы неразрывно связаны. Что я послан на эту Землю, чтобы охранять тебя. Чтобы, как бы это выразиться, отодвигать ветки у тебя на пути.

Отодвигать ветки? Боже мой, Жак заговорил метафорами, что ему абсолютно не свойственно. Он сведет меня с ума. Не в силах больше сдерживаться, я открыла сундучок. И он тут же выпал у меня из рук, словно в один миг нагрелся до белого каления. Его содержимое рассыпалось по постели. И мое прошлое бросилось мне в лицо.

Я с ужасом смотрела на три мастихина фирмы *Winsor & Newton*. Я сразу узнала крылатого дракона на рукоятке. По бокам от него темнели два засохших коричневых пятна. Я опустила глаза и увидела сборник стихов. «В тексте — по-французски» Луи Арагона. Мой экземпляр всегда стоял в книжном шкафу у меня в спальне. Я и представить себе не могла, что у Жака есть свой. Еще один экземпляр книги, которую я так часто читала своим ученикам в школе в Живерни. Страница сто сорок шесть. Стихотворение «Нимфеи». Я вцепилась в книгу, словно это была Библия. Пальцы отказывались слушаться, пока я ее листала. Где страница 146? Вот она. Загнута уголком. Но что это? Внизу страницы зияет дыра. Небольшая, не шире сантиметра. Кто-то аккуратно вырезал ровно одну строчку. Первый стих двенадцатой строфы. Самый известный...

«Преступно мечтать...»

Я ничего не понимала. Ничего. Я не хотела ничего понимать. Мой мозг отказывался складывать воедино элементы этой головоломки.

Раздался бесцветный голос Жака. Он словно обдал меня ледяной водой:

— Ты помнишь Альбера Розальбу? Ну конечно, ты его помнишь. Детьми мы были неразлучны. Ты, я и он. Ты называла нас именами знаменитых художников — твоих любимых импрессионистов. Он стал Полем, я — Винсентом.

Рука Жака комкала простыню. Я, как загипнотизированная, смотрела на мастихины.

— Это был... несчастный случай. Он хотел отнести учительнице твою картину. «Кувшинки». Ту самую, Фанетта, что висит у нас на чердаке. Ты не захотела ее выбросить. Помнишь? Но я не об этом. Поль, в смысле Альбер, поскользнулся. Перед этим мы с ним подрались. Что правда, то правда, но он сам поскользнулся. Это был несчастный случай. Он упал со

ступенек портомойни, ударился головой о камень. Я бы не смог убить его, Фанетта. Я не смог бы убить Поля, хотя он дурно на тебя влиял. Он не любил тебя по-настоящему. Но он поскользнулся. А случилось это все из-за живописи. Ты потом это хорошо поняла.

Мои пальцы сомкнулись на мастихине. У него было широкое лезвие — таким удобно чистить палитру. После 1937 года я ни разу не взяла в руки кисть. Ни разу. Но сейчас у меня в голове словно треснула какая-то корка, и в образовавшуюся щель полезли, толкаясь, воспоминания. Я крепче сжала рукоятку ножа. Горло сдавило. Я открыла рот, но из него не вырвалось ни звука. Чуть погодя я все же сумела выдать из себя:

— А Джеймс?..

Я произнесла это тоненьким голосом. Голосом одиннадцатилетней девочки.

— Этот сумасшедший старик? Художник-американец? Ты про него спрашиваешь, Фанетта?

Мои губы шевелились, но слов не было слышно.

— Джеймс... — продолжил Жак. — Да, точно, Джеймс. Я много лет пытался вспомнить, как его звали, но не мог — забыл. Хотел даже как-то у тебя спросить.

Он зашелся густым смехом, от чего его спина чуть съехала вниз по подушке.

— Я шучу, Фанетта. Я знал, что не должен посвящать тебя во все это. Ты должна была оставаться в неведении. Ангелы-хранители всегда действуют незаметно. Разве нет? До самого конца. Это самый главный принцип... Не жалею о Джеймсе. Он не стоил твоей жалости. Вспомни, чему он тебя учил. Быть эгоисткой. Бросить родных. Всех бросить. Уехать на край света. Он дурил тебе голову. Ты была девчонка, одиннадцатилетняя девчонка, он мог внушить тебе что угодно. Сначала я просто ему пригрозил. Вырезал на крышке ящика, в котором он таскал краски, надпись. Воспользовался моментом, пока он спал. Он почти все время дрых как сурок... Он прочел надпись, но не прислушался. И продолжал забивать тебе голову всякой ерундой. Токио, Лондон, Нью-Йорк... Он не оставил мне выбора. Пойми, Фанетта, ты ведь никого тогда не слушала, даже мать. Ты бы уехала, и все. Он не оставил мне выбора. А я понимал, что должен тебя спасти...

Я разжала пальцы. Воспоминания продолжали напирать, громоздясь одно на другое. Мастихин. Мастихин на постели. В пятнах крови. Это мастихин Джеймса.

Жак вонзил его в сердце Джеймса. Ему было тогда одиннадцать лет.

Он продолжил свою чудовищную исповедь:

— Откуда мне было знать, что Нептун найдет в пшеничном поле труп этого ненормального старика? Пока ты бегала за матерью, я перетащил тело. Всего на несколько метров. Вроде бы так, ведь сколько лет прошло... Ты даже не представляешь, какой он был тяжеленный. Я уж думал, не справлюсь. Вы с матерью прошли от меня в двух шагах. Если бы ты повернула голову в мою сторону... Но ты ее не повернула. Я думаю, на самом деле ты не хотела знать правду. В общем, ты меня не заметила и твоя мать тоже. Это было чудо, понимаешь, чудо! Знак судьбы! Начиная с того дня я понял, что больше со мной ничего не может случиться. Что я исполню свою миссию. На следующую ночь я закопал тело посреди поля. Нелегкая работа для мальчишки, уж ты мне поверь. Потом сжег понемножку все его барахло — мольберты, холсты... Оставил только ящик для красок. Как доказательство того, на что я способен ради тебя. Представляешь, Фанетта, ведь мне тогда не исполнилось и одиннадцати! Вот какой у тебя появился ангел-хранитель!

Жак не давал мне вставить ни слова. Он ерзал, пытаясь подняться повыше, но вместо этого миллиметр за миллиметром сползал по подушке вниз.

— Да я шучу, Фанетта. На самом деле это было не так уж трудно, даже для мальчишки. Твой Джеймс был беспомощный старик. Иностранец. Американец, упустивший шанс познакомиться с Моне. Он опоздал на целых десять лет. Жил как бездомный бродяга. Никто не обращал на него внимания. В тридцать седьмом году у людей были другие заботы. Тем более что за несколько дней до этого на барже, прямо напротив Живерни, обнаружили труп испанского рабочего. Полиция занималась только этим убийством. В конце концов они поймали преступника, но позже, через несколько недель. Им оказался моряк из Конфлана...

Морщинистая рука Жака шарила по постели, ища мою руку, но хватала только пустоту.

— Знаешь, Фанетта, я рад, что все это тебе рассказываю. Мы с тобой прожили спокойную жизнь. Долгую и спокойную. Вспомни, мы же выросли вместе. Потом мы на несколько лет разлучились, когда ты уехала учиться в педагогический в Эврё, но потом вернулась в Живерни и стала работать учительницей. В нашей школе! В пятьдесят третьем мы обвенчались в церкви Святой Радегунды. Все было замечательно. Твоему ангелу-хранителю стало нечего делать...

Жак снова рассмеялся. Я слышала этот смех в нашем доме почти каждый день — когда он смотрел телевизор или читал газету. Этот густой

жирный смех. Как же я раньше не догадалась, что так может смеяться только чудовище?

— Но дьявол не спит, правда, Стефани? И он подслал к тебе Жерома Морваля. Помнишь Морваля? Нашего с тобой одноклассника в начальной школе? Ты звала его Камилем, толстяком Камилем. Отличник! Тщеславный дурак! В школе ты его не любила, но ведь он здорово изменился. В конце концов сумел захомутать эту вечную плаксу, Патрисию. Ее ты окрестила Мэри — в честь Мэри Кассат... Но вскоре толстяку Камилю одной Патрисии показалось мало. Да, он сильно изменился. Деньги, что ты хочешь. Деньги кого угодно изменят. Купил лучший дом в Живерни, стал задирать нос. А кое-кому из девушек казался привлекательным. Вообще-то, он изменял жене налево и направо. В Живерни все про это знали, и Патрисия знала. Дошло до того, что она наняла частного детектива, чтобы за ним шпионить. Бедняжка Патрисия! А Морваль чуть не лопался от важности! Научился болтать об искусстве, хвалился своими деньжищами, картины собирал! Но главное, Стефани, главное не это. Жером Морваль — по слухам, лучший хирург-офтальмолог Парижа, — вернулся в Живерни ради одной-единственной цели. Не за «Кувшинками» Моне, не за любой другой картиной, нет! Он вернулся за прекрасной Фанеттой, которая в школе в его сторону и не смотрела. Но теперь, когда колесо фортуны повернулось, толстяк Камиль решил, что настал его час...

Слова застревали у меня в горле.

— Ты?.. Это ты?..

— Я знаю, Стефани, что Жером Морваль тебя не привлекал. Во всяком случае, пока не привлекал. Но я понимал, что должен действовать с упреждением. Жером Морваль жил в деревне. Времени у него было сколько хочешь. Он был хитрый. Он знал, чем тебя заманить. Всякие там «Кувшинки», воспоминания о Моне, пейзажики...

Чудовище снова потянулось к моей руке. Оно ползло и ползло по простыне. Как клоп. Больше всего мне хотелось размахнуться и вонзить в него нож. Убить мерзкое насекомое.

— Я ни в чем тебя не упрекаю, Стефани. Я знаю, что между тобой и Морвалем ничего не было. Ты просто согласилась прогуляться с ним. Побеседовать. Но со временем он бы тебя соблазнил, Стефани, он бы своего добился. Я ведь не злой, Стефани. Я совсем не желал смерти Жерому Морвалю. Толстяку Камилю. Я вел себя терпеливо, очень терпеливо. Пытался его вразумить, намекал ему — прозрачно намекал, — на что я способен. Чем он рискует, продолжая ухлестывать за тобой. Сначала отправил ему открытку. Ту самую, с «Кувшинками». Морваль был

не дурак, он, конечно, помнил, что это за открытка. Он сам передал мне ее для тебя, еще в тридцать седьмом году, в тот день, когда тебе исполнилось одиннадцать, сразу после смерти Альбера. В саду Моне. Я вырезал из книжки Арагона одну фразу и приклеил ее на открытку. Одну строчку из стихотворения, которое ты учила с детьми в школе. Мне она очень нравилась. Потому что объясняла, что мечтать не следует, что это — преступление, а за преступление полагается наказание. Нет, Морваль был далеко не дурак. Он понял смысл послания. Каждый, кто посмеет приблизиться к тебе, кто попробует тебя обидеть, подвергает себя опасности...

Рука Жака нащупала лежавший на постели сборник стихов Арагона. Жак провел по обложке пальцами, но не смог взять книгу в руку. Я не шевелилась. Жак закашлялся, прочищая горло, и продолжил:

— Догадайся, Стефани, какой ответ дал мне Жером Морваль? Он рассмеялся мне в лицо! Пожелай я тогда, мог бы его убить. Но я любил толстяка Камиля. И я дал ему еще один шанс. Я отправил ему на адрес парижского кабинета ящик для красок. Тот ящик, что когда-то принадлежал Джеймсу. Надпись на крышке сохранилась. Я вырезал там: «Она моя. Здесь, сейчас и навсегда». И начертил крест! Если уж и на этот раз Морваль не поймет, решил я... Он назначил мне встречу, как раз в то утро, возле портомойни, неподалеку от мельницы «Шеневьер». Я думал, он скажет, что все понял и отказывается от тебя. Не тут-то было! Он у меня на глазах зашвырнул ящик в середину ручья. Он презирал тебя, Стефани! Он тебя не любил. Он видел в тебе трофей — еще один трофей. Он заставил бы тебя страдать, он привел бы тебя к гибели... Что я мог? Я ведь обещал тебя защищать... Он не принимал меня всерьез. Сказал, что я против него — ничто. Издевался над моими охотничьими сапогами. Говорил, что я не в состоянии дать тебе счастье, что ты никогда меня не любила. Знакомый мотивчик!

Он снова зашарил рукой по постели и наткнулся пальцами на мастихин.

— У меня не было выбора, Стефани. Я убил его ножом, который забрал у художника Джеймса и сохранил. Он умер там, на берегу ручья, в том же самом месте, где раньше Альбер. То, что я сделал потом, — разбил ему голову камнем, опустил ее под воду, — признаю, это было глупо. Я даже испугался, что ты что-нибудь заподозришь, особенно после того как легавые достали из ручья ящик Джеймса. К счастью, тебе его не показали. Для меня было важно защищать тебя так, чтобы ты ни о чем не догадывалась. Чтобы ты не знала, как я рискую ради тебя. Ты мне доверяла

— и правильно делала. Сейчас я могу сказать тебе честно: ты даже не представляла, до какой степени я тебя любил. Ради тебя я был готов на все. Помнишь, через несколько дней после смерти Морваля ты даже заявила в полиции, что в то утро я был дома, в постели с тобой. Наверное, в глубине души ты уже тогда знала правду, но отталкивала ее от себя. Все мы чувствуем, что нам помогает ангел-хранитель, и принимаем это как должное. Кому придет в голову благодарить ангела-хранителя?

Я потрясенно смотрела, как пальцы Жака оглаживают рукоятку мастихина. От прикосновения к предмету, с помощью которого он зарезал двух человек, по его старческому телу пробежала дрожь удовольствия. Маньяк, он просто опасный маньяк! Больше я не могла сдерживаться.

— Я хотела уйти от тебя, Жак! Поэтому я дала в полиции ложные показания. Ты сидел в тюрьме. Я чувствовала себя виноватой.

Его пальцы сомкнулись на рукояти ножа. Пальцы убийцы. Пальцы сумасшедшего. Затем они медленно, невероятно медленно разжались. Жак сполз еще ниже, и теперь он почти лежал. Снова раздался его жирный смех. Смех безумца.

— Ну конечно, Стефани, ты чувствовала себя виноватой. Разумеется. Ты потеряла способность ясно мыслить. Но не я! Я твердо верил, что после смерти Морваля мы заживем спокойно. Что больше никто не попытается нас разлучить. Никто не посмеет отнять у меня Стефани! А потом... Что за издевка судьбы! Труп Морваля привлек сюда инспектора Лоренса Серенака, который в тебя влюбился. Страшнее противника мне еще не попадалось! Я запаниковал. Как мне от него избавиться? Убить? Но тогда меня точно арестуют и надолго упекут за решетку, а значит, разлучат с тобой! И потом, сидя взаперти я больше не смогу защитить тебя от нового Серенака или Морваля, который явится, чтобы тебя мучить! Этот сыщик с самого начала подозревал меня... Он как будто видел меня насквозь... Интуиция его не обманывала. Он был очень хороший сыщик, Стефани, и над нами нависла реальная опасность. К счастью, он так и не докопался до связи между мной и несчастным случаем, произошедшим в тридцать седьмом году с мальчиком, нашим с тобой одноклассником, и не узнал об исчезновении американского художника. Тогда, в шестьдесят третьем, он и его помощник Бенавидиш очень близко подобрался к истине... Но, разумеется, им в голову не могло прийти, что... Да и кому бы могло прийти? Но эта сволочь Серенак подозревал меня, а тебе вскружил голову. Я понял: или он, или я. Я долго думал, что делать, прикидывал и так и этак...

Я незаметно протянула руку к ножу. Жак уже лежал на спине.

Подняться он не мог, видеть меня — тоже. Теперь он говорил в потолок. Я схватила нож и испытала мгновенное удовольствие. Словно засохшая кровь вливалась в мои вены, наполняя их желанием отомстить.

Жак засмеялся, но его смех быстро перешел в хриплый кашель. Он дышал тяжело, с присвистом. Я понимала, что сидя ему было лучше, но он не просил меня его приподнять. Когда он снова заговорил, его голос звучал намного слабее:

— Осталось рассказать совсем немного, Стефани. В итоге Серенак оказался ничуть не лучше остальных. Я слегка пригрозил ему, и он сбежал. Правда, мне пришлось сопроводить угрозу наглядной иллюстрацией...

Он опять затрясся от смеха, переходящего в кашель. Я медленно подтягивала нож к себе, к своему черному платью.

— Мужчины — слабаки, Стефани. Все до единого. Серенак предпочел тебе карьеру выдающегося сыщика. Он плюнул на свою великую любовь. Но нам с тобой не на что жаловаться, правда, Стефани? Мы ведь оба этого хотели. В конце концов Серенак оказался прав. Кто знает, что случилось бы, вздумай он проявить упорство... Но это было в последний раз. В последний раз между нами проскользнула чужая тень... В последний раз над нами нависла туча... Я убрал с твоего пути последнюю ветку... Сорок лет назад...

Я прижала руки к груди — в одной из них прятался нож. Мне захотелось крикнуть: «Жак! Скажи мне — раз уж ты взял на себя роль моего ангела-хранителя — скажи, это очень трудно — зарезать человека? Вонзить ему в сердце нож?»

— В жизни порой все повисает на волоске, Стефани. Не окажись я в нужное время в нужном месте... Представь себе, что я не сумел бы устранить с твоего пути все препятствия. Не сумел бы тебя защитить... Что было бы, если бы я не родился через три дня после тебя? Если бы я не понял, в чем состоит моя миссия?.. Я умираю счастливым, Стефани. У меня все получилось. Я так тебя любил... И доказал тебе это всей своей жизнью.

Я встала, охваченная ужасом. Нож я по-прежнему прятала у себя на груди. Жак смотрел на меня. Монолог отнял у него последние силы. Я видела, что ему трудно даже просто держать глаза открытыми. Он сделал попытку приподняться и задергал ногами. Алюминиевый сундучок, так и лежавший на постели, с невообразимым грохотом свалился на пол. Жак беспомощно замигал. У меня от шума помутилось в голове. Комната поплыла вокруг меня, и все предметы закачались.

Я с трудом сделала шаг, затем второй. Ноги отказывались мне повиноваться. Собрав все силы, я расцепила сложенные на груди руки. Жак

смотрел на меня пристальным взглядом, но ножа не видел. Пока не видел. Я медленно подняла руку.

На улице, под окном, залаял Нептун. Секундой позже двор мельницы огласила сирена «скорой помощи». Раздался скрип шин по гравию. В свете мигалки возникли два похожих на призраков бело-синих силуэта. Они прошли под окном и принялись стучать в дверь.

Они увезли Жака в больницу. Я не глядя подписала кучу бумаг, даже не спрашивая, что подписываю. Часы показывали без чего-то шесть. Меня спросили, не желаю ли я поехать с ними, и я отказалась. Сказала, что приеду позже, на автобусе. Или вызову такси. Санитары никак не прокомментировали мой отказ.

Алюминиевый сундучок все так же валялся на полу. Мастихин лежал на ночном столике. Книга Арагона осталась на постели. Не знаю почему, но после отъезда «скорой» меня охватило непреодолимое желание подняться на чердак, перерыть сложенное там барахло и найти старую пыльную картину. Мои «Кувшинки», которые я написала, когда мне было одиннадцать лет.

Написала дважды. В первый раз — для отправки на конкурс фонда Робинсона, в радужных цветах. Во второй — после смерти Поля. Черными красками.

Я сняла со стены охотничье ружье Жака и повесила на его место картину. На тот же гвоздь. В угол, где она была не видна никому. Кроме меня.

Я вышла на улицу. Мне хотелось подышать. С собой я взяла Нептуна. Сейчас, в без малого шесть утра, Живерни казался безлюдным. Я собиралась пройти вдоль ручья. И все вспомнить.

ДЕНЬ ТРИНАДЦАТЫЙ

25 мая 2010 года

(Шоссе Руа)

ДОРОГА

83

Это было 13 мая, тринадцать дней назад. С тех пор я только и делала, что без конца возвращалась мыслями в те несколько часов, за которые у меня украли мою жизнь. Я снова и снова прокручивала их в голове, словно кинолентку, пытаюсь понять то, что невозможно себе даже вообразить. В последний раз.

Встретив меня на улице в этот ранний час, вы наверняка приняли бы меня за призрак. На самом деле — ничего подобного.

Я вполне реальна.

Призраки — это другие. Те, что живут в моих воспоминаниях. Я населила ими каждый знакомый мне уголок. Где бы я ни проходила, они вставали передо мной. Мельница, луг, школа, улица Клода Моне, терраса отеля «Боди», кладбище, Вернонский музей, Крапивный остров...

Я вспоминала свои долгие разговоры с инспектором Сильвио Бенавидишем, которые мы вели в шестьдесят третьем и шестьдесят четвертом годах, после того как дело об убийстве Жерома Морваля было признано бесперспективным и отправлено в архив. Сильвио Бенавидиш проявил редкостное упорство, пытаюсь докопаться до истины, но так и не нашел ни одного доказательства, ни одной стоящей улики. Мы с ним симпатизировали друг другу. Жак не ревновал меня к инспектору. Все знали, что Сильвио — верный муж и любящий отец маленькой Карины, с такой неохотой покинувшей материнскую утробу. Сильвио подробно рассказал мне о расследовании, которое они вместе с Лоренсом провели в Живерни, в Кошереле, в музеях Руана и Вернона. Впоследствии, в середине семидесятых, Сильвио перевели в Ларошель. Чуть больше десяти лет назад, точнее, в сентябре 1999-го — как видите, проблем с памятью у меня нет, — я получила письмо от Беатрис Бенавидиш. Короткое, написанное от руки. В очень сдержанных выражениях она сообщала мне, что Сильвио

Бенавидиш только что покинул их с Кариной, скончавшись от инфаркта. Рано утром он, как всегда, сел на велосипед и поехал сделать кружок по острову Олерон, где они снимали семейное бунгало. Уезжал он в прекрасном настроении. Погода стояла хорошая, разве что немного ветреная. Он упал на берегу океана, на ровном участке между Ла-Бре-ле-Беном и Сен-Дени-л'Олероном. Сильвио исполнился семьдесят один год.

Старость начинаешь чувствовать, когда умирают ровесники.

Пару дней назад я написала Беатрис письмо, в котором рассказала все. Я считала это чем-то вроде долга памяти Сильвио. Ни богатейший фонд Робинсона, ни махинации Амаду Канди, ни забытые шедевры Моне, ни любовницы Морваля не имели к этому делу ни малейшего отношения. Лоренс Серенак с самого начала был прав. Это было убийство на почве страсти. Лишь одно невероятное обстоятельство помешало ему докопаться до истины: ревнивый преступник уничтожил не только предполагаемых любовников своей жены, но и друзей десятилетней девочки, в которую был влюблен с детства. Правда, я до сих пор так и не отнесла это письмо на почту. И, наверное, так и не отнесу.

Потому что сейчас все это уже не имеет никакого значения.

Ладно, хватит прохлаждаться!

Я выбросила письмо доктора Берже в мусорный контейнер, к рекламным проспектам, и подняла глаза к мельничной башне.

Я колебалась.

Ноги болели. Прогулка на Крапивный остров отобрала у меня последние силы. Меня раздирали два противоположных желания — в последний раз пройтись по деревне или вернуться домой. На берегу Эпта я долго размышляла. Теперь, когда все приведено в порядок, что я должна сделать?

Я приняла решение. Мысль о том, чтобы использовать ружье Жака, я отмела сразу, и, думаю, вы понимаете почему. Наглотаться таблеток? Нет уж, увольте. Чтобы медленно агонизировать в вернонской больнице? Как Жак... Только никто не придет и не отключит меня от системы жизнеобеспечения. Пожалуй, самый лучший способ — спокойно дожить этот день, вернуться домой, подняться к себе в спальню на самой верхотуре башни, прибраться, открыть окно и шагнуть вниз.

Поэтому я направилась в сторону деревни. Ничего, еще километр мои бедные ноги как-нибудь выдержат.

— Пошли, Нептун!

Если бы кто-нибудь — турист, случайный прохожий — сейчас

посмотрел на меня, он подумал бы, что я улыбаюсь. И он не так уж сильно ошибся бы. Проведя последние десять дней в обществе Поля и Лоренса, я немного успокоилась. И мой гнев утих.

Я снова шагала по шоссе Руа. Еще немного — и я доберусь до пруда с кувшинками.

После смерти Моне в 1926 году его сад пришел в почти полное запустение. Сын художника Мишель Моне жил в розовом доме до 1931 года, когда женился на манекенщице Габриэль Бонавантюр, от которой у него родилась дочь Анриетта. В 1937 году — мне тогда было десять лет — мы с ребятами пробирались в сад через дыру в заборе. Я писала, мальчишки играли в прятки вокруг пруда. В усадьбе тогда работал всего один садовник, месье Блен, а в доме жила дочь Клода Моне, Бланш. Они нас не гоняли — мы не делали ничего плохого. А уж месье Блен и вовсе ни в чем не мог отказать маленькой Фанетте — девочке с фиалковыми глазами и серебристыми лентами в волосах, тем более что она так замечательно рисовала.

Бланш Моне умерла в 1947 году. Последний оставшийся в живых наследник, Мишель Моне, открывал дом редко, только для знаменитых гостей — руководителей иностранных государств, известных художников и так далее. А еще — для учеников школы в Живерни! Это мне удалось его уговорить. Он тоже не смог отказать маленькой Фанетте, превратившейся в красавицу Стефани. Деревенская учительница прекрасно разбиралась в живописи и упорно пыталась пробудить в детях способности к рисованию. Она с такой страстью и искренностью убеждала их принять участие в конкурсе юных художников, объявленном фондом Робинсона, словно от этого зависела ее собственная жизнь. Раз в год, в мае, когда сад особенно прекрасен, Мишель Моне пускал в него весь мой класс.

Я обернулась и посмотрела на толпу, сгрудившуюся под вьющимися розами; десятки лиц прижимались к окнам, стараясь заглянуть в дом художника. Подумать только, в июне 1963 года мы с Лоренсом были в этом доме одни... В гостиной, на лестнице, в спальне. Это самое сладкое мое воспоминание. Моя первая и единственная попытка бегства.

Три года спустя Мишель Моне погиб в автомобильной аварии в Верноне. В начале февраля 1966 года было оглашено его завещание — и в розовый дом ринулись орды посетителей: жандармов, нотариусов, журналистов, художников. Я вместе с другими жителями Живерни тоже там побывала. В самом доме и в мастерской законники с изумлением обнаружили более ста двадцати полотен, в том числе восемьдесят — кисти

Моне, включая ранее неизвестные «Кувшинки», и сорок — кисти его друзей: Сислея, Мане, Ренуара, Будена... Представляете? Это было настоящее сокровище. Целое состояние, после Клода Моне почти забытое. Да не почти, а просто забытое. Многие из жителей Живерни и до 1966 года знали, сколько стоят шедевры, на протяжении сорока лет хранившиеся в розовом доме. Каждый, кто имел возможность попасть в дом, видел их своими глазами. Разумеется, я тоже видела. После 1966 года на эти картины можно полюбоваться в парижском музее Мармоттан. Это самое большое в мире собрание полотен Клода Моне.

Что касается меня, то я после 1966 года больше никогда не водила детей в сад Моне. Для посещения публики его открыли гораздо позже, только в 1980-м. В сущности, это было правильно. Подобную красоту нельзя скрывать от тех, кто способен ее оценить, а таких людей во всем мире множество.

Наивно думать, что роскошь цветущего сада должна радовать только одну девочку...

Я свернула направо и вышла на Водонапорную улицу.

Дома, в котором прошло мое детство, больше не существовало.

В 1975 году, после смерти моей матери, он окончательно развалился, и его снесли. Земельный участок купили наши соседи, парижане, которые огородили его белой каменной стеной высотой в два метра. Наверное, сейчас на месте моего дома разбита клумба или стоят детские качели, или вырыт бассейн. Честно говоря, я этого не знаю и уже никогда не узнаю. Я не умею заглядывать за двухметровые заборы.

Ну вот я и доплелась до конца Водонапорной улицы. Самое трудное позади. Господи, когда мне было одиннадцать лет, я носилась по этой улице, обгоняя Нептуна. Теперь ему, бедолаге, приходится меня ждать. Я свернула на улицу Клода Моне, как всегда, запруженную туристами. Но сегодня мне даже не хотелось на них ворчать. Живерни переживет меня. Он вечен. Он останется после того, как исчезнут все призраки иных времен — Амаду Канди с его галереей и его темными делишками, Патрисия Морваль и я...

Я продолжала идти вперед. Не удержавшись от соблазна, сделала крюк в двадцать метров и прошла перед школой. Площадь мэрии за все эти годы ничуть не изменилась — все те же белые каменные стены, все те же тенистые липы. Правда, школу в начале восьмидесятых, за три года до того, как я вышла на пенсию, перестроили. Сейчас это отвратительного вида

бело-розовое здание. Цвета зефира. И это в Живерни! Какой позор! Но у меня уже не было сил сражаться против этой пошлятины. Надо сказать, что блочное здание детского сада, который они возвели напротив школы, еще хуже. А, ладно. Меня все это больше не касается. Теперь дети по утрам бегут мимо меня, не обращая никакого внимания на старуху, и мне приходится прикрикивать на Нептуна, чтобы он оставил их в покое. Только какой-нибудь пожилой художник-американец иногда спросит у меня, как пройти в то или иное место...

Я спустилась по улице Бланш-Ошеде-Моне. В моей бывшей служебной квартире над школой теперь антикварный магазин. Моя спальня в мансарде с круглым окном превращена в жалкое подобие музея, осаждаемого горожанами, помешанными на якобы подлинной деревенской старине. И ведь выкладывают денежки как миленькие! Но больше никто не смотрит из круглого окна на полную луну в перигее. Господи, сколько дней, сколько ночей я провела перед этим окном! Кажется, все это было только вчера...

Перед лавкой антиквара стоит группа туристов, переговаривающихся на японском языке. Впрочем, с тем же успехом это может быть корейский или яванский. Я их не отличаю. Я вообще перестала что-либо понимать. Я — динозавр в зоопарке. Медленным шагом я поднималась по улице Клода Моне. Лишь отель «Боди» ничуть не изменился. Поколения владельцев старательно поддерживают фасад, террасу и интерьеры в стиле бель-эпок. Теодор Робинсон может хоть завтра приезжать в Живерни — он сразу узнает свой любимый отель. Время остановилось в нем век назад.

Дом 71 по улице Клода Моне.

Дом Жерома и Патрисии Морваль.

Я быстро прошла мимо. Четыре дня назад я навестила Патрисию Морваль. Мне надо было с ней поговорить. Мы с ней — последние осколки бывшего Живерни. Я никогда особенно не любила Патрисию, и вы теперь знаете почему. Для меня она как была, так и осталась плаксой и ябедой Мэри.

Согласна, звучит нелепо. На ее долю выпало немало страданий. Не меньше, чем на мою. После долгих ухаживаний она уступила настойчивости толстяка Камиля и вышла за него замуж. Но дальше по жестокой логике сообщающихся сосудов начались странности. Чем успешнее толстяк Камиль превращался в Жерома Морваля — блестящего студента медицинского факультета — и чем активнее бегал за юбками, тем сильнее привязывалась к нему Патрисия. Жизнь в доме номер 71 по улице Клода Моне замерла в 1963 году. До того это был самый красивый в

деревне дом. После он начал постепенно разваливаться. Мэрия с нетерпением ждет, когда вдова Морваля отправится на тот свет, чтобы снести эту руину.

Я считала, что должна все рассказать Патрисии. Назвать ей имя человека, убившего ее мужа. Я видела в этом свой долг. Но ябеда Патрисия сумела меня удивить. Я была уверена, что на следующее же утро ко мне на мельницу нагрянет полиция. В 1963 году она без малейших колебаний отправила по почте в Вернонский комиссариат анонимное письмо с фотографиями предполагаемых любовниц Жерома Морваля. В их числе была и моя фотография.

Как ни странно, на сей раз она не сделала ничего подобного. Наверное, со временем люди все-таки меняются. Я узнала, что она почти не выходит из дома. Один из племянников научил ее пользоваться Интернетом. Это ее-то, впервые увидевшую компьютер в семьдесят лет! Но тот факт, что она меня не выдала, вовсе не означает, что я горю желанием в последний раз посидеть с ней за чашкой чаю, обсуждая нашу общую ненависть к чудовищу, поломавшему наши жизни. В последний раз — перед тем как шагнуть из окна в пустоту.

Я ускорила шаг. Ну, пожалуй, ускорила — это слишком громко сказано. Но все же я пошла чуть быстрее. Нептун трусил в тридцати метрах впереди. Улица Клода Моне плавно поднимается в горку, словно устремляется в небо. «Stairway to heaven»,^[13] как пели под гитару два поколения тому назад...

Наконец я добралась до церкви. С высоты пятнадцати метров на меня смотрел гигантский портрет Клода Моне. В церкви Святой Радегунды идет ремонт. На сетке, закрывающей строительные леса, напечатана черно-белая фотография мастера с палитрой в руке. Нет, до кладбища мне не дойти... Хотя там похоронены все, кого я знала в этой жизни. Все, кто сыграл в ней ту или иную роль. Удивительная особенность: почти на каждом похоронах шел дождь. Как будто солнце Живерни отказывалось освещать эту грустную церемонию. Дождь лил в тот день, в 1937 году, когда хоронили моего Поля. Моего Альбера Розальбу. Я была в отчаянии. Дождь лил и в 1963 году, когда хоронили Жерома Морваля. Тогда собралась вся деревня. Приехал епископ из Эврё. Пел хор. Было много журналистов. Даже Лоренс присутствовал на похоронах. Несколько сотен скорбящих! Странные штуки выкидывает судьба. Неделью назад я хоронила Жака в полном одиночестве.

Кладбище населено моими воспоминаниями. Моими дождливыми воспоминаниями.

— Идем, Нептун!

Ну вот, я и вышла на финишную прямую. Спустилась по Десятинной улице, которая выходит на шоссе Руа как раз напротив мельницы. Чтобы перейти на другую сторону, пришлось долго ждать — машины, покидающие Живерни, текли почти непрерывным потоком. Нептун послушно сидел рядом со мной. Наконец одна красная машина с откидывающимся верхом, левым рулем и какими-то очень сложными номерными знаками притормозила, пропуская меня перед собой.

Я поднялась на мост и невольно остановилась над ручьем, в последний раз вглядываясь в черепицу и розовые кирпичи портомойни, выкрашенные зеленой краской металлические опоры моста и окружающие мельничный двор стены, из-за которых виднелись вершина донжона и крона вишневого дерева. Портомойню еще несколько недель назад кто-то разрисовал черно-белыми граффити в виде скалящихся лиц. С тех пор смыть рисунки никто и не подумал. Всем плевать? С другой стороны, где еще неизвестным художникам самовыражаться, как не в Живерни? Вы так не считаете?

Под мостом нешироким светлым потоком струился ручей, равнодушный к суете людишек на своих берегах. Его русло когда-то вручную прорыли монахи; затем вдохновенный художник развернул его в другую сторону, чтобы создать у себя на участке пруд и на протяжении тридцати лет писать плавающие на его поверхности кувшинки; еще позже сюда явился безумец и убил всех мужчин, которые осмелились приблизиться ко мне, — всех, кого я могла бы полюбить.

Но кого все это сегодня интересует? Кому мне жаловаться? Разве существует бюро потерянных жизней?

Я прошла на несколько метров вперед и окинула взглядом луг, скорее всего, в последний раз. На парковке почти не осталось машин.

Ну конечно, нет — луг так и не стал декорацией к супермаркету. Разумеется, нет. Он был и остался пейзажем — живым, меняющимся в зависимости от времени года, часа суток, освещения. Он волнует меня по-прежнему. Неужели для того, чтобы это понять, мне понадобилось прийти сюда в последний раз, точно зная, что жить мне осталось всего ничего? Мне будет его не хватать. Клод Моне, Теодор Робинсон, Джеймс и многие-многие другие выбрали это место неслучайно. Разумеется, неслучайно. И тот факт, что здесь случилось столько памятных для меня событий, не отменяет красоты пейзажа.

Даже напротив.

— Правда, Нептун?

Моя собака замахала хвостом, как будто внимательно слушала мое бормотание. Бредни полоумной старухи. На самом деле пес уже знал, что последует дальше. Привык за столько лет. Он знал, что я редко возвращаюсь во двор мельницы без того, чтобы пройтись по небольшой полянке, расположенной чуть поодаль. Ива, две елки... Сегодня полянку обнесли решеткой, чтобы туристы не шлялись. С дороги она вообще не видна. Я медленно двинулась вперед.

Нептун опять меня опередил. Уселся посреди травы, поджидая, пока я доплетусь, словно сознавал, что значит для меня это место. Я подошла, воткнула палку в мягкую землю и оперлась на нее. Рядом высились пять небольших холмиков, увенчанных небольшими крестами.

Я ничего не забыла. Разве такое можно забыть? Мне было двенадцать лет. Я крепко обнимала Нептуна. Он умер у меня на руках. После смерти Поля прошел год. Мама сказала, что Нептун умер от старости.

«Он не страдал, Стефани. Просто уснул. Он был уже очень старый...»

Я была безутешна. Как мне жить без своей собаки?

«Мы возьмем другую, Стефани... Прямо завтра пойдем и возьмем нового щенка.

— Я не хочу нового! Я хочу того же!

— Хорошо, Стефани. Возьмем того же. Завтра съездим на ферму в Отее. Как... Как ты думаешь его назвать?

— Нептун!»

У меня в жизни было шесть собак. Все — немецкие овчарки. Всех звали Нептунами. Каприз несчастной одинокой девочки, которой хотелось, чтобы ее собака жила вечно. Чтобы хотя бы она не умерла!

Я снова подняла глаза и медленно повела головой справа налево. Под каждым крестом висела небольшая табличка с одним и тем выгравированным именем. Нептун.

Только цифры под именами стояли разные:

1922–1938

1938–1955

1955–1963

1963–1980

1980–1999.

Нептун поднялся и принялся тереться о мои ноги. Как будто понял, что впервые за столько лет мы меняемся ролями. Я ухожу, он остается. Нептуна возьмут на ферму в Отее. Ее владельцы на протяжении поколений разводят немецких овчарок. По-моему, мать Нептуна еще жива... Ему там будет

хорошо. Я напишу письмо с подробными инструкциями. Укажу, чем его кормить. Подчеркну, чтобы ему позволяли играть с детьми. И попрошу, чтобы, когда придет время, его похоронили здесь, на этой полянке.

Я погладила собаку. Никогда еще он не прижимался ко мне с такой нежностью. У меня на глаза навернулись слезы. Ладно, надо торопиться. Если потянуть еще, мне не хватит смелости.

Палку я так и оставила воткнутой в землю возле пяти могильных холмиков. Она мне больше не понадобится. Добрела до двора. Нептун не отставал от меня ни на шаг. Знаменитое звериное чутье! В обычный день Нептун пошел бы и улегся под вишневым деревом. Но только не сегодня. Он шел за мной как приклеенный. Я даже испугалась, что он нечаянно толкнет меня и я упаду. Зря я палку не взяла...

— Спокойно, Нептун, спокойно...

Нептун прошел чуть вперед. В ветвях вишневого дерева давным-давно нет серебристых лент. Птицы лакомятся ягодами в свое удовольствие... Я стояла и долго гладила Нептуна по голове. Потом подняла глаза к башне мельницы «Шеневьер».

Жак купил мельницу в 1971 году. Он сдержал свое слово. Тогда я ему верила. Господи, я ведь ему верила! Он купил для меня дом моей мечты, эту двурогую мельницу, о которой я грезила с одиннадцати лет. После того как в наши края хлынули парижане, его агентство недвижимости наконец-то начало приносить доход. Он выжидал удобного момента — и дождался. Мельница много лет стояла заброшенной, но потом владельцы все-таки решили ее продать. Жак первым сделал им предложение. Впоследствии он все тут отремонтировал. Колесо, колодец, башню...

Он думал, что это сделает меня счастливой. Глупец. Как если бы надсмотрщик вздумал расписать стены тюрьмы. Мельница «Шеневьер» потеряла для меня всякое очарование. Меня завораживало заброшенное строение, которое вся округа звала «ведьминой мельницей». Теперь оно заблестело чисто отмытым камнем и лакированным деревом. Деревья подстригли, на балконах высадили цветы. Очистили двор. Смазали ворота. Поставили забор...

Жак действовал с маниакальным упорством. Да он и был маньяк.

Но мне это и в голову не приходило!

Я категорически запретила ему рубить вишневое дерево. Он не посмел ослушаться. Он уступал всем моим капризам. Да-да, я в это верила!

Потом задули новые ветры, и дела в агентстве пошли из рук вон плохо. Выяснилось, что Жак не в состоянии выплачивать кредит за мельницу.

Вначале мы сдали часть ее помещений в аренду, а потом продали всю мельницу молодой супружеской чете из города. Себе оставили только башню. За последние несколько лет новые владельцы превратили мельницу в деревенскую гостиницу. Судя по всему, она приносит им неплохой доход. Подозреваю, они ждут не дождутся, когда я наконец помру, чтобы оборудовать еще пару-тройку дополнительных номеров. Во дворе теперь стоят качели, огромный гриль и расставлена дачная мебель под зонтиками. Я слышала, они собираются устроить в поле за мельницей нечто вроде небольшого зоопарка и уже начали сооружать загоны для лам, кенгуру и страусов... Или для эму? Не помню точно...

Вы только представьте себе!

Экзотические животные в Живерни! На радость детишкам. И каждый, кто едет по шоссе Руа со стороны Вернона, будет на них наткаться.

Ведьмину мельницу не объедешь.

Правда, никакой мельницы больше нет. Осталась только ведьма.

Эта ведьма — я.

Но ничего, не волнуйтесь, я здесь надолго не задержусь. Сегодня полнолуние, и ведьма воспользуется им, чтобы исчезнуть. Рано утром ее разбитое тело найдут под вишневым деревом. Тот, кто обнаружит ее первым, поднимет глаза к небесам и наверняка подумает, что она свалилась со своей метлы. Ничего удивительного. Это была очень старая ведьма.

Я в последний раз сжала в ладони шерсть Нептуна, шагнула в дверь, ведущую к башне, и быстро закрыла ее за собой. Потом начала быстро подниматься по ступенькам. Быстро, чтобы не слышать, как он воет.

ДЕНЬ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ

26 мая 2010 года

(Мельница «Шеневьер»)

СЕРЕБРИСТЫЕ ЛЕНТЫ

84

Я распахнула окно. Времени было чуть за полночь. Мне казалось, что в темноте прыгать будет легче. Я тщательно, с маниакальной аккуратностью, прибралась в комнате. Как будто с течением лет заразилась от Жака его навязчивыми идеями. Положила на стол письмо с просьбой позаботиться о Нептуне. Хотела снять со стены свои «Черные кувшинки», но не хватило духу.

Я не строила себе никаких иллюзий. Сразу после моей смерти сюда, как стервятники, слетятся из долины Эра торговцы подержанными вещами и растащат мебель, посуду, безделушки. Возможно, кое-что появится потом на полках антикварной лавки на улице Бланш-Ошеде-Моне, в моей бывшей служебной квартире над школой... Но вряд ли кто-то из них заинтересуется моими «Черными кувшинками» — ну, висит на стене какая-то грязная мазня, и пусть себе висит. И никто не догадается, что под слоем черной краски скрывается совсем другая, наполненная ярким светом жизнь!

И картина отправится на помойку.

А старуха, слишком неосторожно высунувшаяся из окна, — в яму в земле, поближе к своему славному муженьку.

Старуха была злющая... Ни с кем не разговаривала, никогда не улыбалась, а если с ней здоровались, отвечала сквозь зубы. И никому даже в голову не придет, что под морщинистой кожей таилась девочка, наделенная, как говорили, большим талантом. Может быть, даже гением...

Никто никогда этого не узнает.

И Фанетта, и Стефани давно умерли. Их убил слишком заботливый ангел-хранитель.

Я смотрела в окно на мельничный двор. Посыпанные гравием

дорожки серовато поблескивали в свете галогеновой лампы, повешенной над входом. Страха я не испытывала. Разве что сожаление. Маленькая Фанетта так любила жизнь.

Не думаю, что она заслужила такую злую смерть.

85

Почти под самым моим окном остановился «Пикассо-Ситроен». Такси. Я к ним привыкла. Вечером у гостиницы часто тормозят такси, привозят туристов, которые приезжают на вокзал Вернона последним парижским поездом. Багажник у них всегда битком набит чемоданами.

Разумеется, к машине подбежал Нептун — как же без него! Обычно из задней дверцы такси высыпают детишки, и Нептун их радостно встречает. Тоже привык.

Но на сей раз ему не повезло. Детей в такси не оказалось.

Только один пожилой мужчина. Даже старик.

И без чемодана...

Странно.

Перед стариком остановился Нептун. Тот наклонился и принялся ласково гладить моего пса, словно встретил старого друга.

Господи!

Не может быть!

Все завертелось у меня перед глазами. Сердце запрыгало в груди.

Этого не может быть!

Я наклонилась ниже. Но не для того, чтобы выпасть из окна. Ну уж нет! Меня окатило теплой волной. Мгновенно вспомнилось, как я стояла у окна в другом доме — в розовом доме Моне... Это было в другой жизни. Рядом со мной стоял невероятно привлекательный мужчина. Я говорила ему странные слова. Раньше я даже не догадывалась, что способна их произнести.

Они звучали, как стихи Арагона. Я запомнила их наизусть.

«Я с первого взгляда влюбилась в ваш „Тайгер-триумф“!»!

Потом я засмеялась и добавила:

«И в то, как вы гладите Нептуна».

Я еще ниже высунулась из окна. Прислушалась к его голосу. Он почти не изменился, хотя прошло без малого пятьдесят лет.

— Нептун! Старина, как же я рад тебя видеть! Как я рад, что ты жив-здоров!

Я вернулась в комнату и прислонилась к стене. Сердце колотилось, как ненормальное. Я пыталась успокоиться. Пыталась рассуждать трезво.

Прощай навсегда.

Больше я никогда не видела Лоренса Серенака. Инспектор Лоренс Серенак оказался не просто хорошим, а выдающимся сыщиком. В конце 1963 года, через несколько месяцев после завершения дела Морваля, я узнала от Сильвио Бенавидиша, что Лоренс попросил перевода в Квебек. Как будто спешил удрать на другой край земли. Я тогда решила, что он бежит от меня. На самом деле он бежал от смертоносного безумия Жака. Именно в Канаде к нему приклеилось прозвище, образованное от его имени — Лорантен. В Квебеке, в долине реки Святого Лаврентия, все, от Монреаля до Оттавы, стали величать его Лорантенем. Ничего удивительного — канадским коллегам показалось естественным переделать окситанское имя «Лоренс» в чисто квебекское «Лорантен». Из газет я узнала, что в 1985 году, после громкого ограбления музея Мармоттан, из которого были украдены шедевры Клода Моне, Лоренс вернулся в Вернон и снова возглавил полицейский комиссариат города. В тех же газетах напечатали его фотографию. Разумеется, я сразу его узнала. Несмотря на то, что Лоренс Серенак превратился в комиссара Лорантена. Амаду Канди даже рассказал мне, что за время двадцатилетнего отсутствия Серенака никто не посмел снять со стен в его кабинете висевшие там репродукции картин: «Арлекина» Сезанна и «Рыжеволосую женщину» Тулуз-Лотрека...

Я дрожала как лист на ветру. И не смела приблизиться к окну.

Зачем Лоренс сюда приехал?

Все это не имеет никакого смысла...

Стоп. Надо навести порядок в мыслях. Я металась по своей комнате.

Что здесь делает Лоренс?

Ясно, что он тут неслучайно. Я бросилась к зеркалу — ноги сами поднесли меня к нему.

Внизу раздался стук в дверь.

Меня охватила паника. Как девчонку-подростка, которую влюбленный в нее парень застал выходящей из душа. Господи, до чего же я сейчас должна быть смешна! В голове мелькнула краткая мысль о Патрисии Морваль. Ябеда Мэри, вдова Жерома Морваля... Она рыдала у меня в объятиях какую-нибудь неделю назад... Жизнь меняет людей. И иногда —

к лучшему. Неужели это Мэри позвонила Лоренсу? Навела его на след? Подсказала, где искать правду, ужасную правду? Как же мне во всем этом разобраться? Времени совсем нет...

Стук внизу повторился.

Господи боже мой...

Из зеркала на меня смотрело холодное морщинистое лицо. Волосы покрывала черная косынка, которую я уже давно не снимаю. Мегера. Злая ведьма.

Я не могу, не могу, не могу ему открыть.

Дверь, ведущая в башню, открылась. Я услышала ее скрип. Правильно, я ведь ее не заперла. Не хотела осложнять жизнь тем, кто придет забирать мое тело...

Вот идиотка!

С лестницы донесся голос:

— Нептун, дружище, мне кажется, тебе лучше остаться внизу. Не уверен, что тебе разрешают подниматься наверх.

Господи! Господи!

Я сорвала с головы черную косынку. Волосы каскадом упали на плечи. Я двигалась быстро-быстро. На сей раз я приказывала своим ногам, и они слушались меня как миленькие! Попробовали бы взбрыкнуть!

Я выдвинула второй ящик буфета и принялась рыться в куче старых пуговиц, катушек ниток, наперстков и игольниц. Уколола палец, но даже не заметила этого.

Я знаю, они должны быть здесь!

Трясущимися пальцами я схватила две серебристые ленты. В голове одна за другой стремительно проносились картины. Вот Поль сидит во дворе мельницы на вишневом дереве, вот он отцепляет серебристые ленты и преподносит их мне, своей принцессе. Я в первый раз целую его и даю клятву, что буду носить эти ленты всю свою жизнь. Вот много лет спустя Лоренс гладит мои волосы, в которые вплетены те же ленты.

Господи, я должна собраться с мыслями.

Я снова подбежала к зеркалу. Честное слово, я к нему подбежала, я вас не обманываю. Дрожа и торопясь, я собрала волосы в пучок и повязала поверх него ленты.

И засмеялась нервным смехом.

Прическа, достойная принцессы, как говорил когда-то Поль. Прическа,

достойная принцессы... Я точно сошла с ума.

Шаги приближались.

Раздался стук в дверь. На сей раз — в дверь моей комнаты.

Слишком рано! Я даже не повернулась к двери. Рано, я еще не готова!

Стук повторился. Мягкий, но настойчивый.

— Стефани?

Я узнала голос Лоренса. Он остался почти тем же. Может, стал чуть более строгим, чем я помнила. Вчера он говорил, что хочет меня увезти. Господи, да я вся дрожу. Неужели это возможно? Неужели это еще возможно?

Я приблизила лицо к зеркалу в облупленной позолоченной раме.

Не разучилась ли я улыбаться? Я ведь так давно не улыбалась...

Я попробовала.

Уставилась в зеркало.

Старуха куда-то исчезла.

Из зеркала мне счастливо улыбалась Фанетта.

На меня смотрели фиалковые глаза Стефани.

Живые. Совершенно живые глаза.

notes

Примечания

1

Французская анисовая настойка.

2

Белое вино, которое производят в одноименном регионе Франции.

3

Международный конкурс юных художников (*англ.*).

«Элегантность ёжика» — роман М. Барбери, повествующий о пожилой консьержке, скрывающей свою начитанность и любовь к искусству.

Зд.: Сделано в Живерни. Близ Живерни. Нормандия (*англ.*).

«Друзья доинтернетной эры» (фр.).

Жди и смотри (*англ.*).

Персонаж мультфильмов и комиксов, антропоморфный пес с унылым лицом (англ. Dooory — унылый). Впервые появился в мультфильме 1943 г. «Друпи-сыщик».

Кувшинка (англ.).

10

Мэри в кувшинках (*англ.*).

Город на побережье Ла-Манша, где К. Моне написал множество морских пейзажей. В романе М. Леблана «Полая игла» вор Арсен Люпен пытается скрыть от сыщика, идущего по его следу, тайну королевских сокровищ, спрятанных в скале Игла в Этрета.

Pater noster (*лат.*) — Отче наш.

«Лестница в небо» (*англ.*) — песня британской рок-группы Led Zeppelin.